

Александр Малиновский

**САГА
О ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯХ**

**Самара
2017**

*С благодарностью
Жамиле Кульчуновой, Эмису Булатову.
Всем, кто помогал мне собирать материал
для этой книги.*
Автор

Малиновский А.С.

Сага о первооткрывателях: Документально-художественный роман. — Самара: Русское эхо, 2017. — 432 с.

ISBN 978-5-9908540-1-7

Эта книга известного российского писателя Александра Малиновского посвящена освоению Северо-Востока России.

Используя официальные документы, научные статьи, воспоминания, дневниковые записи участников экспедиций, автор создаёт широкую панораму освоения далёкого золотоносного края.

Читатель становится свидетелем непридуманных, полных драматизма событий в судьбах первооткрывателей месторождений Алдана, Колымы, Индигирки, Чукотки.

Задавшись целью осветить судьбу одного из первооткрывателей тех лет, Валентина Александровича Цареградского, автор знакомит читателя и со многими другими первопроходцами.

Среди них представители научной школы Всесоюзного геологического института (ВСЕГЕИ), крупные отечественные учёные: член-корр. АН СССР Ю.А. Билибин, академик С.С. Смирнов, профессор А.К. Болдырев...

Мы узнаём о малоизвестных геологах, старателях, проводниках. Об их самоотверженном труде, о более молодом поколении Цареградских.

Автор рассказывает о первооткрывателях «чёрного золота», об освоении нефтяных месторождений Поволжья и Западной Сибири.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9908540-1-7

© Малиновский А.С., 2017.

© Русское эхо, 2017.

Книга открытий

Удивительный человек — Александр Станиславович Малиновский. Казалось бы, столько уже всего пройдено и пережито, столько открытий, столько достижений... Ну, посмотрите: он прошёл путь от рядового рабочего до генерального директора и руководил несколькими крупными нефтехимическими предприятиями почти четверть века, он заслуженный изобретатель России, академик Российской инженерной академии, он член Союза писателей России, издавший более двадцати книг (причём весьма разноплановых), отмеченных несколькими всероссийскими литературными премиями, он профессор университета, проплывший на резиновой одноместной безмоторной лодке от истоков реки Самарки до её устья, он всю жизнь открывает миру своего земляка иконописца Григория Журавлёва, родившегося без рук и ног и писавшего иконы, зажав кисть зубами, он... Слово «открывает», наверное, определяющее в Малиновском. Он действительно всю жизнь делает открытия и тут же стремится поделиться ими. Будь то открытия научные и производственные, будь — литературные или открытия в судьбах людей. И, наверное, книгу о первооткрывателях должен был написать именно он, потому что Малиновский и его герои близки по духу. И богатейший материал мог бы ещё долго томиться, разбросанный по всей стране — от Самары до Ленинграда, от Москвы до Чукотки, — если бы одна из крупниц не заблестела для Малиновского, как первая золотая крупница для золотоискателя. А дальше, как тот золотоискатель, который с терпением и тщанием промывает золотоносные воды, так и писатель начал собирать

материал. А затем отлил его в этот объединивший в себе события, людские характеры и судьбы золотой слиток, который вы сейчас держите в руках.

В чём главный дар первооткрывателя? Конечно, это и целеустремлённость, и сила воли, которая помогает преодолевать трудности, и богатые и весьма разносторонние знания, придающие уверенность — и всё же я выделил бы другое — умение удивляться миру. Причём не просто удивляться: вот, мол, какая странная штука попалась, а с восторгом восклицать: как прекрасен наш мир! И как он необъятен, и потому можно бесконечно — всю жизнь — открывать в нём новое, и радоваться его чудесной устроенности и красоте. И когда это есть в тебе, то так всю жизнь и идёшь — от открытия к открытию.

Александр Малиновский в своей книге показывает нам именно таких людей. Невольно задумываешься: что же это за время такое было, которое на рубеже XIX и XX веков породило столько людей, почувствовавших в себе этот первооткрывательский дар, безоглядно поверивших в него и служивших преданно и с поражающей уверенностью в свою правоту?

Это действительно эпоха. Александр Малиновский рассказывает нам, наверное, о самой малоизвестной части её. Мы много знаем о революционерах того времени, о военачальниках, о писателях, но почти ничего — об учёных. Тем более о тех, которые были глубокими теоретиками и целеустремлёнными практиками.

Эти люди ехали из Ленинграда через всю страну на малоизвестную Колыму (даже карт точных не было!) искать для страны столь необходимое золото. Они прокладывали первые тропки, по которым потом пройдут дороги, они основывали палаточные стоянки, на месте которых потом вырастут города. И можно было написать, наверное, не один приключенческий роман в духе, скажем, Фенимора Купера, но у Александра Малиновского свой метод: он точен в изложении фактов и биографий, удерживая себя от всевозможных фантастических измышлений. А ведь, наверное, мог бы... Но вот эта приверженность документализму оплачивает

ся тем, что вдруг всё складывается в захватывающее повествование. Сами судьбы героев — их нельзя, невозможно приукрасить или что-нибудь присочинить! Они сами по себе романичны и самодостаточны!

Той золотинкой, которая поманила за собой и помогла открыть целый пласт богатой на события и открытия эпохи, стала судьба замечательного учёного и человека — Валентина Александровича Цареградского. Именно он является той путеводной нитью, следуя за которой, мы вместе с жизнью В.А. Цареградского знакомимся с другими замечательными людьми того времени, переносимся из заволжского, патриархального села начала прошлого века Никольское-на-Черемшане в Петербург, оказываемся в Москве, затем исследуем необъятные просторы Колымы, возвращаемся в Куйбышев... И это отнюдь не значит, что круг замкнулся: столько ещё неисследованного! Чукотка, Якутия, Западная Сибирь — всё это оказывается в сфере нашего внимания. Какие пространства! А какие люди! Поражает их разносторонность и едва ли не всеохватность. Это были не просто учёные в узком «лабораторном» понимании этого слова. Они сочиняли стихи, пели, прекрасно рисовали, любили охоту, умели сплавать на плотках по бурным рекам, выживать в тундре... всего и не перечислишь. И при этом это простые в общении люди, но с поразительными для нынешнего времени чувствами чести и служения Отечеству.

Меня многое удивило в книге и заставило посмотреть на многие вещи более пристально. Пусть каждый читатель делает свои открытия (а их можно ожидать немало), но одним моментом всё-таки поделюсь. Действие книги, так сказать, её родословная уходит в начало XIX века, а заканчивается уже ближе к концу века XX. То есть охватывается не один и даже не два периода жизни нашей страны — и всё это представляется без каких-либо разрывов, как одно огромное полотно. Но сейчас речь не об этом. Основные события развёртываются в первой трети прошлого века. Так вот, прочитав книгу, я вдруг поймал себя на мысли: а где же революции, гражданские потрясения, ГУЛАГ, в конце концов, про который каждый, кто пишет про то время, считает

нынче своим долгом обязательно помянуть? Нет, конечно, всё это присутствует, но каким-то едва заметным фоном. Главным оставалось дело, к которому они призваны и которому служили беззаветно. Мир оставался для них важен постольку, поскольку надо же было выбивать деньги на экспедиции, где-то доставать оленей, надо было как-то налаживать систему работы. Дело — вот что было для них главным. И если ты его делал так же самозабвенно и не думал о каких-то личных выгодах и привилегиях, то ты принимался в дружную семью первооткрывателей и уже оставался в ней навсегда.

Но это слишком просто: вот выбрал путь и дерзай, следуй, преодолевай, служи... И хорошо, что в книге Александра Малиновского Дело поставлено во главу угла, но какая же трагедия, когда человека лишают возможности его делать. Вот ты идёшь по тернистому, трудному пути и знаешь, куда идти, и понимаешь, как будет сложно, но готов терпеть и преодолевать — и вдруг тебе говорят: стоп. Как пережить это? Как вообще можно пережить, когда тебя, живого, лишают смысла жизни? Такую трагедию пережил близкий друг и соратник В.А. Цареградского Юрий Билибин, который по большому счёту и «вычислил на кончике пера» «золотую пряжку», и организовал Первую Колымскую экспедицию, сам проложил первые пути к золотоносным жилам. Юрий Билибин тоже тесно связан с нашим краем, он учился в Самарском реальном училище. Вернувшийся из очередной экспедиции в Магадан, он будет отстранён от дел, и ему предстоит возвращаться на Большую землю. Человеку, запустившему огромный маховик государственного освоения Колымы, только что вернувшемуся из тайги, негде было ночевать... Что пережил Юрий Билибин, добираясь через всю страну на поезде в Ленинград?..

Он остался жив и стал известен фундаментальными научными работами, без знания которых до сего времени не обходятся геологи. А другие судьбы... Дмитрий Вознесенский, ближайший друг Валентина Цареградского и Юрия Билибина, писал: «Пока я буду нужен Колыме, я её не покину. Я люблю её за то, что ей отданы лучшие годы моей жизни,

за то, что она является редкой жемчужиной в сокровищнице Советского Союза». Его наградят орденом Трудового Красного Знамени, а вскоре арестуют. Шёл 1937 год... «Лес рубят – щепки летят»? Да какие же это «щепки»?! Это золотой фонд страны! Наш земляк Александр Серебровский... Человек, стоявший у истоков нефтяной и газовой промышленности страны, будет расстрелян...

...И всё же дело освоения далёкого и во многом неизведанного края продолжалось. Читатели книги познакомятся с такими удивительными людьми, как братья Бертины, Раковский, простые рабочие (например, чего стоит один Степан Степанович Дураков, который умел делать, кажется, всё, — вот он обычный русский крестьянин, оказавшийся волею судьбы на краю света).

Не только золотом оказалась богата Сибирь и Дальний Восток. Позже начнутся поиски олова. Владимиром Серпуховым будут открыты так называемые «точки», которые назовут его именем, и впоследствии здесь обнаружат богатейшие запасы олова.

А чего стоят открытия в Поволжье и Западной Сибири крупнейших запасов нефти и газа, их освоение! Здесь засияют имена И. Губкина, В. Муравленко, В. Васильева, В. Савченко и многих других...

...Страницы героической жизни нашего Отечества уже в военное и послевоенное время, достижения и утраты в жизни геологов и нефтеразведчиков тех лет заслуживают такого же пристального документально-художественного исследования. И можно надеяться, что именно об этом будет следующая книга столь самобытного автора.

Александр Громов,
секретарь Правления Союза писателей России

Глава 1

**ИСТОКИ,
ИЛИ
ВОЛЖСКАЯ
АТЛАНТИДА**

У истоков

Впервые я услышал о геологе-исследователе Северо-Востока России Валентине Александровиче Цареградском от жительницы Самары Жамили Кульчуновой. Она только что вернулась из Якутии, куда была приглашена на юбилей посёлка Усть-Нера.

Основателю посёлка исполнилось 110 лет, посёлку — семьдесят пять. 6 августа 1937 года В.А. Цареградский во главе группы геологов высадился в самом холодном месте на земле, Оймяконе, у берегов Неры и Индигирки.

Этот день высадки и стал датой основания посёлка Усть-Нера, который своим рождением обязан разведке и добыче золота.

А до этого, начиная с 1928 года, были экспедиции на Колыму.

— А вы знаете, что геолог Цареградский родился и жил в селе Никольское? — спросила меня Жамиля в нашем разговоре.

— На «тихой родине» поэта Николая Рубцова, на Вологодчине? — откликнулся я.

— Нет. У нас в Поволжье. В селе Никольское-на-Черемшане Ставропольского уезда.

Так я в один день впервые услышал и о В.А. Цареградском, и о селе Никольское-на-Черемшане Самарской губернии, ныне Ульяновской области.

— У нас в Ставрополе, теперь Тольятти, он учился в реальном училище, затем в — Самарском университете на физико-математическом факультете. И об этом практически никто не знает, — говорила Жамиля.

Мне захотелось знать о В.А. Цареградском. И как можно больше.

...Оказывается, что Жамиля уже энергично приступила к собиранию сведений о жизни нашего знаменитого земляка.

Вскоре с её помощью я составил для себя краткую справку.

В.А. Цареградский (24 июля 1902 — 5 августа 1990) — геолог, учёный, Герой Социалистического Труда (1944), генерал-майор инженерно-технической службы, лауреат Сталинской премии первой степени (1946), кавалер двух орденов Ленина (1941, 1944), двух орденов Трудового Красного Знамени (1935, 1943), орденов Красной Звезды (1945), «Знак Почёта» (1939), Почётный гражданин города Магадана (1969), Почётный разведчик недр (1987), награждён многими медалями.

Его именем названы улицы в городах и посёлках Якутии, Магаданской области, ледник в бассейне реки Буордах в горной системе Черского в Момском районе Якутии, один из видов моллюсков в юре Северо-Востока страны.

Интенсивное освоение Северо-Восточных окраин нашей страны началось с экспедиций Геолкома ВСНХ, участником и руководителем которых был В.А. Цареградский. Тогда была сформирована большая разветвлённая служба для исследований в бассейнах рек Яны, Колымы, Индигирки, Лены, на территории Чукотки. Совместно с академиком Смирновым им написан научный труд «Северо-Восток Азии, его металлогения и оловоносность». Ему принадлежат научные работы по геологии, палеонтологии, влиянии космоса на геологию Земли.

...И всё это малоизвестно теперь. В Самаре тем более.

Конечно, отчасти это объясняется тем, что вся активная трудовая и научная часть жизни В.А. Цареградского проходила за пределами Самарского края. Но всё же... Корни его родословной в нашем крае. Родился он на Волге!

...Жамиля Джумабаевна активно предпринимала попытки привлечь как можно больше внимания к изучению бесценного наследия учёного.

В её планах — организация в Самаре Русского культурного образовательного фонда имени Валентина Александровича Цареградского, создание музея семьи Цареградских.

Цель Фонда: сохранение и передача опыта прошлых поколений, стимулирование интереса молодёжи к промышленному и научному возрождению России.

...Стоит только вдуматься: совсем небольшая группа геологов, заряженных мечтой молодых людей, открыла для нас богатейшие ресурсы территории к востоку от реки Лены.

Огромные пространства земли Северо-Восточной Азии обнаружили в своё время сибирские землепроходцы XVII века.

А потом были исследованы в этом крае не только горы, реки и моря, но и обнаружены огромные запасы руд и металлов. Всё это перед началом Великой Отечественной войны...

Прозабавшие когда-то земли, на которых вполне бы могли уместиться все государства Западной Европы, претерпели значительные преобразования. И у истоков этих свершений стояли несколько энтузиастов.

Первая Колымская экспедиция 1928-1929 годов, следующие три, с которыми связаны имена Юрия Александровича Билибина, Валентина Александровича Цареградского, Сергея Дмитриевича Раковского, Эрнеста Петровича Бертина, Дмитрия Николаевича Казанли и др., совершили небывалое.

Время освоения Колымского края явило после немало имён истинных первопроходцев, сделавших свои открытия и находки. Слава им!

Но участники Первой Колымской экспедиции под руководством Юрия Александровича Билибина, Второй, Третьей, Четвёртой, возглавляемые В.А. Цареградским, — были первыми! Первыми профессиональными геологами, включившимися в поиск золота.

О вкладе В.А. Цареградского в отечественную и мировую науку, в изучение и освоение Северо-Востока страны и Западной Якутии, в открытие нового направления в геологии в 1930-1950 годах известно по работам, написанным в разные годы. Теперь открываются неизвестные страницы его жизни, связанные с Самарским краем, убирается завеса тайны с засекреченных ранее архивных документов.

Имя В.А. Цареградского приобретает особое значение в связи с новым крупномасштабным научным исследованием и промышленным освоением территорий Якутии, Чукотки, Магадана, Камчатки научным сообществом России, проводимыми Российской Академией Наук, Правительствами России и Якутии.

Мы заразились своими поисками.

Хотелось знать: как всё начиналось?! Каким был В. Цареградский в жизни? Какими были окружавшие его люди — наши земляки? В 2018 году исполняется 90 лет начала системных поисков и разработки месторождений на Колыме. Самим участникам было бы теперь более ста. Нет уже очевидцев тех событий. Не с кем поговорить как с участником великих, теперь это особенно очевидно, дел...

Неужто абсолютно прав наш национальный гений поэт Державин, родившийся в Казани, проведший свои детские годы в основном в принадлежавшем его родителям селе Богородское Борского района Самарской области? Истоки его рода и многие годы жизни тоже связаны с нашим Заволжьем.

*Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.*

Уж больно безжалостно и жестоко сказал классик за два дня до своей смерти. Сколько знаю это стихотворение, столько и живёт во мне сопротивление против забвения дел человеческих. Неужто беспмятство так неотвратимо?.. Память! Она передаётся из поколения в поколение. И это живуче в народе. Потому и существуют легенды, сказания, воспоминания, что есть неистребимое желание знать и помнить! А то, что помнится, — не умирает... Захотелось как можно больше знать о наших земляках.

Моё путешествие

Наступил день, когда я удивился: было уже со мной нечто подобное! Было! Правда по несколько другому поводу... Лет десять назад мне, преподавателю кафедры «Общей химической технологии и экологии», предложили читать курс лекций по экологии. Разговор об экологии как науке особый. Экологией сейчас,

чаще всего походя, занимается кто угодно. Многое «замылилось», ко многому в обширной говорильне мы уже привыкли.

Мне, проработавшему около сорока лет на предприятиях нефтехимии, совершенно очевидно, что без экологизации мышления, экологизации технологических процессов, всего нашего образа жизни мы все скопом упрёмся в тупик.

Экология — мировоззренческая наука, объединять она должна и сознание, и опыт, и знание, всю нашу деятельность! Она из тех наук, которые могут сделать многое... Спасти мир!

...Тогда, в первый год чтения мной лекций по разделу «Гидросфера», зашёл разговор о наших малых реках, в том числе и о реке Самаре. И я был поражен: мои слушатели — студенты мало что знали о реке. Жители города, название которому подарила эта река, не знали, где она берёт начало, какой длины. Какая она не в устье, при впадении её около города в Волгу, а там — в оренбургских степях? Чем река пригодилась горожанам? Не знали — и всё тут!

Несколько раз в день произносящие слово «Самара» не знают, что оно значит. Я занудливо продолжал спрашивать знакомых, домашних, коллег по работе. Познания обнаруживались более чем скудные. А сам-то я? Много ли знал я, выросший на берегу Самарки? Я рыбачил на Самарке, часто ночевал с ватагой сверстников на её берегах... Всё свободное время мы проводили на реке. Помню, как мой дед — конюх, рыбак и охотник подошёл ко мне, я тогда учился в классе пятом, и своими шершавыми пальцами, улыбаясь, потрогал меня за ухом.

— Что, деда? — спросил я.

— Да, вот боюсь, не выросли бы у тебя жабры. Три дня подряд с ночёвкой пропадал на реке, смотри...

Вспомнил эти мои золотые деньки, из детства, и... стыдно стало за своё незнание, за забывчивость... Собирался ведь несколько раз добраться до истоков реки. Да вот всё дела и дела... Будто стараясь загладить свою вину, я уговорил четырёх своих приятелей. И мы, арендовав старенький автобус, погрузили своё снаряжение и отправились в путь.

Целью нашей было: добраться до истока реки, отпустить автобус и на одноместных резиновых лодках по Самаре, проплыв её всю, добраться до устья. До Волги!

...Мы прошли от истока реки под Оренбургом до города Самары около 600 километров за 23 дня. И не пожалели! Это были лучшие дни и ночи в моей жизни. Я плыл по течению реки. И против... против своего возраста... в детство! Оно у меня было крепко связано с этой рекой. Таков был уклад жизни нашей. Природа являлась тогда существенной частью нашего сельского быта, если не главной... Мы открыли в своём путешествии для себя родник — исток Самары под селом Кариновка, близ Большого сырта, видели белых цапель, перетерпели шторм на Сорочинском водохранилище, обнимали вчетвером и не смогли обнять в реликтовом Бузулукском бору 300-350-летние сосны... Они, эти сосны, видели А.С. Пушкина, который проезжал здесь в 1833 году, направляясь в Оренбург. Результатом этой его поездки стали «Капитанская дочка» и «История бунта Пугачёва». Наша вылазка к тихому истоку реки превратилась в путешествие в наше давнее прошлое, историю России. В крае когда-то бушевало восстание Пугачёва, родители Карамзина и Державина служили под Оренбургом. Их имения были под Бузулуком. Державин, Суворов, Пугачёв — эти имена, как оказалось, связаны одной цепочкой событий в нашем Заволжье.

В составе царской свиты был у нас Жуковский. Жил в Оренбургском крае С.Т. Аксаков. На реке Тананык (приток Боровки) жил Л.Н. Толстой. В Оренбурге служил чиновником по особым поручениям у военного губернатора генерал-лейтенанта В.А. Перовского известный тогда уже Владимир Даль. Дед В.М. Шукшина по матери Сергей Фёдорович Попов — мордвин, приехал в село Сростки Алтайского края (где потом родился В.М. Шукшин) из села Толкаевка Оренбургской области.

Во время сплава по Самаре я вёл дневник. Он пригодился мне на занятиях со студентами. Эта поездка дала мне многое. Я был переполнен впечатлениями.

И теперь подумалось: «А что, если, оттолкнувшись от малого родничка — села Никольское-на-Черемшане, где родился В.А. Цареградский, пуститься в плавание? И проследить, насколько получится, его жизнь в общей цепочке событий разных лет! Во взаимосвязи с судьбами людей, близких его среде и занятию! Будет о чём рассказать студентам, составив что-то похожее на «Записки преподавателя».

И я решил отправиться в это своё плавание, ещё отчётливо не понимая, что из этого получится...

...Пришлось немало читать, активно общаться... И сколько было с первых же дней у меня открытий! И больших, и малых...

Начав записывать по ходу своего путешествия, обнаружил, что мои записки напоминают некий расширенный суховатый реферат. И смирился с этим. Пусть торжествует сама действительность...

Ведь сказано давно ещё, что реальные события куда значительнее и величественнее, чем услужливое воображение потомков.

Люди пытливого ума

Издавна в российской геологии видное место занимали первопроходцы — «рудознатцы» недр, которые на свой страх и риск вели поиски, разведку новых месторождений полезных ископаемых.

Ещё царь Пётр I обратил внимание на значение труда «рудознатцев» для государства. В своём Указе от 24 августа 1700 года он утвердил «Приказ рудокопных дел». По нему надлежало вести изыскания, готовить специалистов горного дела.

Много позже, уже при Советской власти, определили, что в геологии: «Первооткрывателем является физическое лицо или юридическое лицо, или группа лиц, личным участием обнаружившие промышленное месторождение полезных ископаемых».

Потом это определение будет уточняться, дополняться, но основная суть его остаётся неизменной.

Так в геологии. Но жизнь Цареградского, Билибина и многих их современников не ограничивалась одной геологией.

При сборе информации о геологах потянулась цепочка имён и событий из их родословных, предков и потомков, которые оставили заметный след в науке, в геологии, в нефтеразведке, освоении месторождений «чёрного золота» уже в наши дни. Не все они попадают под сухое определение «первооткрыватель», но без них не было бы того, что мы имеем. Взглянем шире на это понятие. Первооткрывательство в науке, в искусстве, в отно-

шениях людей, в повседневном обиходе... Удивимся людям пытливого ума и завидной энергии, которые двигают нашу жизнь. И украшают её...

...Круг единомышленников Жамили в Самаре и в Якутии, где Валентин Александрович Цареградский провёл значительную часть своей жизни, ширился.

В анкетах не значились...

Жамили рассказывала:

— Запросила в архиве города Магадана копии документов, подтверждающих место рождения В.А. Цареградского, данные о близких родственниках. Но такие сведения отсутствовали.

Начались поиски родственников в Самаре, Самарской области. Областной музей имени Алабина материалов о таком человеке не имел, его имя там слышали впервые.

Вышла с просьбой к федеральному инспектору по Самарской области С.Я. Чабану оказать помощь и содействие в поисках родственников В.А. Цареградского.

До августа 2014 года информации о родственниках не было. И тут откликнулась Светлана Цареградская — внучатая племянница Валентина Цареградского. Её дед Александр был младшим его братом.

Светлана дала телефонный номер Олега Александровича Цареградского. Тот дал телефон Тамары Ивановны Цареградской — снохи Александра Александровича Цареградского — брата героя. Получила информацию от дочери В.А. Цареградского Ирины, которая жила в Санкт-Петербурге... И потянулась цепочка...

* * *

Открывались обстоятельства, порой совсем неожиданные и поразительные, вырастающие, казалось бы, из самых незначительных, на первый взгляд обыденных вещей...

Жамиля продолжала напористо:

— Сами же мне говорили. Надо по крупицам, пока ещё что-то сохранилось, собирать материал. Делать его доступным для других.

Я согласно кивал головой.

Но ей не хватало моего молчаливого согласия:

— Сегодня очень важно, что человек XXI века будет нести в мир. У каждого из нас свой потенциал. Он требует реализации. Когда человек вдохновлён великой целью или необычным замыслом, как Валентин Цареградский, появляется понимание своего места и своей роли в обществе.

И тут я не возражал. Пафосность её мне была понятна.

А она не смолкала:

— Все Цареградские меня поддержали. Было получено от дочери В. Цареградского Ирины согласие на использование имени её отца в названии нашего будущего фонда...

Так я оказался свидетелем, а отчасти и участником замечательного начинания.

Мой невольный эксперимент

Читая лекции студентам, находил время и начинал разговор в разных группах о первооткрывателе В.А. Цареградском. Оказывалось, что никто о нём не знает. Это мне было уже знакомо. Неведомо многим, что совершил этот человек в своей жизни? Как связан с Самарой? Даже не слышали, как и я совсем ещё недавно, о такой необычной и звучной фамилии.

«Ну, ладно, — думал я, — мои третьекурсники довольно молоды! Не читали...»

...Спросим у заочников, съехавшихся на весеннюю сессию едва ли не со всех концов России: они постарше.

Результат тот же. И только один тридцатилетний буровик-нефтяник неуверенно произнёс:

— У нас в Сургутском управлении буровых работ № 3 трудился Александр Юрьевич Цареградский. Откуда знаю? Его буровая бригада по итогам 2014 года в соревновании ОАО «Сургутнефтегаз» заняла первое место.

— А как связан он с Самарой? — спросил я, не удержавшись.

— Его родственники по линии отца из Самары, долго жили и работали у нас в Сургуте.

* * *

Через два-три дня после лекции мы продолжили с буровиком из Сургута, Евгением Васильевичем Конюховым, наш разговор:

— Цареградский был когда-то начальником Сургутского УБР-1. На Север его пригласил ваш В. Муравленко в 60-х годах. До этого Юрий Александрович работал буровым мастером у вас тут, в Отрадном. О его рекордах писали, — доложил он.

— Откуда знаете?

— Мама моя долгое время в управлении работала. Она нефтяник по образованию. Я с ней созвонился. Оказывается, она знает немало. Их три брата из Самары было у нас в Сургуте: Юрий Александрович, Валентин Александрович, Олег Александрович, Валентин был главным энергетиком. Жена моя Надя говорит, что общий трудовой стаж династии, включая работу в Отрадном, составил около 250 лет!

Я воодушевился. Знаю по своему преподавательскому опыту, что студенты — как пчёлы: стоит целенаправленно их озадачить, они насобирают кропотливо и принесут то, что надо. Спрашиваю:

— Сможете, приехав домой, немного потрудиться и составить мне небольшую записку о Цареградских?

— Как это? — не сразу сообразив, переспросил Евгений.

— Ну, что-то вроде автореферата на тему: «Добытчики чёрного золота Цареградские». Есть же у вас там музеи, пожилые люди — ветераны нефтедобычи.

Студент мой в нерешительности молчит.

— При зачёте эта ваша работа забыта не будет. Идёт? Страниц на пятнадцать?

— Но сессия кончается, я надолго уеду.

— Ничего, через полгода привезёте! Очередная сессия от нас никуда не денется. Верно? Такая порода людей. О них должны знать! Понимаете? — настаивал я. Мой студент понял.

— А можно прислать по электронной почте? — спохватился собеседник.

— А почему нет? — отвечаю. — Только материал должен быть проверенным, надёжным.

* * *

Когда Евгений улетал, я дал ему несколько книжек об освоении Колымы, с обязательством, что он мне их вернёт с материалом о буровиках Сургута.

Он принял условие. У меня, кажется, появился, кроме Жамилы и её единомышленников, помощник в Сургуте.

Стране нужны созидатели

Выбрал время и прошёлся по этажам главного корпуса нашего университета. Постоял у стендов, посвящённых выдающимся выпускникам. Добрался до солидного тома «Знаменитые выпускники Самарского государственного технического университета», 1914-2014 годы.

Как много замечательных людей! Какие имена, и какие разные дарования! Взять хотя бы некоторых из них: Председатель Совета Министров В.С. Черномырдин; зам. министра энергетики СССР Г.А. Шашарин; Б.В. Гидаспов — член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Госпремии СССР; чемпион СССР по шахматам, международный гроссмейстер Л.А. Полугаевский; М.А. Губский — певец, солист Самарского академического театра оперы и балета, с 2001 года — солист Большого театра России, Заслуженный артист России.

Долго я не закрывал книгу. Столько достойных биографий, судеб отражено в небольших текстах, сопровождающих фотографии выпускников. Хотелось найти всё больше и больше знакомых и незнакомых лиц и имён. Искал, конечно, я Цареградских! Но их не было. Я всегда ценил то, что окончил Куйбышевский (Самарский) Политех, но теперь, когда прочёл эту книгу, я горжусь им!

— Где трудятся его выпускники? Это важно знать! Но их десятки тысяч, разве уследишь. Замечательно, что к 100-летию ВУЗа у главного его корпуса поставили памятник инженеру.

...Увы, и в другой раз, в других группах студентов, среди будущих нефтяников, механиков, нефтехимиков не оказалось знающих что-либо о замечательных выпускниках Цареградских.

«Ничего, — говорил я себе, — не в первый раз такое. Ведь на мои вопросы: «Кто такой Гарин-Михайловский? Что они знают о селе Гундоровке? Что знают о другом нашем земляке, известном писателе, который написал сказку «Аленький цветочек?»» — студенты отвечают чаще всего, только заглянув в компьютеры».

Подумал: вина здесь не столько их. Корни её в нас, во взрослых, больше всего. Они дети перестроечных 90-х годов. Занятые выживанием, мы не дали им того, что надо было. Сумятица в жизни, сумятица в школьных программах... «Мы в школе это не проходили», — такой ответ звучит часто. А не «проходили» — значит, какой спрос? «Чего не знаем, того не любим».

...Скажу уже не единожды произнесённое до меня. Стране сейчас необходимы созидатели. Во всех сферах нашей жизни. Такие как В. Цареградский, И.М. Губкин, В.Г. Шухов, Н.К. Байбаков, В.И. Муравленко и другие. Инженеры своими талантами всегда крепили основы нашей страны. России нужны люди, объединяющие свой народ. И их мы должны знать!

* * *

Верю, что результаты поисков учёных, музейных работников, объединённых желанием создать Фонд, эти мои записки дойдут до учащихся, студентов, людей, начинающих свою трудовую биографию, будь то в тихих офисах, институтских лабораториях или на шумных заводах и стройках. Дойдут и тронут душу.

Село Никольское-на-Черемшане

Формирование В.А. Цареградского — человека и учёного можно проследить, знакомясь с жизнью его предков, семьи, окружения. Обратимся к истории Самарско-Симбирского Поволжья, к истории жизни провинциального духовенства. Теперь, когда появилась некоторая информация о выдающемся геологе, на его родине, в селе Никольское-на-Черемшане, решено увековечить имя Михаила Мартыновича Некрасова и его внука В.А. Цареградского.

* * *

Михаил Мартынович Некрасов — личность в истории села Никольское-на-Черемшане легендарная. Он учительствовал в земской школе села более 30 лет. Уважаемый педагог, директор школы, под его руководством было построено школьное здание. Оно прослужило более 100 лет! По инициативе Некрасова в Никольском открылась народная библиотека. К 1912 году в библиотеке было уже 600 книг.

Женат Михаил Мартынович был на дочери мещанина г. Судоки Курской губернии Ольге Гавриловне Гущиной, окончившей курс в Ивановском образцовом училище в 1874 году. В Никольском помощницей учителя с 1906 года была и его дочь Мария Михайловна (по мужу Цареградская). В это время её муж Александр Михайлович Цареградский учился на юридическом факультете Казанского университета. У них уже было четверо детей: дочь Галина (1900 г.р.), сын Валентин (1902 г.р.), сын Александр (1903 г.р.) и дочь Татьяна (1906 г.р.). Когда Михаил Мартынович умер, похоронили его на Никольском кладбище. На могиле за счёт сельской общины установили большую мраморную плиту. Сейчас этого села нет. Оно оказалось на дне Куйбышевского водохранилища. Жители переселились на новое место. И здание школы перенесли с собой. Но оно не уцелело. Сгорело в 2000 году. А вот память о Михаиле Некрасове жива в сердцах жителей села. Имя же его внука Валентина Цареградского в силу определённых обстоятельств оказалось вычеркнутым из его истории. Затоплено, как село, в котором он родился.

Каким же было поселение, давшее державе учёного, государственного деятеля и ушедшее на «дно морское»? Какими были его жители?

Теперь с помощью архивных исследований, находок краеведов (С.Б. Семёнычев и другие) можно попытаться воссоздать более-менее целостную картину раннего периода жизни учёного. Перенесённое в связи со строительством водохранилища в бассейне реки Волги на другой берег реки Черемшан, Никольское продолжало жить.

Изменились административные границы Куйбышевской (теперь Самарской) области. Район и село вошли в состав Ульяновской области.

* * *

Поселенье Никольское, возникшее в начале XVIII века как укреплённый пункт на Закамской засечной линии, получило название по бывшей здесь Никольской церкви. Входило в состав Черемшанской волости. Первым владельцем его был сподвижник Петра I князь Александр Данилович Меншиков.

Ещё с конца XVIII века Никольское было известно всей России его главными богатствами — черемшанской рыбой и огромным фруктовым садом, который основал владелец села граф Николай Алексеевич Дурасов. Это нашло отражение в воспоминаниях Сергея Тимофеевича Аксакова («Детские года Багрова-внука») и Владимира Александровича Соллогуба («Воспоминание»).

В 1773-1774 годах село временно было опорным пунктом повстанческой армии Е.И. Пугачёва. В конце XVIII — начале XIX века это — один из центров усадебной культуры. Тут прошли детские годы писателя Д.В. Григоровича. С 1900 года Никольским именем владел мелекесский купец первой гильдии, посадский голова Константин Григорьевич Марков. В 1910 году в селе — 680 дворов, 3 086 жителей, церковь, земская школа, ярмарка, овчинное заведение, винокуренный и кирпичный заводы, водяная и паровая мельницы, библиотека-читальня, земская больница, военно-конное училище, отделение крестьянского поземельного банка.

В связи с созданием Куйбышевского водохранилища село перенесли на новое место, но рыба и яблоки остались его «визитной карточкой». Славился в селе крупнейший в Ульяновской области рыболовецкой колхоз «За Родину». С 2011 года Никольское-на-Черемшане носит официальный статус плодово-ягодной столицы области.

Когда пришло время, Валентин поступил учиться во вновь построенную Никольскую начальную трёхлетнюю школу, которой заведовал его дед. В ней было три класса для занятий, учительская, вестибюль и помещение для сторожа. Бабушка Вали Цареградского работала в этой же школе учителем.

Вот что пишет краевед С.Б. Семёнычев: «Село стало крупным по тем временам населённым пунктом. Жители Никольского гордились тем, что именно в Никольском появился один из первых в Поволжье крепостных театров графа Дурасова. В селе

неоднократно бывал писатель Владимир Соллогуб, семья которого владела Никольским более 60 лет. Здесь родился известный писатель — Дмитрий Григорович. Его тётя Камилла Ледантю, также часто посещавшая Никольское, в своё время отправилась вслед за декабристом Ивашёвым в Сибирь...

...Дореволюционные фотографии Никольского хорошо показывают, насколько интересным было село в архитектурном плане. Как и во всех сёлах того времени, основными достопримечательностями были барский дом и церковь. Барский дом не отличался особой изысканностью, был вполне стандартным, но благодаря заботам владельцев, особенно семьи Дурасовых, он приобрёл интересные дополнения и поражал людей, впервые его увидевших».

С этим селом связано имя Сергея Тимофеевича Аксакова. В книге «Детские годы Багрова-внука» он пишет о своих впечатлениях:

«Каменный двухэтажный дом, соединяющийся сквозными колоннадами с флигелями, составлял одну сторону четырёхугольного двора с круглыми башнями по углам. Все надворные строения служили как бы стенами этому двору; бесконечный старый сад, с прудами и речкою, примыкал к нему с одного бока; главный фасад дома выходил на реку Черемшан. Я ничего подобного не видывал, а потому был очень поражён и сейчас приложил к действительности жившие в моей памяти описания рыцарских замков или загородных дворцов английских лордов, читанные мною в книгах. Любопытство моё возбудилось, воображение разыгралось, и я начал уже на всё смотреть с ожиданием чего-нибудь необыкновенного. Мы въехали на широкий четырёхугольный двор, посреди которого был устроен мраморный фонтан и солнечные часы: они были окружены широкими красивыми цветниками с песчаными дорожками. Великолепное крыльцо с фонарями, вазами и статуями и ещё великолепнейшая лестница, посередине устланная коврами, обставленная оранжерейными деревьями и цветами, превзошли мои ожидания, и я из дворца английского лорда перелетел в очаровательный замок Шехеразады».

С.Б. Семёнычев рассказывает, что, кроме того, владельцы имения в барском доме собрали большую коллекцию картин и

скульптур, огромную библиотеку с ценными книгами. Когда Валентин Цареградский жил в Никольском, дом принадлежал купцу первой гильдии, посадскому голове Мелекесса Константину Маркову, известному благотворителю. Управлял имением его сын Фёдор, постоянно проживающий в Никольском. Фёдор и его супруга Екатерина Чехрайская поддерживали с местными жителями добрые отношения, и они запросто посещали их дом. Бывал здесь со своими родственниками и Валя Цареградский. Увиденные произведения искусства не могли не произвести на него благотворное впечатление. Возможно, что, рассматривая в барском доме полотна великих мастеров, он впервые испытал желание рисовать.

Никольская церковь была построена в 1791 году на средства Николая Дурасова. Возможно, автор проекта — известный архитектор, ученик В.И. Баженова и М.Ф. Казакова Иван Еготов, долгое время сотрудничавший с Дурасовым. Это он спроектировал дворец помещика в московском районе Люблино. Необычными были иконостас храма и роспись по штукатурке, деревянные иконы, иконы на тканевой (льняной) основе. В этой церкви Валентина Цареградского крестили. Очевидно, бывал в ней потом неоднократно. Внешняя и внутренняя красота церкви оказали несомненное влияние на его эстетический вкус.

С 1861 года село Никольское — центр Черемшанской волости. В нём построили волостное правление, больницу, полицейский участок и т.д. Открылись две школы: земско-общественная и церковно-приходская. Эти здания были образцами деревянного зодчества. Особой красотой отличались резные наличники на окнах. Дом, в котором жил Валентин Цареградский со своими родственниками, также был по-своему красив...

В книге «По экрану памяти» он вспоминает: «В детстве я со своими сверстниками «путешествовал» по окрестностям нашего села, располагавшегося на берегу большого притока Волги — реки Черемшан. Эти походы совершались в окружающие село леса, дуга, на ближние холмы, древние террасы реки. Иногда на лодке мы поднимались вверх по реке, по её притокам и старицам или большим озёрам, куда лодка перетаскивалась волоком. Но чаще всего в эти походы я отправлялся с моим дедом, заведующим сельской школой, или со школьным сторожем. Оба они были страстными рыболовами, охотниками и грибниками».

С.Б. Семёнычев отмечает: «В семье деда сложилась благоприятная обстановка для воспитания детей. Их окружали забота, ласка и внимание. В этом особая заслуга жены Михаила Мартыновича, Ольги Гавриловны Гущиной. Отец и мать Валентина бывали в Никольском наездами, именно бабушка с бабушкой оказали наибольшее влияние на формирование будущего «первооткрывателя золота Колымы».

С особой теплотой говорил потом В. Цареградский о школьном стороже Иване Васильевиче Медвежонкове: «Мордвин по национальности, Медвежонков обладал не только своеобразно красивым лицом и крепким телосложением, но и достаточно высокими нравственными устоями и не довольствовался лишь хлебом насущным. Он самостоятельно выучился бегло читать и писать и вообще от природы был одарённым человеком. Много длинных зимних вечеров провели мы с ним, сидя перед раскрытой дверцей одной из топящихся печей школы, как перед костром. Всматриваясь в причудливо танцующее пламя, я, затаив дыхание, часами слушал увлекательные рассказы Ивана Васильевича о его поездках на Урал, Украину, в Среднюю Азию, на Кавказ и по Волге в поисках счастья и работы по душе. Немало легенд, старинных преданий, удивительных историй знал он также. И для меня эти встречи с Медвежонковым не прошли бесследно. Уже в девяти-двенадцатилетнем возрасте я мечтал о путешествиях в далёкие неведомые края. Хотелось скорее вырасти, многому научиться, испытать на себе трудности, чтобы суметь преодолеть их, стать мужественным, выносливым, как герои Джека Лондона, моего любимого тогда писателя».

Цареградский оказался значительно старше книжных героев. И во взрослой жизни вершил он огромное государственное дело... С.Б. Семёнычев называет ещё одного интересного человека, с которым Валя Цареградский общался в Никольском. Это Аким Яковлевич Сафонов, который несколько десятилетий являлся сельским старостой и по роду своей деятельности был связан с директором школы Михаилом Некрасовым. Аким Яковлевич пользовался заслуженно большим авторитетом среди земляков. Его постоянно переизбирали на новый срок. Улицу, на которой он жил, называли его именем. Так на плане села и написали: «Улица Сафонова».

В селе Кондаковка

Замечательным было и село Кондаковка, находившееся в 7 километрах от Никольского. В нём жили родственники Цареградского по отцовской линии. Дед Валентина Александровича Цареградского, Михаил Дмитриевич Цареградский служил настоятелем местной церкви, строительство которой во многом являлось его заслугой. Когда сын Александр, отец будущего геолога, решил отказаться от сана и поступить на юридический факультет Казанского университета, то он не стал его отговаривать, хотя и понимал, что церковное начальство этого не одобрит.

В Кондаковке Валентин Цареградский общался с самобытными людьми. Среди жителей были свои писатели. Известный писатель — волжанин, автор повести «Ташкент — город хлебный» А. Неверов вспоминал: «Живя в Мелекесе, я тоже писал стихи в уголке за печкой. Я разыскал сочинителя (поэт-самоучка крестьянин Денисов из села Кондаковки), раскрыл перед ним тоскующую непонятую душу, показал свои стихи и, к огорчению своему, получил ответ: «Надо учиться, знать размер, ударения».

Крестьянин, разбиравшийся в стихотворных размерах и ударениях, печатавшийся в столичных изданиях. Такое не часто бывает».

Упоминание о Кондаковке есть в переписке великого русского писателя Льва Толстого! Кондаковский сельский учитель Иван Филиппович Тимонов писал статьи по сельскому хозяйству. В декабре 1897 года он сочинил художественное произведение и отправил на рецензию Льву Николаевичу. Толстой ответил: «Я получил ваше письмо и рукопись. Переделка ваша Робинзона мне очень понравилась. Советую вам окончить её, если она ещё не кончена, и прислать её Ивану Ивановичу Горбунову. Я ему говорил про вас, и он рад будет напечатать эту очень хорошую книгу, если вся переделка будет так выдержана». (С.Б. Семёнычев).

* * *

Михаил Дмитриевич Цареградский¹ оставил свой след в истории Кондаковки.

¹ Изучением родословной Цареградских активно в настоящее время начала заниматься самарский историк Татьяна Юрьевна Конякина.

Он родился в 1848 году в селе Загарино. После Самарской духовной семинарии работал учителем в земской школе села Белый Яр Ставропольского уезда, затем был рукоположен в священники. Более 40 лет он служил при Казанско-Богородицкой церкви села Кондаковка Ставропольского уезда.

Михаил Цареградский часто поощрялся начальством: в 1877 году ему была изъявлена благодарность «за усердное проповедание слова Божия», в 1880-м награждён набедренником за отличную службу, 1891 — фиолетовой скуфьёй, в 1896-м — фиолетовой камилавкой, в 1900 году получил благословение от Святейшего Синода «за отлично усердную и полезную деятельность в деле народного образования» и в 1901-м награждён напёрстным крестом от Синода. В 1874-1880, 1888 и 1903-1904 годах он катехизатор, в 1878-1879 — занимал должность законоучителя земской школы с. Хрящёвка Ставропольского уезда, в 1880-1883 годах — помощник благочинного, в 1883-1886 годах был благочинным, с 1885 года состоял законоучителем земской школы Кондаковки, а с 1894-го — заведующим и законоучителем церковно-приходской школы.

...Когда сгорел Казанско-Богородский храм, в течение основного периода возведения новой церкви священником был Михаил Цареградский.

Церковь полностью была готова к освящению в 1887 году. 30 мая 1889 года местный благочинный священник Хрящёвки Леонтий Аттиков освятил Казанско-Богородицкий храм.

Кондаковцы много усилий и труда приложили для сооружения и освящения церкви, сохранившейся до 1933 года. Потом её закрыли, разобрали и нижнюю часть перевезли в Кротково-Городище для постройки начальной школы. Но и здесь останки её настигла волна, не огневая — водяная...

В первой половине 1950 года перед созданием Куйбышевского водохранилища здание перенесли в новое село Никольское. До нашего времени оно не сохранилось.

Воистину к месту слова: «Наше будущее в деяниях наших».

Наши предки умели созидать! Но «нелёгкая им досталась доля»...

И села Кондаковки не стало. Затопили и её воды искусственного моря. Жители большей частью перебрались в село

Александровка. Там образовалась целая улица — Полевая. Остальных кондаковцев и их потомков разбросало по всей стране.

Тонкие нити

Примечательный факт нашего времени: казалось бы, совсем ещё недавно непозволительно было в открытую интересоваться своей родословной. Знали мы часто своих предков не далее как до дедушек и бабушек. И то не все. Вихри «былых времён» заслоняли их от нас.

В корнях родового древа Цареградских — священники и церковнослужители. Гонимое совсем недавно сословие.

...Я с интересом читаю в прессе материалы о новых именах, появляющихся в результате поисков моих земляков, соотечественников. Обнаруживаются порой такие неожиданные факты. Это пока тонкие нити, связующие разные поколения? Но они постепенно крепнут!.. Нынешние поколения не желают быть безродными.

...Восхищает жизненная всеохватность родового древа Цареградских: от дьячка, священников, церковнослужителей до геологов-первопроходцев, до участия в создании атомной бомбы, работ для космоса (Валентин Цареградский), до династии нефтяников Цареградских (Юрий, Олег, Валентин). Корни — и крона! О кроне чуть позже. Эти мои документальные записки не претендуют на широкое освещение избранной темы. Круг деятельности Цареградских так обширен, жизненные их связи так интересны, что изучение требует большого исследовательского труда. Сейчас важно хотя бы наметить его направления, последовательно соединить в одно целое периоды и сферы жизни Цареградских и их окружения в разных частях страны. Это не было ранее сделано, отчасти и в силу «закрытости» деятельности Валентина Александровича Цареградского.

* * *

У Михаила Дмитриевича Цареградского было две дочери и два сына, старший Александр, который родился 9 апреля 1878 года в с. Бокля Бугурусланского уезда. В 1899 году Александр,

будущий отец геолога, женится на дочери псаломщика, учителя земской школы Михаила Некрасова — Марии Михайловне.

С 1900 по 1905 год он, как и его отец, служил в церкви, затем поступил на юридический факультет Казанского университета.

Во время учёбы давал частные уроки, чтобы платить за обучение и кормить семью. В Никольском-на-Черемшане он бывал нечасто. Окончив университет, А.М. Цареградский получил назначение на должность чиновника в землеустроительной комиссии г. Казани. Тогда полагалось проживание по месту службы. Было решено Валентина и Александра оставить для дальнейшего воспитания в доме деда по линии матери, Михаила Некрасова, в селе Никольском-на-Черемшане. Они учились в Никольской начальной трёхлетней земской школе, с 1912 года продолжали своё образование в Ставрополе-на-Волге (с 1964 г. — Тольятти), в реальном училище, которое после 1917 года преобразовали в Единую Трудовую школу второй степени.

На каникулы они возвращались в родное село. Отец их бабушки Ольги Гавриловны Некрасовой (урождённой Гущиной) построил в селе большой и красивый дом. В нём все они жили. Бесхитростные и тёплые воспоминания об этом времени оставил брат Валентина, Александр. Стихи датированы апрелем 1968 г. Он пишет о своих двух сёстрах и брате:

*Четвёркою дружною мы подрастали,
В каникулы бабке готовя дрова.
Травы косили мы, сёстры сгребали,
И сорняки в огороде пололи тогда.
Вечерами гуляли в лесу за рекой,
Азартно играли в пятнашки, лапту,
Костры разжигали с ночной темнотою.
Пели песни, домой возвращаясь к утру.
А бывало, со сторожем школьным
На выводок уток с собакой ходили.
С дедовым старым ружьишком двуствольным.
Мы сами заряды к нему мастерили.*

В 1921 году Валентин становится студентом Петроградского горного института. Брат Александр — красноармеец. Служил он в Бобруйске.

В селе Никольском-на-Черемшане часто жила потом с маленькими детьми жена Валентина Катерина. С ней приезжала на лето из города на Неве её сестра и подруга. В обеих сестёр он мило влюблялся, посвящал им свои стихи.

В начале 30-х годов младший из братьев Александр учится в Ульяновском гидромелиоративном техникуме. Он станет гидротехником-изыскателем и долго потом с семьёй будет жить в Самаре.

Проработав более 30 лет в институте «Средволгогипроводхоз», Александр Александрович заслужил за труды по развитию орошения, прудостроения и сельскохозяйственного водоснабжения в Поволжье всеобщее уважения. В одном из приветствий в его адрес, кроме прочего, говорится: «...мы уважаем Вас и за то, что Вы вместе с женой Евгенией Александровной вырастили и воспитали хороших сыновей, прославившихся в нефтяной промышленности».

Сёстры Цареградские

Младшая сестра В.А. Цареградского, Татьяна, родилась в 1906 году в селе Лебяжье Ставропольского уезда. Там же окончила школу.

В пятнадцатилетнем возрасте Татьяна оказалась свидетелем стихийного бедствия — засухи и массовой гибели людей от голода. Это послужило толчком к выбору профессии, которая помогала бы людям преодолевать подобные бедствия. Татьяна Александровна поступила в Казанский сельскохозяйственный институт. Окончив его, получила в 1931 году назначение в Узбекскую ССР на должность участкового агронома МТС. Но тут она заболела тяжёлой формой малярии и вынуждена была покинуть Узбекистан. Работала на опытных станциях в Ульяновске, Самарском округе, Курской области. С 1937 по 1940 гг. Татьяна Александровна — научный сотрудник кафедры растениеводства Темирязевской сельскохозяйственной академии в Москве. Работала под руководством известного учёного И.В. Якушкина, специалиста в сфере селекции растений. Работа в лаборатории оказалась не по душе. Манили просторы полей, где можно было приложить свои знания на земле.

В 1940 году она уже в Забайкалье, где в течение шести лет последовательно возглавляла работу на Шилкинском и Акшинском госсортоучастках.

В распоряжении Татьяны Александровны Цареградской были коллектив работников, земля, лаборатория, техника и множество сортов злаковых культур из разных регионов Советского Союза и из-за рубежа. Татьяна Александровна работала с увлечением. В 1948 году с переходом на Сретенскую селекционную станцию, где стала заведующей группой пшеницы и проса, она получила возможность заняться выведением сорта пшеницы, которая при высокой урожайности отвечала бы климатическим особенностям Забайкалья. На это ушло пять лет. Шесть лет заняли испытания, которые показали высокую урожайность выведенного сорта «Читинская-1». Завершили эту её работу А.И. Халтурина, Н.П. Зырянова и Ю.Н. Баранова. В 1970 г. после районирования началось победное шествие нового сорта по забайкальским полям. Т.А. Цареградская написала две брошюры: «Просо в Забайкалье» и «Гранулированные удобрения», изданные в Чите (1952, 1956 гг.).

Старшая сестра Галина (1900 г. р.), окончив Ленинградский инженерно-строительный институт, стала строителем. Последнее время жила в Москве в Новых Черёмушках. Её муж Николай Николаевич Кулигин в это время работал главным инженером в Академии наук. У них был сын Игорь. Сейчас его нет в живых. Известно, что от трёх браков у него осталось четверо детей.

Об отце и матери известного теперь геолога в послереволюционный период известно мало.

В 1917 году А.М. Цареградский был мировым судьёй, а с 1919 по 1921 годы — секретарём завкома при Никольской государственной мельнице. В 1922 году — в АРА (Американская администрация помощи) в Мелекесе, в 1923-1924 гг. — в Ульяновском губфо, затем — делопроизводитель в губторге, кассир на Никольском винокуренном заводе. С 1930 года служил счетоводом на текстильной фабрике в Казани. С 1933 г. жил у сына Валентина в Москве. Жизнь Александра Михайловича оборвалась трагически. Он был арестован 23 июля 1937 г. за причастность якобы к нелегальной контрреволюционной эсеровской организации села Никольское-на-Черемшане. Осуждён 20 августа 1937 года тройкой при УНКВД по Куйбышевской области.

Обвинён по ст. 58-8, 58-10, ч. 1 УК РСФСР. Расстрелян в Куйбышеве. Реабилитирован 1 марта 1957 года.

Жена его (мать В.А. Цареградского) Мария Михайловна после Октябрьской революции заведовала детским садом, была инструктором дошкольного воспитания, заведующей районной школой. Умерла в 1946 году.

Таковы судьбы сёл Никольское-на-Черемшане, Кондаковки и её жителей.

* * *

...Как мы, местные студенты, в шестидесятых годах восхищались вместе с куйбышевским поэтом Николаем Жоголевым!

*Морской свежак на Жигулёвском море —
Свежак не черноморскому чета.*

Поэт горделиво заявил за всех нас, грешных, о победе над Волгой:

*Но как ни была бы могуча
Стихия,
В наш сказочный,
Атомом движимый век,
В дела воплощая
Мечты вековые, —
Сильнее её человек!*

Перегородили реку десятком плотин.

...И река понурилась. Замедлила свой бег. А рождена была, чтобы течь вольно!..

Цену содеянному осознали мы гораздо позже, когда на дне оказались огромные просторы пахотных земель, сёла и деревни. Со школами и церквями, с частью нашей общей жизни. Неоглядные дали отеческой земли покрыла непомерная толща стоячей воды. Покорённая Волга стала водохранилищем с зацветающей в иной год подневольной водой...

...И наша общая жизнь без памяти о прошлом — как река, лишённая данного ей природой движения, рискует превратиться в озеро, а потом, когда родники, подпитывающие её, начнут заливаться, и вовсе потерять себя.

Мой помощник из Сургута

Евгений Васильевич оказался неравнодушным парнем. Он прислал мне по интернету интересную информацию о нефтяниках Цареградских, а приехав на весеннюю сессию, привёз фотографию Юрия Цареградского и Виктора Ивановича Муравленко — начальника «Главтюменнефтегаза» в момент посещения одной из буровых установок. Но не это меня так тронуло, другое.

— А вы читали «Колымские рассказы» Варлама Шаламова? — спросил он.

Я невольно вздрогнул: он ткнул пальцем в больное.

— Да, — отвечаю, — читал, ещё студентом, и стихи его читал. А почему спрашиваете?

— Перечитайте теперь. Такие жертвы...

Стали бы молодые геологи-романтики открывать золотую Колыму, зная, что там потом будет? Золото столько сгубило.

— Науку не остановить, открытия — тоже. Не они, так другие бы устремились в Сибирь! Может, только чуть позже. Это закономерно, — отвечал я.

Евгений не торопился соглашаться:

— Мне после рассказов Шаламова стало неинтересно заниматься Колымой. Страшные страницы истории.

— Вам неинтересно, а вот вице-президенту США Генри Уоллесу — было важно и интересно, — реагировал я.

— Я не понял?

— Генри Уоллес прилетал на Колыму, направляясь на плановую встречу с Чан Кайши.

— С какой целью?

— С известной. В период открытия Второго фронта американцам важно было знать о платёжеспособности СССР перед союзниками. Вопрос доверия. В том числе в рамках действующего с ними соглашения о ленд-лизе. Сможем ли мы расплачиваться с ними за закупку оборудования и прочее? О загадочной, таинственной Колыме, где добывалось золото, говорилось много за рубежом. Но надо было видеть.

— И что же?

— Почитайте доклад начальника Дальстроя Никишова Берии об этом визите, узнаете.

— Он у вас есть, этот доклад? А Дальстрой? Что это?

— Доклад напечатан в книге «Золотой слиток Победы». Это сборник материалов о работе Дальстроя в период с 1941-го по 1945 год. Там есть и фотографии, и воспоминания очевидцев этого визита. Узнаете заодно, что такое трест «Дальстрой».

— Что бы учёные ни открыли, ни изобрели — всё равно в итоге получается оружие уничтожения, — тянул Евгений.

— Вы не первый так говорите. По-вашему, лучше жить в пещере?

Наступила пауза. Евгений, очевидно, ждал, что я предложу ему книгу. Но у меня её с собой не было, это первое. А во-вторых, хотелось проверить, будет ли он самостоятельно искать её. Насколько он любознателен и готов независимо мыслить до конца?

* * *

Вскоре он доложил, что нашёл книгу. И пообещал мне снять с неё копию.

Встреча в школе

В начале мая в самарской школе № 81 встречался с четвероклассниками. Помня моё обещание, они пригласили рассказать о том, как я с друзьями проплыл около 600 километров на одноместных резиновых лодках от истока реки Самары до города. Затаив дыхание, слушали ребята рассказ о судьбе реки, давшей название и городу, и области.

Вопросов после выступления, да и во время него, было много. Четыре класса, более ста учащихся! Я не видел ни одного равнодушного лица.

— Как писалась книга «В плену светоносном» о путешествии, длившемся 23 дня?

— Что видели ещё в пути? Рыбачили или нет?

— Говорят, что где-то на реке есть водохранилище размером в четыре километра шириной и пять длиной, правда это? Что за птица козодой? А пустельга?

— Что ели?

Лес поднятых рук!

Вопросы... вопросы...

Полтора часа удивительного общения.

Когда же я сказал, что у меня копится материал о путешественниках, которые на Колыме искали и нашли золото, тут же последовала дружная просьба на следующей встрече рассказать и об этом.

Остудили наш общий пыл учителя:

— Учебный год заканчивается. Надо всем отдыхать! Вот в сентябре-октябре — пожалуйста!

На том и договорились, взяв с меня обещание непременно прибыть в школу.

* * *

Уже сентябрь. Учебный год начался. Надо быть готовым к разговору. А я ещё не насытился знаниями, которые мне теперь открываются...

Глава 2

НА ПОДСТУПАХ К ДЕЛУ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Годы студенческие

Из всех знаменитых первооткрывателей Колымы Цареградский и Билибин более всего притягивают внимание. Похожие во многом, они были каждый по-своему яркими личностями. Это отмечали многие из тех, кто знал их лично. О них писали. О Билибине больше, чем о В.А. Цареградском.

До недавних лет о Валентине Александровиче Цареградском говорили чаще в связи с исследованиями на Колыме и руководством геолого-разведочным управлением Дальстроя.

Сегодня круг изучения расширился до раннего периода жизни известного горного инженера. Мы знаем теперь, как В.А. Цареградский, с самого начала своей жизни тянувшийся к природе, к познанию окружающего мира, закономерно оказался студентом Петроградского горного института. Сбылась мальчишеская мечта. Как тут не вспомнить добрым словом мудрого его наставника в детстве, школьного сторожа из села Никольское Ивана Васильевича Медвежонкова, посоветовавшего поступать в Петроградский Горный институт.

...После занятий в селе Никольское-на-Черемшане Валентину предстояло учиться с 1912 года в бывшем реальном училище г. Ставрополя-на-Волге. Учился В.А. Цареградский легко. Без труда давались физика, математика. В это же время у него обнаружили способности к рисованию, что было отмечено окружающими. Он даже в кружке обучал сокурсников технике рисунка. Много лет спустя он вернётся к своему увлечению и оставит нам замечательные рисунки, сделанные в геолого-разведочных экспедициях.

Получив среднее образование, в 1920-21 годах В. Цареградский учится на первом курсе физико-математического фа-

культета Самарского государственного университета. В апреле 1921 года пишет заявление с просьбой допустить к приёмному испытанию на нулевой триместр в Петроградский горный институт. Мечта стать геологом не отпускала¹.

Добираться с Волги до Петрограда пришлось сначала паромом по реке до Рыбинска, потом по железной дороге. Конкурс в институт оказался большим: двадцать человек на место. В канцелярии вначале отказали, но настойчивость и упорство Валентина взяли верх. Он был допущен к экзаменам. И выдержал их блестяще. После учёбы на подготовительном нулевом семестре, в 1921 г., его зачисляют на первый курс геолого-разведочного факультета института. Из трёх отделений факультета: палеонтологического, разведочного и петрографического — он выбирает палеонтологическое, где изучались биология, зоология, ботаника, палеонтология и палеобиология. Изучение древних, давно исчезнувших животных обещало много из того, что так важно в молодости и заманчиво, — неизведанного и нового.

Поступление на нулевой триместр потребовало целого ряда документов. Кроме удостоверения и заявления, в которых приводились основные биографические сведения абитуриента (дата и место рождения, место жительства, полученное ранее образование), в канцелярии по студенческим делам необходимы были справка, подписанная управляющим делами Петроградского комитета профессионального образования, отзыв и рекомендация двух лиц — членов партии, знавших Цареградского со школьной скамьи. Виктор Клопов и Александр Пудовкин состояли в Ставропольской уездной организации РКП. Они и дали рекомендации.

Во время учёбы В.А. Цареградский несколько раз ездил домой и в другие регионы страны. Каждый раз он подавал заявление на имя инспектора института, в котором указывал цель, адрес, сроки поездки. Заявление визировал заведующий факультетской канцелярией. Следовало сдать ликвидационный лист — аналог современного обходного листа. Цареградский посещал

¹ К изучению студенческого периода жизни В. Цареградского в Петрограде подключился профессор Самарского государственного института культуры М.В. Курмаев. Стали дополнительно известны некоторые эпизоды из жизни студента Горного института, которые приводятся далее.

заведующих учебной библиотекой, химической лабораторией и геологическим кружком, библиотекой имени И.В. Мушкетова и факультетской канцелярией, собирал подписи, подтверждавшие отсутствие у него каких-либо задолженностей. Состав списка менялся. Так, в 1925 году он расширился до 11 пунктов за счёт столовой и буфета, кассы взаимопомощи, экспертно-ссудной кассы, общежития и лавочки профкома. На старших курсах в нём фигурировали лаборатории и кружки. Сбор подписей занимал много времени.

По истечении срока действия увольнительного билета студенту следовало срочно прибыть в институт. Билет имел примечание следующего содержания: «Ввиду учёта и регистрации студентов Петрогр. горного ин-та Горным Советом и обязательных занятий возвращение к указанному в отпускном свидетельстве сроку является безусловно обязательным, вследствие чего Птр. горный ин-т просит надлежащие власти оказать содействие к своевременному возвращению студента и направить его к месту обучения. За студентом имущества от Ин-та не числится». Такой билет давал право на бесплатный проезд и провоз шести пудов багажа. Цареградский получал увольнение в отпуск девять раз. 23 августа 1921 года сразу после сдачи вступительных экзаменов он уехал на месяц домой, в село. Второй раз он приезжал в Никольское-на-Черемшане в период весенних каникул — с 10 по 25 апреля 1922 года.

Для прохождения практики полагалось удостоверение. Летнюю геодезическую практику ему разрешили пройти в Никольском при условии предоставления отчёта о проведённых работах. Удостоверение, подписанное деканом геолого-разведочного факультета 8 июля 1922 года, давало право на отпуск сроком не более одного месяца. В августе В.А. Цареградский заболел. У него открылась малярия в тяжёлой форме, после которой он страдал малокровием и упадком сил. Год спустя ситуация повторилась. Он попал в Никольскую больницу непосредственно перед возвращением в Петроград — 10 сентября 1923 года. Находился на амбулаторном лечении 16 дней, поэтому часть занятий пропустил. Голодные и холодные годы. Выдававшийся паёк состоял из 400 граммов хлеба с примесью опилок и нескольких селёдок в месяц. Чтобы как-то продержаться, Валентин в сво-

бодное от учёбы время работал в артели портовых грузчиков на разгрузке рельсов, где платили продуктами.

На втором курсе Цареградский подрабатывал уже составлением карт и чертежей. Жил вместе со студентом инженерного института на съёмной квартире, у дяди своей будущей жены Екатерины Ивановны Серпуховой. Они поженились, когда ей было 17, ему — 20 лет. Как и отец, в студенческие годы Валентин самостоятельно содержал семью: в 1925 году у него родилась старшая дочь Вероника, в 1927-м — младшая — Ирина. Связь Цареградского с Серпуховыми сохранится на долгие годы. Будет она непростой и порой драматичной...

О Серпуховых можно написать большой исторический роман: настолько в жизни этой семьи многогранно отразился образ жизни людей, связанных с геологией молодой Республики Советов, проявился сам дух того времени.

Передо мной рукопись воспоминаний Нины Ивановны Серпуховой, хорошо знавшей и Билибина, и Цареградского. Они люди одного поколения, одного круга общения. Она сестра Екатерины Серпуховой, жены Валентина Александровича Цареградского и сестра геолога Владимира Ивановича Серпухова.

В.И. Серпухов станет известным исследователем Чукотки, Дальнего Востока. В памяти Нины Ивановны сохранилось много и забавных, и драматических событий начала XX века. Другой замечательный брат Юрий Серпухов, как и большая часть, о ком она пишет, — геолог, спасёт в тайге от верной гибели выдающегося нашего отечественного учёного — академика С.С. Смирнова. Но об этом чуть позже и в соответствующем месте повествования.

* * *

Самарский край удивительным образом соединяет в себе многие и многие судьбы. В своё время, если говорить о геологах, он приютил семью Билибиных, молодого Валентина Цареградского в начале его студенческих лет. На всю жизнь — младшего брата Цареградского Александра.

Трудовой подвиг Самары (Куйбышева) во время войны велик! И вершился он с помощью всей страны. Ещё в студенческие годы сложилось у меня стихотворение о Самаре. Многие

городу довелось пережить в военные, послевоенные и в перестроечные годы. Но стоит Самара! И своего статуса не потеряла! Она достойно занимает своё место в доблестном треугольнике: Москва — Ленинград — Самара! Крепкая конструкция — этот треугольник!

*Святый старец Алексий недаром
Напророчил в лихие года,
Что быть городу в устье Самары
И стоять ему здесь навсегда.*

*Много дней и воды убежало,
Плыли барки по Волге, челны...
Зарождалась, росла и мужала
Запасная столица страны.*

*Молодецки судьба развернулась,
Есть откуда нам силушку брать.
Эта сила недаром проснулась,
Силе этой любое под стать.*

*Как светлы здесь весенние зори,
Как улыбочиво смотрят вослед.
Может, кто-то со мной и поспорит,
Но приветливей города нет.*

*Не челны, а ракета речная
На просторе на волжском летит.
Ах, столица Самарского края,
У тебя ещё всё впереди!*

* * *

Воспоминания Нины Ивановны Серпуховой¹ (в замужестве Савченко) написаны для её детей, но они настолько насыщены подробностями и приметам жизни начала ушедшего века, так пронизаны и личным, и общественным, что их вполне можно называть свидетельством эпохи.

Жалея о том, что оставляю в стороне, несомненно, очень интересные подробности, в том числе и бытового уровня, из-за

¹ Текст воспоминаний публикуется впервые.

недостатка места приведу лишь то, что непосредственно связано с геологами.

Писала она уже в пожилом возрасте. В самом начале отмечает: «У папы с мамой нас было восемь человек: три брата и пять сестёр. Перечисляю по старшинству: Коля, Вера, Маруся, Володя, Лена, Катя, Нина (я), Юра...»

...Начну о каждом из нас, что помню, по старшинству...»

Несколько нарушим порядок. Вначале дадим отрывки из воспоминаний, которые касаются лично её, потом — окружения. Для того чтобы было удобнее читать, я дал отдельным эпизодам названия.

Она пишет, не приукрашивая события, не лакируя их. О себе чаще всего отзывается с явной иронией. На первой же странице читаю: «Меня мама жаловала меньше других. Была я упрямая и непослушная. Совсем изменилось отношение мамы ко мне, когда я уже была замужем за вашим папой. Помню, как мама сказала, когда я приехала из Бугуруслана: «Нинка приехала, и в доме точно солнышко проглянуло: такая весёлая и жизнерадостная».

Конечно, мама всегда любила меня, и доставалось мне больше других только потому, что я была хулиганкой. Доставалось всегда за дело».

Ещё бы! Чего стоит проделка со змеёй, которую она со своей подругой Соней, живя в лесничестве, подложила старой деве — бухгалтерше, ненавидевшей их, подстраивавшей всякие пакости. И постоянно на них жаловавшей. Поэтому им часто «влетало».

Гадюка для бухгалтерши

Так вот, зная, что бухгалтерша безумно боится змей, они решили убить гадюку и подложить ей в кровать. Подруга её не боялась змей и часто убивала их в малиннике, когда они собирали ягоды.

Как назло, в этот раз в малиннике змея не попала. Тогда они выкрали одну из заспиртованных в банке химиком Орловым змей и перенесли её из лаборатории в комнату бухгалтерши. Положили на покрытую белоснежным покрывалом кровать.

Развязка событий выразилась в диких воплях вылетевшей пулей из спальни её владелицы. На крики сбежались все, кто

был рядом. Проказницы давились от хохота в дальнем конце двора.

Не буду далее описывать события. Они воспроизведены непосредственно и с задором.

* * *

Нина Ивановна приводит и потом на страницах своих воспоминаний много забавного, порой хулиганского. И так заразительно, зримо, что словно находишься на месте событий сам. Будто случилось это не около ста лет назад, а только что, на твоих глазах.

Вот одна из картинок времён гражданской войны. Дело было в Гатино, куда семья Серпуховых переехала, спасаясь от голода. И откуда только что ушли «белые».

Революционный матрос и коза Катька

«**К**огда мы переезжали в Гатино, был уже настоящий голод. Чтобы спасти семью, папа¹ решил заняться натуральным хозяйством. Он нанял дачу (тогда дачи ещё не были конфискованы), при которой были большой сад и огород. Кроме того, там был сарай. Папа купил трёх коз — Катьку, Маньку и Мурку. Манька и Мурка были хорошие, ласковые козочки, но Катька была суший дьявол. Это была старая сильная коза. У неё были большие рога, и она очень хитро бодалась. Подходила к человеку со спины, поднималась на задние ноги и со всего маху ударяла человека под коленки. Коз нужно было гонять на пастбище за городское кладбище, где собирали всё городское стадо два пастуха. Вечером туда же нужно было приходиться их встречать. Чтобы мы могли управляться с Катькой, папа сделал нам нагайку из электрического шнура, но ухо всё равно нужно было держать остро. Катька при каждом удобном случае бодала и нас. Мама очень боялась Катьку. Не трогала Катька только папу.

¹ Иван Моисеевич Серпухов (1870-1935) — отец. Работал бухгалтером на химическом заводе братьев Хрущёвых. Мать Аделаида Ильинична (1870-1948) — домохозяйка.

Пока у нас были козы, мы по очереди гоняли их на пастбище и с пастбища. Один день Катя и Лена, другой — я и Юра. Когда однажды утром я и Юра гнали коз, на улице, шедшей от соборного садика (не помню его название), навстречу нам попался пьяный матрос. Он был обвешан крест-накрест лентами с патронами, у пояса прицеплена кобура с наганом и граната. В руках он нёс почему-то зонтик. Поравнявшись с нами, он, видимо, желая испугать коз, внезапно раскрыл зонтик, выставил его перед собой. Но он не знал нашу Катюку. Мурка и Манька разбежались, а Катюка, обойдя его, поднялась на задние ноги и ударила его рогами под колени. Матрос свалился. Он пытался встать, но Катюка продолжала бить его рогами. Матрос заорал на неё, начал ругаться и кричать, что если мы не уберём нашу козу, он нас перестреляет. Мы очень испугались и боялись подойти к нему и отогнать Катюку. Не знаю, чем бы всё это кончилось, но, на наше и его счастье, из садика вышли несколько женщин. Они тоже гнали на пастбище своих коз. И помогли нам отогнать Катюку, обругали матроса: «Ишь, что придумал, пьяный дурак, — пугать маленьких детей. Вот сведём тебя к коменданту». Матрос стушевался, а мы погнали вместе со всеми своих коз домой».

Далее приведём фрагменты воспоминаний, связанные с её братьями Юрием и Владимиром и сестрой Катей, с которыми у Валентина Цареградского были тесные связи на протяжении значительной части жизни. Братья учились в Горном институте. Катя была студенткой университета.

Горный ковбой

«Юра — мой младший брат. Родился в 1910 году в Петербурге, на Лубянской улице. Учился в начальной школе, как и все мы, у Варвары Петровны¹. В какой школе учился в Гатино, не помню. В Петровском недолго ходил в школу. После Петровского, так же как и я, не учился нигде.

По возвращении в Ленинград поступил в школу у Пяти Углов, которую благополучно окончил. После школы поступил в Горный институт, который мы с ним окончили в 1932 г. По

¹ Частная школа.

окончании института Юра был направлен работать в Якутск, где проработал до призыва в армию.

...Мы очень дружили с Юрой. Подробно напишу об этом, когда буду писать о себе, потому что детство наше неразрывно связано. Здесь напишу только то, что непосредственно со мной не связано. Будет это очень отрывочно. Пожалуй, и вся моя писанина состоит из одних отрывков, неожиданно всплывающих в памяти.

Юра очень любил читать. Он как-то обменял две свои книжки на книжки своего одноклассника. Выменятые книги (я уже не помню, что это были за книги) оказались совсем неинтересными. Убедившись в этом, Юра с досадой воскликнул: «Какой же я идиот, что поменял свои книги, не посмотрев сперва, на что меняю». Сокрушался Юра в присутствии Мусеньки¹, и она тут же сочинила экспромт и пропела: «С книжками под мышкой, идиот мальчишка. Он идёт, идиот, идиотничает».

Это получилось очень смешно, и все мы, включая Юру, очень смеялись.

Товарищи Юры Костя и Лёня почти ежедневно бывали у нас. Лена и Катя в наших развлечениях не участвовали, а мы частенько дулись в подкидного дурака, причём обязательным условием было то, что проигравшая пара должна встать на четвереньки. Обычными партнёрами были я и Лёня, Юра и Костя. У меня в то время тоже была своя компания, и я при каждом удобном случае старалась улизнуть к своей подруге Варьке Клейн. Только в те дни, когда я оставалась дома, я проводила время в обществе друзей Юры.

Юра очень любил лошадей. Лошади его «понимали» уже тогда, когда он жил в Петровском. Я не помню, где и в качестве кого работал Онкел Базиль в последний год нашего пребывания в Петровском. Вероятно, в том же Железкоме, где и наш папа, так как других учреждений, по-моему, не было. Не знаю также, оставался ли Онкел Базиль членом «коммуны», но лошади находились в его персональном пользовании. Лошадей было три — два жеребца и кобыла. Я их очень боялась. Самый резвый и самый злой был вороной жеребец Орлик. Запрягал и выпрягал лошадь Юра всегда сам, а запрячь лошадь — дело нелёгкое.

¹ Мусенька (Маруся) – сестра Нины и Юры.

Интересно, что этот норовистый жеребец был совершенно послушен Юре.

Юра был хорошим охотником. К охоте он пристрастился через Валентина Цареградского. Валентин — страстный охотник. Он часто ездил на охоту, когда жил у нас, и брал с собой Юру.

Брат Володя подарил Юре маленькое ружьё «Монте-Кристо».

Уже работая в Якутии, Юра добывал много ценной пушнины. Он говорил, что если бы было можно, он привёз бы меха не на одну шубу для нас. Но сделать этого было нельзя, так как меха, как и золото, нельзя было вывозить и приходилось сдавать меха в заготпушнину. Юра говорил, что стрелял он не ради денег и продуктов, которыми расплачивались за меха: «Мне и зарплаты вполне хватало», — говорил он.

Геологи, работавшие в Якутске, говорили, что ни к кому так охотно не шли работать рабочие, коллекторы и прорабы, как к Юре. Дело в том, что его партия никогда не оставалась без свежей дичины. Юра бил не только пушнину, которую добывают, как известно, зимой. Браконьером Юра никогда не был. Летом он бил дичь пернатую и четвероногую только в положенное законом время. Тогда у Юры было уже не его маленькое ружьё, а прекрасная двустволка».

«Я — Юра!»

«Помню, что, когда мы были ещё студентами, мама как-то сокрушалась, что ей надо бы купить тёплый платок, да денег нет. И что Коля и Володя совсем не помогают. Юрик сказал: «Мамочка, как только я начну зарабатывать, ты ни в чём не будешь нуждаться!» Мама сказала, что Коля и Володя то же помогали, пока не женились. И с тобой, когда женишься, будет тоже самое. На это Юра коротко сказал: «Я не Коля и Володя, я — Юра». И вышел из комнаты. Своё слово Юра сдержал и аккуратно присылал маме из Якутии половину своей зарплаты и до, и после женитьбы. Зарплата у Юры была немаленькая, и мама ни в чём не нуждалась, и в трудную минуту помогала всем нам. Не помню, в каком году Юра женился на Анне Фёдоровне. Год её рождения и её девичью фамилию я не знаю.

Мать Нюси была «мамушка»¹ в артели старателей, поисковиков золота. Нюся рассказывала мне, как над ней, когда ей было 5 лет, «подшутил» один из старателей. Он спросил, не хочет ли Нюся кедровых орешков, и когда она протянула к нему сложенные лодочкой ладошки, он высыпал в них горсть чёрных тараканов. Нюся говорила, что от испуга с ней сделался нервный припадок, и её еле отходили. Можно представить себе, какая обстановка царила на этих зимовках. Пьянка там шла беспрерывно. Часть намытого золота утаивали, не сдавали в контору, а выменивали у китайцев на спирт, привозимый контрабандой. То же самое проделывали с пушниной. Китайцы были искусными контрабандистами.

Я видела мать Нюси только один раз, когда она с дочерью Нюси от первого брака приезжала к нам в Ленинград. Дочь Нюси Валерия постоянно жила с бабушкой в Якутске, как до женитьбы Юры, так и после неё. Уже взрослой, замужней женщиной Лера приходила к нам в Москве на Серпуховку. Она в то время работала (а может быть, и теперь работает) врачом в одном из московских роддомов. Она-то мне и рассказала о смерти своей бабушки.

Возвращаюсь к женитьбе Юры. О том, что женился, он написал нам из Якутска. Приехал он домой, когда его старшему сыну Лёне было года два. Проведя отпуск дома, он вернулся в Якутск, а Нюся осталась в Ленинграде. Она не обладала хорошей фигурой, была маленького роста и очень толстая. Костя Мотыльков прозвал её АНТ-25. Эта кличка к ней пристала, так мы называли её между собой, а в глаза — Нюсей...

...Родился второй сын Юры, Борис. Вскоре после его рождения в очередной отпуск приехал Юра. Он говорил мне, что ему надоело скитаться и он хочет поступить в электротехнический институт. К тому времени истёк срок брони, освобождающей Юру от армии, и ему пришла повестка из военкомата. Если бы Юра не был Юрой, он не пошёл бы сразу в военкомат, а восстановил бы сначала бронь. Но Юра этого не сделал. Он явился в военкомат, и ему приказали прибыть на другой день. Словом, его призвали в армию. В это время в Якутске спохватились и

¹ Женщина, выполняющая бытовые работы в артели старателей (готовка, стирка и т.д.).

вслед Юре срочно выслали бронь. Катя с ней побежала в военкомат, но там сказали, что Юра уже является военнослужащим, изменить ничего нельзя. Юра был зачислен в армию танкистом и направлен для прохождения службы в Белоруссию.

Когда у меня родилась ты, дочурка, я получила от Юры очень тёплое письмо. Он поздравлял меня и вашего папу. Просил подробнее написать ему, как ты, сколько вешишь, и какого ты роста. Спрашивал, как прошли роды, как мы с Васей думаем назвать. Мне очень жаль, что я не сохранила этого письма. Последнее письмо от Юры получила уже во время войны мама. Он писал, что их полк вырвался с большими потерями из окружения, что он своими глазами видел все ужасы войны — убитых детей, стариков и женщин, сожжённые деревни, вытоптаннные хлебные нивы. Писал, что не знает, на какой участок фронта их направят. Письмо он закончил фразой: «Мамочка, родная, не грусти, кончится война, и я вернусь». Но он не вернулся».

* * *

Как хорошо, что Нина Ивановна оставила свои воспоминания. Есть возможность читать записки умного, с живым характером человека. Я по-хорошему завидую братьям Серпуховым: Николаю, Владимиру, Юрию. В их жизни была такая сестра...

Средний брат Володя

«Володя¹ родился в 1899 г. С серебряной медалью окончил 10-ю мужскую гимназию. В молодости Володя был очень озорным. Папу часто вызывали для объяснений в гимназию. Сохранилась фотография (не знаю, у кого она сейчас), на которой снят класс, в котором учился Володя. В первом ряду с торжественными лицами сидят педагоги, а в заднем ряду с лихо сдвинутой набекрень фуражкой возвышается на полкорпуса выше всех Володя. Папе часто приходилось ходить и извиняться за поведение Володи. Но, несмотря на шалости, Володя и гимназию окончил с серебряной медалью. Он очень увлекался

¹ Владимир Иванович Серпухов окажет большое влияние на становление В. Цареградского как геолога в период обучения на старших курсах и работы в экспедициях.

хоккеем. Ключка у него была, но не было обмоток на ноги. (Тогда играли, забинтовывая ноги толстыми шерстяными обмотками.) Володя просил маму купить ему обмотки, но безуспешно, так как мама считала хоккеем баловством, мешающим заниматься. В это же время на кровати Коли и Володи были куплены два пушистых шерстяных одеяла. Володя, недолго думая, отрезал от того и другого по длинной полосе себе на обмотки. Ему тогда здорово попало. Не подумайте, что его выдрали: нас никогда не били и не лишали за обедом сладкого. Просто мама его отчитала и запретила играть в хоккей. Но Володя по-прежнему потихоньку от мамы продолжал играть в хоккей в самодельных обмотках.

Окончив гимназию, Володя поступил в Горный институт, но, не окончив второго курса, добровольцем ушёл в Красную Армию. Прослужил он рядовым всю гражданскую войну. Воевал на разных фронтах. Помню, как он на минутку забежал домой, когда красные гнали от Ленинграда войска Юденича. На каких ещё фронтах воевал Володя, не знаю.

Помню, когда его демобилизовали, он приехал к нам в Петровское. Будучи человеком компанейским, он быстро сдружился с местной молодёжью, организовал любительскую труппу и поставил пьесу Островского «Бедность не порок», где играл роль Африкана Савича. Дядя Коля извлёк из сундука свой сюртук и дал его Володе. Спектакль прошёл успешно. Сюртук был снова убран в сундук, и Володя поехал в Петроград восстанавливаться в институте.

Но тут произошло событие, чуть не кончившееся для него трагически. В Боровичах его арестовали как дезертира. Дело в том, что Володя оставил бумажник с документами в сюртуке. Я не знаю, каким образом об этом узнали дома. Начался переполох. К счастью, дядя Коля догадался заглянуть в карман своего сюртука и обнаружил там бумажник. Не знаю, с кем бумажник переправили в Боровичи и отдали Володе, который в ожидании суда сидел на «губе». Удостоверившись, что Володя демобилизован досрочно для продолжения образования, военное начальство его с миром отпустило.

Восстановление в Горный далось Володе нелегко. В то время ректором был профессор Герман. Он же был ректором, когда

учились и мы с Юрой. Когда Володя подал заявление с просьбой восстановить его в институте, Герман восстановить решительно отказался, сказав: «Раз вы добровольно бросили институт, учиться в нём вы больше не будете». Я не помню всей истории Володиного восстановления, знаю только, что он восстановился. У Володи на всю жизнь осталось на кисти левой руки пятно от ожога. Он рассказывал, что прижигал себе руку, чтоб не набить Герману во время разговора с ним морду.

Потом, когда Володя стал сначала известным геологом, почётным членом географического общества и, наконец, профессором института, у него с Германом были прекрасные отношения».

Добавим к воспоминаниям Нины Ивановны: Владимир Иванович, бросив учёбу в гимназии, в ноябре 1917 года уехал санитаром студенческого отряда Красной армии на фронт. В 1918 году окончит с серебряной медалью 10-ю Петроградскую гимназию.

И вновь служба. Теперь — в кадровой роте ВЧК по охране путей сообщения.

Он участвовал в боях под Харьковом и Одессой, под Уфой, осенью 1919 года защищал Петроград от Юденича, в 1920 году воевал против петлюровских отрядов Тютюнника и Кацуры под Кременчугом. Демобилизовался в октябре 1922 года.

В Горный институт подаёт заявление в 1919 году, но окончит его только в 1939-м экстерном и с отличием. Участие в экспедициях, открытия, которые он делал на Дальнем Востоке, Алдане, Чукотке, не оставляли времени для академических занятий в институте.

В 1926-1929 годах он возглавлял Алданскую геологопоисковую партию, в 1930-1933 годах производит геологическую съёмку и разведку в Удском районе...»

Катя

«Тётя Катя¹ родилась в 1905 г. Училась сначала в той же школе, что и все мы, потом в Екатерининской женской гимназии. В Гатино, не помню где, но не в одной со мной шко-

¹ Воспоминания написаны детям автора, отсюда — «тётя».

ле. В Петровском недолго училась. По приезде в Ленинград сначала училась в школе на Выборгской стороне, потом неделю в Лентовке и, наконец, окончила школу у Пяти Углов. В этой школе директором был Боровский — первый муж Елены Осиповны Сычёвой. Ту же школу у Пяти Углов окончил и Юрий — мой брат и ваш дядя. Высшее образование получила в университете, занималась на химическом факультете.

Катюша была очень слабым ребёнком, да и взрослой не стала крепче. Когда ей было 4 года, она перенесла очень тяжёлую форму крупозного воспаления лёгких, её едва удалось спасти. Мама рассказывала, что мы в то время жили на даче в Парголово. Стояло прекрасное лето. Нас выкупали в ванне и спать уложили не сразу. Катенька вышла и села на крылечко. На другой день у неё поднялась температура. Из рассказов мамы я помню, что Катю лечил доктор Мартынов. Он говорил, что когда уже почти не было надежды, он, рискуя, вводил Катюше «лошадиные дозы» камфоры. В то время у нас гостила бабушка Татьяна Даниловна. Она сказала: «Что вы мучаете ребёнка, дайте ей умереть спокойно, положите её под образа. Разве вы не видите, что она отходит». Мама говорила, что у Катюши уже началась синюха: посинели ногти и нос. Мама также говорила, что папа закричал на бабушку: «Мамаша, уйдите из комнаты и не суйтесь не в своё дело!» Наконец выступил пот и температура упала — кризис миновал. Доктор вздохнул с облегчением и сказал: «Ну, теперь будет жить». Катюша поправилась, но лёгкие остались слабыми. Впоследствии у неё развился туберкулёз, который во время блокады свёл её в могилу. Подробно об этом я напишу ниже.

В детстве Катенька была очень тихой, послушной девочкой. Я не помню её подруг в школе и гимназии. Когда она окончила школу у Пяти Углов, она подружилась с Лёлей Соколовой, очень хорошенькой бойкой девушкой. В университете она дружила с Таней Ендовицкой и с Ниной (фамилию забыла). Об этих её подругах я ещё расскажу.

Во время нашего отрочества дома у нас было очень шумно. У брата Володи было много друзей однокурсников, и они постоянно бывали у нас. Володины друзья меня мало интересовали, но Лена и Катя жили полной жизнью, то есть очень весело.

Впрочем я в своей компании тоже не скучала. Назову из Володиных друзей тех, кто чаще других бывал у нас.

1) Мишка Слейников (жил у нас больше года). 2) Коля Сочновский. 3) Аркадий Корольков. 4) Клёма Звонарёв. 5) Ванька (Ванька с трубкой) и 6) Валентин Цареградский.

«Ванька с трубкой» влюбился в Катю и просил её немедленно выйти за него замуж. Катя сказала, что вряд ли мама и папа позволят ей выйти сейчас замуж. Ванька стал уговаривать её зарегистрироваться потихоньку. Кате было 15 лет, и вряд ли бы их зарегистрировали.

Когда мама узнала об этом, она очень возмутилась и запретила Ване приходить к нам, а Володе — приглашать его.

Рассказывая о друзьях Володи, я не упомянула, что у Кати начался роман с Валентином Цареградским, прозванным «бледнолицым юношей». Роман кончился свадьбой. Катюша вышла замуж очень молодой. Ей ещё не исполнилось 17 лет. Было это в 1923 г. В 1925 г. родилась Вероника, а в 1927-м — Ира. Катюша ездила с детьми на лето в семью Валентина в село Никольское-на-Черемшане. По преданиям, там разыгралась трагедия, описанная Пушкиным в Дубровском. До революции земли вокруг Никольского принадлежали помещику Троекурову.

Катюша надолго оставляла девочек в Никольском у свекрови. Рина спала там на сундуке и однажды ночью упала с него и сильно ушиблась. Зимой она начала жаловаться, что у неё болит ножка. Она уже с трудом ходила. Осмотреть её был приглашён известный в Ленинграде хирург — профессор Буш. Дочь маминой приятельницы Е.В. Редько была замужем за сыном Буша. О Редько я ещё буду говорить, когда начну писать о себе. Буш осмотрел Рину, потом положил на пол коробок спичек и попросил Рину его поднять. Наклониться Рина не могла и присела на корточки. Буш сказал, что у неё туберкулёз позвоночника и попросил её раздеть. Когда Рину раздели, он показал, что один из позвонков у неё значительно увеличен, и сказал, что это начал развиваться горб, и её нужно положить в костно-туберкулёзный санаторий. Туда годами ждали очереди, но он хорошо знаком с главврачом профессором Хренниковым и даст ему письмо.

Благодаря этой протекции Рина была принята сразу же. Она пролежала там несколько лет в гипсовом корсете. Этим беда не кончилась. Рина захворала scarlatinной. Образовался натёчник, и Рину пришлось оперировать. Катя в это время училась в институте».

* * *

Это только небольшие отрывки из воспоминаний Нины Ивановны Серпуховой, достойные быть изданными пусть небольшой, но отдельной книжкой.

Гранит науки

Ещё студентом В. Цареградский начал работать с профессором Рябининым, специализируясь по древним позвоночным животным.

Первую свою самостоятельную работу студент Цареградский провёл в бассейне Северной Двины, занимаясь изучением развития древних ящеров. Об этом классе животных он напишет шесть статей.

Раздобыв умершего варана в зоологическом саду, он отпрепарировал его скелет, выварил, привёл в порядок. И получил возможность сравнить скелеты современных ящериц со скелетами мезозавров. Манила большая тема: «Эволюция костного скелета».

В характеристике, подписанной палеонтологом, профессором Анатолием Николаевичем Рябининым, В.А. Цареградский аттестован самым лучшим образом. Он хорошо занимался по его предмету, обнаружив способности к научным исследованиям. Добросовестно выполнил порученную ему работу по описанию останков мезозавров, найденных в верхнемеловых отложениях Саратовской губернии, Уральской области и Донецкого бассейна. Статья В.А. Цареградского, посвящённая данной теме, была напечатана в «Известиях Геологического комитета» за 1924 год. Профессор отмечает, что студент приступил к изучению палеонтологических окаменелостей Приморского края, настаивал, чтобы данная тема была закреплена за его подопечным. Дипломная работа, которую предстояло защитить, носила

название «Мезозавры в современном научном освещении». Обоснование подписали ведущие палеонтологи СССР — профессора А.Н. Рябинин и Н.Н. Яковлев.

Для прохождения 2-й Геологической практики В.А. Цареградский отправился на Северо-Восток, в район реки Ветлуги. Одну часть маршрута (до Вологды) он проехал на поезде, другую (до Устюга) — на пароходе. В ходе практики студент успешно выполнил учебный минимум по геодезии и геологии.

Год спустя, 14 мая 1926 года, его командировали в район бассейнов рек Алдан и Тымиток Якутской ССР в составе геолого-разведочной партии В.И. Серпухова. Здесь Цареградский получил должность производителя работ. Район оказался совершенно диким. Выпал снег, задержавший возвращение геологов на две недели. Осложнила ситуацию болезнь В.И. Серпухова. В.А. Цареградский временно принял на себя заботы по экспедиции. В 24 года это настоящее испытание, которое он успешно выдержал. В марте 1926 года В.И. Серпухов пригласил В.А. Цареградского в качестве заведующего поисковыми работами в Южно-Алданском районе Якутской ССР.

Алданская экспедиция не помешала В.А. Цареградскому продолжить работу над дипломным исследованием. В мае 1927 года он берёт отпуск и проездные документы до станции Большой Невер Амурской железной дороги. Осенью В.И. Серпухову вновь пришлось объяснять отсутствие студента, своевременно не прошедшего регистрацию в институте. В.И. Цареградский задержался на реке Алуткан, где проводились работы по нарезке шурфов.

Наравне с активным участием в полевых работах, прохождением пяти практик (геодезической, горной и трёх геологических) студент В. Цареградский за период учёбы прослушал и выполнил практические задания по 52 курсам.

После работы на Алдане его взяли на учёт в секции золота и платины Геологического комитета как специалиста по золоту.

Специалистов в стране не хватало. Каждый студент был на строгом учёте. За год до окончания института, с четвёртого курса, они уже назначались начальниками геологических партий.

Будущий «Золотой Моцарт» и «Бледнолицый брат»¹

*Рыжая масть, белая кость,
Крепкий, на диво сработанный гвоздь.
Взгляд голубой блещет умом,
Много талантов собрано в нём.*

*Ясная логика, острая мысль,
Светлая память в одно слились.
Всё в нём в избытке, всем он богат,
Не человек — настоящий клад.*

Эти стихи о Ю. Билибине сложили в период его работы сразу после окончания института на Алдане его друзья геологи.

Слово «клад» в данном контексте — в устах геологов звучит особо. Шутливо-дружеское стихотворение, но всё же... Не о каждом из нас наши коллеги по работе скажут громко и с таким восторгом!..

Да ещё в суровых природных условиях, при постоянной угрозе голода, холода и бытовой неустроенности...

Я сижу за рабочим столом и перебираю скопившиеся на нём фотографии участников Алданских и Колымских экспедиций.

Невольно отмечаю, что чаще всего нахожу на них Ю. Билибина с улыбкой на лице. И там, где он заснят реалистом ещё в 1913 году, и там, где в группе геологов Н.И. Зайцева, П.М. Шумилова, где сидит один во время Первой Колымской экспедиции. Он и здесь, глядя прямо в объектив, улыбочив и доброжелателен. Полная самодостаточность и раскованность.

Я заметил, что и люди, если он оказывался рядом с ними, становились улыбочивыми, это хорошо видно по фотографиям. Такой притягательный магнетизм излучал этот человек.

Невольно ищу семейную фотографию Билибиных. Всматриваюсь в лица отца его, матери, двух сестёр.

Билибины упоминаются в российских книгах, грамотах со времён Иоанна Грозного. В их талантливом роду — математик,

¹ «Бледнолицый брат» — так в шутку звали в своём кругу В. Цареградского собиравшиеся у Серпуховых студенты.

известный художник, автор учебников по алгебре и геометрии, учёный-этнограф.

* * *

О своём детстве и юности сам Ю.А. Билибин оставил сведений мало.

Родился он 6 мая 1901 г. (старого стиля) в г. Ростове Ярославской губернии в семье кадрового военного. Отец — офицер-артиллерист, мать — преподаватель Ростовской прогимназии. Дома все любили искусство, рисовали, музицировали. Во время Первой мировой войны его отец, Александр Николаевич, в чине полковника командовал 56-м парковым артиллерийским дивизионом. С 1918-го по 1922 год служил в Красной армии. Мать София Степановна преподавала. Жила позже вместе с сыном в Ленинграде, встретила там войну и пережила блокаду.

...После Ростова Билибины осели было в Карачеве, уездном городишке, где на базаре приятно пахло хлебом, кожей, лошаадьми. Однако отца часто переводили служить с одного места на другое. После Карачева жили в скучном Царском селе в казённых флигелях офицерской школы. Затем — в шумной Самаре, вблизи раздольных Жигулей и Волги. В купеческом городе с зазывными базарами, где манили к себе яркие игрушки, шарманки.

В 1911 году Юрий поступил в Самарское реальное училище. Из похвального листа того времени: «Педагогический совет Самарского реального училища имени императора Александра Благословенного на основании параграфа 30 Правил об испытаниях учеников реальных училищ, учреждённых г. Министерством народного просвещения 29 апреля 1895 года, наградил этим листом ученика 1-го класса Билибина Георгия за примерное поведение и отличные успехи, показанные им в истёкшем учебном году. Самара, 8 сентября 1912 года». И в последующие годы Юрий (Георгий) учился очень хорошо.

После Самары — Смоленск. В нём семья Билибиных оставалась дольше всего. Пережили две войны и две революции. Здесь Ю. Билибин оканчивает в 1918 году реальное училище. В этом же училище, где работала учительницей мама, учились сёстры Людмила и Галя.

Неистошимый на выдумки, отец делал жизнь семьи весёлой и праздничной. Дом, который они снимали, был превращён в уютный уголок.

Александр Николаевич, строгий на вид, с усами, торчащими будто пики, острой бородкой, сочинял шуточные стихи. Сам редактировал рукописный семейный журнал «Уютный уголок». Сам рисовал картинки, рамки. Подписывался — «редактор Шампиньон», «художник Пупсик». Сотрудниками журнала были все члены семьи. Они выступали под псевдонимами: Муха, Мурзилка, Кругломордик, Галка-Мокроглазик, Стрекоза, леди Зай.

В феврале 1919 года Ю.А. Билибин добровольно вступил в Красную армию, служил вместе с отцом до 1921 года в штабе 16-й армии. Из Красной армии он был направлен в Смоленский военизированный политехнический институт, в сентябре 1921 года перевёлся в Петроградский горный институт.

В начале 20-х годов институт на Неве — один из центров геологической науки. В нём работали выдающиеся представители отечественной геологии: А.А. Борисьяк, Д.И. Мушкетов, А.Н. Заварицкий, А.К. Болдырев, С.С. Смирнов и др. Здесь-то и встретились два энергичных студента — Ю.А. Билибин и В.А. Цареградский. Это произошло в лаборатории количественного анализа, когда Юрий Билибин выполнял работы по химии.

У Билибина уже тогда были выражены не только задатки учёного, но и истинного философа с огромной внутренней интуицией.

Рудольф Седов пишет: «Цареградский хотел быть палеонтологом, Билибин — петрографом. Они не были похожи даже внешне: Билибин — огненно-рыжий, Цареградский, как цыган, — смуглый, чёрный; у Билибина выдавался массивный подбородок, у Цареградского — подбородок острый. И глядели они по-разному: светлоглазый Билибин — открыто и прямо, у Цареградского карие глаза смотрели как-то из-под бровей, прицеливаясь».

Дружба молодых людей объединила их энтузиазм и мечту, которые, пройдёт совсем немного времени, проложат русло их общей судьбы и в известной степени судьбы золотодобычи на Колыме.

...В институте работало студенческое научное общество, называвшееся геологическим кружком. Внутри кружка была органи-

зована Сибирская секция. Возглавил секцию Ю. Билибин. Организационное собрание секции состоялось 9 ноября 1923 года. В этот день члены секции, куда входили Е.С. Бобин, Д.В. Вознесенский, К.Г. Кригер-Войновский, А.Л. Лисовский, С.А. Музылев, В.А. Пресняков, С.А. Призانت, В.И. Серпухов, Н.А. Хрущёв, В.А. Цареградский и Ю.М. Шейнманн, дали торжественное обещание свою основную деятельность сосредоточить на изучении геологического строения и подземных богатств Сибири и Дальнего Востока.

Мозговым центром секции были В.И. Серпухов и Ю.А. Билибин. Собирались чаще всего на квартире Серпуховых, где жила молодая семья Кати и Валентина Цареградских.

Сибирская секция просуществовала несколько лет (до 1926 года), в течение которых проводились заседания, заслушивались и обсуждались рефераты статей о геологическом строении различных районов Сибири, а в дальнейшем — доклады о работе как членов секции, так и приглашаемых на эти заседания геологов-сибиряков.

Ю.А. Билибин читал рефераты об Урале и Алдане. Весь Северо-Восток страны был разделён на зоны. Билибин взял себе Чукотку и Камчатку, Цареградский — Индигирку и Колыму.

Дух тесного товарищества, царивший внутри секции, для многих его членов перерос в дружбу, которую они пронесли сквозь всю жизнь, отданную изучению необъятных, труднодоступных и суровых пространств Отечества.

Все участники секции остались верны своему торжественному обещанию. Одни из них стали участниками колымских экспедиций, другие работали на приисках Якутии и Колымы. Кто-то оказался на Севере и Северо-Востоке нашей страны по собственному призванию или попал в мясорубку ГУЛАГа, а кто-то был в составе инженерной элиты дальних горных и приисковых управлений.

Десять размоченных горошин

... **С**тудентам тех лет, когда в стране царили разруха и безработица, жить было непросто. Билибин не исключение. Квартировал он в доме напротив института. Это несколько помогало. Не требовались деньги на трамвай, меньше изнаши-

валась обувь. Подрабатывал, как и Цареградский, грузчиком в порту, который был рядом с институтом, расчищал снег на трамвайных путях Васильевского острова.

Как это знакомо. Нам, ребятам выпуска 60-х годов политехнического института в Куйбышеве (теперь Самара), часто приходилось разгружать баржи на Волге, вагоны на железнодорожном вокзале, лопатить земельные участки вдоль Волги на дачах и в пионерских лагерях.

Но мы получали стипендию, не платили за обучение, плюс почти бесплатное место в общежитии. Другое дело Юрий Билибин. Он дважды обращался к руководству института с единственной просьбой. Первый раз писал: «Вносить плату за обучение я не в состоянии. Не имея никакого постоянного заработка, я сейчас живу только тем, что мне удалось заработать осенью в порту, употребив на это полтора учебных месяца. Рассчитывать на поддержку из дому не могу, так как отец, член профсоюза транспортников, получает весьма ограниченное жалованье, содержит на своём иждивении мою сестру и мать». На прошение легла суровая резолюция: «Оставить в силе прежнее постановление».

В следующем заявлении студент писал: «Даже последний выход — продажа своих вещей — для меня закрыт, потому что имею только то, что на мне. Остаётся одно — уходить из института. Этот выход мне тем более обиден, что, несмотря на крайне тяжёлые условия жизни, я всё же проявил полную активность, в настоящее время мною сдан не только рождественский минимум, но даже более 100 процентов годового». Теперь на заявление легла резолюция помягче: «Снизить плату наполовину». В том же 1923 году Билибин снова ищет, где бы подработать. Найти в то время работу было непросто. Билибин просит дать ему свидетельство о том, что он стипендии не получает, для представления на биржу труда...

...В. Цареградский много позже вспоминал, что ещё в студенческую пору его восхищала самодисциплина, сила воли и целеустремлённость Билибина, который жил строго по расписанию и всё предусматривал до мелочей. В голодные годы в Ленинграде студенты существовали на скудном пайке. Билибин периодически получал от родителей из Смоленска посылки с продовольствием и распределял полученное на небольшие еже-

дневные добавки. Селёдку делил на мелкие кусочки и съедал в день не больше одной определённой порции, добавляя к ней десять размоченных горошин. Несмотря на постоянное ощущение голода, не нарушал установленного порядка, не наедался хотя бы раз досыта. И это при напряжённых занятиях в институте.

Юрий в это время страдал малокровием, упадком сил. Ему дважды давали месячные отпуска для поездки на поправку к родителям в Могилёв.

Голодали и профессора. Профессор Болдырев жил коммуной со Смирновым и Наливкиным, будущими академиками. Питались они впроголодь.

Юрий перебрался в общежитие рабфаковцев. Жили без печей и отопления. Чтобы варить похлёбку в армейских котелках, они на пол клали кирпичи, на них разводили костры. Спичек не было. Для поддержания огня переносили зажжённую лучину из комнаты в комнату. Спали на голом полу по-солдатски на шинели, ей же укрывались. Под голову клали книги.

Над книгами Билибин просиживал до ломоты в костях.

— Нет такой книги, которую нельзя прочитать за одну ночь, — считал он.

Он ходил на все лекции. В классах замерзали чернила, пальцы от холода коченели. Конспекты писал чётким крупным почерком, толково и ясно. Они ценились как прекрасные учебники. Многие студенты сдавали экзамены по ним.

...И всё-таки как много и успешно работал Ю.А. Билибин в студенческие годы! Он публикует статьи по результатам исследования открытых им новых минералов: алюмогидрокальцита и алюмолимонита, о смесимости минералов группы кальция. Эти статьи актуальны и сейчас. Таков характер дарования молодого горного инженера.

Высокий, волевой студент Юрий Билибин был старше В. Царградского на один год, по институту — на два курса.

Оба — романтики. Оба мечтали о таёжных экспедициях. Билибина больше привлекала Камчатка с её действующими вулканами, горячими источниками. Тогда геологи о них почти ничего не знали. Выступая с рефератами, слушая доклады геологов, географов, побывавших в Сибири, они рвались к конкретным практическим делам.

В завершающем году студенческой жизни Билибин уже не бедствовал. Он стал научным сотрудником Геологического комитета. Занимался обработкой летних материалов Хакасской экспедиции, в которой участвовал в должности прораба. Настала безбедная жизнь. Билибин перевёз из Могилёва в Ленинград престарелых родителей, теперь они стали жить на его иждивении.

Учёба геологов — это прежде всего производственные практики, поездки по всей стране. Юрий Билибин, кроме практики на Байкальском железорудном месторождении, летом 1923 года работал смотрителем мелких шахт на Успеновском руднике в Донбассе, летом 1925 года — прорабом в партии Геологического комитета по поискам и разведке редких металлов в Хакасии под руководством старшего геолога и профессора Ленинградского университета Якова Самойловича Эдельштейна.

...10 мая 1926 года Билибин выдерживает испытание Государственной квалификационной комиссии и защищает дипломную работу на тему «Алюминиевые минералы из Хакасского округа». Ему присваивается квалификация горного инженера.

Дипломную работу он выполнял под руководством преемника К.И. Богдановича — А.Н. Заварицкого. Оба — легенды отечественной геологии. Так закладывалось интеллектуальное достояние горных инженеров.

Единомышленники

...**В**алентина Цареградского манили скалистые горы, непроходимые леса. Он читал и приходил в восторг от описания северной природы Маминым-Сибиряком, Джеком Лондоном.

Евгений Константинович Устиев¹ — мужественный исследователь, написавший о Первой Колымской экспедиции правдивую и увлекательную книгу «У истоков золотой реки», много раз

¹ Е.К. Устиев – выдающийся петролог, был репрессирован в 1937 г. и этапирован на Колыму вместе со своим названным отцом, известным геологом А.А. Флоренским.

встречался с Валентином Александровичем Цареградским. Писалась она по его воспоминаниям. Потому особенно достоверна.

Нахожу у него о Цареградском: «...Он перечитал то немногое, что можно было найти в книгах о Восточной Сибири, — всё, вплоть до корявых донесений, писанных первыми землепроходцами в московские приказы «тишайшего» государя Алексея Михайловича. Теперь он ясно понимал, как мало известно о необозримых просторах к востоку от Лены. Тоненькие, теряющиеся в безмерности тайги и тундры тропки шли через Яну, Индигирку, Колыму, Анюй, через каменные Анадырские горы к Студёному морю, на котором когда-то боролись с ледяными штормами корабли командора Беринга. Всё, что было в стороне от этих редких тропинок или от туманных берегов Охотского моря с их редкими рыбацкими посёлками, оставалось загадочным и волнующим своей неизвестностью.

Цареградский разыскивал в библиотеке Горного института всё новые и новые книги в старинных, под мрамор, переплётах, тренировал себя гимнастикой и спортом, тренировал глазомер в тирах, обливался ледяной водой и спал ночью с открытой форточкой. Никакие насмешки товарищей не могли поколебать в нём удивительную для его молодости целеустремлённость. Молодость всегда верит в свою звезду, а одержимая, она верит в неё стократно!..»

Попавшиеся В. Цареградскому в библиотеке записки революционера-народника, натуралиста и геолога Ивана Дементьевича Черского не оставляли в покое.

Записки касались путешествия И. Черского по дикой в то время Якутии и в низовье Колымы. В эту поездку он был послан в 1891 г. Петербургской академией наук. Ежедневные записки автора отражали поразительные картинки неведомого края: суровую его природу, характеры проводников и оленоводов. В них была их ломаная, точная речь, обычаи и нравы. Это было последнее путешествие И.Д. Черского. Заболев скоротечной чахоткой, он умер на втором году своего путешествия, когда сплавлялся на плоскодонном баркасе в низовьях Колымы.

Жена Мавра (Марфа) Павловна похоронила мужа на левом берегу Колымы, против устья Омолона. На месте упокоения был поставлен деревянный крест с выжженной надписью и деревянная ограда.

Иван Дементьевич Черский — первый геолог, достигший Колымы и составивший о ней точное описание.

Думал ли В. Цареградский о том, что их пути пересекутся?

Став после своих экспедиций на Колыму во главе геологического управления, занимающегося исследованиями всего когда-то дикого края, он организует установку на могиле И.Д. Черского каменного обелиска с надписью: «Выдающемуся исследователю Сибири, Колымы, Индигирки и Яны, геологу и географу Ивану Дементьевичу Черскому от благодарных потомков».

Это будет много позже, а пока... лекции, семинары, доклады...

Как пишет о Ю. Билибине и В. Цареградском Е.К. Устиев: «Их легко воспламенявшееся воображение было однажды поражено интересным докладом Сергея Владимировича Обручева, который только что возвратился из длительного путешествия в бассейн Индигирки и привёз оттуда массу новых геологических и географических сведений. Он начал свои многолетние исследования, распространившиеся затем на бассейн Колымы и приведшие через несколько лет к открытию громадной горной цепи. Названная в честь Черского горная гряда оказалась сенсацией для географов. Протяжённостью во многие сотни километров, она уже сама по себе показывала, как много неизвестного ещё скрывается к востоку от Лены!

— Послушай, Юра, — воскликнул после обручевского доклада Валентин, — ведь это новая Америка! Там можно ждать чего угодно!»

Автор доклада, который так вдохновил молодые умы, — Сергей Владимирович Обручев — крупный специалист-геолог, сын академика В.А. Обручева. Результатом его многолетних изысканий явилось создание совершенно новой картины геологического строения Средне-Сибирского плоскогорья. Он предсказал существование огромного Тунгусского угольного бассейна.

С.В. Обручев — пионер в изучении геологического строения бассейна Индигирки и Колымы, а затем и Чукотки.

После первой своей экспедиции на Индигирку (1926-1927 гг.) установил, что полюс холода Земли находится в верховьях Индигирки — в Оймяконе.

Его отец Владимир Афанасьевич Обручев в начале XX века, проведя многолетние исследования в Сибири и Центральной

Азии, создал теорию формирования золотоносных россыпей. Станет автором значительного труда в теории развития геологии «Металлогенические эпохи и области Сибири».

* * *

Профессор Владимир Афанасьевич Обручев — главный на то время консультант треста «Алданзолото», сразу же после окончания Ю. Билибиным института рекомендовал его геологом на Алдан. Будущий академик увидел в талантливом выпускнике учёного, способного подключиться к разработке научных методов поисков золотых месторождений. Алдан для этого был подходящим стартом.

При подготовке необходимых документов для поездки на Алдан произошёл случай, насколько забавный, настолько и имевший значительные для Ю. Билибина последствия. Потребовалась подпись секретаря квалификационной комиссии профессора Трушкова. В институте его не оказалось, и Ю. Билибин решил пойти к профессору домой. От стука дверь распахнулась, и на площадку с рычанием выскочила огромная, вовсе не миролюбивого вида собака. Тут же выбежала девушка, которую он несколько раз видел во дворе с этой самой собакой. Даже кланялся ей, но подойти не решался...

— Ермак! Нельзя! Фу! — крикнула она.

Однако Ермак напирал. Закрыть дверь и уйти? Непрошенный гость посчитал такой ход событий недостойным. Опустившись на четвереньки, оскалил зубы и, выпучив глаза, зарычал. Такого четвероногой Ермак никак не ожидал, благоразумно попятился, решив не связываться.

Захотав, девушка поинтересовалась:

— Вы какой породы? Из дворян?

Визитёр поднялся с колен и невозмутимо ответил:

— Дворянин!

Так познакомился Ю. Билибин со своей будущей женой Натальей Николаевной Трушковой.

В 1931 году, не окончив последний курс Ленинградского университета, она уедет в экспедицию на Колыму в составе Второй Колымской экспедиции, которую организует неудержимый выпускник горного института Ю. Билибин.

«...Доказать усердие к услуге Отечества»

Теперь, следуя за поворотами судьбы В. Цареградского, я задумываюсь над тем, что подтолкнуло Валентина Цареградского уехать из Самары, будучи уже студентом 1-го курса физико-математического факультета Самарского государственного университета, и поступить в Горный институт.

Да, можно полагать, что причиной тому — голод в Поволжье и массовый отъезд вузовских педагогов из Самары. Возможно, так. Но в горном институте оказался и Юрий Билибин, тоже волжанин. И у него, кажется, выбран был уже свой путь: он учился в Смоленском военизированном политехническом институте. И вдруг резкая перемена — перевод в Петроградский горный. Что это? Наверное, не случайное совпадение. Мечты молодых сердец! Мечты и... действительность, суровая жизнь начала 20-х годов. В стране и в Поволжье в это время разразился страшный голод — трагедия небывалых масштабов. Началось массовое переселение в Сибирь.

Молодые умы не могли не видеть, что Сибирь — спасительница. Не могли не сознавать, в чём в будущем заключено могущество страны. И потом: пример Нансена, учёного с мировым именем, первым откликнувшегося на страшную беду в России. А они были будущими учёными, молодыми романтиками.

Вспомним начало двадцатых годов в нашей стране и Фритьофа Нансена, человека, которому многие из нас, волжан, обязаны, может быть, жизнью, ибо он спасал наших дедов и прадедов от смерти. Это были годы поступления Билибина и Цареградского в институт и учёбы в нём.

Известно, что голод в 1921-22 годах охватил более трёх десятков губерний и областей страны. Это Башкирия, Челябинская область, Казахстан, Саратовская, Оренбургская области, частично Приуралье, Западная Сибирь, Южная Украина, Крым и другие. Но более всего пострадала Самарская губерния.

Голодало не менее 40 миллионов человек. Пошли массовые заболевания: сыпной тиф, брюшной тиф, дизентерия, истощение, опухоли...

Истощённая революциями и гражданской войной республика не имела сил бороться самостоятельно с наступившей катастрофой.

М. Горький выступил с обращением «Ко всем честным людям», призвав мировую общественность на помощь. Оно было направлено в том числе и Фритьофу Нансену — первому в истории верховному комиссару Лиги Наций по репатриации военнопленных. Авторитет норвежского полярного исследователя при жизни был непререкаемым. Неутомимый первооткрыватель, учёный-зоолог, основатель новой науки — физической океанографии, политический деятель, лауреат Нобелевской премии мира.

Нансен с юности был превосходным лыжником, неоднократно выигрывал чемпионаты Норвегии. Уже в 20 лет он принял участие в четырёхмесячном плавании по Северному Ледовитому океану. В 1886 году в двадцатипятилетнем возрасте был удостоен большой золотой медали Королевской академии за результаты изучения строения клеточного аппарата нервной ткани.

Он совершил вместе с пятью своими товарищами переход через всё ледяное плато Гренландии, от восточного берега до западного! После грандиозной экспедиции Нансена на Северный полюс в 1893-1896 годах он становится национальным героем.

Нансен одним из первых откликнулся на голос М. Горького. 9 сентября 1921 года он выступил в Лиге Наций, закончив речь словами: «Я уверен, что каждый, кто осознаёт положение, скажет: «Европа не может оставаться в стороне, она должна спасти эти жизни и спасти немедленно». Он назвал трагедию в Поволжье «величайшим ужасом в истории».

...Нансен лично вносит крупную сумму денег. Отказывает себе в чём только может. Ездит в третьем классе, останавливается в самых недорогих гостиницах. Уже в сентябре были отправлены первые поезда с продовольствием для России. Было спасено множество жизней.

Голод в России в 1921-22 годах (потом он повторился в 1932-33-м, и вновь были случаи каннибализма) — крупнейшая из катастроф в европейской истории после Средневековья. Она подлежит системному научному изучению и оценке.

Дефицит населения с 1920-го по 1922 год составил около 5 миллионов человек.

В 1921 году по поручению Международного Красного Креста Нансен создал комитет «Помощь Нансена» для спасения голодающих Поволжья. Свыше 40 миллионов франков частной помощи было собрано Нансеном. В Советскую Россию поступали эшелоны с продовольствием. Помогал Международный Красный Крест, американские и другие организации помощи. Уже в начале декабря Нансен приехал в Самару, побывал в детских домах, присутствовал на заседании губисполкома. Совершил поездку в Дубово-Умётскую волость. Увиденное его потрясло.

Губернский инспектор Александр Зворыкин, побывав в одном из уездов Самарской губернии, в своём докладе от 15 февраля 1922 года писал: «...Хоронят в каждой деревне один раз в 10-14 дней по 60-80 человек. За последнее время смертность дошла до 10-12 человек в день...»

Семья моего деда по матери Рябцева Ивана Дмитриевича уехала из Утёвки в Сибирь. Из восьми детей уцелели трое: моя мама и два её брата.

Есть фотографии из архива Нансена, которые сделаны в период голода в России. Это жуткие свидетельства событий давних лет нашей истории. В 1922 году Нансен был награждён Нобелевской премией. Большую часть её Нансен отдал на помощь голодающим Поволжья. Приобрёл для крестьян России две сельскохозяйственные станции.

О своих поездках в Россию Нансен писал в книге «Россия и мир». Она была издана в 1923 году. Великий гуманист и учёный через все страдания видел достойное будущее нашего Отечества. Со страниц книги звучит его голос: «Русский народ имеет большую будущность, и в жизни Европы ему предстоит выполнить великую задачу».

Сколько великих умов верило в Россию и продолжает верить!

Многолетнее замалчивание темы голода в России (особенно в Поволжье), ещё недавняя закрытость её, приводят к тому, что целые поколения не знают о страшных событиях. Не знают и тех, кто дал руку помощи на краю гибели.

Молодые умы, будущие учёные Билибин и Цареградский, я думаю, глубоко понимали потребность не только в наличии положительных художественных образов в литературе, достойных подражания (Мамин-Сибиряк, Джек Лондон), но и присутствие

в жизни реальных людей, кумиров, дела которых — наглядный пример того, к чему надо стремиться, на кого следует походить. Было-то им всего едва за 20 лет.

Таким человеком, смею предположить, мог быть для них Нансен. При их-то темпераментах!

Сама жизнь формировала идеалы молодых. Вспомним о решении сестры В. Цареградского Татьяны, видевшей в детстве голод, пойти учиться на агронома.

...Не будем забывать и о том, что институт был всемирно известной горной школой. В первом уставе института значилось: «Учащиеся не оставят показать в науках успехи и, употребляя их к общей пользе, — доказать усердие к услуге Отечества и к пользе оною любовь».

Страна изнемогала от ударов на своём пути... Билибин и Цареградский жили в ней, дышали её воздухом...

На Алдан!

...**Ш**ли занятия, чередой сдавались зачёты, экзамены...
...**Ш**ли успехи и на научном поприще.

Знаменитый профессор кристаллограф Анатолий Капитонович Болдырев предложил Цареградскому место ассистента, но он отказался.

...И наконец удача! В 1926 году, после того как он успел поработать на Северной Двине, предложили войти в состав геологической экспедиции (первой в его жизни) в верховья Алдана. Рекомендовал В.А. Цареградского на должность заведующего поисковыми работами в Юго-Алданском районе и дал ему положительную характеристику В.И. Серпухов. Именно он поможет ему сделать первые шаги на Алдане. К этому времени Юрий Билибин, окончив институт, уже работал в тресте «Алданзолото». Два года возглавлял съёмочно-поисковые работы в Алданском золотоносном районе. Отрабатывал методику поиска золота.

Их поездки совпали. Юрий Билибин возвращался на Алдан из командировки в Ленинград, Валентин Цареградский ехал туда же для работы в геологической экспедиции. Долгий этот путь ещё более сблизил их. Билибин был переполнен тем, к чему успел прикоснуться на Алдане. Они говорили о многом.

И особенно о шлиховом¹ методе опробования рыхлых речных отложений, в которых скапливаются тяжёлые крупинки драгоценного металла вблизи разрушающейся коренной жилы золота. Россыпи образуются или на месте разрушающейся золотой жилы, или несколько ниже по течению реки. Это приводит к его накоплению. Крупицы золота остаются вместе с другими тяжёлыми минералами при промывке на дне лотка, в «шлихе». По количеству золотинок, по их окатанности и многим другим признакам определяется наличие в русле золота, его запасы, перспективность отработки месторождения.

Совсем скоро Цареградский научится хорошо отмывать тяжёлые золотины от ненужных песчинок.

Я потому останавливаюсь на описании шлихового метода, что он позволил им впервые путём планомерной промывки речного песка через определённые расстояния дать позже уже, на Колыме, удивительный успех.

...Намытые пробы после проходили доводку. Как во всяком деле, и здесь были выдающиеся мастера. Не обходилось и без курьёзов.

«На доводку золота артель выделяла опытного промывальщика, в совершенстве владеющего лотком. Процесс доводки состоял в том, что промывальщик, наполнив лоток концентратом, встряхивал его над водой, смывал шлихи так, чтобы золото оседало в поперечном желобке лотка.

Ловкий промывальщик при быстрых движениях лотком незаметно для присутствующих мог смыть часть золота с лотка и потом промыть его после контроля. Были и такие ловкачи, которые могли так манипулировать лотком, что самородки в 10-20 граммов оказывались у них во рту. Заметить это было невозможно. Один довольно опытный нарядчик сообщал об этом в контору: «Есть из старателей такие ловкачи-промывальщики, прямо фокусники. Бывает так: в лотке вижу самородок, вижу, как он его вывел на край лотка, а когда ссыпал золото для отжига в совок, самородка уже не было. Смотрел я, не отрываясь, на лоток в руках промывальщика, а когда он его подбросил вверх и поймал ртом — не заметил». (В.И. Оноприенко).

¹ Шлих — отмытый осадок на промывальном лотке (концентрат из тяжёлых металлов).

Было чему и где учиться начинающим инженерам-геологам. Как тут удержаться и не вспомнить мудрые слова о том, что человек, который не имеет заранее установленной цели, движется к печальному финишу.

Билибин уже работал на Алдане, Цареградскому ещё предстояло окончить институт, но и он с жадностью набирался на Алдане практических знаний и опыта. Помня об общей клятве в Сибирской секции геологов!

Выражаясь современным языком, Билибин и Цареградский моделировали варианты предстоящих возможных событий, связанных с осуществлением их мечты. И делали это сообща и целеустремлённо.

Эрозия неактивности

Размышляя о студенческих годах Цареградского и Билибина, задумываешься над тем, какие студенты сегодняшние. Кого мы готовим в вузах? Увы, устаёшь от того, что чаще всего видишь перед собой людей, которые учатся для «галочки». Нет, изредка, вдруг возникнут на лекции один-два студента.

— А вы почему здесь? — задаёшь вопрос.

— Да вот...

— Я же вам поставил зачёт?

— Нам хочется послушать ещё...

Такие встречи — как праздники! Азарт, жажда знаний не могут оставить равнодушным. Но это бывает редко! Чаще, увы, другое. «Эрозия неактивности» — так назвал один из моих коллег, профессор, это «другое». И эта эрозия возникает от отсутствия уверенности, что получаемые студентами знания пригодятся. Нет, увы, перспективы их применения. Едва вспомнишь Алдан, Камчатку, Магадан, полностью захватившие воображение Цареградского и Билибина, становится многое понятным.

Виноваты ли нынешние студенты? Или мы всё-таки? Их отцы и деды? Наше время, погрузив молодёжь в соцсети, оторвало многих от реальной жизни. Что может захватить их воображение? Глубины науки? Вряд ли! Всё это происходит на фоне прямой связи образовательной деятельности вузов с низким

уровнем школьной подготовки. Причём преподаватели гуманитарных факультетов часто живут за счёт набора студентов на коммерческой основе. Крупные технические институты пополняют свой бюджет на основе научно-исследовательской работы, грантов. Но эти источники нестабильны...

...Подвижному интеллекту выдерживать это тяжело. А выход где? Заграница?..

Советское образование не без недостатков, но было в нём и ценное. Сейчас уже со школы приучают к шаблонным работам. Этот поток докладов и других псевдонаучных текстов захватил и библиотеки, и музеи. Везде проекты, проекты!.. А дело где?

Дошло до того, что профессора наших вузов мечтают отправить своих чад на учёбу за границу. Своих же бакалавров считают недоучившимися специалистами. Сейчас при защите дипломного проекта обязательно либо председатель комиссии, либо кто-то из членов её спросит:

— Вы определились, где будете после получения диплома работать?

Чаще всего звучит ответ:

— Нет, не знаю.

— И что намерены делать?

— Надеяться...

Такой диалог в системе классического советского образования был бы диким.

Преподаватели не знают, для кого готовят специалиста, государство не знает, куда его девать, новоиспечённый выпускник не знает, кому он нужен!

В наше время (год выпуска 1967-й) уже на пятом курсе проводилось распределение на место работы, со строгой отработкой в течение трёх лет. Молодой человек адресно попадал под опеку того предприятия, куда он направлялся. Включая предоставление места работы по специальности, жилья при необходимости и прочее. Всё — при участии государства. Не страшно ехать и в Магадан. Сейчас перспектива: в свободном дрейфе лишь бы раствориться где-либо в офисном планктоне. Хотя бы на время...

«Сено-солома»

В начале лета присутствовал на защите дипломного проекта на тему, связанную с ликвидацией последствий массового разлива нефти. В процессе удаления нефти на почве и воде претендентка на получение диплома магистра уверенно докладывала о применении соломы. Что само по себе в известной мере правомерно. Но дёрнуло же меня, когда начали после доклада задавать вопросы, спросить:

— А каким требованиям должна в данном случае соответствовать солома? Есть какие-то нормы?

— Каким? — скороговоркой переспросила будущий магистр. — Солома — она и есть солома.

За спиной девочки-сокурсницы сдержанно хихикнули. Видимо, ответ им показался весьма находчивым.

Я не сразу отреагировал. Задал вопрос мой коллега, седовласый профессор:

— Тогда скажите: что же такое солома?

Наступила гробовая тишина.

Глядя в упор округлившимися, полными спокойной снисходительности глазами, будущий специалист дала пояснение:

— Солома? Ну, это же сухая трава!

И уверенно замолчала, полагая, что удовлетворила неуместную любознательность профессора.

Но не тут-то было. Профессор помолчал в общей тишине. И, будто не замечая конфузливо опущенные глаза членов комиссии, осторожненько так поинтересовался:

— Тогда ещё вопрос. У вас в процессе используется щебень. Что это такое?

— Щебёнка? Это же битый кирпич, — последовал ответ.

— Какой кирпич? — удивился простовато профессор.

И получил своё:

— Белый кирпич, — уточнила, по своим понятиям, дипломница. — Щебёнка же, она... она белая!

Профессор то ли икнул, то ли так кашлянул, только получился придушенный, вовсе не академический какой-то звук... Потом странно замотал головой, будто ему в ухо залетела эта самая щебёнка...

После защиты — небольшой перерыв. Когда я вышел из аудитории, в коридоре за спиной в кругу кучкующихся болельщиц — её подруг услышал:

— Зачем Таньке это «сено-солома»? Пещерный век! Сидит она в своём туристическом офисе и пусть сидит...

«Действительно! Зачем это ей?» — отозвалось во мне.

А вот Билибину и Цареградскому надо было часами стоять в холодной воде с промывочным лотком, постигая азы профессии, учиться понимать тонкости, которые всегда есть даже в самом простом деле. А тут?..

* * *

Спрашиваю себя не в первый раз: зачем я, книжный червь, которому уже давно за семьдесят, перечитываю пожелтевшие дневниковые записи, научные статьи, далёкие от моей нефтехимии? Зачем ворошу воспоминания свидетелей и участников давних событий? Ответ один. Он прост: мне интересно!

Интересно порой по-мальчишески! Как это было? А это? А то? Ведь были эти события, о которых пишу, почти сто лет назад! А некоторые — более чем сто?.. И они надолго определили наше поступательное движение вперёд: в науке, в практике, в жизни...

Глава 3

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ КОЛЫМСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

У истоков большого золота

Начало системной добыче золота было положено на Ближнем Востоке (в III веке до нашей эры). Оттуда золотые украшения поставлялись в Египет. Считается, что впервые золотой промысел в России возник на Урале¹. Золото здесь впервые нашёл в первой половине XVIII века Ерофей Марков. Искал горный хрусталь, а обнаружил кусок кварца с прожилками и крупинками золота.

По распоряжению казённой Горной канцелярии место, указанное Марковым, обследовали. Золота не обнаружили. Ему удалось всё же в 1747 году вместе с пробирным мастером Рюминым вновь «открыть» Берёзовское рудное месторождение, начать добычу его. Позже было найдено золото на Алтае.

В 1812 году разрешили промышлять золото частным лицам. Оно было обнаружено в Енисейской тайге, в Кузнецком Алатау, в Забайкалье. В 1843 году богатейшие россыпи нашли у притоков Лены — Витима и Олёкмы. Возникла золотая лихорадка. После были открыты богатые россыпи по реке Бодайбо.

Вначале золото добывали мелкие промышленники. На смену пришли богатые иркутские купцы и петербургские банкиры. Но явились английские капиталисты. К 1910 году все прииски на Лене уже принадлежали английской компании «Лена голдфилдс». Иностранные золотопромышленники нещадно эксплуатировали рабочих.

Тем временем обнаружили месторождения в Баргузинской тайге, в Якутии, Казахстане, на Дальнем Востоке, в

¹ Есть сведения, что первое открытие природных запасов золота было сделано в 1732 году в Архангельской губернии. Золотую жилу начали разрабатывать в 1745 году. Рудник с перерывами действовал до 1794 года. Он дал всего около 65 кг золота.

Приамурском крае, по рекам Зее, Селемдже, Бурее и Амгуни. Вскоре начали промышлять золото в Приморье и около Охотска.

Страницы прошлого Колымы

До второй половины 1929 года побережье бухты Нагаева, включая сухопутное пространство за ней до Северного Ледовитого океана, так называемый Колымский край, представляло собой сплошной горно-таёжный массив, пересекаемый многочисленными реками. Ближайшие к бухте населённые пункты располагались на побережье Охотского моря: село Ола — в 30 километрах на восток, село Армань — в 40 километрах на запад. В них было по несколько десятков жителей.

А уже к концу 1933 года бухта Нагаева стала иной: «Население Нагаево-Магадан составляло около 3 тысяч человек вольнонаёмных рабочих и служащих и членов их семей, жилая площадь (без учёта палаток и бараков заключённых) — 11 122 квадратных метра. В посёлке насчитывалось 8 «стандартных комнатных домов», 8 «стандартных квартирных домов», 67 «рубленых домов», 22 барака, 104 каркасных и прочих мелких домов. «Квартал стандартных домов» был оборудован «центральным отоплением» и водопроводом. Кроме этого, вступил в эксплуатацию так называемый глинобитный городок в составе «десяти глинобитных домов площадью 3 334 кв. метра». «Всё это делает Нагаево-Магадан, — говорилось в отчёте Дальстроя за 1933 г., — населённым пунктом городского типа, почему дирекцией и возбуждено ходатайство о присвоении посёлку названия — «город Магадан» (тунгусское — «наносы моря», «Магадан» — искажённое русскими название)». (Александр Глуценко. «Колымский хронограф»).

А начиналось всё при первом из царей Романовых — Михаиле Фёдоровиче, когда произошло присоединение к России Нижнего Урала, Прибайкалья, Якутии и Чукотки и был открыт выход к Тихому океану. В 1632 году енисейский сотник Пётр Бекетов с 30 казаками покорил якутов. Обложил ясаком и заложил Якутский острог. Примерно тогда же отряд мангазейцев под начальством Васильева дошёл до Лены-реки.

Десятник Буза вместе с промышленниками в 1637 году добрался до западного устья Лены, откуда, направляясь по морю на запад, достиг устья реки Оленёк.

В 1638 году основан был Верхоянск. Тогда же атаман Максим Перфильев достиг устья реки Ципы, а неутомимый Буза снова спустился по Лене, выйдя в океан её восточным устьем, дошёл до устья Яны. В том же 1638 году казак Постник добрался до реки Индигирки и основал зимовье. Спутники его в 1639 году на двух выстроенных ими кочах спустились по Индигирке в Северный Ледовитый океан и добрались до устья Алазеи... В 1644 году казак Михаил Стадухин достиг морем устья Колымы и заложил в 150 верстах от него Нижне-Колымское зимовье. Позже русские прошли вверх по реке и построили остроги Собачий (нынешний Средне-Колымск) и Верхне-Колымский. Мезенец Игнатъев в 1644 году пошёл по морю к востоку от устья Колымы, достигнув Чаунской губы. Там он торговал с чукчами, вернулся в том же году обратно морским путём.

...Новая открытая земля радовала немеренным богатством. Чёрным соболем, красной лисицей, песцом изобиловал край. Но довольно скоро соболи были почти полностью истреблены. Необычный край стал малоинтересен. Холодная, как казалось, пустынная земля, заброшенные поселения, основанные Михаилом Стадухиным: Верхний, Средний, Нижний острожки, превратили в места ссылки. Познания о «местах весьма отдалённых» ограничивались исследованиями политических ссыльных.

Первые, как мы теперь знаем, самые общие, но ценнейшие научные сведения о неизведанном крае, преодолев маршрут от Якутска до Верхнеколымска, дал Иван Дементьевич Черский. Его записки должны были лечь в основу отчёта Петербургской академии наук, которой он был командирован в 1891 году.

На две с половиной тысячи километров протянулась многоводная Колыма. Конечно, один маршрут Черского не давал представление о бассейне этой реки, занимавшем более полу-миллиона квадратных вёрст. Тем не менее... Черский обнаружил залежи каменного угля в районе Зырянки. Кто мог думать тогда, что дикий, суровый край таит такие богатства, что его назовут золотым? Для того чтобы добраться до богатых кладовых полудикого края, предстояло выполнить огромного масштаба

работы. Это возможно было только специальному тресту. И такая организация была создана. Но значительно позже. До этого будут осуществлены геологические экспедиции, достигшие небывалых успехов.

...В 1926 году приступила к работе геологическая экспедиция по изучению полезных ископаемых Колымы и Индигирки под руководством С.В. Обручева. Была составлена первая схема части бассейна рек. В этом же и последующем годах проводится первая перепись населения Чукотки.

Благородный металл

Что же это за металл, который так манит, притягивает к себе людей? И который так дорого достаётся...

Об этом металле, кажется, всё уже известно.

Золото — элемент 1-й группы периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева, с атомным весом 79. Простое вещество — благородный металл жёлтого цвета. Мягкий, ковкий. Очень тяжёлый, плотность чистого золота равна 19,32 г/см³. Сопоставимую с золотом плотность имеет вольфрам (19,25). Высокая плотность золота облегчает его добычу. Даже простая промывка на шлюзах обеспечивает достаточную степень извлечения золота из породы. Золото высокопластично. Оно может быть проковано толщиной до ~0,1 мкм (100 нм) — сусальное золото. Температура плавления — 1064,18°C, кипит при 2856°C. Золото — один из самых инертных металлов. При нормальных условиях не взаимодействует с большинством кислот и не образует оксидов, поэтому его относят к благородным металлам.

Поскольку сразу после своего возникновения Земля была в расплавленном состоянии, почти всё золото в настоящее время на Земле находится в ядре. А то, что сегодня присутствует в земной коре и мантии, согласно новой теории доставлено астероидами во время поздней тяжёлой бомбардировки.

За всю историю человечества добыто около 161 тысячи тонн золота. Если сплавить всё это золото воедино, получится куб со стороной примерно 20 м.

Россия по добыче россыпного золота занимает первое место в мире. Основная его часть добывается в семи регионах: Амур-

ская область, Забайкальский край, Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Иркутская область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ.

В настоящее время около 10 % золота мира находится в промышленных изделиях, остальное приблизительно поровну — в централизованных запасах (стандартные слитки химически чистого золота) и в частной собственности в виде слитков и ювелирных изделий. Золото широко используется в стоматологии, фармакологии, микроэлектронике (золотые проводники и гальванические покрытия золотом контактных поверхностей, разъёмов, печатных плат).

Золото применяется при покрытии зеркал, золотые припои используются при пайке металлов, в технике сверхвысокого вакуума и т.д.

Широко используется золото в качестве защиты благородных металлов от коррозии.

Ювелирная промышленность — самый крупный потребитель золота. Ювелирные изделия изготавливаются не из чистого золота, а из его сплавов, превосходящих его по механической прочности и стойкости. Для этого служат сплавы Au-Ag-Cu, они могут содержать добавки цинка, никеля, кобальта, палладия. Золото в сплавах определяет стойкость к коррозии, а соотношение серебра и меди — цветовые оттенки и механические свойства.

Важнейшей характеристикой ювелирных изделий является их проба, которая напрямую связана с содержанием в них золота.

Немало написано о золотых украшениях. Но ювелирные познания особо не завораживают.

* * *

Довольно долго в истории человечества золото служило в качестве универсального средства расчётов. Только в ходе Первой мировой войны монетарные операции с золотом были прекращены.

Во время Второй мировой войны, в 1944 году, на Бреттон-Вудской международной финансовой конференции золото было окончательно исключено из денежного обращения. Роль золота определялась лишь в качестве государственного резерва

на случай погашения возможных дефицитов платёжных балансов. Золото стало мерилом национального достоинства, окончательным запасным активом.

В условиях конъюнктурных колебаний золото способно обеспечивать устойчивость экономики страны. Отсюда — забота о его производстве, включая геологоразведку, самую добычу металла, обработку, хранение и так далее.

Управление золотыми резервами, экспорт благородного металла, оборот золота в качестве одинакового актива — важнейший сектор экономики страны, который в силу его специфики остаётся одним из наиболее информационно закрытых её секторов.

* * *

В период царствования Екатерины II казённые заводы перешли в частные руки. Золотодобывающие предприятия превратились в акционерные общества. К концу XIX века появилась опасность для национальной экономики: стратегический ресурс золота, концентрация его производства оказались в частных руках, контролируемых иностранным капиталом.

* * *

После революции 1917 года была утрачена значительная часть золотого запаса, составлявшего около 1 340 тонн.

В период Первой мировой войны бóльшая его часть была перевезена в Великобританию в качестве залога полученных военных кредитов.

Позднее из России вывезли золото царской семьи, золото адмирала А.В. Колчака, атамана Г.М. Семёнова, немало получила Германия по Брест-Литовскому мирному договору 1918 г.

Предстояла грандиозная работа по восполнению и умножению утраченного потенциала.

Дореволюционный запас иссякал. На 1 февраля 1922 года в стране золота оставалось на 217,9 млн золотых рублей.

...Создание Торгсина и продажа за рубеж произведений искусства не увенчались успехом. Страна получила не более 232 тонн золота. Это помогло оплатить только часть импорта промышленного оборудования, но и только.

Вот почему так важны были экспедиции на дальний север — на Колыму, где открытие золота могло значительно улучшить экономику страны и ускорить её индустриализацию.

Валентин Александрович Цареградский вспоминал: «Незабываемые годы первых пятилеток. Днепрогэс, Магнитка, Кузбасс... Стройки, стройки по всей стране. Небывалый энтузиазм советских людей. И знаменательно, что именно в эти годы грандиозных преобразований, охвативших всю страну, началось интенсивное освоение северо-восточных окраин нашей Родины. В самые отдалённые районы Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера одна за другой организуются крупные геолого-разведочные экспедиции. В их числе в 1928 году — Первая Колымская геолого-разведочная экспедиция Геологического комитета ВСНХ под руководством Ю.А. Билибина, отличные результаты которой, да и последующие открытия, явились основой для развития на Северо-Востоке страны крупной современной горнодобывающей промышленности. Последующие — Вторая, Третья Колымские геологические экспедиции в 1930-м и 1933 годах и Четвёртая Индигирская в 1937 году продолжили планомерные исследования на Северо-Востоке. Они подтвердили прогноз Ю.А. Билибина и других исследователей и стали основой ускоренного промышленного освоения этого края».

Результаты колымских экспедиций под руководством Ю.А. Билибина и В.А. Цареградского позволили открыть промышленную добычу золота, помогли стабилизировать экономику всей страны в период коллективизации, в предвоенные и военные годы. Уже в середине 30-х годов прошлого столетия деятельность треста «Дальстрой», который монопольно вёл добычу на Северо-Востоке страны, приобрела многоотраслевой характер. По мере увеличения открытых месторождений шёл рост числа горнопромышленных предприятий. Если до 1935 года добыча золота не превышала 15 тонн в год, то уже в 1936 году она составила около 30 тонн в год. В последующие годы (37-й, 38-й, 39-й...) добывалось золота в год не менее 50 тонн. Рекорд был установлен в 1940 году, когда было добыто за год 80 тонн¹. Это составляло около половины всей добычи золота в стране.

¹ В.Г. Зеляк. «Золото для победы: горнодобывающая промышленность Дальстроя в годы войны».

Впереди была война. Великая Отечественная...

В деле коренного перелома (1943 г.) в ходе Великой Отечественной войны есть доля вклада и колымских золотодобытчиков. В военное время золота ими добывалось не менее 70 тонн в год. Этот вклад содействовал в том числе и ускорению открытия второго фронта, обеспечив подтверждение платёжеспособности Советского Союза.

* * *

Что такое золото, возможно, я полнее пойму, когда узнаю как можно больше о его поисках и добыче, о людях, которые связали свою судьбу с этим магическим металлом, так думал я, когда держал в руках очередную с трудом добытую книгу. Не художественную. Мне по-прежнему нужны и важны воспоминания участников экспедиций, их друзей и родственников, статьи учёных, в которых на первом плане были бы не удачно придуманные сюжеты, как говорил ранее, а его величество факт — вещь в жизни часто фантастическая! Особенно когда человек сталкивается с неизведанным. Мне интересен человек не придуманный, а живой, конкретный...

Сейчас я рад каждой открывающейся мне возможности больше узнать о геологах... Сколько ещё встреч будет у меня, пока я от «истоков золотой реки», а вернее от берегов Волги, проплыву в своём путешествии по всему руслу судьбы, точнее судеб ставших близкими мне людей...

...Оттолкнувшись от истока — места рождения и детства Валентина Александровича Цареградского, я попал в многошумный, многоликий поток... Порой мне кажется, что, когда я двигаюсь по руслу огромной реки, те, кто остался на берегу, машут мне прощально рукой. И смотрят испытующе: что я скажу об их жизни? О всех. И о каждом в отдельности...

На Алдане

О наличии золота в бассейне реки Алдан было известно со времён первых экспедиций русских горных инженеров середины XIX века, затем Томмотских экспедиций 1917 года. Ещё в 1912 году партия зейского золотопромышленника Опарина

обнаружила и застолбила по Орто-Сале золотоносные участки. Но Первая мировая война помешала проведению детальной разведки.

Только перед Октябрьской революцией Опарин смог послать разведочную партию. В неё входил один из первооткрывателей алданского золота Степан Флусов. Он вёл разработки на реке Томмот, где трудились до этого копачи.

О наличии золота на Алдане сообщил Пятой Сибирской Красной армии именно Степан Флусов. Позже нарком тяжёлой промышленности СССР Серго Орджоникидзе назначил ему за счёт Наркомата пожизненную персональную пенсию.

В марте 1921 года по направлению Зейского горного управления С.И. Флусов вместе со своим старшим сыном Сергеем и бригадой старателей отправился на Усмун. Разведка была удачной. Около устья ключа Лукового обнаружили в русле Томмота богатое рассыпное золото. За лето 1921 года артель добыла 16 фунтов золота.

С.И. Флусов являлся участником всех опаринских партий. Он бывал на Томмоте не один раз. Во главе экспедиции из 8 человек, работая в верховьях руки Орто-Салы, он составил первый глазомерный план месторождения с соответствующими на нём записями по опробированию.

Отдел снабжения 5-й армии ДРВ (в марте 1922 г.) по данным разведки Семёна Флусова послал партию на Томмот в составе 70-ти человек с целью добычи золота. Проводником пошёл Марьясов со своей семьёй (жена и пятеро детей). Экспедицию постигла трагическая участь. Близ речки Эрге (60 километров восточнее современного посёлка Хатыми) бандиты перестреляли значительную часть работников партии. Перед этим они совершили набег на Тырканду, где велась хищническая добыча золота, в основном китайцами.

Марьясову удалось сбежать и сообщить о случившемся. Посланный отряд не догнал бандитов и вернулся назад. Бандиты потом долго бесчинствовали в тайге.

Существует распоряжение № 72146 управления золотоплавиновой промышленности «Главзолото», направленное в июне 1934 года управляющему трестом «Якутзолото» Щербинину, в котором говорится: «На прииске Самодумовском проживает

один из первооткрывателей Алдана т. Флусов Степан Игнатьевич. Выдайте ему единовременно 3 000 рублей, зачислите с семьёй на снабжение по категории забойщика 1-й категории, а также выдайте ежемесячное денежное пособие в размере 250 рублей в месяц. Начальник «Главзолото» Серебровский».

Тогда же С.И. Флусову был вручен знак «Стахановец золото-платиновой промышленности», он избирается членом президиума райисполкома.

В 1937 году выдающийся организатор советской золотодобывающей, а ранее и нефтегазовой промышленности, начальник «Главзолото» Александр Павлович Серебровский, много сделавший для развития Якутии, был расстрелян. Его славное имя надолго забыли. Сказалось знакомство с Серебровским, его покровительство и на добром имени С.И. Флусова. Забыли и о нём как об одном из первооткрывателей золотого Алдана. Его лишили многих заслуг.

А он жил и работал. Вырастил восьмерых сыновей, дочку. Каждый из них получил доступное образование. Сын Сергей и внук Аркадий стали геологоразведчиками. Младший сын, Вениамин, стал одним из первых лётчиков Алдана. Он награждён за боевые заслуги орденами и медалями.

С.И. Флусов умер в возрасте 70 лет, возвращаясь из тайги. Правнуки одного из первооткрывателей золота, много пережившего и повидавшего, исследовавшего благодатный край ещё до официального открытия Алдана, и сейчас живут на алданской земле.

«Говорить о добывающей промышленности нашей — значит говорить не о самой промышленности, которой почти нет, а о причинах её отсутствия. Огромнейшая из губерний России, Якутия, занимающая площадь до трёх с половиной миллионов квадратных вёрст, до сих пор представляет собой закрытую кладовую, наполненную богатствами. Двери этой кладовой Российское государство не удосужилось открыть за три века владения краем и лишь изредка пыталось искать дорогу к этим дверям. В результате до сих пор Якутский край представляет необследованную и обособленную страну, не связанную с миром современными путями сообщения... Только добыча золота и платины может выносить наше бездорожье, да и то при высоком

содержании месторождений... Добыче золота суждено играть огромную роль в жизни края... золото обнаружено во всех уездах губернии. Наиболее крупная добыча производится рядом со всемирно известным Витимским районом, входившим ранее в пределы Якутской губернии, в бассейне Олекмы. За последние годы началась добыча на большом протяжении р. Вилюй. Уже давно зародилась золотопромышленность в Якутском уезде, в верховьях Тимптона, а за последнее время начали открываться прииски по Алдану и притокам Тимптона, вблизи его устья... В уездах Колымском и Верхоянском добыча пока не производится, если не считать случайных старателей, но присутствие там золота установлено. Вообще же по размерам своим Якутский край является известным золотоносным районом в мире».

Так ещё в 1922 году писал видный деятель молодой Якутской республики Алексей Алексеевич Семёнов в первом номере журнала «Красный Север». То есть задолго до официального открытия золотого Алдана, за десять лет до открытия золота на Колыме.

Золотой Алдан ждал своих первопроходцев, которые дадут начало промышленной добыче золота.

Пробойный Вольдемар

Колоритнейшая фигура — внешне похожий на богатыря борца Ивана Поддубного, большой энтузиаст развития золотодобывающей промышленности Якутии и Сибири Вольдемар Петрович Бертин много сделал для освоения богатейшего края. Он участник Ленских событий 1912 года, октябрьских вооружённых событий в 1917 году в Москве, гражданской войны в Сибири и Якутии. Краткие очерки его жизни похожи на головокружительные, остросюжетные эпизоды приключенческой повести. С его твёрдой руки началось промышленное освоение Алдана.

Легендарный золотоискатель родился 23 января 1888 года в семье бедных латышей Петра Петровича и Елизаветы Мартыновны Бертиных на хуторе Иллухстах Курляндской губернии. Пётр Бертин работал путевым сторожем на железной дороге. Когда его уволили и работы найти не удалось, подались в Сибирь. Устроился глава семьи рабочим на строительство Транссибирской железнодорожной магистрали в Каинске Томской губернии.

В семье семеро детей, заработка едва хватало. В девять лет отец отвёл Вольдемара в церковноприходскую школу. Уже через год сын бойко читал. В пятнадцать лет он начал работать учеником слесаря на станции Ункунар Китайской Восточно-Сибирской железной дороги. В 18 лет Вольдемар — хороший слесарь, механик на винокуренном заводе. Но хотелось знать и видеть больше, манили новые места.

Слух о Ленских золотых приисках будоражил. Вольдемар подался в Бодайбо. Далее события в его жизни чередуются, как в калейдоскопе. Три года проработал слесарем в Бодайбо, меньше года трудился в Киренске в пароходстве золотопромышленника Громова. Не выдержав невыносимых условий, ушёл. Подался в старатели на прииски, владельцем которых было английское общество «Лена Голдфилдс» (70 % акций Ленского золотопромышленного товарищества «Лензолото»). Тёмные, сырые бараки, отвратительное питание, ещё хуже отношение к рабочим. Забастовка охватила за несколько дней весь золотопромышленный район.

4 апреля около трёх тысяч рабочих пошли к конторе прииска просить об освобождении арестованных. Вместе со всеми шёл и В. Бертин. По рабочим открыли огонь. Было убито 270 и ранено 250 человек.

...Июнь 1914 года. Правительство объявляет о вступлении в войну. Получил повестку и Вольдемар. Умирать за царя-батюшку, по приказу которого расстреливают рабочих, Вольдемар не собирался.

Переходил с прииска на прииск. Трижды менял фамилию. Но выследили — просидел в Бодайбинской тюрьме семь месяцев. Вышел весной 1915 года на свободу и подался в Охотск, где открыли в то время золотоносный район.

В 1916 году его забирают в армию. Проехав через всю Россию в вагоне с новобранцами, оказывается на передовой.

Далее, после Февральской революции: участие в революционном движении, перевод в Москву. Бутырская тюрьма. Освобождение.

Бертин становится красногвардейцем, участвует в ключевых военных событиях в Москве. После Октябрьской революции — Дальний Восток. А там бушевали интервенты. Следует

арест, «вагон смерти» — походная гауптвахта атамана Калмыкова.

Били в тюрьме крепко. Но освобождение пришло. Помог старый якут, охотник Иванов. Старик пообещал принести белому офицеру четыре фунта золота, если пятерых охотчан, в том числе и Бертина, выпустят на волю. Но если Бертин умрёт, то старик не принесёт ни грамма золота.

Алчный офицер согласился и часть своего обещания выполнил. Охотчан перевели из «вагона смерти» в Хабаровскую тюрьму. Когда отряды Красной армии освободили город от белогвардейцев, арестованных выпустили. Остальных узников «вагона смерти» белогвардейцы расстреляли на берегу Амура.

Белый офицер, избивавший в тюрьме В. Бертина, попал в руки партизан. Товарищи предложили В. Бертину расквитаться за его зверства. Он ответил:

— Не буду пачкать руки об эту мразь.

Партизаны расстреляли надзирателя.

В Чите в это время в застенке у белогвардейцев маялся младший брат Вольдемара — Эрнест Бертин...

...Хабаровск пришлось покинуть: в начале апреля японцы захватили Уссурийский край и Приморье. С отрядом красных партизан В. Бертин перебрался на правую сторону Амура.

О семье он ничего не знал. Не знал, кто родился у него: сын или дочь? Витали слухи, что в Охотск приходила японская канонерка и обстреляла посёлок, многих охотчан каратели убили. Жива ли семья? К счастью, встретил знакомого, который шёл с женой Татьяной Лукьяновной из Охотска в Якутск. Узнал, что жена и дети живы.

Надо пробираться в Якутск. Но через Читу дорога закрыта: там свирепствовали семёновцы. Один путь свободен — через глухую алданскую тайгу...

Появился В. Бертин в Якутске в конце апреля. Худой, измождённый, полураздетый, в раскисших коровьих торбах.

Пришедший вместе с ним эвенк говорил:

— Мужик он мировой, пробойный! Только шапчонка шибко худой на нём.

* * *

Впереди опять была напряжённая, активная работа. В том числе и личное участие весной 1921 года в боевых операциях против банды Бочкарёва.

* * *

Дома жена Татьяна в день встречи спросила:

— У тебя бельё есть? Помыться бы надо с дороги.

— Есть.

— А где?

— Да всё, что есть, на мне.

Сшила она ему гимнастёрку, шинель нашлась в больнице. Не было шапки и ремня.

Вольдемар Петрович после освобождения из тюрьмы сильно ослаб. Болела от побоев голова, болели ноги. Он «весь болел», но скрывал это от окружающих. Ноги одолевали спазмы, он прихрамывал. Подскакивала часто температура. И всё же он не мог бездействовать. Отдохнул два дня Вольдемар Петрович и направился в военкомат. Там взглянули на документы и говорят строго:

— Что же это вы, товарищ Бертин, гимнастёрку распустили, пришли без ремня?

— Если вы мне дадите ремень, тогда я буду подпоясан.

Посмеялись. Выдали ремень и шапку. Вновь приняли его в партию и поручили заведовать артиллерийскими складами и мастерской по ремонту оружия штаба войск Якутии.

Приняли в партию В.П. Бертина в 1921 году, а в марте 1922 года он уже член Президиума Якутского губернского бюро РКП(б) и депутат Якутского городского совета первого созыва.

На первой Якутской конференции В.П. Бертин убеждённо ратовал о необходимости начать разведку и добычу золота, для чего надо было наладить работу транспорта. «Только на золото, — говорил он, — заграница продаст республике машины. Значит, надо его добыть». Он настоятельно просит Якутское правительство снарядить экспедицию для разведки золота в бассейн Алдана.

Трудовая артель

... Только после марта 1923 года, когда был разгромлен отряд генерала Пепеляева, двинувшегося на Якутию, намечаются планы по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. В. Бертину помогли его опыт, знание людей и тайги. Обком партии поддержал инициативу В. Бертина по освоению Алдана. Много позже он вспоминал: «В конце 1922 года я встретился с Николаем Константиновичем Марьясовым, который не раз бывал в районе Томмота. Помня рассказы эвенков, я стал спрашивать его о золоте. Марьясов сообщил нам, что золото по Томмоту было обнаружено эвенками ещё в 1912 году. Слухи об этом дошли до золотопромышленника Опарина, который незадолго до войны направил туда поисковую партию, в состав которой входил и Марьясов. Несмотря на то, что в отдельных местах были установлены признаки золотоносности, поисковые работы в связи с начавшейся империалистической войной были прекращены. Однако отдельные группы старателей добирались до этого района и, по слухам, с успехом мыли золото. Одной из таких групп руководил Степан Флусов со своим сыном Сергеем.

В ноябре 1919 года Марьясов вторично был вместе со своим сыном Николаем и Филиппом Яковлевичем Викторовым в верховьях реки Томмот. Там они вели ковшовые разведочные работы, на косах и в русле реки Томмот взяли пробы с хорошим содержанием золота».

Надо действовать. Но для организации работ не было ни специалистов горного дела, ни средств. И тогда в 1923 году В.П. Бертин решил организовать «Первую якутскую трудовую артель по добыче золота». Получил в Наркомторгпроме ЯАС-СР денежную ссуду в размере десяти тысяч рублей, необходимую для комплектования артели одеждой, инвентарём, аренды транспорта, приобретения продовольствия. Все открытые золотоносные площади артель должна была заявлять на имя Наркомторгпрома.

Героическая личность, Вольдемар Бертин лично сам набирал в отряд смелых и решительных людей из бывших красноармейцев, опытных старателей, красных партизан. Со многими он

воевал в Якутии против белых. Были приняты двадцать два человека разных национальностей. Среди них — русские, якуты, латыш, эстонец, татары. Получили винтовки, наганы, гранаты. Якут Марков, с которым Бертин был знаком, когда добирался с Амура, выслал в Якутск за отрядом 30 подвод, 40 оленьих нарт, подготовил необходимое к приезду отряда в Джеконду.

...На Алдан отряд прибыл в самом начале 1923 года. В. Бертин потом вспоминал: «Опасаясь бандитов, артель, начиная от Джеконды, шла походным порядком, в авангарде на порожних нартах ехала вооружённая группа, сзади, на некотором расстоянии, следовал основной состав артели. На ночь выставлялось сторожевое охранение.

Ехать пришлось всё время по целине. По мере удаления от Лены снег становился всё глубже и глубже. Начиная от устья Селигдара, артель была вынуждена протаптывать дорогу на лыжах, за лыжниками сначала шли олени с порожними нартами, а уже за ними — с гружёными.

Становилось всё теплее и теплее. Олени были не в силах идти по разжиженному снегу, и 30 апреля артель была вынуждена прекратить дальнейшее продвижение. Мы остановились на берегу реки Орто-Салы в 18 километрах ниже устья ручья, впоследствии названного нами Незаметным...

...Начиная от Джеконды вплоть до места остановки на реке Орто-Сале, нами не было встречено даже признаков присутствия человека. Вокруг простиралась глухая, безжизненная тайга. Отсутствовали даже звери и птицы, вынужденные вследствие необычно глубокого снежного покрова покинуть эти места и перекочевать в район с более мелким снегом.

Первое мая мы отметили коротким митингом и салютом из винтовок. На этой стоянке построили дом, амбар, баню и небольшой ледник для хранения продуктов. Дней через десять-пятнадцать после нашего прибытия мимо нас по противоположному берегу Орто-Салы, вверх по реке, проследовала небольшая группа эвенков, среди которых, как мы узнали впоследствии, находился якут Тарабукин.

Одновременно со строительством помещений, используя последние дни санного пути, вывезли на берег Орто-Салы некоторое количество сосновых брёвен для сооружения ковшового

парома. Дождавшись спада весенних вод, построили паром и начали разведочные работы в русле Орто-Салы».

...Поблизости бродили остатки банды, учинившей год назад расправу над старателями и красноармейцами. Пришлось укреплять жильё дома. Устроили в домах бойницы, возвели двойные стены. В сторону реки соорудили тайный выход. Ввели военное положение, усилили круглосуточную охрану. Не столько трудовая артель, сколько боевой отряд действовал в тайге.

Десять человек промывали пески, но золота было мало. Решено было отправляться на поисковые работы вверх по Орто-Сале.

Старатель Тарабукин

Дальнейшие события развивались причудливо. Когда разведчики вернулись на базу, появился якут Гавриил Лукин. Далее я дословно буду приводить свидетельства из очерка Л. Ермаковой «Бертин»:

«...Якут поговорил о том о сём, а потом как бы невзначай и говорит Бертину:

— Однако, золотишко есть. Много золота.

— Да, золото где-то недалеко, мы брали пробы сегодня, думаем и завтра продолжить поиски.

— Зачем искать? — удивился Гавриил. — Я знаю где, там уже Тарабукин моет.

И рассказал Лукин, что по ключу, который совсем высох, моет золото якут Тарабукин и с ним несколько эвенков. А что золото, действительно, богатое, Лукин своими глазами видел.

— Только торопитесь, а то Тарабукин уже послал за своими людьми на Тырканду, — предупредил старый таёжник.

Не тратя времени, Бертин, Нисковских и Владимиров верхом на оленях выехали к высохшему ключу. Пробираясь сквозь чащобу, они прошли вверх по ручью километра полтора и вышли на небольшую полянку. Здесь стояла палатка, горел костёр, на котором готовилась еда. Несколько человек на берегу ручья, где в углублении сохранилось немного воды, мыли золото на «американке» (примитивное промывное устройство). Шурфов, выработок не было, мыли золото наносное. Вольдемар Петрович и его спутники поздоровались. Бертин спросил:

— Кто Тарабукин?

Отозвался небольшого роста якут, средних лет. Бертин попросил у него разрешения произвести съёмку золота с «американки». Тарабукин разрешил. Результаты съёмки были неплохие: с 25 лотков породы 8 золотников (золотник составляет 4 грамма 220 миллиграммов). Очень довольный съёмкой, Бертин велел спутникам кипятить чай, а сам стал производить опробование лотком. Каждый лоток давал богатое золото.

Вскоре закипел ароматный чай. Вольдемар Петрович пригласил к своему костру Михаила Прокопьевича Тарабукина. Рассказал о своей артели, о том, что на поиски золота их послало Якутское правительство, сказал, что они будут работать на этом ключе.

Бертин расспросил Тарабукина, кто он, откуда пришёл в эти места. И тут выяснилось, что пришёл он сюда почти одновременно с артелью, проходил с женой и родичами мимо стана Бертина на Орто-Сале. Ручей этот ему показали родственники жены, бугягинские эвенки. Тарабукин рассказал, что он родился в 1882 году в Таттинском районе. В 16 лет остался сиротой, ушёл из родного наслега, подался в Бодайбо, где работал старателем почти десять лет...»

Немногословен был якут, а поведал немало:

«...До вашего прихода мы уже намыли около ста сорока золотников, — сказал Тарабукин Бертину.

— Хорошо. Продолжай свою работу. И мы тоже будем перебираться на этот ручей.

После чая Бертин и его спутники прошли вверх по ручью и обнаружили, что пробы становятся всё богаче.

Вольдемар Петрович позже рассказывал:

«Наиболее богатые пробы оказались на расстоянии около километра от того места, где мыли золото Тарабукин и эвенки. Здесь мы заложили линию в несколько шурфов, которые показали хорошее промышленное золото. На этом месте было решено приступить к золотодобыче. Часть членов артели приступила к организации добычных работ, а остальные занялись транспортировкой с Ортосалинской базы продовольствия и снаряжения. Мы переносили их на себе в котомках».

На ручье Незаметном

«...**23** июня 1923 года артель окончательно перебралась на новое место. Провели собрание, на котором решили назвать ручей Незаметным. На скорую руку выстроили барак на всю артель и приступили к работе, вели разрез. В ручье не было воды, стояла засуха. Артель сделала водохранилище в русле ручья и пробил бортовые канавы из тайги для притока воды. Подготовительные работы продолжались 15 дней. Затем приступили к промывке песков. Со всей вскрытой площади разведчики добыли несколько десятков фунтов золота, промывка сильно сдерживалась отсутствием воды, но это уже не беспокоило артель. Месторождение было богатое, золота получили немало, можно было докладывать Правительству о выполнении задания.

4 августа Бертин, уполномоченный Наркомторгпрома Нисковских, член артели Сокикас и ещё два человека из группы Тарабукина выехали в Якутск. Опасаясь нападения бандитов, они взяли с собой оружие. Уже впоследствии Бертин узнал, что на их пути, возле переправы через реку Амга, была засада, но, увидев, что группа хорошо вооружена, бандиты не решились напасть на них.

Бертин и его товарищи благополучно добрались до Якутска. Их появление в городе всех обрадовало. Почти полгода от них не было никаких вестей. Ходили слухи, что всю артель перебили.

Приехал Вольдемар Петрович домой, дверь открывает, а ребяташки в рёв:

— Чужой дядя пришёл!

Жена Татьяна еле узнала Вольдемара. За это время у него выросла большая борода.

Добытое золото Бертин сдал Наркомторгпрому, был составлен документ, который гласил:

«...впредь до организации в ЯАССР горного надзора и прибытия его представителей на места разрешить 1-й трудовой артели по добыче золота, не производя установленного отвода, разработку золотоносной площади, не выходя к ключу, названному артелью «Незаметный», впадающему в речку Орто-Сала с правой её стороны... Прииск назван «Незаметный». Границы

его обозначены следующими явочными знаками: починный столб толщиной в три вершка сыростойного лиственненного леса поставлен в 13 шагах от речки Орто-Сала и в 10 шагах от правого берега ключа. Вверху столба вырезано: «П.П.Н.К.Т.П». Ниже написано: «Настоящая местность заявлена 1-й трудовой артелью по добыче золота в пользу Наркомторгпрома ЯАССР тысяча девятьсот двадцать третьего года июня двадцатого дня» — и дальше вырезано ножом: «19/VI — 23 года». В одной сажени выше столба выбит «приёмок». Вокруг столба редкий крупный лиственничный лес. Второй столб, т.е. окончательный пункт границы прииска «Незаметный», поставлен на 4 верстах по течению».

Вольдемар Петрович был назначен на Незаметном уполномоченным Наркомторгпрома. Обговорив все дела, особенно о снабжении продовольствием, вместе с Иваном Карловичем Сокикас стал собираться в обратный путь. На прощание сказал жене: «Приезжай, Танечка, на Незаметный. Как путь зимой установится, так и приезжай».

...А на Незаметном разворачивались свои события. Банды волчьими стаями бродили по тайге. Когда бандиты узнали, что В. Бертин уехал в Якутск, они напали ночью на вьючный транспорт якута Устинова и его спутников, доставляющих старателям мясо и муку. При этом распустили слух, что советская власть пала, обманули эвенков — угрозами и обманом перетянули их на свою сторону. Арестовали Устинова и жену старателя Жмурова и заперли их в пустом сарае около зимовья. Охрану выставили из эвенков.

Но Жмурова и Устинов стали по одному уговаривать охранников бросить разбой и заняться добрым делом. Советская власть не пала.

Война кончилась. Хватит крови. Вернётся из Якутска В. Бертин и придётся отвечать по полной мере.

Эвенки освободили пленников. Помогли захватить вожака бандитов Алексеева и его помощника.

Так и явились они на Незаметный: впереди процессии — Жмурова в красном полушубке и штанах, с наганом на поясе. За Жмуровой шли Устинов, эвенки и привязанные к хвостам лошадей главари банды.

Члены артели, бывшие партизаны и красноармейцы были за то, чтобы бандитов отправить в Якутск: пусть их судят там по закону.

— Тайга свой закон! — возражали якуты и эвены.

Было принято требование большинства.

Бандитов судили на общем собрании всей артели, неподкупным судом тайги. Не мешкая выбрали судей: русский, якут и эвенк.

На следствии, проведённом прямо на собрании, выяснилось, что кровавых злодеяний совершено много. Алексеев и его соучастники были главарями банды. Это они убили старателей и красноармейцев 5-й армии в 1922 году. Они готовили нападение на артель В. Бертина, намеревались его убить. Грабили эвенков, издевались над ними. Решение суда: расстрелять.

Всё это внесли в протокол. Собрание единогласно поддержало решение суда. Приговор был приведён в исполнение немедленно.

* * *

«...Разведанный участок золотоносных площадей расширялся. Особенно богатым был Верхне-Незаметный. Даже выдавшие виды таёжные копачи бледнели при виде верхненезаметнинского золота. Оно было видно в песках невооружённым глазом. На том участке артель добывала в день по 4-8 фунтов золота, меньше, чем по 25 золотников на человека, никто не намывал. Но золотом сыт не будешь. А обеспечение продуктами оставалось самым больным местом. Этим воспользовались спекулянты, любители наживы, контрабандисты, спиртоносы, которые потянулись на Незаметный вслед за старателями».

От забот у В. Бертина почернело лицо, продолжала сильно болеть голова от побоев в плену, стала нетвёрдой походка...

...Денег в первое время у старателей не было, их заменяло золото. Так, щука стоила 20 золотников фунт, сало — 4 золотника, масло — 40 золотников. С этим хаосом надо было кончать.

...В апреле 1924 года был организован трест «Якутзолото», его управляющим стал инженер Харитонов.

В. Бертина назначают заместителем управляющего. С 1925 по 1927 год он возглавит трест.

Михаила Прокопьевича Тарабукина не забыли. И тут скажется характер В. Бертина.

Когда Тарабукин обратится в дирекцию созданного треста «Якутзолото» с заявлением на своё право первооткрывателя ключа Незаметного, выйдет Постановление дирекции треста (протокол № 1 от 25 августа 1924 года):

«1. Считать тов. Тарабукина фактическим первооткрывателем ключа Незаметного, давшим своим открытием возможность создания прочной базы для развития предприятия «Якутзолото».

2. Ввиду того, что Тарабукин по своей неграмотности и незнанию существующих законоположений не использовал своих прав первооткрывателя, и что необходимо всячески поощрять поисковую деятельность таких пионеров-золотоискателей, назначить тов. Тарабукину вознаграждение отчислениями в его пользу ста рублей с каждого добытого предприятием пуда золота.

3. Производить эти отчисления с начала деятельности «Якутзолото», с апреля с.г. впредь до выработки прииска Незаметного».

* * *

Ныне в центре Алдана, выросшего на месте посёлка Незаметный, стоит памятник его первооткрывателям В.П. Бертину и М.П. Тарабукину.

Слава о золотоносном районе разнеслась по всему миру.

Жизнь приисковая

Государственной добычи золота до 1925-1926 годов на Алдане не было. Действовали исключительно старатели. В это время, кроме Незаметного, работы велись на пяти-шести приисках. Всё вершилось вручную. Кайло, лопата, лоток — основные орудия.

В.П. Оноприенко пишет: «Жили старатели артелями в бязевых и ситцевых палатках, в которых обязательно стояла железная печка, грубо сколоченный стол, нары (зачастую из слегка затёсанных жердей), в лучшем случае деревянные, самодельные топчаны. Пол и невысокий сруб в 60-70 сантиметров был из тех же жердей. Только в палатках начальства можно было увидеть примитивный стул-крестовину из двух досок, с прибитым к ней сидением. Конструкцию стула предложил один из управляющих

прииском Ананий Абрамович Лозовский, поэтому стул назывался его именем, только на китайский манер — лозоза. Горнослужащих, особенно инженерно-технических работников, старались поселять в бараки и в маленькие хибары.

Артель имела «мамку», женщину, обязанностью которой было приготовление пищи, поддержание в палатках чистоты и порядка, стирка белья. Мамка была полноправным членом артели, получала такой же пай золота. За штопку получала с «сынков» особую плату. Чаще всего это была жена какого-нибудь старателя.

Служащие управления обычно объединялись в «коммуны», по 15-20 человек в каждой, и нанимали себе «мамку» со стороны. Поскольку женщин на приисках было мало (членов семей из-за недостатка продовольствия завозить не разрешалось), то «мамки» обычно зарабатывали не меньше, а даже больше любого старателя».

Даже после появления треста «Алданзолото» не было эксплуатационной разведки, необходимых кадров, горного оборудования. Прибывших определяли в артели, им нарезали делянки. Несмотря на это, добыча золота на Алдане увеличилась через год на десятки процентов.

«...Государство получало много тысяч рублей дохода. Причём было известно, что далеко не всё добытое золото поступает в казну государства. Приостановить же утечку его, особенно через китайцев и корейцев, было невозможно.

За право золотодобычи в оплату расходов треста по содержанию горного надзора, школьной и медицинской сети, на строительство нагорных канав, подводящих воду из речек на разрабатываемые старателями «разрезы», с каждого члена артели взыскивалось три рубля в день в золотом исчислении.

Многие старатели, несмотря на высокие заработки, вынуждены были на зиму уходить в «жилое место». Уходили с небольшим запасом продуктов в семисотвёрстный путь по еле заметной тропе сквозь тайгу, через горные хребты и перевалы, безымянные ключи и речки. Неудивительно, что многие гибли в пути от голода. Много позже находили в тайге скелеты неизвестных старателей, погибших от голода, в котомках которых было золото».

И.В. Сущенко описывает приёмку золота от старателей так:

«Самая любопытная из всех процедур по приёмке золота от старателей — это отдув кассиром минеральных примесей. На стол, покрытый ворсистой тканью, кладётся металлический лист. На него кассир высыпает принимаемое золото. Вороша всё время пинцетом, начинает отдув. Золото иногда бывает очень мелкое, отдувается вместе со шлихами и «тонет» в ворсистой ткани, которая и служит этой цели.

На Алдане долго бытовал анекдот, как отдувал золото один кассир. Был он бородачом и каждый раз при отдуве как бы ненароком смахивал бородой золото. Старатель долго наблюдал эту картину, видел, что кучка золота убывает на глазах.

— Ну, паря, махни ещё раз бородой, и я уйду».

Мне интересно было знать, как оценивалось золото при приёмке от старателей. Вот как это происходило:

«Канторские помещения на всех приисках были однотипны. Рубленый в лапу четырёхстенный дом, разделённый тесовыми переборками на кабинеты управляющего, бухгалтерии, маркшейдера и нарядчиков. За деревянной решёткой — золотоприёмная касса с лабораторными весами. У стола, на его высоте, укреплена на деревянном чурбане большая чугунная ступка, в которой кассир толоч принимаемое от старателей золото, если в нём оказывались вкраплены примеси, например, кварц. Затем большим магнитом отделял железняк, азотной кислотой проверял чистоту сдаваемого золота, нет ли в нём посторонних примесей, в частности меди. Среди старателей, особенно среди китайцев и корейцев, были искусные мастера, которые умели подмешивать в золото латунь, отличить которую на глаз было невозможно, поэтому и применялась кислота. Кроме того, кассир-золотоприёмщик должен определить предполагаемую пробу сдаваемого золота. Для этого у него имеется связка металлических ключей, на конце которых напаяно золото различных проб. Проба эта выбита на ключе.

Обычно на тёмной сланцевой плитке кассир наносил черту крупинкой принесённого золота. Затем по цвету подбирал соответствующий ключ и рядом наносил вторую черту, иногда третью, четвёртую, до тех пор, пока не совпадал цвет. После этого определить предполагаемую пробу не представляло труда: она была обозначена на ключе».

Валютный цех страны

Одной из первых задач «Алданзолото» в это время было сосредоточение в одних руках снабжения приискового населения. На Незаметном открылся торговозаготовительный отдел с подчинением напрямую Москве. Руководящие кадры направляла Москва. В основном это были боевые командиры Красной армии, демобилизованные после гражданской войны.

Плохое снабжение, цингу выдерживал не всякий. Предстояло организовать на приисках устойчивую государственную добычу металла.

План на 1925/1926 гг. решено было значительно увеличить.

«Наступил новый 1926 год, который стал годом превращения Алдана в валютный цех страны. Все отдавали себе отчёт в том, что главное в подготовке к летнему промысловому сезону является обеспечение Алдана продуктами питания, промышленными товарами и техническими грузами. В целом «Алданзолото» и в частности его торгово-заготовительный отдел прилагали все усилия к выполнению плана грузоперевозок. Более трёх тысяч лошадей крестьянских комитетов взаимопомощи Ленского, Олекминского, Западно-Кангаласского, Намского, Меньшо-Кангаласского районов перевозили технические и продовольственные грузы с ленских баз. До тысячи лошадей перевозили из Вилюйского, Сунтарского и Нюрбинского районов свежемороженую рыбу, боровую дичь, ягоды, мясо и другие сельхозпродукты местных заготовок. Такое же количество лошадей, около двух тысяч верблюдов везли груз со стороны Большого Невера. День и ночь по таёжным дорогам двигались нескончаемые обозы.

Поскольку транспорт был до постройки Амуро-Якутской магистрали исключительно гужевой, большой заботой была заготовка сена, которого требовалось около пятисот тысяч пудов. Не имея сена, нельзя было рассчитывать на завоз товаров, содержать собственный транспорт, без которого была бы парализована вся жизнь приисков. Совнарком своим постановлением обязал обеспечить сенокосчиков литовками, граблями, отбойными молотками, оселками и т.д., доставить к местам заготовок баржи для погрузки сена. Крестьянские комитеты этим постановлением обязаны были, помимо заготовки сена, осуществить

его доставку к месту погрузки, погрузить и сопровождать до Саньяхтаховской базы. Всё это требовало большой организационной работы.

В 1926 г. состоялось постановление союзного Правительства, которое выделило для «Алданзолота» в Укурейской степи триста тысяч гектаров сенокосных угодий для создания сенокосхоза. Создавать в голой степи совхоз, набрать необходимое количество рабочих, обеспечить их хотя бы временным жильём, продуктами питания, транспортом, сеноуборочной техникой — дело нешуточное. Но уже в 1927 г. «Алданзолото» имело более миллиона пудов своего сена отменного качества», — отмечал П. Оноприенко.

В 1926 году председатель Совнаркома Якутской АССР М.К. Аммосов писал: «Появление нового Алданского (правильнее — Томмотского) района произвело целый переворот во всей золотопромышленности Союза».

«Позвольте представиться...»

Постепенно Алдан превращался во всесоюзную стройку. В 1926 году руководство треста «Алданзолото» пригласило Ю.А. Билибина на Алдан. От Большого Невера до Незаметного он две недели добирался на лошадях.

В техническом отделе главного приискового управления Ю.А. Билибин быстро сдружился с проходившими практику студентами-практикантами Московской горной академии Б.М. Вронским, Н.М. Зайцевым, М.Г. Котовым, П.М. Шумиловым и студентом МГА П.Я. Дрожжиным. Он организовал шесть геолого-поисковых партий, которые продолжали геологическую съёмку района, начатую В.Н. Зверевым.

Студенты знакомились здесь с азбукой разведочного дела, начиная от проходки шурфов, промывки и до первичных подсчётов запасов золота.

...Надвигалась весна, и практикантов отозвали на Незаметный. Их стали использовать на разных «подсобных работах». То они вели теодолитовую съёмку, то занимались нивелировкой, то просмотром шлихов, отдувкой и взвешиванием золота, занесением данных в шурфовочный журнал — довольно скучная работа.

Известный впоследствии геолог Б.И. Вронский напишет: «Нас манила тайга, а вместо этого приходилось томиться на прииске, занимаясь скучной работой. Да и бытовые условия были ниже всякой критики. Особенно нас донимали клопы. Они буквально кишели в пазах и трещинах барачных стен, доводя нас до неистовства. В конце концов, мы нашли выход — сшили из простыней мешки, забирались в них с головой и завязывали изнутри. От клопных укусов мы спасались, но почти нестерпимая духота была слишком дорогой компенсацией за это удовольствие. Только в субботние дни мы после работы уходили на ночь в тайгу и возвращались поздно вечером в воскресенье. Однажды — это было в конце июня или начале июля — мы сидели у себя в бараке, разрабатывая план похода на будущую субботу, как вдруг раздался стук в дверь, и в барак вошёл рослый загорелый детина в коричневой кожаной куртке и кепке, из-под которой падал на лоб густой клок рыжих волос. Его загорелое лицо, покрытое густой россыпью веснушек, было обрамлено ярко-рыжей бородой. Из-под густых бровей весело смотрели голубые глаза.

— Позвольте представиться, — произнёс он. — Билибин Юрий Александрович, главный геолог «Алданзолота». Только что приехал, узнал, что здесь живут студенты-геологи, и зашёл познакомиться.

Мы в свою очередь представились. После обычных разговоров о том о сём он расспросил нас, чем мы занимаемся, какие у нас планы. Мы посетовали на наше положение, рассказали о желании работать и заниматься геологией. Он обнадежил нас, сказав, что постарается помочь.

Просидел он у нас часа два. Показался несколько суховатым, и мы не могли предположить, что вскоре нас с этим «суховатым» человеком свяжет крепкая искренняя дружба».

«Суховатый» человек вскоре станет центром притяжения всего Алдана...

Простым и доступным оказался рослый рыжий бородач и для местных. Спрашивали его:

— У тебя какое прошлое? Не тёмное?

— Из дворян я, — твёрдо и даже с вызовом кому-то отвечал верный себе «лобастый» Билибин.

— Ври! — не верили аборигены. — С такими лапищами, как твои, только булуги ворочать. У их благородий эдаких ручек не бывало. Весёлый и крепкий ты мужик! Свой!

Где и как искать?

Приискровое управление к моменту приезда Билибина было в незавидном положении. Если точнее — в тупике. Ещё недавно богатые россыпи Незаметный, Пролетарка, Орочен и другие теперь находились на грани выработки. Новых месторождений не было. Где и как их искать?

Ю.А. Билибин решил использовать собственный метод полевых работ. Он заключался в сочетании геологической съёмки со шлиховым опробованием. До того разведка проводилась по сути наугад. Принимали во внимание характер долины ручья, наличие наносов, кварцевой гальки и т.п. Применение шлихового опробования с нанесением полученных полевых результатов на карту давало возможность увидеть перспективные участки.

Такой подход к поиску золота вначале вызвал в управлении недоверие. Но под руководством Ю. Билибина было создано несколько партий, работающих по новой методике. Они-то и показали эффективность нового метода.

Во главе партий он поставил студентов-третьекурсников. И не ошибся. Вронский писал: «Согласно инструкции Геологического Комитета студент пятого курса горного или геологического вуза мог занимать должность не выше старшего коллектора. Билибин не ошибся. Возможно, это назначение и определило нашу дальнейшую деятельность. Трое из нас — Котов, Шумилов и я — прочно обосновались на Колыме, внося свою посильную лепту в дело освоения её природных богатств. Зайцев установил золотоносность богатого Алах-Юньского района и успешно работал там до начала войны. Как бывший офицер он был призван в армию и погиб на фронте. И только Пётр Дрожжин как-то незаметно отошёл в сторону и исчез с нашего горизонта».

Молодой Юрий Билибин, возглавляя разведочные работы на Алдане в должности главного геолога, заложил основы нового метода геолого-поисковых и разведочных работ. Потом этот

метод широко и успешно применялся на Колыме и на всём Северо-Востоке.

Решительно выступив против принятой в «Алданзолоте» сплошной площадной разведки всех ключей и речек изучаемого района, учитывая геологическое строение и поисковые данные, он отказался от разведки почти 75 процентов объектов, доказав теоретически и практически её ненужность. Так была достигнута огромная экономия государственных средств.

А в это время носились слухи о золоте, обнаруженном «хищниками» в верховьях Колымы. Деятельный Вольдемар Бертин пытался организовать туда небольшую экспедицию и даже добился от Якутского правительства соответствующих ассигнований. Но деньги перебрали на какие-то другие нужды.

Успешно действовавший на Алдане Билибин неожиданно получил предложение от концессии «Лена Голдфилдс» занять должность главного геолога с весьма солидным окладом. Молодой инженер отклонил это предложение. Он уже мечтал об исследованиях на Колыме.

Новые друзья

Юрий Билибин давно решил, что непременно пригласит в будущую экспедицию своих новых друзей — студентов-практикантов и уже опытных геологов С. Раковского и Э. Бертина.

Как всё-таки удачно всё складывалось: студенту Юрию Билибину случится однажды услышать поразивший его доклад С.В. Обручева об Алдане, по рекомендации В.А. Обручева его приняли геологом в трест «Алданзолото», и, наконец, уже работая главным геологом треста, он встретится на прииске Незаметный с людьми, готовыми на многие лишения ради дела, которое избрали на всю жизнь: с геологами Сергеем Дмитриевичем Раковским, Петром Михайловичем Шумиловым, Борисом Ивановичем Вронским и другими. Познакомится он и с совершенно уникальными людьми — братьями Вольдемаром и Эрнестом Бертиными.

Хотя Бертины не были дипломированными геологами, но были опытнейшими золотоискателями, самородками. С Эрне-

стом Юрий Билибин подружился сразу, оценив его притягательный характер.

Как писал позже В. Цареградский: «Эрнесту Петровичу Бертину было уже под сорок лет. Он рано начал трудовую жизнь. Окончив школу железнодорожников, работал машинистом на Сибирской железной дороге. В годы революции, гражданской войны Эрнест Петрович участвовал в борьбе с белогвардейцами и интервентами в Забайкалье, на Дальнем Востоке, сражался в партизанском отряде. Позже в Иркутске работал следователем в губчека, а в 1923 году перебрался к брату на Алдан. Эрнест Бертин был страстным охотником и рыболовом, любил вкусно и много поесть и посидеть в компании, послушать и рассказать остроумные анекдоты, много курил (всегда папиросы «Казбек»), не прочь был поиграть в карты, но играл обычно сдержанно. Был среднего роста, коренастый, на висках его крупной круглой головы едва наметились залысины. По мнению многих, Бертин считался красивым. У него были правильные черты лица. Выступающий подбородок и серые холодные пронизательные глаза подчёркивали мужественность, а узкие и как бы поджатые, редко улыбающиеся губы придавали его облику оттенок суровости».

Э. Бертин работал потом во многих сибирских организациях. Последние свои годы жил в Ленинграде. Не стало его в возрасте 86 лет в 1979 году.

...В кругу друзей Ю. Билибин был весёлым парнем. Все отмечали его поразительную способность быстро сходиться с людьми. И все знали его страсть заключать пари. Иногда в поисках подтверждения собственным мыслям о том, куда двигаться дальше в своих геологических поисках, он предлагал неожиданные состязания с жёсткими условиями.

В одном из таких состязаний предлагалось выпить чайник (!) чистого спирта. Соперниками оказались Ю. Билибин и Э. Бертин. Третьей судьёй избрали Вольдемара Бертина.

Всё действие сопровождалось составлением протокола, в котором точно фиксировали место действия, время, исполнителей и так далее.

Главный приз был определён пятым пунктом протокола: «Кто чайник выпьет, тот выигрывает: Ю.А. Билибин — Чукотку, Э.П. Бертин — Колыму».

Ю. Билибин лихо первым справился с поставленной задачей. (В свой чайник он ловко налил обычную воду, третейский судья подмены не заметил, хотя потом догадался).

А Э. Бертин простодушно принял к чайнику со спиртом, но надолго его не хватило...

Уже после Вольдемар Петрович строго отчитал брата за то, что тот рискует спить Ю. Билибина вместо того, чтобы учиться у него, как искать золото. Обещал установить контроль. Сам Вольдемар Петрович не курил и не пил.

«Вольдемара Петровича особенно привлекала в Билибине его железная самодисциплина, его собранность и принципиальность. По просьбе Бертина Юрий Александрович не раз выступал перед рабочими. Говорил он ясно, как и писал, сразу набело крупными, чёткими буквами. Старателям нравились в этом рыжебородом человеке его открытая улыбка и к месту злой сарказм в словах и в блеске его умных глаз. Билибин никогда не подлаживался под рабочих, но и не ставил себя выше них. Любил поговорить с бывальыми, толковыми людьми. Много расспрашивал сам и охотно отвечал на бесчисленные вопросы таёжников. Вскоре после его приезда в Незаметный весь прииск знал, что главный геолог не только умница и отлично понимает своё дело, но что он и не дурак выпить, неплохо разбирается в еде, не прочь повеселиться. В общем — на работе требовательный, строгий, а после работы — компанейский человек и такой же грешный, как и все». (П.И. Мельников).

А вот впечатление от встреч с Билибиным в 1927 году женщины-геолога Варсеник Вронской, впоследствии ставшей писательницей: «Так и чудилось, что передо мной предстал один из легендарных викингов или некто из клондайских персонажей Джека Лондона, а может быть, даже и сам Фритьюф Нансен». И далее: «...Самолюбие не последняя черта в характере Билибина. Это самолюбие человека, сознающего свою внутреннюю силу, свой интеллект...

Он был прост, но не простоват. Слог — предельно чётко, ясен, точен. Так же, как он пишет, так и говорит. Не было у него и обращения на «ты»... Мы постоянно чувствовали возле себя его незримое присутствие. И не было более убедительного аргумента, когда мнения в коллективе почему-то расхо-

дились, как напоминание, что так ведь сказал Юрий Александрович».

Сравнение В. Вронской Ю. Билибина с Фритьофом Нансеном меня порадовало. Это сходство я отметил для себя, ещё когда начал читать статьи Ю. Билибина и почувствовал его характер.

Ю. Билибин и сам постоянно приглядывался к своим подопечным, внимательно наблюдая за их профессиональным ростом, заботливо помогая совершенствоваться. Ему нужны были помощники-профессионалы.

Вот как в те годы он характеризовал своего коллегу: «Пётр Михайлович Шумилов работал под моим руководством в Алданском золотоносном районе в 1926 и 1927 гг. в качестве начальника геолого-поисковой партии, состоя в зиму 1926-27 гг. районным геологом на разведке. Прекрасно выполняя свою работу, П.М. Шумилов обнаруживал в поле большую наблюдательность, способность быстро ориентироваться в геологическом строении местности, исключительную добросовестность и детальность в регистрации всех своих наблюдений. При камеральной обработке материала П.М. Шумилов обнаружил умение полностью использовать собранный материал, делать из него правильные выводы как для геологии, так и для направления разведочных работ. При всём том П.М. Шумилов обладает достаточными организационными способностями и прекрасно распределяет свою полевую работу, благодаря чему его работа является весьма производительной.

Работа П.М. Шумилова на Алдане заставляет считать его не только вполне подготовленным, но и очень ценным работником для подобного рода геолого-поисковых работ.

Геолог Геол. разв. ин-та цв. металлов Ю. Билибин».

В этом тексте видна не только личность П.М. Шумилова, но и сам Ю.А. Билибин. Широкой его натуры на многое хватало. К нему тянулись люди.

Пётр Михайлович Шумилов — один из тех, кого Ю. Билибин заразил на Алдане Колымой. В первых Колымских экспедициях Билибина и Цареградского он не участвовал, но на Колыме как геологоразведчик появился одним из первых.

После окончания Московской горной академии в 1929 году руководство «Союззолота» направило его на должность заведую-

щего геолого-поисковым бюро Колымского приискового управления. В 1932 году Шумилов заболел в тяжёлой форме цингой. На целых семь лет он покинул Колыму, потом, ещё до войны, вернулся. Стал начальником отдела россыпных разведок ГРУ «Дальстроя». С 1943 года работал главным геологом Западного горнопромышленного управления. В этот период в Сусуманском районе были открыты месторождения, которые вывели управление в ряд крупнейших предприятий Северо-Востока.

В 1953 году болезнь снова заставила его уехать. П.М. Шумилов, С.Ф. Раковский не занимались наукой в прямом смысле. Но они не были и кабинетными работниками, оставались на всю свою жизнь энтузиастами поисков и открытий, лично участвуя в них. Разработанные ими методики входили в инструкции и учебники. Они отдали суровому краю свои знания, силы и здоровье. На Колыме подобных им будет немало. Но они были первыми!

Трое из работавших на Алдане с Ю.А. Билибиным станут лауреатами Сталинской премии за открытие и исследование новых месторождений золота на Северо-Востоке СССР, полученной в 1946 году. Это Пётр Михайлович Шумилов, Сергей Дмитриевич Раковский, Борис Иванович Вронский.

Станет лауреатом Сталинской премии — самой на то время престижной в стране — и Ю.А. Билибин.

Дружба Ю.А. Билибина и П.М. Шумилова продолжалась всю жизнь. В 2005 году в южных отрогах горной страны Черского, в хребте Черге, на вершине высотой 2 134 м установлена памятная доска с надписью: «Гора Шумилова, геолога-исследователя Северо-Востока России».

* * *

Ю. Билибин на Чукотку не собирался, он уже «болел» Колымой. На Чукотку отправится Вольдемар Бертин. Произойдёт это в 1928 году. В том же году Ю. Билибин и Э. Бертин в составе Первой Колымской экспедиции отправятся к этой реке. Ю. Билибин был верен в дружбе.

...Ю. Билибин и Э. Бертин чудили и позже. Согласно одной из легенд, сопровождавших геологов после всех головокружительных событий, перенесённого голода, чудом оставшиеся в живых, уже во Владивостоке в ресторане «Версаль» они ребячески дали

себе волю. Заказывали всю еду, обозначенную в меню сверху вниз, а затем снизу вверх, по несколько раз. Веселились ребята!

...Сдружился Ю. Билибин и с другим замечательным человеком и геологом. Общий друг и сподвижник Ю. Билибина и Э. Бертина Сергей Дмитриевич Раковский на Алдане оказался, не окончив второго курса Иркутского политехнического института. До этого он воевал на гражданской войне на обеих сторонах. Сначала попал к Колчаку, потом перешёл к «красным». В институт он так и не вернулся, вполне возможно, опасаясь «колчаковских эпизодов» биографии. В золоторазведке он достигнет удивительных результатов. Лично открыл немало крупных и малых месторождений. Отсутствие диплома о высшем образовании не мешает ему стать одной из самых ярких легенд в истории колымской золоторазведки. Его имя навечно запечатлено в названиях ручьёв, порогов, улиц в городах и в посёлках...

И самое-самое в нём: неистощимая работоспособность и выносливость при пеших переходах.

При всей похожести в главном деле своей жизни они были разные — друзья и коллеги из окружения Ю.А. Билибина. Суровый, подстриженный под бобр, могучий Бертин-старший. И рядом молодые и красивые Эрнест Бертин-младший и Сергей Раковский.

Эрнест круглолицый, крутолобый, красавчик с усиками, то весёлый и разговорчивый, то невозмутимо сдержанный...

Сергей Раковский чаще молчаливый, с пышными волосами, зачёсанными назад, с худым удлинённым лицом и... великолепным знаменитым его носом, с обладанием которым аборигены связывали фантастическую способность его владельца «чуять», где лежит в земле золото...

Здесь, на Алдане, возникло родство душ выдающихся исследователей.

С.Д. Раковский вспоминал: «Наше уважение росло с каждым днём. Я не помню дня, чтобы, вернувшись с поля с рюкзаком минералогических образцов, Ю. Билибин не увлёк бы нас каждым принесённым камнем. О каком-нибудь обломке сионита, мы, затаив дыхание, выслушивали целые истории. Причём как-то получалось, что послушать его мы почти всегда напрашивались сами. Уж очень большой интерес он разжёт у нас к своей науке,

но делал вид, будто сам он тут ни при чём. Поэтому серьёзные занятия по геологии превращались в жгуче привлекательную игру, в которую мы, взрослые дяди, бросались, как дети. Простой в общении, дружелюбный, открытый, в действительности он был соткан из благородства, которое действовало на всех заразительно. Чтение лекций по геологии об Охотско-Колымском крае и россыпях золота влилось в наше сознание, как музыка великого Моцарта».

Надёжный последователь

Именно здесь, на прииске Незаметный Вольдемар Петрович Бертин даст дополнительную опору тому, что бы Ю. Билибин утвердился в своём желании посвятить себя освоению Колымы.

В. Бертин и Ю. Билибин подолгу разговаривали друг с другом. Вольдемара Петровича удивлял академический ум главного геолога. Молодой геолог при их разговорах схватывал на ходу всё остро и быстро. Они учились друг у друга, каждый своему.

И оба чётко понимали: добыча золота только на Алдане и на Урале не решит поставленных государственных задач, связанных с обновлением промышленности, перевооружением армии, освоением новых регионов республики.

Нужны новые мощные золотоносные районы. Стране крайне необходимы были золото, олово, другие редкоземельные металлы в значительно больших объёмах.

В. Бертину удалось добыть записку Ю.Я. Розенфельда, в которой тот делал упор на открытие им кварцевых жил. Их-то он и считал чрезвычайно золотоносными. Ю.Я. Розенфельд первый громко заговорил о золоте Колымы. В этом его несомненная заслуга.

Теперь Вольдемар Бертин возлагал большие надежды на Ю. Билибина, проницательно увидев в нём надёжного продолжателя его дерзких замыслов. Недавний студент был активным сторонником научного подхода в поисках месторождений. Окружающих привлекала в нём широта кругозора и пытливый ум. Ю. Билибин считал, что золото Аляски относится к обширному золотоносному поясу, который идёт до Чукотки и в район Колымы, доходит до Индигирки. Более того, он полагал теперь,

что именно на Колыме лежит «пряжка» от «золотого пояса», протянувшегося от Амура до Калифорнии, от Австралии до Китая.

Он многое уже успел, но это только начало!

Разработав свой метод, учитывающий главные черты тектонического развития района, он получил надёжный механизм поиска. Так он сумел открыть (вместе с коллегами) новое на Алдане месторождение рудного золота («Лебединское»). Составлена была первая геологическая карта исследуемого района. Алдан мало чем отличался от Колымы. Значит, надо ехать и искать!

Золото Охотского района

До колымских сокровищ в своё время пытались добраться не только через Алдан. Охотский район — непосредственный предшественник Колымского золотоносного края. Ходили слухи, что там обнаружили золото ещё в середине XIX века. Но впервые это подтвердила экспедиция геолога, профессора Петербургского горного института Карла Ивановича Богдановича, которую снарядило Министерство земледелия и государственных имуществ в мае 1895 года, чтобы обследовать золотоносные берега Охотского моря, западный берег Камчатки и Шантарские острова.

В августе 1896 года экспедиция сообщала об открытии золота на западном побережье Охотского моря, зафиксировала проявления золота в бассейнах рек Урак и Кухтуй. Эти россыпи не носили промышленный характер, но стимулировали наплыв старателей.

По материалам своей Охотско-Колымской горной экспедиции (1895-1898 гг.) Богданович и топограф Лелякин в 1901 году составили карту Охотского побережья от устья Амура до Охотска. К.И. Богданович — создатель капитальной сводки о рудных месторождениях и нефтяной геологии. Его воспитанниками были тектоник Дмитрий Мушкетов, петрограф Александр Завацкий, нефтяной геолог Иван Губкин и другие.

Члены Сибирской секции учились на научных трудах К.И. Богдановича. Их преподаватели, профессора А.К. Болдырев, С.С. Смирнов, были учениками К.И. Богдановича. Методология исследований и поисков К.И. Богдановича нашла развитие в библинском направлении научной металлогении.

В 1906-1907 годах в районе Охотска поисковые работы расширились. Их вела фирма «Ельцов и Левашов», чуть позже разведочная партия золотопромышленника Фризера. В 1913 году нашли золото в долинах реки Кухтуй, её притока Гусинка.

Уже в 1914 году добыли около 50 килограммов золота. А в 1916-м — 150 килограммов, в 1917-м — 230!

* * *

Все золотодобывающие предприятия и старатели работали под контролем Охотско-Камчатского горного округа. Если в 1918-1921 годах в этом районе работало до 1 000 старателей, то к 1924 году их численность сократилась до 240 человек. Старатели объединились в 46 артелей, с которыми заключались краткосрочные трудовые соглашения. Позже, в 1927 году, было добыто золота 5044,99 кг при объёме промытого песка 30,339 тысяч тонн.

В Охотском районе в то время действовали прииски «Благодатный», «Рассвет», «Петро-Ивановский», «Казённый», «Варваринский».

Золото Охотского района крупное (более 1-2 мм), с пробой от 790 до 920. Самый большой найденный самородок весил около 1 кг.

Россыпи приходилось обрабатывать только вручную, по талым водам. В тёплое время года пески для промывки брали с глубины до 4,5 метра или из отвалов.

Льдистую породу разрабатывали ломом, киркой либо с помощью пожогов, потом доставляли в бадье воротом.

Детальное изучение района в дальнейшем показало: богатые русловые россыпи почти исчерпаны.

* * *

...Что такое охотское золото по сравнению с тем, что, возможно, кроется в недрах Колымского края? Прошлогодний снег!

Колыма — белое пятно... Белая страница... Её кто-то должен перевернуть!..

Накопленный К.И. Богдановичем и его последователями опыт подхватил Ю.А. Билибин, как эстафету поколений.

Клятва

Утверждения Ю.Я. Розенфельда о золотоносности Колымы казались вполне основательными. Несмотря на их расплывчатость. ...Идея похода на Колыму захватила не только Ю. Билибина, но и всех поисковиков, работавших с ним. В один из вечеров в «Геолкоме» они дали торжественную клятву: если будет организована экспедиция на Колыму, то все последуют за Юрием Билибиным.

* * *

Подошёл день отъезда Билибина в Москву. И затем в Петроград. Проводы были и торжественными, и грустными. Дружина молодых геологов лишалась одного из самых заразительных, энергичных и верных в дружбе своих бойцов.

Из воспоминаний Б. Вронского: «Вольдемар Бертин вручил ему на прощанье записку Розенфельда с наказом добиваться средств на Колымскую экспедицию. Последние минуты прощания, последний посошок на дорогу, и оленья упряжка умчала нашего ГеолАза (геолог «Алданзолота» — так интимно звали мы Билибина) в заснеженную даль. Мы остались одни. О наших настроениях достаточно ясно говорят строки шуточного стихотворения, посланного Билибину в одном из писем. Приведу ту часть его, которая осталась в памяти:

*Товарищ наш меднобородый,
Голубоглазый ГеолАз!
В дни зимней сумрачной погоды
Зачем уехал ты от нас?*

*Уехал ты. И солнце скрылось,
И мрак густой на землю пал!
Зачем, зачем, скажи на милость,
Алдан на Питер ты сменял?*

*Ноябрь семнадцатый отныне
Объявлен траурным у нас.
Зане в сей скорбный день покинул
Нас, одиноких, ГеолАз.*

*Отъезд твой (вяньте, вяньте, розы!
Земля, посыпь главу песком!)
Поверг в уныние и слёзы!
Осиротевший Геолком.*

*Мы скорбно-траурные тени,
Плясать пытаемся порой,
Но не сгибаются колени,
Творя коленца плясовой...*

*...В работе те же недочёты,
Всё та же черепашья прыть,
И сидя грустно над отчётом,
Не знаешь — плакать или выть.*

«Гореловские жилы» и неприкаянный Бориска

В Центре хранения современной документации Магаданской Области есть «Доклад о работе Колымского золотопромышленного района за 1931 год»¹.

В этом документе говорится о предыстории открытия колымского золота. Доклад предназначался для Дальневосточного управления «Цветметзолото». Датирован он 21 ноября 1931 года. Из раздела доклада «История района»: «С 1908 г. по 1916 г. в смежном районе занимался исследованиями представитель Забайкальской фирмы Ю. Розенфельд (Норштейн), главное внимание было уделено золоту. Район исследований Розенфельда простирался по правым притокам Тал, Хурчан, Купка. Этими исследованиями было обнаружено небогатое россыпное золото и оруденённые колчеданистые кварцевые жилы. Кроме того, были обнаружены богатые жилы по одной из речек между Сеймчаном и Балыгычаном, названной им в своей рукописи вымышленно р. Гореловкой. Для опробования везлись им две больших ступы для рудного дробления, но так и оставлены недоавезёнными меж-

¹ Доклад обнаружен историком «Дальстроя» А.Г. Козловым, который считает, что документ написал Ю.А. Билибин (уже после 1-й Колымской экспедиции).

ду «Гореловскими жилами» и Тахтаюмском. Некоторое время в партии Розенфельда работали приглашённые им в Ямске Софей Гайдулин, Канов и татарин, известный под именем Бориса.

Несомненно, что Борисом в борту были получены хорошие пробы, которые заставили его бить ямы на площадке. Оборудование его было игрушечным: совершенно изработанная кайла, вместо посуды — пара жестянок из-под консервов и т.п. Борис, измученный недоеданием, опасением за свою жизнь и сизифовой работой, превратился в полусумасшедшего. Неоднократно его уговаривали проезжавшие мимо якуты вернуться в жилое место, но он отвечал, что умрёт здесь».

* * *

Имена Сафи Шафигуллина по прозвищу Бориска и Ю.Я. Розенфельда обросли легендами и домыслами. Ю. Билибину необходимы были конкретные сведения и короткие дороги к колымскому золоту.

Вернувшись с Алдана, он перечитал всё, что можно было, в библиотеках Ленинграда и Москвы. С пожелтевших страниц дохнуло на него многовековой историей, связанной с одним из самых древних металлов, который принёс немало страданий и радостей человеку. Сколько тайн связано с ним!

Но это было давно. А здесь события вершились всего-то чуть больше десятка лет тому назад.

Всё-таки есть промышленные месторождения золота на Колыме? Или его там только на одну-две артели старателей? Живы ещё старатели тех лет. Их надо искать!

Бориска был молчун, Ю.Я. Розенфельд, наоборот, написал столько всего выпренного и грандиозного. Но так всё зашифровал, упрятал!.. Сказал и не сказал... Попробуй без него найди «Гореловские жилы»!

Как же получается: с семнадцатого века открыта Колыма! А так мало о ней известно!

Но открыта ли до конца Колыма? Территория описана, а что внутри? Никто из профессионалов-геологов целенаправленно золото на Колыме ещё не искал!..

...Бориска! Неутомимый, фанатичный старатель!.. Как же он напетлял в своей жизни!.

В Охотск Сафи Шафигуллин направился за фартом в компании с бродягами из России и головорезами из англо-американской Аянской корпорации.

Татар из деревни Мирзан Казанской губернии Сафи Шафигуллина (Бориску), Сафёя Гайнуллина и старателя Михаила Канова судьба свела на Кухтуе.

Услышав от местных жителей, что золото встречается и на Колыме, решили «поймать фарт».

Денег не хватило, и они в 1912 году в Ямске нанялись к Ю.Я. Розенфельду (эстонцу), приказчику купца И.Е. Шустова из Благовещенска. По поручению И.Е. Шустова приказчик искал дорогу между Охотским побережьем и Колымой.

Согласно молве в верховья Среднекана и Сурчана, в устье Джегдяна старатели взяли пробу и обнаружили признаки золота. То же было и в Хупкачане. Шла уже мировая война. Не желая воевать, Бориска и Канов покинули Ю. Розенфельда и дезертировали.

Замеченные кварцевые жилы («гореловские жилы» — как их назвал Ю.Я. Розенфельд) там, где остались на зимовку Бориска и Канов, возбудили приказчика, и он стал стучаться повсюду: в Геолком, к иностранным промышленникам. Но какая тут Колыма и какое золото? Бушевала мировая война.

...На зимовье приехал на оленях к Бориске Софёйка. Объявил, что их снова берут в солдаты... Начальник зовёт...

Бориска ехать отказался.

Михаил Канов уехал. Мысли о золоте целиком овладели сознанием Бориски. Семьёй он не обзавёлся. Мог бы жениться на эвенке или якутке, но он одержимо в одиночку бродил от одной долины к другой, пытая своё счастье... Пробивал неглубокие шурфы, чаще всего не осиливая добраться до основания наносов, где как раз садится тяжёлое золото.

Бориска не знал закономерностей образования золотых россыпей. Он, увы, мыл не там, где надо, и не так, как надо...

Ему удавалось добыть только редкие крупинки металла, застрявшие на пути к коренному ложу реки.

Два года бродил Бориска по долинам бассейна Колымы, пока в нижнем течении Среднекана не показалось богатое золото...

* * *

Бориску нашли у трёх шурфов в 1917 году якуты М. Александров, А. Колодезников и Н. Дмитриев. Он сидел без шапки на краю шурфа, прислонившись спиной к лиственнице и, казалось, дремал. Одна нога разута и опущена в шурф. Старатель был мёртв. Никаких признаков насилия. Уснул от голода? Но на столе в срубе лежали лепёшки. Рядом кулёк муки, соль. Даже кожаный мешочек с мелким чешуйчатым золотом на месте...

...Его опустили в один из вырытых им когда-то шурфов и засыпали грунтом из отвала.

У ключа Безымянного

Золото Бориски не давало многим спокойно жить. И проявляло себя своенравно. В 1918 году Сафейка Гайнуллин вначале один, а потом в 1924 году вместе с Ф.Р. Поликарповым пошёл по следам Бориски. Вернулись они ни с чем, едва пережив голодное колымское лето.

Но Колыма манила! Только ли их?

В 1926 году Ф.Р. Поликарпов, Канов и Бавыкин сделали ещё одну попытку добраться до золота на Среднекане. В устье всё того же ключа Безымянного, в 15-ти километрах от Колымы они добыли из двух больших ям-шурфов золотоносные пески.

Стало ясно, что золотоносность не ограничивается Среднеканом, она распространяется на всё верховье Колымы.

Но голод снова погнал старателей по Колыме до Сеймчана, а затем на попутных лошадях в Олу. Голод стоял непреодолимой преградой на пути к золоту. Было очевидным, что в одиночку на Колыме золото не поднять. Необходима помощь «Союззолота».

За десять тысяч рублей и должность горного смотрителя Ф.Р. Поликарпов передал добытые сведения о месторождении представителю АКО «Союззолото» в Охотске В.А. Лежаве-Мюрату.

Через Якутск заявка пошла в Москву в «Союззолото» к А.П. Серебровскому.

А по побережью разлетелись слухи о найденном на Среднекане золоте. И породили тем самым «золотую колымскую лихорадку».

* * *

Ф.Р. Поликарпов — первый, кто сообщил точные сведения о среднеканском золоте. Именно его заявка на золотоносную россыпь, можно думать, и послужила веским доводом в пользу организации поисковых работ в бассейне Среднекана.

Сошлись в одно и неуёмный энтузиазм Ю. Билибина, и сведения Ф. Поликарпова, и легенды о золоте Бориски...

* * *

Много лет спустя, когда Первая Колымская экспедиция подтвердит наличие на Среднекане золота, на месте Борискиных шурфов разрастётся прииск «Борискин». Придёт день, и приисковый экскаватор подцепит на глазах рабочих в вечно-мёрзлом грунте тело полностью сохранившегося бородатого человека. Это был всё тот же неприкаянный Бориска, один из многих, чьи судьбы покалечил призрачный металл. Выкопанный им перед самой своей смертью шурф находился как раз на самом краю так долго разыскиваемой им золотоносной россыпи...

Неудержимый мечтатель

Записка Ю.Я. Розенфельда о «гореловских жилах» на Колыме, переданная В. Бертиным Ю. Билибину, будоражила. Заставляла не раз её перечитывать.

Ещё бы, уже сама жизнь автора, первопроходческая деятельность и трагический конец её притягивали к себе.

«Юрий Янович Розенфельд (по национальности эстонец) родился 10 июля 1874 года на хуторе Вак Везенберского уезда Эстляндской губернии. Его родители арендовали у помещика 40 десятин земли. В семье Розенфельдов, кроме Юрия, ещё были три сестры. Сам он окончил четырёхклассное уездное училище, а затем занимался самообразованием и приступил к самостоятельной трудовой деятельности в разных фирмах и компаниях в Петербурге, но с постоянными разъездами по всей России и за рубеж. В Сибири он впервые оказался в 1898 г., занимался в основном пивоваренным делом. В 1908 г. крупный сибирский

капиталист Шустов поручил Ю.Я. Розенфельду выехать на Колыму с целью изучения экономики края и отыскания путей по Охотскому побережью на Колыму для перевозки грузов. Для выполнения этой задачи он выехал через Якутск в Олу. Во время поездки Ю.Я. Розенфельд решил вести работы под псевдонимом и стал называться Георгием Ивановичем Норштейном. Добравшись до Олы, он пробыл здесь первоначально недолго, вернулся в Средне-Колымск, откуда затем зимним путём пытался доехать до Гижиги. Это оказалось невыполнимой задачей. Плутания по тайге заняли около года. В конечном итоге Ю.Я. Розенфельд вновь оказался на Оле, откуда вполне успешно доехал до Гижиги.

В 1913 г. в Ямске Ю.Я. Розенфельд познакомился со старателями: с русским М.И. Кановым, с татари́нами Бориской (Борисом) Шафигулиным и Софеем (Софием) Гайдулиным. Во время одной из бесед он рассказал, что ещё за пять лет до этого, проезжая по Колыме, увидел несколько золотоносных жил, которые назвал Гореловскими. Рассказ Ю.Я. Розенфельда заинтересовал старателей, которые уже обладали немалым опытом работы в золотоносных районах, работали на Амгуньских приисках Дальнего Востока и в Охотске. После рассказа о Гореловских жилах началась подготовка к новой совместной поездке на Колыму, которая состоялась летом 1914 г. Местом сбора всех участников экспедиции стал район Хапчакана, откуда на плоту спустились сначала по реке Буюнде, а затем по Колыме, всего проплыли около 200 км. Остановившись на ключе Дегдякан, Ю.Я. Розенфельд показал старателям рудную жилу, которая, по его словам, должна была быть золотоносной. Старатели в районе Дегдякана шурфовали на россыпное золото, но находили только знаки.

Ю.Я. Розенфельд не мог задерживаться в этом районе, поскольку тогда и ещё в течение нескольких лет занимался изысканиями различных путей сообщения на Колыме, собирая также данные о полезных ископаемых края. В сентябре 1916 г. он выехал во Владивосток, а спустя месяц уже находился в Петрограде. В то же время Бориска Шафигулин обнаружил достаточно богатое золото в нижнем течении Среднекана в 8 км ниже устья кл. Безымянного.

Добравшись до Петрограда, Ю.Я. Розенфельд связался с известным российским геологом Э.Э. Анертом, которого ознакомил с результатами своих исследований на Колыме. В капитальном труде Э.Э. Анерта «Богатства недр Дальнего Востока» (1928) эти сведения нашли отражение: «К северу от Охотского и к СЗ от Гижигинского подрайона, по ту сторону Станового хребта, находится Верхнеколымский, возможно, золотоносный край. Никаких геологических исследований, никаких поисков в этом крае ещё не было, но здесь, по-видимому, всё же существуют на обширных пространствах геологические возможности промышленной золотоносности. В подтверждение сказанного приведём следующие указания Ю. Розенфельда про этот (новый) Колымский подрайон. Он наблюдал обширные золотоносные отложения в предгорьях и тундре: Хурчанской (между р. Тал и Хурчан, двумя левыми притоками верховьев р. Буюнды) и Каркадонской тундрах — по среднему течению р. Буюнды, ниже устья Купки (Буюнда — правый приток Колымы; к северу от Олы и к северо-западу от Тахтоямска) и в других местах, в отложениях которых пока немногими (случайными) шурфами, из которых ни один не был добит, обнаружено было небогатое золото, рассеянное в мощной толще на широких площадях; он сообщал затем о прослеживаемых километра на три 20 оруденелых колчеданистых кварцевых жилах (мощностью в 0,71-1,78 м) на тех же покатых с признаками золотоносности, правда пока недостаточно проверенными. По сведениям, полученным мною от того же Розенфельда, видимо, богатые золоторудные месторождения золота находятся и в одном из отдельных дугообразных кражей, возвышающихся среди обширной низменности по обоим берегам Колымы, ниже Сеймчана и выше устья Балыгычана. Более или менее им разведаны здесь 3 золоторудные жилы по р. Гореловке, правому притоку Колымы, а также р. Хукичан (горячий ключ), и, наконец, по двум левым притокам р. Буюнды — рч. Хурчан и Тал; в общем же пределы золотоносности здесь пока точно не определены и не исследованы; количественное содержание золота пока также слишком недостаточно исследовано. Две из указанных гореловских жил залегают параллельно в расстоянии лишь нескольких метров друг от друга; третья тоже параллельно в расстоянии 2,33 км; в

совокупности мощность их 2,84-3,55 м. Жилы прослеживаются по простираению километров на 16».

«Ю.Я. Розенфельд в Петрограде сам стал обобщать собранный материал для написания обстоятельной записки по освоению Колымского края, занимался на вечерних геологических курсах при Петроградском горном институте, встречался с видными российскими учёными, например, с президентом Географического общества Ю.М. Шокальским, которых знакомил с перспективами Колымы. В Геологическом комитете он ходатайствовал о субсидии для организации экспедиции на Колыму, но в этом ему было отказано. Поддержку он получил в министерстве путей сообщения, которое намеревалось снарядить на Колыму комплексную экспедицию. Но революция 1917 г. разрушила эти планы.

В последующие годы Ю.Я. Розенфельд работал на приисках Забайкалья, пытался привлечь к Колыме внимание властей и промышленников своей запиской «Поиски и эксплуатация горных богатств Охотско-Колымского края». Гражданская война, межвластие на Дальнем Востоке, разруха заставили его эмигрировать сначала в Китай, затем в Европу. В 1924 г. он получил возможность вернуться в советскую Россию, работал в основном в золотопромышленности Забайкалья». (А.Г. Козлов).

До разгадки тайны «гореловских жил» оставалось совсем немного...

* * *

Золотой Алдан дал очень много Ю. Билибину. Он послужил своеобразной стартовой площадкой для дерзкого десанта по изучению и освоению удивительного края, где прежде специально золотом ещё никто из профессиональных геологов не занимался.

* * *

...Ускорение, полученное Ю. Билибиным на Алдане, скажется и на его научной работе. Потом он ещё несколько раз приедет в Якутию, будет работать в Аллах-Юне и других местах.

На основе материалов, собранных на Алдане, Ю. Билибин напишет одну из самых значительных своих работ «Петрология Ыллымахского массива». Она будет защищена в качестве докторской диссертации.

Но главным в его судьбе всё же окажется Первая Колымская...

Глава 4

ДЕРЗКИЙ ДЕСАНТ

Вернувшись с Алдана...

Прибыв в конце 1927 года с Алдана в Ленинград, Билибин поступил на работу в Геологический комитет, основной задачей которого был поиск полезных ископаемых. Работая в Геолкоме, он прочёл о Колыме всё, что можно было достать, в том числе приобретая книги в богатом киоске Геолкома.

В эту зиму он трижды ездил в Москву, пытаясь добиться организации экспедиции на Колыму, чтобы разом проверить всё: заявку Поликарпова, сведения Розенфельда и устоявшиеся слухи о золоте Бориски.

В «Союззолото» слушали энергичного, эрудированного геолога и... отказывали. Трудно было поверить, что можно, если даже на Колыме золото есть, вести в промышленном масштабе промывку, когда зимой река промерзает до дна, а холода стоят большую часть года... Один против треста?! В Ленинград молодой геолог вернулся ни с чем.

...Но время брало своё. Оно выдвигало грандиозные задачи: восстановление порушенного, индустриализация народного хозяйства. За новую технику, приобретаемую за рубежом, надо было расплачиваться золотом. Постоянно растущие потребности страны в валюте уральские, забайкальские, приамурские, алданские и другие прииски не обеспечивали.

Учитывая необходимость научных данных для определения направлений развития народного хозяйства страны, ещё в самом начале 1928 года Геологический комитет заключил с акционерным обществом «Союззолото» договор на проведение исследований в разных регионах. В плане — около трёх десятков поисковых топографических и геодезических экспедиций. Но не было в них Колымской!

Встреча с человеком-легендой

... Не находя понимания в кабинетах Геолкома, Юрий Александрович снова едет в Москву. Добившись приёма в Главзолоте, он идёт к его начальнику. Руководил Главкомом тогда Александр Павлович Серебровский... Личность — исключительная!

До этого А.П. Серебровский был заместителем председателя ВСНХ СССР. Практически он участвовал в руководстве всей отечественной промышленностью. Став председателем «Союззолота», он возглавил работу по созданию новых фабрик, рудников, всю сферу деятельности по геологоразведке и исследованиям, связанную с добычей золота в стране. Опыт организационной работы у него был огромный.

Сын народовольца, он в царское время несколько раз был арестован за участие в революционном движении. Занимая в стране ключевые должности, был председателем ЧК по снабжению Красной Армии, Председателем Центрального управления артиллерийских заводов, заместителем наркома путей сообщений.

Жизнь Александра Павловича Серебровского, до последнего времени малоизвестная широкому читателю, похожа на легенду. Родился он 25 декабря 1884 года в Самарской губернии в семье железнодорожного рабочего.

Мать скончалась вскоре после рождения сына, оставив четырёх малолетних детей.

Отец Павел Павлович — активный участник революционного народного движения 70-х годов XIX в. был арестован, после тюрьмы сослан на Урал на 20 лет. В 1905 г. в Уфимской тюрьме скончался брат Александра — Борис. Александру удалось, несмотря на то, что он за свои свободолюбивые мысли был отчислен из гимназии, сдать экзамены за весь курс. Александр учился очень хорошо. Всё ему давалось легко. Природные способности сочетались с запасом неистощимой энергии и настойчивости. Эти качества он сохранил на всю жизнь. Он поступает в Петербургский технологический институт. Его арестовывают (уже не первый раз) и по этапу отправляют в вятскую тюрьму. Он совершает побег и переходит на нелегальное положение.

Снова арест. Вновь побег...

После организации Петербургского Совета рабочих депутатов А.П. Серебровский избирается в его состав, потом — в исполком Совета. Назначается начальником боевой дружины за Нарвской заставой.

3 декабря 1905 года — арест. Его помещают в «Кресты».

...В 1906 году по военному призыву направляют во Владивосток в минную роту. После восстания на миноносце «Грозный» (17 октября 1907 г.) он получает 15 лет каторги.

Когда каторжные работы были заменены на службу в дисциплинарном батальоне, он совершил побег, при котором получил ранение. В Уфе ему помогают переправиться в Москву, затем — во Францию и Бельгию.

За 15 лет (1902-1917) его арестовывали девять раз, около трёх лет А.П. Серебровский пробыл в тюрьме, совершил четыре побега.

Попав в Брюссель, он овладел французским и немецким языками. Окончил Высшее технологическое училище, став инженером-механиком. В 1913 году в Брюсселе издаётся на русском и английском языках его работа «Теория и практика термоизоляции».

В 1913 году под чужим именем он прибывает в Россию. Невольно вспоминается судьба алданского самородка Вольдемара Бертина. И в который раз поражаешься всплеску человеческой активности в начале двадцатого века. Её неукратимости...

* * *

После революции, в 1920 году, Совет Труда и Оборона назначает А.П. Серебровского председателем Бакинского нефтяного комитета, с чрезвычайными полномочиями.

* * *

Председателем «Союззолота» А.П. Серебровский становится в 1927 году.

...С волнением вошёл Ю. Билибин в кабинет высокого начальства. Сможет ли А.П. Серебровский оценить ситуацию? Её уникальность? Молодой геолог только позже в полной мере оценит масштаб человека, с которым предстояло решать судьбу Первой Колымской экспедиции.

И наше поколение мало знало о А.П. Серебровском. Это сейчас его именем названа одна из улиц в городе Алдане, прииск...

К моменту назначения А.П. Серебровского председателем «Союззолота» он был уже опытным специалистом в нефтяной промышленности.

Предложение возглавить золотую промышленность А.П. Серебровскому сделал И.В. Сталин. Специалисты Госплана уже думали о первой пятилетке, о необходимости иметь ресурсы для её проведения.

А.П. Серебровскому надлежало снова ехать в Америку, но уже учиться добывать не нефть, а золото. Предстояло увеличить его добычу в стране вчетверо.

В Америке на лучших рудниках и приисках Калифорнии, Колорадо и Аляски, где немало трудилось выходцев из России, он вникал в суть дела досконально, определял то, что необходимо для отечественной золотой промышленности.

Придёт время, и А.П. Серебровский, выступая на XVII съезде партии, как о несомненном успехе доложит о работе Алданских приисков.

В начале 1935 года доклады А.П. Серебровского и Э.П. Берзина (начальник треста «Дальстрой») будут заслушаны на заседании Правительства СССР. Деятельная натура А.П. Серебровского скажется и на теоретическом осмыслении порученного ему дела. В 1936 году выйдет его книга «На золотом фронте», посвящённая в основном поиску новых месторождений золота.

Это будет чуть позже, а пока...

Выслушав напористого молодого горного инженера, Александр Павлович спросил, пожалуй, о самом главном:

— Как вы перебросите немалый груз за полтысячи километров в глубь тайги?

— Регулярные, хотя и редкие, рейсы из Владивостока беспкойства не вызывают. В Оле найдём лошадей, заранее сообщив об аренде телеграммой.

— У нас нет сведений, чтобы большая партия поисковиков с побережья Охотского моря добиралась до Колымы.

— Существующая с прошлого века ольская тропа позволяет доставку груза как зимним путём на оленях, так и вьючно на лошадях, — отвечал геолог.

...Серебровский поверил Билибину. Он распорядился, чтобы трест «Союззолото» перевёл Геолкому 650 тысяч рублей на экспедицию Билибина.

Необходимо было изначально два миллиона. Экспедиция была рассчитана на полтора года. Состояла она из двух партий. Собственноручно составленную смету расходов урезал безжалостно сам Ю.А. Билибин.

Деньги были выделены целевым назначением. После этого Геолком даже не потрудился дать экспедиции письменное задание. В Комитете к тому же не владели данными о Колыме.

От Ленинграда до Владивостока

Вкаких условиях финансировалась Первая Колымская экспедиция, видно из письма секретаря Далькрайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьева директору Дальстроя Э.П. Берзину:

«...В тяжелейших условиях безденежья посылка экспедиции тов. Билибина на Колыму и все дальнейшие поисковые работы в Охотско-Колымском крае кредитовались в тесной связи с предстоящим строительством Байкало-Амурской магистрали, на быстрейшем сооружении которой мы настаивали чуть ли не с первых дней освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейщины. Наконец деньги нам были выделены и предоставлены в первую очередь для того, чтобы валютные средства, необходимые для заграничных закупок, связанных со строительством БАМ, мы смогли изыскать сами и у себя тоже, т.е. смогли развернуть золотодобычу на Колыме, если на золото она окажется действительно перспективной, как то обещали тов. Билибин и те, кто его поддерживал в Ленинграде и Москве».¹¹

Задание экспедиции сформулировал сам Ю.А. Билибин. Точного места поиска он не знал. Он предполагал на лошадях выйти на Колыму. Затем предстояло, добравшись до устья Буюнды, расположенного недалеко от устья Среднекана, проверить накопившуюся информацию.

Надо было провести поиск и разведку новых золотоносных площадей, определить общее геологическое строение района и геологическую историю образования месторождений золота.

¹¹ Иванченко А. Золото для БАМА/ Новый мир. — 1984. — № 4.

Следует сказать, что ещё в 1926 году, после того как старатели С. Гайдулин и Ф. Поликарпов обнаружили богатое золото в районе Среднекана на ручье Безымянном и доставили образцы в Якутск, в управлении Якутского горного округа верно оценили значение этого открытия. Многочисленные заявки на предоставление участков под разведку отклонялись. Предполагалось эту задачу решать в государственных масштабах, послав поисковую партию под началом известного уже тогда алданского геолога Э.П. Бертина.

Но вопрос о финансировании этой экспедиции, как мы знаем, тогда так и не был решён. Ю.А. Билибину с его напористостью и азартом это удалось!

Теперь предстояло комплектовать состав экспедиции. Счастливики! Молодые парни попадут на Колыму в ту, ещё романтическую пору освоения страны, когда грандиозность её богатств уже предугадывалась, но многие из них ещё ждали своего открытия. Это пронзительно чувствовал Юрий Билибин. Потому и возник этот дерзкий десант в будущее Колымы, которая вовсе не ждала их. Она, как бы своенравно противилась покорению, словно проверяла... И проверяя «десантников!», пыталась понять идущих им на смену — тех, кому они вручат ключи от её сокровищницы...

Кроме Ю.А. Билибина (начальник), в состав экспедиции вошли:

Цареградский Валентин Александрович, заместитель начальника экспедиции, 26 лет, выпускник Ленинградского горного института. Горный инженер.

Казанли Дмитрий Николаевич, геодезист, 24 года, студент физмата Ленинградского университета. Казанли уже поработал в Криворожье, Карелии... Сын известного в Петербурге музыканта, прекрасно играющий на скрипке, он никак внешне не походил на опытного геолога.

Раковский Сергей Дмитриевич, начальник поисковой партии, 29 лет, опытный старатель. Работал в «Алданзолото» прорабом поисковых и разведочных работ, помощником начальника геолого-поисковой партии, начальником геолого-разведочного района.

Бертин Эрнест Петрович, начальник поисковой партии, брат В.П. Бертина, работал на Алдане прорабом.

Пятнадцать опытных рабочих пригласили с прииска «Незаметный». Они должны были с Алдана выехать во Владивосток во второй половине мая. В Ленинграде начались спешные сборы. Обувь, одежду, необходимые материалы, снаряжение получали в Геолкоме. Многие закупали сами. Основное продовольствие должны были получать во Владивостоке.

Подбор состава экспедиции и её комплектование шли своеобразно, что отчасти объясняется сжатыми сроками. Только во Владивостоке в состав экспедиции был включён врач Переяслов — достаточно пожилой человек. Кроме того, Дмитрий Казанли просил взять в экспедицию Николая Корнеева, молодого художника, которому очень хотелось поехать в далёкую Сибирь. Корнеев был принят заведующим хозяйством. Раковскому, работавшему в то время на алданском прииске «Незаметный», Ю. Билибин поручил раздобыть аптекарские весы. Работа с золотом требует высокой точности взвешивания. Отправившись потом с Алдана на Восток, Раковский ни в Иркутске, ни в Хабаровске найти весы не мог. В Хабаровске старателя с Алдана любезно принял начальник правления золоторазведки, он с интересом расспрашивал об Алдане. Раковский заметил в кабинете весы. Улучив момент, он аккуратно сложил их вместе с разновесами и был таков. Другого способа приобрести весы не было, уверял Раковский. Юрий Александрович потом смеялся от души.

Подготовка к экспедиции велась в квартире Билибиных и в Геолкоме. Снаряжена экспедиция была весьма скудно.

17 мая выехали из Ленинграда втроём, Николай Корнеев выехал раньше. Во Владивосток приехали за две недели до отплытия, но времени, чтобы решить все вопросы, было мало. Упаковкой груза руководили Корнеев, Раковский, Бертин. Цареградский с Казанли во Владивостоке в библиотеках различных организаций добывали всевозможные сведения о колымском крае. Юрий Александрович занимался оформлением всех необходимых документов. Он оббегал полдюжины организаций. Везде убеждался, что их никто не ждал. Помог в очередной раз оказавшийся во Владивостоке начальник «Главкома» Александр Павлович Серебровский, который в это время объезжал сибирские и приморские прииски.

На «Дайбоши-Мару» до Олы

После многодневной поездки на поезде до Владивостока и хлопот в городе наконец в июне 1928 года на зафрахтованном дряхлом японском пароходике «Дайбоши-Мару», который Ю. Билибин с ходу назвал «Дай, Боже, шмару!», отчалили от причала в бухте Золотой Рог, направляясь к посёлку Ола.

«Дайбоши-Мару» несколько дней простоял в японском порту Хакодате на северном острове Хоккайдо. Потом шёл до Охотска без остановок. Несколько дней шли вслепую, попав в туман. Заунывные гудки, нудная промозглость, непривычная морская качка измотали алданских старателей. Везли их, как скотину, в трюме. «За пустую баланду — плати, за кипяток — плати...» Назревал бунт. Вместе с представителем Совторгфлота Билибину удалось предотвратить международный конфликт. Плавание продолжалось.

«...Казанли разглядывал в бинокль неказистые рыжеватые, серые, чёрные обрывы и далёкие безлесые вершины. Скоро ему придётся ставить астропункты, и у каждой вершины будет своё имя. Цареградский делал наброски отдельных участков побережья, а потом принёс на палубу свой фотоаппарат — не утерпел, заснял скалистые прижимы. Обогнули двухвершинный остров Спафарьева и вошли в Тауйскую губу. Увидели вершину, названную в лоции Арман. Бухта Нагаева пряталась за узкой клешнёй полуострова Старицкого. Билибин не отрывался от бинокля: он и раньше слышал от моряков об этой удивительной бухте, глубокой, закрытой от всех ветров, кроме западных». (Р. Седов).

«Как только пароход встал на якорь в Охотске, к нему быстро приблизилась большая моторная лодка. Один из прибывших, поднявшись на палубу, вручил Билибину записку от уполномоченного АКО и «Союззолота» Лежавы-Мюрата с просьбой срочно приехать для переговоров по важному делу, пока пароход будет разгружаться, Билибин, прихватив с собой Бертина, отправился на берег. К отходу парохода они вернулись и сообщили, что небольшая группа старателей заявила об открытии ими россыпного золота в ручье Безымянный — правом притоке Среднекана — и в левой вершине самой реки Среднекан. Билибин ознакомил меня с содержанием разговора, выпиской из

заявки. Затем сообщил, что Лежава-Мюрат очень настаивал на проверке разведкой в первую очередь указанных к заявке ключей, чтобы определить в них запасы золота...» (Из воспоминаний В.А. Цареградского).

Так у членов экспедиции появились хоть какие-то более-менее определённые координаты поисков золота.

Последуем за скупыми и точными воспоминаниями самого Юрия Александровича Билибина (статья «К истории Колымских приисков», написанная много позже, в марте 1937 года):

«...В первых числах июля высадились в с. Ола, в 35 км к востоку от Нагаевской бухты. Последняя была тогда совершенно необитаема, и, только проплывая мимо неё на пароходе, мы узнали от команды, что это единственная бухта на Охотском побережье, где пароходы, набирая воду, могут подходить непосредственно к берегу, и что здесь Софторгфлот предполагает устроить главную базу для снабжения отсюда всего Охотского побережья каботажными судами.

Высавившись в Оле, мы тотчас столкнулись с острым недостатком транспорта. В Оле в то время радиостанции не было, а ближайшие радиостанции находились в 700 км — с одной стороны в Наяхане, с другой — в Охотске. Правда была линия проволочного телеграфа, тянувшаяся из Якутска через Аллах-Юнь и Охотск до Тауйска, в 200 км к западу от Олы, но она в это время как раз была повреждена, и телеграмма, посланная мною из Ленинграда через Тауйск для Ольского РИКа с просьбой подготовить транспорт, затерялась где-то в дороге.

...Наше прибытие в Олу и стремление попасть на Колыму очень не улыбалось ни старателям, ни местным жителям. Они рассматривали нас как государственную организацию, которая хочет установить над ними контроль и тем лишить их значительной части доходов. РИК принял их сторону и начал чинить нам всевозможные препятствия в работе. Апеллировать было некуда, ибо, как я уже отмечал, ближайшие радиостанции находились в 700 км, а окружной центр — в Николаевске-на-Амуре. Такая политика РИКа продолжалась больше года, и лишь осенью 1929 г. состав РИКа был сменён и предан суду за противодействие развитию золотого промысла и связанный с этим целый ряд контрреволюционных поступков».

В конце двадцатых годов и позднее на Колыме побывает немало исследователей. В силу неизученности края, его малоизвестности многим из них откроются неисчерпаемые богатства Колымы. Многие станут первооткрывателями. Будет найдено золото, олово, ртуть, другие редкие металлы. Кто-то обнаружит новую горную породу, кто-то разведает новые транспортные пути, которые в будущем станут основными в снабжении развивающейся промышленности края. Но члены Первой Колымской экспедиции были самыми первыми в этом ряду.

В моём детстве были фильмы «Они были первыми», «Смелые люди». Лица актёров Георгия Юматова, Сергея Гурзо перед глазами! Но — то художественное кино, а здесь реальные люди!..

На каменистом берегу Охотского моря

Ола — в то время достаточно большой районный центр, расположенный на берегу Охотского моря. Население — в основном так называемые камчадалы — метисы русско-корякского происхождения.

Золото на Среднекане тогда уже добывали. На момент прибытия экспедиции в Олу здесь были две артели старателей, стремившихся добраться до золотоносного Среднекана.

Другие группы работали на Среднекане. Золото они не сдавали. Закупая продовольствие у местных жителей, старатели расплачивались за него золотом. Оно потом перепродавалось командам японских и китайских пароходов, которые снабжали побережье охотского моря продовольствием. Участники экспедиции в посёлке Ола высадились 4 июля 1928 года. В посёлке геологов явно никто не ждал. Все воспринимали их как представителей государства, которые прибыли, чтобы положить конец «вольной жизни» старателей.

...Верховых лошадей, выючных оленей в селе просто не было. Ещё из Ленинграда Ю. Билибин и В. Цареградский связались с заведующим Ольской торговой факторией, и тот уверял, что с транспортом всё будет в порядке.

Теперь же единственный представитель власти, милиционер, заявлял, что в Оле живут рыбаки. Ни оленей, ни лошадей у них нет. Надо ждать зимы: тогда можно будет что-то предпринять.

В.А. Цареградский позже рассказывал:

— Ждать до зимы?! Это же срыв экспедиции, срыв важного государственного задания! — бушевал Билибин. — Я буду жаловаться в Хабаровск, в Москву!

Хотя экспедиция была запланирована на полтора года, времени было не в избытке. К тому же часть старателей, раздобыв лошадей, уехала на Среднекан.

Ю.А. Билибин пытался слать срочные телеграммы в Хабаровск, в Москву, в Ленинград. Всё было безрезультатно.

Заведующий факторией вначале старался не попадаться на глаза, а потом и вовсе отбыл из Олы на олени стойбища.

Чтобы не терять времени даром, Цареградский начал вести геологические съёмки прибрежной полосы. На арендованной у рыбаков двухпарной лодке он с четырьмя гребцами отплыл к цели. Эта небольшая группа работала около месяца между полуостровами Старицкого и Кони. Исследование имело геологический интерес, никаких намёков на наличие золота здесь обнаружено не было. Но составленная ими в то время геологическая карта побережья была первой для этого региона. Без транспорта добраться до Среднекана было невозможно. Ни от властей, ни от местных жителей помощи так и не было. Продавать вьючных лошадей старателям было выгоднее, ибо те расплачивались золотом. А местные жители не желали передвижения чужаков по нерестовым рекам, оленьим пастбищам...

Ю. Билибин, добившись разрешения на организацию экспедиции на самом вершине столичного чиновничества, теперь в захолустной Оле безрезультатно сражался с местной рутинной...

Месяц противостояния дался непросто.

Наконец-то удалось раздобыть несколько лошадей (семь лошадей под личную клятву арендовал проводник Медов у бедняков, восьмую купили) и вьючных оленей, да и то только до притоков Колымы. На двадцать два члена экспедиции это было крайне недостаточно.

Погрузить всю экспедицию, всё снаряжение с провиантом на восемь лошадей невозможно. Олени же, которые с таким

трудом были добыты, оказались слишком дикими. Они были непригодны для перевозки вьюков. Их оставили потом отряду В. Цареградского.

До Среднекана путь известен. Надо добраться тропой до реки Буюнды, а дальше по ней, довольно многоводной и спокойной, сплавиться до Колымы. Но в Колыму Буюнда впадает на 70 километров ниже заветной цели геологов — Среднекана. Чтобы достичь цели, надо потом по быстрой Колыме подниматься с грузом против течения реки. Потеря сил и времени. А если сплавиться по Бахапче? Тут явный резон!

Старожилы этот путь не признавали. Бахапча — «бешеная». Сильно порожистая, сплав по ней совершенно невозможен. К тому же тропа, ведущая к ней, не имеет вблизи кормов для лошадей. И зимой Бахапчу не покорить: нарты не проходят меж камней. Ввиду таких особенностей реки экспедиция Сибводпути, имевшая программу по обследованию Бахапчи, не решилась это делать.

Другое дело — река Дикого Оленя. Буюнда течёт по широкой долине. И на всём водном пути один всего пережат — порог «Три камня». И путь до неё известен издавна.

А до Бахапчи и желающих проводников нет, и карты нет. Однако Раковскому удалось объяснить маяканским оленеводам свою просьбу. Макар Медов и местные эвенки на брезенте спичками по его просьбе выложили в масштабе карту предстоящего пути от Олы. С. Раковскому оставалось только её перенести на бумагу. Это была первая карта нового пути на Среднекан. Потом оказалось, что все основные водные артерии были указаны верно.

«Из всех голосов местных жителей резко выделялся один. Это был голос старика-якута Макара Медова. Он говорил, что по Бахапче не плавают, потому что боятся, а такие люди, как в экспедиции, проплывут. Он утверждал, что старая, заброшенная тропа много короче и удобнее существующей и корма вдоль неё можно найти... Нам надо было не только самим попасть на Колыму, но и выяснить наиболее удобные пути её снабжения. А в этом отношении, если бы Бахапча оказалось сплавной, она имела бы все преимущества перед Буюндой. Ольский РИК ставил вопрос вполне определённо, что я делаю это умышленно, желая на порогах загубить экспедицию». (Ю.А. Билибин).

Опасный поединок

Надо было принимать решение. Через месяц кончалось лето, и впереди — заморозки. Перевал будет закрыт снегом. Всё шло к тому, чтобы геологи остались зимовать на побережье. Сами обстоятельства толкали к дерзкому поступку. И Ю. Билибин его совершил. Решено было разделить на две группы. И сплавиться не по Буюнде, а по перехваченной порогами, бурной Бахапче. Добираться до Среднекана на плотках по рекам Малтан, Бахапче, Колыме. По пути, которым ещё никто не ходил.

В первой половине августа 1928 года отряд, состоящий из проводника Медова, Билибина и четырёх рабочих — Дуракова, Лунько, Алёхина, Чистякова, которых отобрал Раковский как самых лучших, вышел из Олы на Малтан. Рядом с Макаром Медовым шагал, попыхивая трубкой, высокий и красивый пермяк Дураков Степан Степанович. Караван вьючных лошадей замыкал Раковский. Отряд имел продовольствия до 1-15 декабря. Так в этот день по тропе поднялась на террасу реки Олы и потянулась цепочка первопроходцев в неведомое ещё русло золотоносной реки.

* * *

Описывать все перипетии, опасности, удачи и неудачи горстки смельчаков, значит, братья за большое сказание... О Первой Колымской экспедиции по воспоминаниям В.А. Цареградского написана Е.К. Устиевым книга «У истоков золотой реки». Писал частично потом и сам В.А. Цареградский. Писали о Колымских экспедициях В.И. Серпухов, В.Ф. Белый, Н.А. Шило, В.И. Оноприенко, В.Г. Зеляк, И. Гальченко, А.Д. Щеглов, А. Глущенко, Р. Седов и многие другие. Все они заслуживают большой благодарности.

Я коснусь самых, как мне кажется, ярких эпизодов этой экспедиции, особо запавших в мою память.

Итак, отряд под командой Ю. Билибина, взяв с собой запас продовольствия, двинулся по старой тропе на Бахапчу. Остальные участники экспедиции во главе с Цареградским остались в Оле, чтобы добыть оленей и по зимнику прибыть с продовольствием на стоянку передового отряда Ю. Билибина не позднее 1 декабря, не допустив голода в его отряде.

В лагере, разбитом при устье ключа Хиренда 28 августа, рабочие начали сооружение плотов. Было срублено нужное количество крепких сухостойных деревьев. С помощью лошадей они были доставлены вниз к затону. Из них-то и были сооружены под руководством опытного плотогона и плотника С. Дуракова два плота, на которых предстояло спуститься по течению рек. Плоты сооружали только из сухостоя деревьев, помня, что они должны быть достаточно легки на воде.

Ю. Билибин писал: «Достигнув правого притока Бахапчи — р. Малтана примерно в 250 км от Олы, мы распростелись с Медовым, соорудили два больших плота 4x8 м, сложили на них весь груз и пустились в неизвестное плавание. Малтан сильно обмелел, и какие-нибудь 80 км по нему мы тащились больше трёх дней. Плоты постоянно садились на мель, приходилось слезать в воду и проталкивать их стяжками через мелкое место. Через три дня у всех нас на плечах образовались кровавые эполеты».

...Было неизвестно, где опаснее пороги — на Малтане или Бахапче.

...Ниже камня «Чёрный голец» появился опасный порог. Потом он получил название «неожиданный». Перекатываясь через огромные камни меж скалистых берегов, Малтан буйно пенился, издавал непривычный рёв.

Встреча могла быть трагичной, но им удалось направить плоты в протоку, где они крепко сели на мель. Тащили их потом почти по пересохшей протоке весь день.

Сколько позже будет таких встреч со стихией, когда надо погружаться в ледяную воду, обрезать брёвна плота, когда будут дрожать колени, а ладони окажутся стёртыми до крови!

Люди боролись и двигались вперёд. Не выдержав таких передраг, собака Степана Дуракова — Дёмка убежит на зимовье в Элекчан.

* * *

Когда вышли на Бахапчу, плот был почти затоплен, груз подмочен. Сушились весь день. Потом продолжили сплав. В тумане на берегу появилась одинокая юрта охотника Дмитрия Амосова. Заночевали у него.

— Впереди камни! Куда вас несёт, шайтаны, — почти причитал якут. Плоты не пройдут!

Стали советоваться ещё раз. Можно было налегке, оставив груз у Амосова, вернуться в Олу, а зимой вместе с группой В. Цареградского продолжить путь до полноводной Колымы, до которой оставалось около 150 километров. Решили двигаться дальше.

— Бедные русские. Все утонут, — приговаривал старый якут, провожая путников.

Горстка хабрецов на двух плотах продолжила сплав.

Из записей С. Раковского:

«9 сентября. Нас несёт через пороги, их видимо-невидимо. Не однажды на каменные лбы садился плот Ю.А. Билибина. Какой железной воли человек! Лезет в ледяную пену по грудь и, отпуская саркастические шуточки, помогает людям снимать плоты с мели. Пороги «крестим» именами членов отряда, наносим на жёлтую бумагу: порог Широкий, длина один километр, плыть без осмотра; порог Два медведя — держать правее; порог Ивановский — по имени Алёхина — держать правее, плыть без осмотра; порог Юрьевский — по имени Билибина — не опасно; пороги Степановский — по имени Степана Дуракова и Михайловский — по имени Луненко — плыть без осмотра. Михайловский порог самый красивый. На обоих берегах — высокие скалы. Выглядит он очень эффектно.

Река, зажата в скалах, не течёт, а летит. Не нужно только теряться. Каждый удар весла определял благополучное прохождение. Не теряться!

Порог Сергеевский назван моим именем. Очень длинный, усыпан крупными камнями, с большим подъёмом воды. На нём чуть не погибли. Мой плот впервые за всё время плавания краем сел на камни. На нас несло плот Билибина. Наскочит — расшибёмся вдребезги. С необычайной быстротой проскочил мимо. Два часа просидели на камнях. Отпилили четыре бревна сбоку. Среди бушующих волн с большим трудом снялись с камней и поплыли дальше.

Следующий порог — Дмитровский назван по имени рабочего Чистякова. Оба плота минули его благополучно и поплыли вниз по реке, быстро, без задержек.

В устье Бахапчи вышли на берег, сделали на деревне затёс и оставили на нём запись».

Попытка сплавиться по Бахапче, считавшаяся всеми безрасудной, — удалась! Пороги реки устрашали не только местных жителей: опытные геологи об этом сплаве будут говорить и писать как о чуде. Слово «Бахапча» долгое время было символом неотвратимого рока.

Немногословный С. Раковский обронит: «Если говорить честно, то живы мы остались случайно...» В другой раз он писал: «Признаюсь, более четверти века прошло с тех пор, а и по сей день помню я их каменные лбы. Как будто и не так уж быстро река течёт. Но, встретив препятствие, с такой злобной силой бросается на него, что и долго после порогов не утихает на ней пена. Сила воды страшная. Нам дважды приходилось снимать с камней плот Билибина, раздевались, входили по пояс, а то и по грудь в воду. И без всякого преувеличения — нечеловеческих усилий стоило удержаться на ногах».

Сплавившиеся по Бахапче путники выдержали азартный смертельный поединок.

Далее у С. Раковского: «10 сентября. Выплыли на Колыму. Какая красивая река! Чем-то напоминает Волгу у Жигулей. Вода прозрачна, как в Ангаре. Юрий Александрович сияет, впивается глазами в породы и как геолог определяет: «Колыма — золота река! Здесь должно быть золото. Вся эта река и ручьи, впадающие в неё, — золотые!..»

...12 сентября. В Колыму впадает много притоков. Не можем определить их названий. Знаем, что где-то тут, по описаниям Макара Медова, должны быть большие реки: Таскан, Оротукан и Среднекан — место, где мы остановимся. Но какие реки встречаем, неизвестно. «Крестим» их, даём новые названия, заносим на карту. Одну переименовали Утиной: так много было на ней уток; другую приняли за Среднекан и назвали Точкой. Но точку поставить не пришлось, так как ошиблись и проплыли дальше; приток переименовали в Запятую. Следующую речку назвали Крохалиной».

Опасный маршрут от Малтана до устья Среднекана был покорён за четырнадцать дней. Никто до смельчаков отряда Ю. Билибина по нему не плывал.

На Среднекане

«12 сентября, в один день со старательскими артелями, мы прибыли на Среднекан. Здесь, при устье ключа Безымянного, в 16 км от Колымы, был хищнически ископан ямами неправильный участок примерно 50x60 м. Старая артель жаловалась, что богатое золото кончилось и дальше не прослеживается ни в одну сторону. Вновь прибывшие артели приступили к пробивке ям и постройке барачков; мы также построили барак в ключе Безымянном и приступили к разведке его долины, полагая, что вынос золота идёт отсюда. Вскоре выпал снег», — писал Ю. Билибин.

Отношения со старателями вначале не складывались. Считая геологов служащими государственного контроля, они вели себя враждебно. Но вскоре, убедившись, что у экспедиции иные задачи, связанные с поиском золота, отношения нормализовались. Тем более прибывший со старшим горным смотрителем Ф.Р. Поликарповым управляющий Среднеканской конторой «Союззолото» Ф.Д. Оглоблин приступил к наведению порядка. Два месяца они упорно пробирались из Охотска верхом на лошадях и вели десять лошадей под вьюками. И теперь были настроены на жёсткое наведение порядка. Вместе с ними прибыли ещё артели старателей. Теперь на прииске скопилось до 35 человек. Старателей перевели на легальное положение.

Оглоблин всю жизнь до этого был лесником, золотом никогда не занимался, но опыт проведения жёсткой политики имел! Свою палатку он поставил не у барачков приискателей на берегу Среднекана, а прямо на площадке, где трудились старатели, среди выкопанных ям.

На стволе тополя тут же приколотил самолично фанерку от вьючного ящика, на которой чернилами совершенно чётко указывалось: «Вся территория от Буюнды до Бахапчи закрепляется за государственной организацией «Союззолото». Все старатели обязаны сдавать намытое золото по строго установленной цене за грамм в приисковую контору. Копать пески только там, где укажет старший горный смотритель Ф.Р. Поликарпов по соглашению с начальником КГРЭ¹ Ю.А. Билибиным».

¹ КГРЭ – Колымская геологическая разведочная экспедиция.

С 9 октября 1928 г. все старатели теперь обязаны были намытое золото сдавать в контору по цене 1 рубль 13 коп. за грамм. «Вольнице» пришёл закономерный конец.

«Вечером Оглоблин возле своей палатки собрал весь приисковый народ, пригласил и разведчиков. Сам сел на пенёк, распахнул чёрную кожанку, выставив напоказ ярко-кумачовую сатиновую рубашку, и, подкрутив жёсткие, пшеничного цвета усы, громко спросил:

— Объявление читали? Ну, а теперь слушайте доклад.

Начал с текущего момента и с Чемберлена, который грозит нам. Чем грозит, не пояснил, а сказал, что мы добываем золото не для Чемберлена, а своему рабоче-крестьянскому государству, и должны это золото всё до крупицы сдавать в государственную кассу, то есть — в контору, и это будет наш ответ Чемберлену.

— Кто не хочет — убирайся вон! Доклад окончен!» (Г. Волков, «Золотая Колыма»).

Вот так: коротко и вполне доходчиво.

А в это время в Оле...

В посёлке Ола ждали возвращения проводника М. Медова. Якут Медов с лошадьми наконец вернулся. Он привёз В. Цареградскому письмо от Ю. Билибина и образцы породы.

Советовал воспользоваться рекою и плотом, чтобы добраться до Среднекана. При осмотре присланных Ю. Билибиным образцов — красивых раковин, вросших в песчаник, В. Цареградский определил, что это иноцерамы — большие двустворчатые моллюски с толстой раковиной, жившие около 150-160 миллионов лет назад. Такие находки в своё время сделал Черский в долине Индигирки, геолог Казанский на побережье Охотского моря. Получалось, что на территории площадью около сотни тысяч квадратных километров распространялись сходные по своей природе толщи сланцев и песчаников, что имело научное значение. Таковы были первые находки экспедиции.

Но что их ждало впереди!

Ю. Билибин в своём письме торопил В. Цареградского с выездом, чтобы успеть добраться к Малтану до наступления заморозков.

* * *

Второй отряд Колымской экспедиции, возглавляемый В. Цареградским, вышел из Олы, не мешкая, через два дня после возвращения Макара Медова. В Цареградскому не терпелось оказаться на том месте, о котором так много думалось ещё в Ленинграде.

...Уже на следующее утро, после выхода отряда, ясная осенняя погода сменилась ненастьем.

После того как караван одолел около ста километров, 20 сентября в ночь пошёл сильный снег.

Приближаясь к перевалу, путники увидели, что снежный покров с каждым километром всё выше. Лошадям грозил голод. Стало ясно, что через глубокий и рыхлый снег не пробиться. Надо возвращаться назад и ждать надёжный зимний путь. Путники спустились с Эликчанской равнины и в узком ущелье, укрывшись от свирепого ветра, разбили лагерь.

Здесь решили, что Бертин, Майоров и один рабочий останутся в этом лагере до возвращения остальных из Олы по зимнему пути. Им предстояло, пока не замёрзли реки, опробовать долины и провести геодезическую съёмку.

Цареградский и Медов ушли в Олу.

Мокрый снег залеплял глаза связанным в цепочку лошадям. Ежеминутно спотыкаясь, они тянули друг друга и падали.

Голыми руками, обледеневшие рукавицы были только помехой, Цареградский и Медов поднимали и перевьючивали лошадей. Расчищали снег для палатки, кормили лошадей.

Еле живыми через три дня они вернулись в Олу.

* * *

...Как нетерпимо томительны монотонные дни ожидания настоящей зимы.

Саднила мысль о судьбе билибинского отряда. От него не было известий с августа. Отряд, кроме того, что взял с собой мало продовольствия, не имел зимней обуви, белья и одежды.

Опасность голодной смерти была вполне возможной. Цареградский неотступно думал о доставке продуктов для отряда Билибина. А тут ещё в Олу вернулась отощавшая и одичавшая Дёмка — собака Степана Дуракова, которая была в головном

отряде. Опрос эвенков, вернувшихся с района Среднекана, не давал утешительных результатов. Геологов никто не видел. На Среднекане их как-будто нет. И поползли по тайге слухи, что Золотая борода и Длинный нос разбились о камни, да так, что и следов не осталось.

Приходилось терпеть и ждать, забываясь в обработке собранного в окрестностях шлихового материала. Признаков золота в нём не обнаруживалось.

Несмотря на то, что через несколько десятков лет тут будут найдены коренные месторождения серебра и золота!

Неимоверные залежи драгоценных металлов, будоражащие умы и сердца молодых разведчиков, были под ногами.

* * *

Наступила уже середина ноября, а каюры просили подождать ещё, так как лёд на реке был тонок. Зимняя дорога прокладывалась обычно по речному льду.

Цареградскому удалось нанять пару собачьих упряжек и отправить часть груза к Бертину на его временную стоянку. Вернувшийся от Бертина каюр привёз письмо, в котором писал, что он перебрался ближе к Эликчанскому перевалу, где прибывшая из Охотска группа рабочих «Союззолота» строит склад для грузов.

Более того, в письме говорилось, что Билибин вроде бы взял с собой на плот эвена в качестве проводника. Этот эвен до сих пор домой не вернулся...

Расспрашиваемые в районе Бахапчи охотники эвены не встречали отряда русских и считали, что они разбились на порогах и утонули.

...Собрав с неимоверными усилиями шесть собачьих упряжек по десять собак в каждой в начале декабря отряд во главе с Цареградским выехал из Олы. Оленей набрать так и не удалось. Олений транспорт должен был тронуться днями позже, вместе с частью оставшихся рабочих во главе с известным старым проводником Михаилом Петровичем Александровым. Ждать, когда будет готов олений транспорт, было некогда.

Медов считал, что они доберутся до сплавной базы Билибина менее чем за неделю. Но всё равно надо было ох как торопиться...

Ольская администрация наконец-то подключилась к решению проблем, связанных с организацией доставки членов экспедиции к месту проведения разведочных работ. 17 ноября президиум Ольского райисполкома, заслушав доклад инженера В.А. Цареградского о работе геолого-поисковой экспедиции, принял постановление, в котором говорилось: «1. Констатировать полную неосведомлённость центров — как Москвы, так же и краевого, — о наличии связи в Ольском районе: дорогах, транспортных средствах и снабжении, вследствие чего заброшенная Колымская геолого-разведочная экспедиция вынуждена была просидеть в с. Ола с 5 июля по декабрь месяц, то есть в течении пяти месяцев без дела за невозможностью выехать к месту назначения, чем причинён ущерб государству в сумме бесцельных больших затрат... 3. Считать недостаточным внимание со стороны администрации экспедиции к вопросу обеспечения таковой предметами первой необходимости, как то тёплой одеждой, бельём и другим...» Этим же постановлением уполномоченным «Союззолота» было рекомендовано «принять все меры к незамедлительной отправке экспедиции к месту назначения, выдав возможное количество тёплого обмундирования».

Когда в первых числах декабря по маршруту Билибина на собаках шесть собачьих упряжек двинулись в сторону Среднекана, следом пошли сорок оленьих нарт: всего сто оленей. Этот караван шёл очень долго. Виной тому была неудачная погода. Снег морозом не сковало, наст не выдерживал нарты...

...Движение по первопутку оказалось не из лёгких. Впереди повозок шли на лыжах люди, прокладывая дорогу. Собаки быстро выбивались из сил в рыхлом снегу. Добравшись до долины Малтана, отряд подошёл к строящейся перевалочной базе на Элекчане.

Отдохнув всего ночь, отряд двинулся дальше, вниз по Малтану. Наконец вот оно, то место, откуда в начале августа на плотах начала своё движение группа Билибина. Вот следы палатки, засыпанное снегом пепелище от костра. На нескольких деревьях светлеют свежие затеси. Одна из них свидетельствует:

«ВКГРЭ начала отсюда сплав по Малтану, Бахапче и Колыме 31 августа 1928 года». И подписи всех членов экспедиции.

Было решено повторить маршрут Билибина: спуститься на собаках по Малтану до впадения его в Бахапчу, осматривая берега, и, если не будет обнаружено признаков крушения и самих пропавших, двигаться по Бахапче, вниз по Колыме до Среднекана. Температура окружающего воздуха была ниже пятидесяти градусов Цельсия. Следующий день оказался удачным. Встретились охотники эвены. Один из них сказал, что сам русских не встречал, но слышал, что охотники из Таскана видели шестерых русских, два плота на Колыме у Среднекана. Что ушли они вверх по Среднекану. Билибин и его команда живы! Надо торопиться!

После переговоров с каюрами и по совету Медова решено было вернуться в Эликчан, через который должен был пройти большой олений транспорт Александрова. Цареградский вместе с Казанли и рабочими должны выехать на Среднекан!

Туда же днём раньше с первой партией оленей должны выехать Бертин и доктор Переяслов.

Голод

А на Среднекане в это время голодали. Обоза с продовольствием всё ещё не было. Стояли крепкие колымские морозы.

Старатели ели собак, кожу, конские кишки. Геологи как могли делились с ними продуктами.

Из дневника С.Д. Раковского:

«1 декабря 1928 г. Суббота... Садимся на голодный паёк. Работу временно приостановили...

3 декабря. Двое ходили на охоту, двое на стан — доставать лыжи. Убили всего лишь шесть белок...

4 декабря. Ходили на охоту, убили всего лишь одну белку.

9 декабря... Чувствуется слабость и головокружение. На всякий случай составляю список. Нас 16, а всего на прииске 41 человек.

10 декабря. Сидим с Лунекой голодные... Старатели завтра принимаются за Собольку (собака)».

Вот как вспоминал это время Ю. Билибин:

«Наши разведочные и старательские добычные работы шли своим чередом. Но уже в ноябре во вновь прибывших артелях

начал чувствоваться недостаток продовольствия. Приходилось кое-чем с ними делиться. Приближался декабрь. Работы понемногу останавливались. Продовольственное положение становилось всё хуже. Наименее обеспеченные артели уже перешли на собак, конские кишки и кожи. А одна предприимчивая компания, воспользовавшись тем, что в транспорте Оглобина пало несколько лошадей, не дойдя до Среднекана, уже давно, взяв палатку и печку, жила «на подножном корму», кочуя от одного конского трупa к другому. 1 декабря я и Оглобин в сопровождении Сафёя Гайнулина вынуждены были идти за продовольственной помощью в якутское селение Сеймчан в 75 км от прииска. Однако сами сеймчанские якуты жили настолько бедно, что не могли нам оказать никакой существенной помощи. Может быть, известную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что они ещё не знали, кто мы — друзья или враги, и как к нам следует относиться. Единственным результатом нашего похода было то, что мы привели на прииск двух наших экспедиционных коней, которых мы купили у старателей тотчас по прибытии на Среднекан и отдали их на зиму в Сеймчан для прокорма. Эти кони были тотчас застрелены и распределены между старателями и рабочими экспедиции.

Настало 15 декабря, крайний срок прихода продовольственного транспорта из Олы. Но его всё не было. Все работы давно прекратили, над прииском нависло мёртвое молчание. Люди сидели и лежали в бараках, лишь изредка то один, то другой выходил из барака послушать, не скрипят ли нарты. Стояли шестидесятиградусные морозы, воздух был особенно восприимчив к звукам, и приближение транспорта можно было бы услышать за несколько километров. Но кругом стояла гнетущая тишина. С каждым днём положение становилось все напряжённее».

Из дневника С.Д. Раковского:

«Всё съедено, вывариваем лошадиные кости и кипятим чай из мха. Морозы снова усиливаются. 58 градусов. Часто пуржит».

26 декабря долгожданный обоз с продовольствием привёл Э.П. Бертин. А через неделю, 3 января, на собаках прибыл со своим отрядом В.А. Цареградский. Все участники Первой Колымской экспедиции были теперь вместе.

Легко понять всеобщую радость! И, конечно, крепких друзей по Алдану С. Раковского и Э. Бертина. Раковский постоянно находился рядом с Ю. Билибиным и своим опытом и будничным мужеством оказался незаменимым помощником. Эрнест Бертин был счастлив, что всё же в самый нужный момент пришёл на помощь с продовольствием.

* * *

...Наткнулся на страницах «Из дневников» «странного и замечательного» писателя Франца Кафки на фразу: «Безграничная притягательная сила России. Лучше, чем тройка Гоголя, её выражает картина великой необозримой реки с желтоватой водой, повсюду стремящей свои волны, волны не очень высокие. Пустынная растрёпанная степь вдоль берегов, поникшая трава.

Нет, ничего эта картина не выражает, скорее — всё гасит...»

Невольно задумался. Разве такова истинная суть России, в которой писатель никогда не был? А значит, не знал. Не знал и не понимал её народа, о котором не счёл необходимым даже упомянуть.

Не увидел человека в широкой степи...

Написал бы он так о нашей стране не до, а после мировых войн, обрушившихся на народы России, народы Земли в первой половине XX века?..

Но ведь были грандиозные события и раньше, в которых проявил себя русский характер? Проявлял... Не по своей воле... Что-то мешает взглянуть с Запада на Восток незашоренным взглядом...

...Мысли о нашей общей судьбе не отпускают...

...Выхожу на берег Волги и вновь невольно слышу голоса тех, кто селился на её берегах, кто живёт сейчас...

Сколько их было?! Сколько смотрело в её воды! Немало грозных событий выдержала наша Волга. Сколько наш край дал великих людей, волжан! Среди них: Горький, Шаляпин, Гончаров, Алексей Толстой, Гарин-Михайловский, Некрасов... Всех не перечить! И звучит голос Владимира Даля: «Вы ещё полюбите эту степь: нигде более в России природа не красуется так, как здесь, в степях оренбургских...» Степь, Волга, Россия — всё едино, всё неотрывно от русского сердца... Сколько их, неизвест-

ных миру, радовавшихся и страдавших, было на берегах Волги. Много умевших и немало вершивших не великого, но необходимого! Они как умели жили... И радовались жизни... Так и слышится голос другого, не нашего соотечественника, человека пронзительного ума, которого ценил и Блез Паскаль, и гениальный наш Пушкин, голос Мишеля Монтеня:

«Я видел на своём веку сотни ремесленников и пахарей (добавлю от себя: священников и учителей — как Цареградские и Михаил Некрасов, как вечные труженики Макар Медов, Степан Дураков, Вольдемар Бертин и другие), которые были более мудры и счастливы, чем ректоры университетов, и предпочёл бы походить на этих людей». Походить на многих первооткрывателей, о которых пишу сейчас я. Мне слышатся не только их голоса, я теперь вижу отчётливо их лица, чувствую дыхание, какой бы широченной и угрюмой ни была тайга, скрывающая их!..

* * *

Удивительная преданность однажды избранной профессии, своему делу на всю жизнь — отличительная черта Цареградских. Этот дар созидания, унаследованный от поколений прадедов и дедов, прекрасно проявится в трудовом подвиге первооткрывателя Колымского золота Валентине Цареградском и продолжится нынешними добытчиками «чёрного золота» — буровиками Цареградскими, о которых мне теперь постоянно напоминает нефтяник из Сургута Евгений Конюхов. Но об этом чуть позже...

* * *

Когда стоишь возле карты нашей огромной страны и смотришь на обширное неохватное пространство Сибири и Дальнего Востока, чувствуешь, как эта громадина притягивая к себе, поглощает. Готова растворить...

Похожее чувство возникает, когда летишь на самолёте над какой-либо незнакомой страной. Ты способен окинуть разом очень многое, в то же время как бы сохранить за собой некую автономию, в любую минуту остаёшься способным уйти от этой магии поглощения, остаться собой, сохраниться!.. Долететь до цели. А что чувствовала горстка плохо снаряжённых людей, оказавшихся непосредственно в объятиях дикой природы, будучи на

тысячи километров оторванными от привычного?.. Ведь задача у геологов была не в том, чтобы просто выжить физически! Надо было свершить, наперекор всему, задуманное... Это был вызов!

...Так заманчиво почувствовать, понять состояние отважных геологов.

Я длительное время активно работал в центре страны на нефтехимических заводах, в науке. Были поездки за границу. Кажется, немало повидал всего! «Как же так получилось, что я не видел и мало, так мало знаю об этом исполинском крае?» — спрашиваю я себя. И у меня нет вразумительного ответа...

Встреча на Среднеканской базе

Встреча В.А. Цареградского и Ю.А. Билибина описана у Е.К. Устиева. Часть этого эпизода приводит в своей книге и В.И. Оноприенко:

«У края шумного летом, а теперь насквозь промёрзшего ручья на трёхметровой террасе стоял небольшой плоскокрыший барак, срубленный из толстых лиственниц, проложенных ягелем и перекрытых накатником. Небольшие окна затянуты вместо стекла сильно обмёрзшей белой бязью. Из выведенной коленом трубы вьётся гостеприимный дымок. Это и было жилище, построенное Билибиным.

Опередивший оленей Цареградский увидел, что перед домом над чем-то копошатся сидящие на корточках люди. Тут же стояла подпираемая деревянными распорками палатка — склад снаряжения. Люди заметили приближающийся транспорт и поднялись, всматриваясь: свои ли?

— Юрий Александрович, наши приехали! — радостно закричал молодой парень с засученными по локоть рукавами ватника.

Перед ним густым паром дымился оцинкованный таз с горячей водой, в которой лежал кусок рыжей конской шкуры. Двое рабочих только что оскабливали её блестящими охотничьими ножами.

— Валентин, наконец-то! — навстречу Цареградскому бросился выскочивший из барака Билибин. — Слава богу! Мы уже чёрт те что передумали. Ну, здравствуй, чёрт полосатый!

— Здравствуй, Юрий! — Цареградский протянул обе руки. — Мы уж второй раз из Олы выходим, в первый раз ничего не вышло!

Они обнялись.

— Товарищи, — крикнул Билибин, — помогайте разгрузать!

— Здравствуйте, друзья! — он протянул руку Казанли и Александрову. — Добро пожаловать!

— Что это у вас такое? — спросил Цареградский, показывая на таз с конской шкурой.

— Обед... Если бы вы не приехали, нам предстояло бы есть похлёбку из лошадиной шкуры. Ну, а теперь, братцы, — весело крикнул он, направляясь к бараку, — голодовке объявляется конец!

— Неужели голодали?!

— Всё начисто съели, — ответил Билибин. — Постреляли всех белок, куропадок и даже кедровок в округе. Покончили с кониной, а вчера впервые попробовали студень из конской шкуры. Дрянь, скажу я тебе, порядочная!

— Вовремя мы успели!

— Да уж куда лучше; прямо как у Джека Лондона — избавление в последний момент!

Несмотря на яркий снежный день, в бараке стоял полумрак. Полотняные окна покрылись слоем льда толщиной в два пальца, и день скупо сочился через них, освещая то край грубо обтёсанного стола с эмалированными кружками и стопкой книг, то длинный ряд нар, покрытых слоем веток, сена и оленьими шкурами, поверх которых рядами вытянулись спальные мешки.

— Разместимся ли? — озабоченно спросил Цареградский, пройдясь по помещению.

— Ничего. Первое время потеснимся. Потом Раковский закончит шурфовку Безымянного и переберётся со своими рабочими в долину Среднекана. Да и Бертина пошлём с группой рабочих в Правый Среднекан. Вот и хватит вам места. Теперь, раз у нас появились одежда и продукты, мы развернёмся вовсю!

— Неужели продолжали работать на голодном пайке?

— А как же? Конечно, работали! Помалу, но работали. Иначе нельзя: цинга одолеет. Ребята сперва хотели бастовать, а по-

том сами убедились, что лежать хуже. Только последние две недели отменил шурфовку.

В это время в барак стали заносить ящики с продовольствием. Изголодавшиеся билибинцы восхищённо ахали при виде ящиков со сливочным маслом, макаронами, мясными консервами, сахаром, чаем, конфетами и сгущённым молоком. Они бегом таскали мешки с мукой и крупами. Один ящик, со спиртом в бутылках, внесли с особой осторожностью. Билибин тут же распорядился отнести его к изголовью своего грубо сколоченного топчана, который стоял в дальнем углу барака.

Наконец все нарты и вьюки были разобраны, а груз внесён в помещение. Дежурные, которые недавно возились у барака с лошадиной шкурой, с удовольствием отшвырнули её в сторону и, распечатав ящик с макаронами и мясной тушёнкой, принялись за приготовление настоящего обеда.

Через час длинный стол был ещё надставлен ящиками, посередине водрузили ведро с дымящейся густой похлёбкой, а на обоих концах стола стояло по бутылке со спиртом и по чайнику — с холодной водой.

— Итак, за радостную встречу! — поднял свою кружку с разведённым спиртом Билибин. — За встречу и большие успехи в будущем!

— За встречу, верную дружбу и Золотую Колыму! — воскликнул Цареградский. — Только найдя здесь золото, мы оправдаем возлагаемые на нас надежды!

— Я уже нашёл золото! — отозвался со своего места Раковский.

Он ещё не выпил своей порции, но его подвижное худое лицо с длинным носом и впалыми щеками уже покраснелось от вкусного запаха варева и крепкого спиртного духа.

— Это ещё не настоящее золото, Сергей, — прервал его Билибин. — Мы должны найти здесь более богатые россыпи!

Его красивое лицо с чётким профилем и высоким гладким лбом тоже порозовело, а светло-серые глаза, которые всегда казались холодными, сейчас сияли мягким блеском.

— Держу пари, что мы найдём такое золото! — продолжал он и, залпом опрокинув свой спирт, спешно запил его холодной водой. Затем он шумно выдохнул воздух и со стуком поставил кружку на стол.

Все рассмеялись. Привычка Билибина заключать пари и его любовь их выигрывать были общеизвестны...

...Послеобеденный вечер на среднеканской базе прошёл для участников экспедиции по-разному: одни возились с разборкой и размещением ящиков, другие прилаживались к своему новому жилью, третьи завалились переваривать необычно сытный обед, а четвёртые весело играли в дурачка.

Билибин и Цареградский уселись в дальнем углу барака и, прикрепив оплывающую свечу к пустому ящику из-под папирос, занялись экспедиционными делами. Цареградский подробно рассказал о том, что происходило в эти месяцы в Оле, о своём неудачном выходе сюда в сентябре, о возвращении и втором путешествии по зимнему снегу, о неудачных поисковых работах на золото в верховьях Олы, которые проводил Бертин, о найденной фауне и о Тальском источнике — словом, обо всём, что произошло с ним самим и его отрядом с того памятного дня, когда они расстались в Оле...

...Далеко за полночь продолжалась их беседа. Перед ними на ящике лежали карты их маршрутов, а также составленная Казанли общая географическая карта этой части Колымского бассейна. По Малтану, Бахапче, Колыме, Мякиту и Буюнде вдоль путей обоих отрядов тянулись узенькие, раскрашенные цветными карандашами полоски. Эти синие, зелёные и сиреневые полоски изображали распространённые вдоль их маршрута сланцы и песчаники юрского, мелового и триасового возраста, а ярко-красные пятна — выходы гранитных массивов. Так выглядели наметки геологической карты края, на составление которой потом потребовались десятки лет...

...По низкому потолку из накатника бежали длинные, ломающиеся тени. Над жарко нагретой большой железной печкой гроздьями висели портянки, а на специальных козлах сушились валенки. То там, то здесь раздавалось залиvistое всхрапывание.

— Кстати, Юра, а что случилось с собакой? — спросил Цареградский, отворяя обитую мешковиной дверь.

— Она была на разбившемся плоту и, напугавшись, сбежала от нас обратно.

— Ну и наделала же она у нас беспокойства!»

На ручье Безымянный

После того как основной состав экспедиции оказался в сборе, на базе начал устанавливаться размеренный быт. Коллектив, состоящий почти из трёх десятков человек, объединило главное — работа. И основное в ней — проводимая Раковским разведка. Именно он по праву считается первым разведчиком золота на Колыме.

Он уже до приезда Цареградского опробовал всю долину ключа Безымянного.

Пересекающие ключ шурфы копались вручную. Только летом грунт оттаивает на полуметровую глубину, дальше мерзлота тянется на сотни метров вглубь. Приходилось разводить костры, от костра мёрзлые наносы оттаивали. Их долбили кайлом, ломом и выбирали лопатами. Одного прожога грунта костром иногда хватало до полутора метра, обычно на тридцать сантиметров. И это при температуре воздуха в пятьдесят градусов мороза и ниже. Порой морозы были за шестьдесят градусов Цельсия. Золотосодержащие пески промывались в плоской деревянной бадье, которая стояла на козлах в палатке, отапливаемой печкой. Для промывки использовались вырезанные из цельных брусков деревянные лотки. Начатые шурфы были ещё не глубоки. Воротов над ними пока не поставили.

Когда В. Цареградский прибыл на место разведки, добывалось на Безымянном не больше грамма золота на тонну. Работавшие рядом старатели брали золота несколько больше, но и это были неутешительные результаты. Работы велись и у них наугад, хотя проводниками у них были двое бывших товарищей Бориски, а во главе группы стоял опытный уполномоченный «Союззолота» Оглоблин. Ниже устья он построил барак, наладил закупку золота и вёл обычное, бессистемное старательство.

Продолжение россыпи не обнаруживалось ни в одну сторону, хотя участок был ископан вдоль и поперёк.

Для успешной добычи надо знать источники золотоносности. Решение этой трудной задачи требовало, как показало время, несколько десятилетий. Но это было понятно и тогда, в 1928-1929 годах.

В январе разведку ключа Безымянного решили закончить. С октября 1928 года по январь 1929 года общими усилиями старателей и членов экспедиции добыли было 11,8 кг химически чистого золота. Расположенная в 50-70 км от прииска левая вершина Среднекана промышленного золота также не дала.

* * *

Ещё во время осеннего сплава Ю. Билибин заметил на берегах речки Утиной признаки золотоносности. Утиная впадает в Колыму в 106 километрах выше Среднекана. Сюда и направился С.Д. Раковский. После ледохода на Колыме ему предстояло сплавиться по ней от устья Таскана до Среднекана и исследовать все правые притоки. В.А. Цареградский зимним путём добрался до Буонды и весной должен был, сплавившись по ней, заняться геологической съёмкой.

Сам Ю.А. Билибин с геодезистом Д.Н. Казанли ушли в верховья Малтана. Им надлежало повторить прошлогодний сплав, чтобы обеспечить экспедицию продовольствием.

К началу июля все группы намеревались вернуться на Среднекан к Раковскому и с прибытием лошадей начать планомерные поиски по всей долине.

Второй сплав Билибина

*А путь и далёк, и долог,
И нельзя повернуть назад.
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты ветра и солнца брат.*

Когда-то в 70-х годах популярная песенка тут не врала... И романтика, и невероятный напряг были рядом.

...Сплав сильно затруднился. Сооружённые для этого семь карбасов рассчитаны были каждый на 5 тонн. Им требовалась высокая вода, но паводок уже прошёл. Карбасы постоянно садились на мель. По Малтану их пришлось тащить более двух недель.

Ю.А. Билибин, вызвавшийся добровольно исправлять промахи Ф.Д. Оглоблина и Лежавы-Мюрата в обеспечении прииска

продовольствием, для чего потребовалось повторить маршрут, потом писал:

«Ещё осенью я настаивал перед Ф.Д. Оглобиным на необходимости организовать весной сплав по Бахапче нескольких карбазов¹ с продовольственным грузом для прииска. Однако он и прибывший несколько позднее уполномоченный «Союззолото» Лежава-Мюрат от этого предложения отказались, надеясь полностью обеспечить прииск продовольствием гужевым транспортом. К весне выяснилось, что эти надежды их жестоко обманули. Завезённого продовольствия могло хватить лишь до конца лета, после чего надо было вывозить народ в Олу. Началась самая срочная подготовка к сплаву. Я согласился выделить на сплав в качестве главного лоцмана рабочего экспедиции С.С. Дуракова и передовой карбаз взялся провести сам с командой из рабочих экспедиции. Всего было построено 7 карбазов грузоподъёмностью по 300-350 пудов. Постройка их очень запоздала, и сплав начался, когда весенняя вода уже ушла.

Сплав протекал с громадными трудностями. Малтан страшно обмелел, и на каждом перекате карбаза садились на мель. Приходилось их или разгружать, или, собрав воедино всю команду, стяжками пропихивать через мели. Этот «стаск» или «спих» карбазов по Малтану продолжался две недели. Под конец команда настолько измучилась, что поднялся ропот и начались разговоры о прекращении сплава до начала дождей. Всё-таки через две недели с трудом удалось дотянуться до Бахапчи. Здесь сплав пошёл быстрее, но оказалось, что большинство команды первый раз на воде. Среди них было больше половины аборигенов, много стариков и калек. Поэтому через самые опасные пороги все карбаза проводили Дураков и я, и иногда ещё 1-2 лоцмана. Большинство команды обходило пороги берегом. Наконец карбазы выплыли на Колыму. В общем, сплав был проведён успешно, хотя часть груза оказалась подмоченной, но основная масса дошла благополучно, продовольственное положение приисков было спасено. Это был единственный год (вплоть до 1934 г.), когда запасов продовольствия без натяжки хватило до зимних транспортов».

¹ Здесь сохранён текст (карбазы) оригинала.

Вот он, русский характер! Русский человек, которого не увидел Франц Кафка из своей дальней заграницы на обширной равнине...

«Сам погибай, а товарища выручай!..»

Надёжный человек

Юрий Билибин не зря взял с собой во второй сплав именно Степана Степановича Дуракова. В экспедиции он играл выдающуюся роль.

При первом сплаве участники остались живы благодаря Дуракову, его умению плотогона. Он более чем кто-либо из отряда Ю. Билибина мог бороться с дикой силой Бахапчи. В его честь будет назван один из её порогов: «Порог Степановский».

Тридцатипятилетний крепкий пермяк, кареглазый, смуглолицый, с длинными чёрными усами, был опытен во многом. Бывший рядовой лейб-гвардии гренадёрского полка, артиллерист-красноармеец успел пять лет до Первой Колымской экспедиции поработать старателем, поисковиком-разведчиком на Алдане. Возглавлял на прииске артель копачей.

Искусный промывальщик, плотник, плотогон. С таким набором специальностей при спокойном характере — он был бесценным членом команды. Мало говорил и много делал. Всегда доброжелательный. Со спокойной улыбкой. Бескорыстный помощник окружающим.

Замечательную характеристику С.С. Дуракову оставил С.Д. Раковский: «Именно Степан Степанович преподавал мне все необходимые азы, а потом и не только азы, походной поисковой науки: как пройти шурф, как разложить пожог, как управляться с кайлой, с лотком... Никакой другой «техникой» мы не располагали.

...Он был хороший охотник, прекрасный ходок. Образование — только писать умел. Зато делать мог всё решительно: золото разведать, зимовье срубить, печку сложить, сапоги выкроить и сшить. Он научил меня многому, что необходимо делать в тайге. Надёжный был человек. Курит, бывало, вечную свою трубочку, невозмутим, ни в какой обстановке не теряется».

Строительство кунгасов на Малтане Степан Степанович продолжил и после Первой Колымской экспедиции, занимался проводкой судов по Бахапче, когда на Колыме широко развернулись поисковые работы по прокладке шоссейной дороги. Работал в геологических партиях, в том числе и на Индигирке.

Не стало Степана Степановича в 1942 году. Он умер там, где работал, в Якутии.

Начало Золотой Колымы

... Работы на Среднекане продолжались. Разведка здесь оказалась трудной. Несколько выше по долине старатели часто теряли направление золотоносной руды. Результаты были не из лучших.

Наносы были значительные, сама долина реки — широкой. Стало ясно: масштабная и планомерная разработка здесь не по силам. Но экспедиции повезло: она «зацепилась» за несколько россыпей. Тут позже были организованы прииски.

Ю. Билибин вспоминал:

«Так как было уже начало июля, я оставил сплавный караван на устье Бахапчи и, сев в лодку, через сутки был на устье Среднекана. По дороге заглянул на устье Утиной, где Раковский должен был оставить мне письмо о результате своих работ. Это письмо я нашёл в расщелине одного из деревьев. Оно гласило: «There is a very good gold in this river»¹. Дальше приводились цифровые данные. Подобная предосторожность была принята Раковским потому, что по району отправилось несколько человек вольных разведчиков. Уже на Среднекане я узнал от Раковского, что он со своим отрядом с котомками за плечами прошёл с опробованием всю Утиную (около 25 км), везде были хорошие пробы, но на богатую промышленную россыпь они так и не наткнулись. Поздно вечером 12 июня отряд пришёл в левую вершину Утиной и остановился на ночёвку. Продовольствие кончалось. На другой день надо было без еды выходить на устье Утиной, к плавучей базе. Развели костёр, стали кипятить чай. В вечерней полутьме Раковский подошёл с лотком к подмытому борту и стал пробовать. Первый лоток дал 2 г. Раковский не поверил своим

¹ В этой речке очень хорошее золото.

глазам, но следующие лотки тоже давали от 1 до 2 г. Когда отряд об этом узнал, все пришли в сильное волнение. Усталость и отсутствие продовольствия были забыты, никто не хотел ложиться спать. Но на утро надо было выходить на устье. Это открытие совпало с годовщиной нашего выезда из Владивостока. Ключ был назван Юбилейным».

«...В Утиную не верили, — пишет Ю. Билибин, — считая, что это отдельная богатая кочка, по которой никак нельзя судить о богатстве всего ключа».

...Раковский, вернувшись на Среднекан, чуть ниже устья Безымянного взял в борту Среднекана хорошую пробу золота.

Оказалось, что здесь русло Среднекана пересекается дайкой¹ порфира с обильными кварцевыми прожилками с сульфидным оруденением. По просьбе Ю. Билибина В. Цареградский провёл опробование и обнаружил в ней богатое содержание золота. Эта Среднеканская дайка имела потом большое значение в освоении края. В ней оказалось золота до двухсот граммов на тонну руды.

...А впереди у экспедиции были замечательные события на реке Утиной, где С. Раковскому неожиданно крепко повезло.

Ему было поручено провести опробование всех правых притоков Колымы от Таскана до Среднекана.

С. Раковский добрался успешно на оленях со спутниками до якутского поселения и приступил к сооружению лодки. Попутно он договорился об аренде пятнадцати лошадей для работы летом в долине Оротукана и для доставки грузов осенью на Охотское побережье.

Когда паводок спал, С. Раковский на сработанной к этому времени лодке направился из Таскана по намеченному маршруту.

Из-за того что уровень воды был ещё высок, приходилось брать пробы не совсем так, как требовалось: вода закрывала косы в центре реки.

Удачные пробы были взяты сразу же в устье Утиной — притоке Колымы.

¹ Дайка – пластообразная жила изверженной в давние геологические времена породы.

Природная бутара на Утиной

... Сергей Раковский поднимался по долине Утиной. Пронырившись дальше по долине реки, он набрёл на незначительный перекат. С рюкзаком за плечами медленно шёл по берегу, высматривая место для ночлега.

Его помощники были заняты рытьём закопушек. Он разжёл костёр и спустился к реке с чайником в руке.

Перед глазами был речной перекат. На мелководье легко просматривалось дно, освещённое заходящими лучами солнца. Плитки осадочных пород с речной галькой на дне омывались речным потоком поперёк, образуя сланцевую щётку, природную бутару для промывки золотин.

Раковский опустил руку в воду и черпанул сколько мог песка и гальки. Вода стекла меж пальцев, и он разжал ладонь. В пригоршне матово блестело золото.

Переложив удивительную пробу в левую руку, правой он выбрал из песка и гальки сначала одну золотину величиной с фасолину, затем другую — со спичечную головку...

...Вскоре С. Раковский и его четыре помощника с азартом заработали на перекате.

Крупные самородки были прямо на виду, под тонким слоем воды. Их выбирали руками и складывали в коробку.

Работали лихорадочно, неудержимо всю короткую ночь, опомнились только утром.

Когда коробка была полной, поступила команда Сергея Раковского:

— Хватит, ребята. Потом домоем! Пошли спать.

Золота оказалось на небольшой площадке так много, что пересчёт его на объём грунта терял реальный смысл.

* * *

Открытия и находки были и у Д.Н. Казанли. Он определил первые астрономические пункты в бассейне Колымы.

Оказалось, что река Колыма в действительности расположена на 200 км ближе к побережью Охотского моря, в отличие от того, как её изображали на картах.

Новый план

... **О**бнаружив в устье реки Утиной затесь на дереве и зашифрованную записку Раковского о богатом золоте, Ю. Билибин поторопился на базу.

Реки Малтан и Бахапча, как и Буюнда, оказались не золотоносными. Пробы, взятые ниже по Колыме, начиная от устья Бахапчи, имели небольшое содержание (знаки) золота. Можно было полагать, что зона золотоносности идёт выше устья Бахапчи. Было очевидно, что она не сплошная. Здесь участки с коренными месторождениями и россыпным золотом прерывались большими бесплодными массивами.

Обнаруженное С. Раковским золото на Утиной заставило Ю. Билибина отменить прежний план исследований, принятый весной. Теперь было два важных объекта исследования: Среднекан и Утиная. Надо было успеть опробовать оба района.

Дообследовать россыпь на Утиной и закартировать долину реки Ю. Билибин решил сам.

В. Цареградскому совместно с Билибиным и Раковским предстояло заснять всю долину Среднекана. А Казанли с двумя помощниками и каюром — заняться своими астрономическими исследованиями.

Разместив лишнее снаряжение и запас продовольствия, необходимые для возвращения осенью в Олу у Ф.Д. Оглоблина, геологи вышли по маршруту согласно новому плану.

Несколько человек на месяц остались со старателями артели Оглоблина.

Были условлено, что все члены экспедиции должны встретиться на базе до 20 августа. Затем отправиться в Олу. Откуда с последним пароходом, который придёт 16 сентября, плыть во Владивосток.

Характеры

Прослеживая принимаемые решения Ю. Билибина и В. Цареградского, многовариантность ходов и попыток продвижения к выполнению своих зачастую дерзких целей, невольно думаешь о счастливом даре Ю. Билибина глубоко оценивать ситуацию. Не

на эмоциях, не на одном азарте и стремлении к успеху. Сильно было в его поисках решений интеллектуальное начало. Оно-то в соединении с мужеством, находчивостью и смелостью, когда надо многое уметь и решать самому, приводило к успеху.

В этом я утвердился ещё более, когда читал у В.А. Цареградского, как подбирались члены экспедиции.

Речь идёт о наборе уже во 2-ю экспедицию, но это в данном случае несущественно: подобное было и на Алдане перед броском на Колыму.

Задорный подросток

«...Новиков был коренным жителем Владивостока. Ещё будучи студентом, он дважды (в качестве коллектора и геолога) принимал участие в геологических экспедициях на Дальнем Востоке. Поисками золотых месторождений он практически ещё не занимался. Весной 1929 года Новиков окончил во Владивостоке геологическое отделение университета, но постоянной работы пока не имел. Однажды, проходя мимо гостиницы «Версаль», он увидел нас, когда мы, только что прибывшие с парохода, дружно перетаскивали набитые образцами и пробами выючные ящики и брезентовые сумы с имуществом, и сразу догадался, что возвратилась какая-то экспедиция. Разузнав, что мы геологи, зашёл к нам вечером, представился и, показывая свой диплом, отзывы о работе в экспедициях, рассказал о себе. Затем попросил нас принять его геологом, если в будущем году экспедиция продолжит работу.

Уверенная и вместе с тем простая, свободная манера держаться и разговаривать, горячее стремление попасть в экспедицию и даже внешний вид Новикова как-то сразу расположили нас к нему. Мы пригласили его к столу и за чаем продолжили разговор.

Своим видом Сергей Владимирович напоминал задорного подростка. Он был низкого роста, коренастый, очень подвижный. Мягкая бесхитростная улыбка, придающая его лицу мальчишеский облик, вдруг сменялась серьёзным выражением, при этом как-то по-особому приподнимались брови. Сквозь натренированную сдержанность прорывалась юношеская порывистость. Даже тихий тенорок Сергея Владимировича казался по-мальчи-

шески ломким. Но суждения его всегда были логичными, уверенными. В них чувствовалась не только начитанность, но и, несмотря на молодость, убеждённость взглядов. Высокий открытый лоб придавал ему вид умного, серьёзного человека.

Помню, в тот вечер, покончив с чаем, Новиков взглянул на стоявшую в сторонке шахматную доску с недоигранной партией и сказал, что чёрные проиграют. Билибин, любивший шахматы и страдавший от отсутствия достойных партнёров, тут же заинтересовался, не хочет ли Новиков сыграть партию. Тот охотно согласился, и партия довольно быстро закончилась победой Сергея Владимировича. Начали вторую. Мы заинтересованно следили за их поединком, так как Билибин редко проигрывал. Вторую и третью партии также выиграл Новиков.

Вскоре он распрощался с нами и ушёл. Мы обменялись адресами и обещали известить его сразу, как только выяснится судьба будущей экспедиции.

После его ухода Билибин произнёс удивившие меня тогда слова:

— Его стоит взять в экспедицию. Он, вероятно, станет хорошим геологом и разведчиком — очень хорошо и уверенно играет в шахматы.

Мне подумалось: «Разве можно судить о геологе только по игре в шахматы?»

А Билибин добавил:

— Есть ещё один геолог — якут Сивцев, которого можно взять начальником партии, если в следующей экспедиции у нас будет третья партия. На Алдане он проявил себя смыслённым разведчиком. Тоже очень хорошо играет в шахматы, часто меня обыгрывал.

Тут мы занялись чем-то спешным, и развить эту тему нам не удалось. Позднее, вспоминая эти слова Билибина, я увидел в них здравый смысл. Действительно, человек, хорошо играющий в шахматы, должен обладать такими качествами, как внимание, сосредоточенность, находчивость, терпеливость и самодисциплина. Все эти качества вместе с целеустремлённостью, упорством и выносливостью необходимы геологам, ведущим исследования в отдалённых, неизведанных районах, где могут подстерегать всякие неожиданности и многочисленные труд-

ности, когда многое нужно уметь решать и делать самому». (В.А. Цареградский).

Известно, что критерий истины — практика, и она показывает, что без вышеперечисленных качеств настоящему геологу не обойтись. Умение строить разные комбинации, просчитывать варианты развития ситуации и видеть возможный исход событий для Ю. Билибина было важнейшим при оценке геолога... А однажды он сказал, что геолог должен уметь сочинять стихи. Это помогает писать отчёты.

Сам он, когда голодные геологи, чтобы не думать о еде, греясь у печки, сочиняли стихи, великодушно дарил им рифмы, а зачастую целые четверостишия с лёгкостью необыкновенной, озорно соединив в них то лирическое, а то вполне саркастическое начало, как свидетельствует П. Мельников.

Вот одно из таких стихотворений:

*В далёких сказочных краях,
В горах Якутии обширной,
Где гнус живому лютый враг,
Брусника где растёт обильно,
Где человек и не ступал,
Где хладом всё мертвит зима,
Среди угрюмых чёрных скал
Течёт спокойно Кольма,
Чертя изгибами узоры...
Ландшафт был дик, суров и прост:
Тайги безбрежные просторы
Раскинулись на сотни вёрст,
Раскинулись на колыметры,
Счастливицы их длину измеряют...
Поставив жизнь на карту риска,
Одиң, почти что нагишом,
Здесь царский дезертир Бориска
Случайно золото нашёл,
Но не успел уйти обратно
И умер там, где стал богат:
Тайга ему сказала внятно,
Что даром не отдаст свой клад.*

Трудно представить Первую Колымскую экспедицию без Юрия Александровича Билибина. Без его аналитики, без его смелых и неожиданных решений.

Как удачно соединились два таланта в этой экспедиции — дар аналитика учёного Ю. Билибина и надёжность, опытность В. Цареградского.

...За некоторой сдержанностью и внешней суровостью В. Цареградского таилась наблюдательная, крепко самоорганизованная натура. Он внимательно относился к людям и ценил в них добрые качества. Я не удержался и привожу воспоминания В. Цареградского о его ближайшем помощнике по Первой Колымской экспедиции:

«Раковский обладал довольно мягким, добрым и общительным характером. Правда общению с людьми ему мешала стеснительность. Скромный, немногословный, он больше слушал других, чем говорил сам. В разговорах редко раскрывался до конца. Обычно сдержанный и терпеливый, он проявлял настойчивость, когда касалось дела. Ему чужды были цинизм, грубость. Случайно вырвавшееся ругательство звучало у него непривычно и неумело. Всем становилось ясно, что оно вызвано лишь боязнью показаться слишком благовоспитанным.

Сергей Дмитриевич был исключительно честен. Его отношение к работе, к поручениям было всегда не просто добросовестным, но и заинтересованным. Задания Сергей Дмитриевич выполнял без промедления, всегда обстоятельно и аккуратно. По мере возможности он старался пополнить свои знания в геологии, в разведке золота, прислушивался к геологам, опытным старателям, всё примечал, запоминал, записывал и читал популярную и специальную литературу. Обладая хорошим слухом, он неплохо играл на мандолине и гитаре. Под настроение, набравшись храбрости, пускался в пляс, исполняя всё — от «барыни» до мазурки. Отношения со всеми у него были ровные, товарищеские. Рабочие его уважали, многие привязывались к нему, как ученики к любимившемуся учителю, многих соединяла с ним истинная многолетняя дружба.

Раковский любил мужественных, сильных и выносливых людей, не унывающих ни при каких невзгодах.

Он и сам был похож на героев своего любимого писателя Джека Лондона.

Внешность Раковского не была особенно примечательной. Среднего роста, слегка сутуловатый, с короткими, немного искривлёнными, «кавалерийскими», как он сам говорил, ногами. Правда обнажённое по пояс тело, натренированное, как у гимнаста-профессионала, было красиво, а равномерно развитые мышцы свидетельствовали о недюжинной силе. Лицо худощавое, узкое, удлинённый нос с большой горбинкой, красиво очерченные губы сразу же запоминались. Густая чёрная шевелюра Сергея Дмитриевича была всегда, даже в таёжных условиях, аккуратно подстрижена и причёсана. Лицо его оживляли довольно большие, немного выпуклые светло-карие с желтизной глаза. Их взгляд из-под густых чёрных бровей был очень живым и отражал настроение — то внимательно задумчивое, то глубоко серьёзное, то задорно-весёлое.

Сергей Раковский был лишь на три года старше меня. Он родился в 1899 году. Впервые с золотом встретился на Алдане, когда с группой старателей отправился туда в конце 1923 года из Иркутска, прямо со второго курса Института золота и платины, где успешно учился. Он намеревался заработать денег, чтобы продолжить образование. В первый же сезон им выпал «фарт»: артель намыла много золота, столько, что каждому хватило бы на два-три года безбедного существования. Но вернувшись «богачами» в Иркутск, старатели, как это часто бывает, ударились «в разгул». Быстро растратив все деньги, они, в том числе и Раковский, решили вернуться на Алдан. Чтобы перебраться туда, им пришлось продать все вещи, которые они успели купить по приезде. И всё же продовольствие они вынуждены были получить в тресте «Алданзолото» в кредит. Но — увы! На этот раз выделенный артели участок оказался очень бедным. Заработка едва хватило, чтобы расплатиться за продовольствие. Артель распалась. Раковскому пришлось поступить на работу смотрителем разведки (так называлась тогда на приисках должность руководителя разведочного участка). Здесь он встретился с Билибиным...»

Вспомним, что в основном весь состав экспедиции составляли алданцы, приглашённые лично Ю. Билибиным. Они-то и определили результаты работы. И во многом успех Первой Колымской

экспедиции зависел от С.Д. Раковского. И на сплаве, и в разведке золота его находчивость и неуёмная энергия были незаменимы.

«Сибирский говор, решительные движения, прямота и даже резкость в разговоре, в сочетании с нерусским, напоминающим индейца, волевым, с крупными чертами лицом делали чрезвычайно оригинальным, запоминающимся этого человека. Он был невысокого роста, на сильных ногах, доставивших ему славу лучшего ходока на Колыме. Уже в те годы ходили легенды о его таланте разведчика», — писал А. Зимкин.

Кроме сенсационного открытия на ключе Утином, «Длинный нос» весной 1929 года нашёл золото на ключе Радужном, у Борискиной ямы.

А каким был сам Цареградский? Многогранным!..

Мы знаем, что на склоне лет он напишет книгу «По экрану памяти». Эта книга воспоминаний, в основном о Второй Колымской экспедиции 1930-1931 годов. Память у автора завидная! И если говорить про её экран, он не чёрно-белый. Эта память инженера и художника, тонко чувствующего цвет, запахи и краски жизни. Ох уж это нелепое деление на «физиков» и «лириков», которое бытовало ещё до недавнего времени.

«Физик» В. Цареградский всё время в полевых условиях не расставался с фотоаппаратом¹. И рисовал! Составлял карты полудикого края. Всматриваюсь в его рисунки якутской девочки, Сергея Дмитриевича Раковского, замечательного проводника Макара Захаровича Медова... Они трогательны, эти рисунки. Исполнены романтиком! Это от потребности поэзии в жизни, которая, замечаем мы это или нет, движет человеком. Именно она! Такое многообразие навыков и опыта в 26-30 лет! Оно восхищает!

Неутомимый ходок, находчивый рыбак, искусный фотограф, опытный охотник, наездник, рисовальщик... Пристрастие В. Цареградского к охоте, к рыбалке — это тоже оттуда, из романтического детства в Никольском-на-Черемшане, от деда Михаила, от школьного сторожа Медвежонкова... Роднички детства... Их ничем не заглушить. Они питают взрослеющую, зреющую душу... Сохраняют её чистоту...

¹ На многих фотографиях той поры В.А. Цареградский отсутствует. это объясняется тем, что большей частью снимки сделаны им самим. Он автор своеобразной фотолетописи. (Прим. автора)

...Вспоминается тут же брат его жены Катерины, Юрий Серпухов, в ковбойской шляпе, с мандолиной за спиной, с неизменным охотничьим ружьём, скакавший по пустынной дикой равнине... И погибший в годы войны...

Мечты, мечты...

Порой спохвачусь: всего познать нельзя. Но как не узнать больше о людях, о которых сейчас пишу?

Мало о них написано книг, а те, которые вышли, издавались не в центральных издательствах и редко попадались на глаза школьным учителям, их ученикам... На своей даче по огромной географической карте на стене я вновь замороженно вожу рукой. Нахожу реки Алдан, Индигирку, другие совсем мелкие речушки и поселения. И поражаюсь: кто давал такие имена рекам? Они были на слуху со школы! Но получилось так, что только на слуху... Какие пространства! Дух захватывает. Каждый раз, когда я подхожу к карте, к этому голубовато-зелёному полотнищу, вернее пространству, Якутия, Дальний Восток растворяют меня в себе, я становлюсь десятилетним мальчишкой с крутящейся от любопытства и восторга головой. Куда подевался мой застарелый академизм!.. «Как получилось, что я не стал геологом?» — в который раз простодушно спрашиваю себя.

* * *

Вот бы пройти водным маршрутом Первой Колымской экспедиции! Добраться до самого сердца Колымского края — Среднекана! И Конюхов напирает:

«На байдарках вполне возможно, — пишет Евгений Васильевич. — Если Вы решитесь, будет здорово! У меня уже три человека желающих набралось. Надо только время отпусков утрясти, а так... Даже моя жена сдалась, отпускает».

Проводник Макар Медов

Как замечательно, что я с детства знаю Дерсу Узала из книжки Арсеньева «В дебрях Уссурийского края»!.. Без этой книжки детство многих мальчишек было бы беднее. У меня нет воз-

возможности приводить характеристики всех членов экспедиции, перечислять подробности снаряжения и быта геологов, как бы мне этого ни хотелось. Иначе мои записки превратятся в толстенный том.

...Всё-таки хочется сказать несколько слов о Макаре Захаровиче Медове — проводнике Первой Колымской. Если основных членов экспедиции геологов тщательно подбирали ещё на Алдане Вольдемар Бертин и Юрий Билибин, то с проводником экспедиции повезло в посёлке Ола. Для Ю. Билибина и в целом для экспедиции сопкчанский житель сделал очень многое.

М. Медов к тому времени уже жил тридцать пять лет в местечке Сопкчан на правом берегу Олы. Много лет проработал конюхом и каюром. Опытный проводник и таёжник. Лицо скуластое, изъедено оспой. Карие глаза смотрят зорко и умно. Высокий якут, отец двух славных каюров Ивана и Михаила. Было ему во время экспедиции около 60 лет.

Те, кто сопровождали караваны от Олы до Колымы, не соглашались идти в проводники. Тем более — на «бешеную» Бахапчу. — Покойник будешь, — предупреждали Билибина.

Макар Медов согласился! Не побоялся угроз за это его убить.

Один из тунгусов передал Макару Медову приговор Элекчанского родового Совета. Эти Советы только вывеску имели советскую, а на самом деле в них главенствовали старорежимные князьки.

Князцы, которые были обычно оленехозяевами, распускали небывицы о русских, об экспедициях, о «Союззолоте».

Они протасили на собрании родового Совета наказ убить Медова за то, что он ведёт русских на тунгусскую землю.

— Чужаки без Макара не прошли бы. Если пройдут первые, пойдут другие пришлые люди. Тайгу запалят, ягель сожгут. Олень помрёт, а помрёт олень — тунгус не выживет, — говорили они.

Макара уже один раз предупреждали, теперь последнее решение: пусть уберётся за Элекчанский перевал — иначе убьют...

Он не испугался угроз...

Умный и деятельный Макар Медов! Следопыт, для которого не было тайн в тайге. Это он нашёл столь необходимую первую партию лошадей, он помог составить карту маршрута. А сколько было его подсказок, советов, помощи в пути следования!..

Благодарные геологи его именем назвали островерхий пик в нагорье Охотского побережья — «Пик Макара Медова». Его имя присвоено и одному из горных перевалов...

На Встречном

20 августа отряд Цареградского пришёл в лагерь в устье Безымянного ручья, где находились люди Раковского и Бертина.

Эти последние дни на Колыме — как вознаграждение за предыдущие неудачи и невзгоды. Ручей они обследовали сообща. Он оказался золотоносным. Геологи окрестили его Встречным в память о своей встрече.

Эта россыпь будет позднее успешно разрабатываться прииском, которому присвоят название «Встречный».

Предстояло готовиться к возвращению в Олу.

Раковский вынужден был взяться за финансово-материальные расчёты. Работоспособность и обязательность его удивительны. И трудолюбие! Делая так много для разведки золота, он был ещё и отличным штатным хлебопёком, обеспечивая своих коллег свежееиспечённым хлебом.

Теперь обязательному Раковскому по просьбе Билибина предстояло рассчитать большинство рабочих, так как они не захотели возвращаться в Олу, а пожелали влиться в старательскую артель на Среднекане. Открытое золото манило. Надо было выплатить им заработную плату с вычетом стоимости питания, затрат на одежду и так далее. Помрачневший Раковский терпеливо сидел над длинными колонками цифр, вызывая в барак то одного, то другого рабочего. Либо для подписания ведомости, либо для уточнений...

Бертину предстояло провести учёт всего добытого золота.

— Чёрт бы его побрал, это золото! — расправляя ноющую спину, ворчал он.

Нудное и кропотливое занятие. Предстояло все пробы золота, которые подлежали дальнейшей обработке, взвесить на точных весах, записать в соответствующую ведомость. Упаковав в обитый железом ящик, запереть его и опечатать. Другую часть проб, в которых было количество золота, превышающее

лабораторное, надо было сдать по акту в приёмную контору Оглоблина.

Скучная работа. Никакого азарта. Красивое лицо жизнелюбивого, страстного охотника и рыбака Эрнеста Бертина было унылым.

Его величество случай

Пока шли хлопоты по подготовке к возвращению, Цареградский решил дозаснять небольшой участок в нижнем течении Среднекана. Он надеялся с помощниками успеть завершить работу. На это потребовалось два дня. Обследуемый правый приток Среднекана оказался малоэффективным. Решили вернуться.

Лето подходило к концу.

...Отряд Цареградского, состоявший из промывальщика и каюра, 14 августа налегке отправился в долину Оротукана.

Заманчиво было исследовать хотя бы верховья Оротукана, где не ступала ещё нога геолога. Цареградский полагал, что там можно зацепиться за новую ниточку.

Бертин со своими рабочими и лошадьми остался на Среднекане. Надо было до конца экспедиции успеть опробовать несколько ключей у слияния левого и правого его истоков.

Цареградский, как обычно, с ружьём и фотоаппаратом шагал впереди. Каюр следовал за ним, ведя в поводу двух навьюченных лошадей. Промывальщик Игнатьев шёл последним. На плече у него — деревянный лоток, в руках — небольшая кирка и скребок.

...Первая же проба в долине Оротукана дала небогатое золото: на дне лотка осталось после промывки несколько золотинок размером до рисового зёрнышка.

До вечера взяли три пробы, все они оказались с золотом. Догадки подтверждались: очевидно, Оротукан входит в пояс золотоносности, как и соседние с ним долины Среднекана и Утиной.

Золотоносный пояс! Так много здесь предстоит ещё изучить. А пока он вёз всего лишь небольшие пакетики с золотинами в своей походной сумке. Но они были как маленькие, крохотные семена-зародыши огромной будущности Колымы.

...Предстояло переночевать и с утра возвращаться на базу. Эта ночь завершала полевые работы экспедиции. Перед тем как двинуться на ночёвку, Цареградский сделал набросок, схему видимой части Оротукана. Он наносил в своей планшетке контуры раскинувшейся перед ним долины, вовсе не думая, что пройдёт около года и здесь появится Вторая Колымская экспедиция, которую возглавит он. А потом по результатам экспедиций в этой голой долине задымят заводские трубы, протянутся шоссейные дороги, заработает прииск.

Думал ли он в тот момент, что находки двух колымских экспедиций станут столь решающими и судьбоносными для Колымского края?

* * *

Проснувшись ранним солнечным утром, Цареградский взял полотенце и вышел из палатки, стоявшей на галечной террасе с редкими кустами стланника и ивняка, направляясь к реке. Пробравшись через линию кустов, оказался на подмытом зеленоватым речным потоком крутом берегу Среднекана. Направившись вдоль берега, увидел удобную для спуска к воде у старой, с обнажёнными корнями лиственницы промоину. Он спустился к воде и разделся по пояс. Отдуваясь и охая от удовольствия, черпал пригоршнями обжигающе холодную воду. Потом с таким же удовольствием обтирался жёстким полотенцем.

...Одеваясь, повернулся к лиственнице и увидел меж валунов под свесившимися, обнажёнными водой корнями высокую, ещё дореволюционную фунтовую банку из-под какао. На фирменном ярлыке значилось: «Какао Эйнем».

Жестяная банка была плотно закрыта крышкой, из-под которой торчали лохмотья дерюжки. Он взял банку в руки. Она оказалась неожиданно тяжёлой. Мелькнула догадка: «Золото».

Присев на валун, вывернул крышку. Едва вытащив с усилием полотняный мешок, попытался развязать узел. Безуспешно. Он отрезал его.

Смешанное чувство владело геологом: и любопытство, и нетерпение, и неловкость из-за того, что ворвался в чужую тайну. Он уже наверняка знал, что нашёл.

В истлевшем мешочке весом не менее трёх килограммов, уплотнившись, лежало золото. И в таком количестве, какое пока экспедиция не находила. Металла было намного больше, чем Раковский привёз с Утиной. В плотной массе золотого песка лежал самородок, похожий на уродливую картофелину. Весил он около полутора грамма. Найденный клад, как он прикинул, по весу с лихвой превосходил всю летнюю добычу экспедиции, включая находки на Утиной.

Его величество случай перекрыл все достижения экспедиции за сезон.

Золото явно не среднеканское, но кто и где его намыл?

Находку показали Оглоблину. По его мнению, золото добыто из разных россыпей, разной окатанности и различной пробы. Его долго собирали.

Вернувшийся на Среднекан с Утиной, где он усиленно занимался разведкой и оконтуриванием россыпи, Ю. Билибин был доволен. Месторождение оказалось многообещающим. Было решено, что выяснением того, кто владелец золота, пусть занимается угрозыск. Составили по всей форме акт. Находкой Э. Бертин занимался почти весь рабочий день. Наконец сортировка, взвешивание найденного В. Цареградским золота, составление необходимых актов и протоколов было завершено. Всё передали управляющему Верхнеколымской конторой «Союззолота» В.Д. Оглоблину. Через него несколько килограммов золота, история добычи которого и его хозяин остались в неизвестности, стали принадлежностью государства.

Так утренняя прогулка В. Цареградского оказалась особо прибыльным достижением экспедиции.

Оно перекрыло все затраты на неё. Немало!

* * *

Юрий Александрович Билибин более всего обрадовался не этой находке. Он был потрясён, ознакомившись с пробами В. Цареградского из Среднеканской дайки.

Когда пересчитал содержание золота на тонну породы, как он потом не раз признавался, пришёл в священный ужас: двести граммов на тонну!

Такого ещё не было в золотой промышленности! Было ясно, что надо в Ленинграде тщательно подвергнуть пробы лабораторному анализу. А на месте провести более детальную разведку, пробить штольни...

Но экспедиция заканчивалась, это можно было сделать только в следующий раз... Последний пароход из Олы уходит через две недели. Если опоздаешь — придётся зимовать. Он решил каждому геологу вручить полевой отчёт, чтобы кто доберётся до материка, тот мог начать ратовать за Колыму.

Общими результатами экспедиции Ю. Билибин был доволен. Тут, на Среднекане, в заставленном образцами бараке, склонившись над первой, пока ещё начерно составленной Казанли картой, при свете стеариновой свечи своим уверенным крупным почерком писал он первый колымский полевой отчёт. Экспедиция нашла золото! Не нашла, правда, Гореловские жилы...

Нашли Борискину могилу, нашли амбар со снаряжением Розенфельда...

В отчёте Ю.А. Билибин подчёркивал: «Открыт новый золотоносный район по речке Утиной, впадающей в Колыму в 106 км выше Среднекана. Здесь промпробы получены по многим ключам, из которых наибольшего внимания заслуживает ключ Юбилейный, по которому уже поставлены старательские работы, давшие прекрасные результаты... Вероятный запас золота 1 000 кг».

...Было похоже, что его смелое предположение о существовании золотой пряжки на золотоносном Тихоокеанском поясе планеты Земля и её нахождении в районе Колымы начало подтверждаться!

Возвращение

Проведя больше года на северной земле в напряжённой геологической работе, 31 августа экспедиция отправилась в обратный путь. По пути в Олу Цареградский прошёл по рекам Гербе и Мятику, намереваясь обследовать старую брошенную тропу, о которой говорил ему проводник Медов. Она могла дать возможность в будущем добираться до приисков более коротким путём.

На одном из участков пути проводник-якут категорически отказался продолжать путь. Лёг на землю и заплакал. Утверждал, что дальше идти нельзя, там нет корма и нельзя рисковать лошаадьми.

Только настойчивость Цареградского и обещание уплатить полную стоимость лошадей, которые погибнут, заставили якута решиться на продолжение опасного пути. На удивление, на всём протяжении последующего пути оказались хорошие конские корма, а дорога намного короче. Это было неожиданным и для проводника.

Всё снабжение района приисков впоследствии обеспечивалось по этому пути. А потом он был использован для строительства шоссейной дороги.

Таким образом геологи оказались и разведчиками новых дорожных маршрутов на Колыме.

Ещё летом 1929 года в Нагаевской бухте возвели культбазу Комитета Севера (будущий Магадан), появилось агентство Совторгфлота. Все пароходы обязаны были заходить в эту бухту. В Олу заходили немногие. Основной поток пассажиров шёл через Нагаевскую бухту.

Экспедиция к последнему пароходу из Олы опоздала. Пришлось перебраться в Нагаево и долго ждать. За это время Дмитрий Казанли успел жениться на жительнице Олы Евдокии Якушковой.

Дело было так. Играли на Ольской погулянке местные в горелки. И Дмитрий вместе с ними. Догнав Дусю, схватил её за руку. Ему наставительно пояснили, что, если дотронулся до девицы, бери в жёны. Он назвал Дусю женой, и они пошли в сельсовет.

Теперь капитан парохода «Нэнси Мюллер» папаша Мюллер благосклонно предоставил молодым свою каюту. Такое вот свадебное путешествие!..

...Итак, на зафрахтованном Совторгфлотом грузовом пароходе «Нэнси Мюллер» члены экспедиции (кроме оставшегося в Нагаево Н. Коннова) отправились во Владивосток.

От Олы до Владивостока

На последнем этапе своего пути геологи столкнулись с непривычной для них морской стихией. Необузданной и непредсказуемой, способной в любой миг унести на морское дно и самих членов экипажа дряхлого судёнышка, и пассажиров с их драгоценным тайным грузом.

Неотвратимо нарастал осенний шторм, крепчавший с каждым часом. Дело осложнялось тем, что судно было недогружено. Его подбрасывало так, что кормовой винт часто оказывался над водой. Работая вхолостую, он надривно ревел. Судно сотрясалось, словно в лихорадке. Ударяясь о волны, винт мог в любой момент сломаться. К концу третьего дня ветер достиг десяти-двенадцатибалльной силы.

На десятый день такой болтанки у винта разрушилась лопасть, вскоре вышла из строя вторая. Следом отказало рулевое управление. Судно несло неведомо куда...

На вторую неделю капитан Мюллер сказал Цареградскому, что обязан дать сигнал бедствия. Но поскольку он понимает, что геологи везут что-то секретное, должен об этом их предупредить. Он не знает, где они находятся. Возможно, их несёт на Курилы или Японские острова.

Цареградский и Билибин, посоветовавшись, решили, что с таким грузом, какой они везут, попадать в чужие руки никак нельзя. Да и кто сможет в такой шторм подойти близко и бросить буксирный канат? Невольно вспомнилось решение Ю. Билибина снабдить геологов — членов экспедиции, каждого, текстом отчёта об итогах экспедиции.

Выслушав Цареградского, капитан согласился с его доводами, но заявил:

— Хорошо. Мы остановим машины и ляжем в дрейф до того, как стихнет. Я не могу рисковать «Нэнси».

На том и договорились.

Машины остановили, и пароходишко лёг в дрейф в штормовом море.

Только через двое суток ветер затих, и к вечеру на несколько минут проглянуло меж туч солнце. За это время штурман определил, где находится судно.

«Нэнси Мюллер» дрейфовал между южной оконченостью Сахалина и островом Итуруп.

После двухнедельного противостояния стихии судно было снесено к югу почти на две тысяч километров от курса.

...К окончанию вторых суток они добрались до небольшого порта на Южном Сахалине.

Далее пошли мытарства, связанные с загрузкой углём и заменой винта. Уголь команда дозагрузила с советского парохода «Кулу». Новый винт «Нэнси Мюллер» быстрые японцы поставили в Хакодате.

На двадцатый день после отплытия из бухты Нагаева члены экспедиции прибыли во Владивосток.

А в конце 1929 года они вернулись в Ленинград.

Бригантина

На Колыме в 1929 году пути напористого, деятельного Ю.А. Билибина и С.В. Обручева, заразившего когда-то его и В.А. Цареградского докладом о результатах путешествия в бассейн Индигирки и подвигнувшего их к поездке на Алдан, пересекутся. При обсуждении выяснилось, что их выводы о золотоносности огромной территории от верховья Колымы на Северо-Запад к среднему течению реки Индигирки совпадают. Это придало Ю.А. Билибину убеждённость в необходимости расширения поисков и в решительности при составлении своей докладной записки на самый высокий правительственный уровень.

* * *

...Теперь оказавшимся уже на громадном расстоянии от Колымы участникам экспедиции стало ещё более ясно: Колыма — это новая грандиозная металлогеническая, золотоносная провинция России. Промышленные перспективы её огромны!

Ещё во Владивостоке неустойчивый Ю. Билибин сделал сообщение в местном отделении «Союззолота». В Иркутске и в Москве он информировал о результатах экспедиции и перспективах Колымы начальника «Востокзолота» Г.И. Пёрышкина и начальника «Союззолота» А.П. Серебровского.

Все заинтересованно слушали, но в выводы и оценки вносили значительные поправки с учётом «колымского патриотизма» Ю. Билибина.

Он не сдавался. Изучив все имевшиеся к тому времени данные, применив введённый им геолого-статистический метод оценки золотоносности, Ю. Билибин пришёл к поразительному результату. Полученную первую величину золотоносности он уменьшил в два раза, затем — ещё в два раза. Но и после этого оставались огромные цифры. Получалось, что рядом с крупными россыпями должен находиться и соизмеримый с ними коренной источник. Им могла быть открытая Первой экспедицией Среднеканская золотоносная дайка. Ю.А. Билибин составил «План развития геолого-разведочных работ на Колыме», обосновав необходимость строительства 500-километровой дороги, соединяющей бухту Нагаева с районом Среднеканской дайки как с объектом будущего рудника. При выполнении предложенного плана уже в 1938 году добыча россыпного золота на Колыме должна была в несколько раз превзойти золотодобычу по Союзу в целом за весь 1930 год. Считая малоэффективным экспедиционное ведение геолого-поисковых работ, он настаивал теперь на создании постоянно действующего разведочного бюро.

Итог работы Первой Колымской экспедиции — смелый и уверенный прогноз новой золотоносной провинции на северо-востоке Азии. Билибин стал одним из создателей прогноза, основанного на довольно ограниченной информации об условиях образования и размещения золотого оруденения, собранной Первой Колымской экспедицией. Он выдвинул гипотезу о наличии в бассейне верхнего течения Колымы золотоносной зоны длиной в сотни километров. Прогноз Билибина оправдался. Колыма в скором будущем станет основным валютным источником страны.

Впоследствии неслучайно, став крупным учёным, он возглавит новое научное направление в отечественной геологии — «Металлогения», разработает основы методологии прогнозирования месторождений полезных ископаемых в недрах земной коры. День высадки на берегу Охотского моря у пос. Ола Первой Колымской экспедиции во главе с Ю. Билибиным позже будет считаться началом создания Государственной геологической службы на Северо-Востоке страны.

Из докладной записки бюро Далькрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) и Совет Труда и Оборона от 23 декабря 1930 года:

«Результаты проведённых в 1928-1929 гг. работ экспедиций тов. Билибина позволяют судить о районе Верхней Колымы как о месте, где уже организованы первые прииски и развернута добыча металла, поступление которого идёт во всё нарастающих количествах, что свидетельствует о возможностях не только полностью обеспечить закупки для проектируемой БАМ, но и другие нужды страны. Поэтому считаем целесообразным создать организацию специального назначения, которая наряду с добычей металла целиком взяла бы на себя обязанности по всестороннему освоению всего Охотско-Колымского района...»

13 ноября 1931 года был создан Государственный трест по промышленному и дорожному строительству «Дальстрой».

Итоги экспедиции Ю. Билибина дали предпосылки к созданию грандиозного по своей мощи государственного треста, преобразовавшего огромный край.

И свершила это, казалось бы, невероятное, горстка дерзких, равнодушных молодых людей. Какая завидная удача в жизни!

...Не забылось, как в студенческом общежитии, томясь в смутном ожидании своего дела, своей причастности к важному и необычному, мы пели:

*Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса!*

*Пьём за яростных, за непохожих,
За презревших грошевый уют!..
Вьётся по ветру «Весёлый Роджер»,
Люди Флинта песенку поют...*

Не поют нынче такие песни... Давно не слышал. И наше поколение не сразу её запело. Написаны слова её Павлом Коганом, мелодия — его другом Георгием Лепским аж в 1937 году. Но зазвучала она в полный голос в мои студенческие годы, в 60-е...

Мы тогда уже знали, что автор песни не только романтик. Война застала его в геологической экспедиции. Вернувшись из

неё, он, белобилетник по зрению, с хроническим бронхитом, добился, чтобы его отправили на фронт. И пал смертью храбрых в 24 года.

Не правда ли, похоже на то, как было с романтиком Юрием Серпуховым из воспоминаний его сестры Нины Михайловны?

Оба погибли на войне. Они — Юрий Серпухов, Юрий Билибин, Валентин Цареградский и многие-многие другие — были одной породы. Только Павел Коган чуть моложе... Тоже геолог!

...Возглавляемая Коганом разведгруппа под Новороссийском попала под перестрелку. Он поднялся в полный рост и пошёл на вражеские пули...

*Я патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю...
И где ещё найдёшь такие
Берёзы, как в моём краю...
Я б сдох, как пёс, от ностальгии
В любом кокосовом раю.*

Это тоже написал Павел Коган. Писал как жил. И жил как писал...

Глава 5

ТАЁЖНЫЕ МАРШРУТЫ

Вновь Оротукан и Среднекан

После того как Первой Колымской экспедицией в 1928-1929 годах на протяжении более ста километров в бассейне реки Утиной было открыто золото, Ю. Билибин предположил: обнаруженная золотоносность не локальная, связанная с отдельными участками, а представляет собой закономерные зоны. Для проверки этого первоначально наметили организовать пять геолого-поисковых партий. К моменту окончательного подбора специалистов по числу принятых профессионалов — начальников партий определился план геологических и разведочных работ экспедиции. Всего девять партий. Из них семь — геолого-поисковые, одна — рудно-разведочная и одна — астрономо-геодезическая. Масштабные замыслы!

10 января 1930 года недавно созданное Главное Колымское приисковое управление треста «Союззолотоплатина» снарядило экспедицию из одиннадцати человек во главе с Н.Ф. Улыбиным. Она отбыла из Иркутска на Невер. Затем должна была через Алдан, Якутск, Утиную выйти на Среднекан. В начале мая она достигла Среднекана.

А ещё в 1926-1927 годах, затем в 1929-1930 годах Якутская комиссия Академии наук СССР направляла в эти районы экспедиции под руководством С.В. Обручева. Его первая экспедиция работала в районе Индигирки, затем С.В. Обручев прошёл от Якутска до Нижнеколымска.

В междуречье Индигирки и Момы С.В. Обручев обнаружил неизвестный до того горный хребет, названный им хребтом Черского. Он тянется от Яно-Индигирской низменности до Таскана, Дебина и Бахапчи. Горный массив, как описал его Обручев: «В 1 000 км длиной, 300 км шириной и до 3 000 м вы-

шиною, по площади больше Кавказа и выше всех гор Северной Сибири».

Обручев, насколько смог, изучил прилежавшую к маршруту экспедиции территорию и предположил высокую её золотоносность.

В сентябре 1929 года он направил руководству телеграмму: «Время работ текущего года мною пройден маршрут верховий Индигирки к верховьям Колымы кончая устьем Таскана... тчк Обнаружена золотоносность обильные признаки золота обнаружены в пределах хребта связи шестью его южными цепями в ряде пунктов Колымы её притоков особенно Берелёхе Дебине Таскане полный список послан почтой через Олу тчк... Можно утверждать золотоносность всего Средне-Черского нагорья между Индигиркой Колымским хребтом длиной 700 шириной 200 километров тчк Промышленное значение может быть установлено только детальными разведками тчк Наиболее благонадежным является район юго-восточного конца реки Колымы её притоками между Берелёхом Сеймчаном...»

Результаты экспедиций С.В. Обручева совпадали с прогнозами Первой Колымской.

Проанализировав данные разных экспедиций, Билибин в 1930 году подаёт в Правительство записку о перспективах открытого золотоносного района в верхнем течении Колымы. Он отмечал огромное значение новых месторождений, наметил смелый и уверенный план развития золотодобычи при условии широкого развёртывания поисковых и разведочных работ. К 1938 году добычу россыпного золота на Колыме, по его мнению, можно довести до такого размера, что она вчетверо будет больше объёма всей отечественной золотодобычи за 1930 год. Необходимы были новые экспедиции.

Сборы

Возглавить Вторую Колымскую экспедицию Ю. Билибин предложил Д. Вознесенскому. Но тот наотрез отказался. Тогда выбор пал с подачи Вознесенского на В. Цареградского¹.

¹ Все три экспедиции, о которых пойдёт речь в этой главе: Вторая Колымская, Верхне-Колымская (на Зырянку) и Индигирская — работали потом под руководством В.А. Цареградского.

Сам же Ю. Билибин остался в Ленинграде для детального изучения и обработки собранного материала Первой Колымской экспедиции. И для реализации своего грандиозного плана по созданию «Большой Колымы». Его не удовлетворяли экспедиционные исследования, он ратовал за создание постоянного «Индигирско-Колымского геолого-разведочного бюро» с широким охватом территорий.

Этим следовало заняться, не откладывая на потом. Для осуществления замысла надо быть в Ленинграде и в Москве. Иначе всё затянется!

Зимним путём 1930 г. выехал на Колыму заведующий геологическим бюро П.М. Шумилов, заведующий разведкой С.Д. Раковский и др.

В состав экспедиции вошли «старые колымчане»: Э.П. Бертин, Д.И. Казанли и другие¹, — а также молодые геологи Д.В. Вознесенский, Н.В. Новиков, Ф.К. Рабинович, И.Е. Вдовин, Д.А. Каузов. Они свяжут потом прочно свои судьбы с поиском золота.

Дмитрий Казанли окончил Ленинградский университет по специальности астронома-геодезиста. В Первой Колымской экспедиции он начал составление карты гидросети Северо-Востока. Теперь во Второй экспедиции намеревался продолжить начатую им работу.

...Вовсю шёл набор рабочих.

На Алдане, по сообщению заведующего Алданским геолого-разведочным бюро Василия Ефимовича Пинаева, было отобрано пятнадцать опытных промывателей.

Бывший промыватель Первой Колымской экспедиции Пётр Майоров по просьбе В. Цареградского столько же рабочих отобрал на Зее. Эти группы выехали во Владивосток, откуда вместе со всеми должны были отправиться в бухту Нагаева, где ожидал всех с группой рабочих (около сорока человек) Степан Степанович Дураков.

Надёжнее, чем в Первой экспедиции, было и с транспортом. В первой декаде мая из Сибири от Мельникова было получено известие, что закупка лошадей, сбруи и фуража закончена. Он отправляется со своим караваном во Владивосток.

¹ Работали с В. Цареградским в те годы и прорабы-поисковики Н.Н. Станкевич, И.И. Гальченко, Л.И. Кофф и др.

Мы помним, какие трудности были у Первой экспедиции с набором лошадей и оленей на побережье. Теперь этот вопрос, кажется, решался успешнее.

Эта экспедиция по сравнению с предшествующей, состоявшей всего из двух партий, выглядела внушительно. И опыт работы на Колыме у неё уже был. Теперь для проведения поисков и разведки россыпей Билибиным, Раковским и Цареградским была по опыту 1-й экспедиции написана краткая инструкция.

* * *

...Предложение возглавить экспедицию для недавнего выпускника Ленинградского горного института В. Цареградского было полной неожиданностью. Он признался, что не готов к такому грузу ответственности.

Билибин слыл уже опытным геологом-золотоискателем. Он два года успешно работал на Алдане в конторе «Союззолото» геологом. Затем руководил Первой Колымской экспедицией.

Цареградский же был палеонтологом. Работал, как мы знаем, на кафедре палеонтологии Горного института у профессора Анатолия Николаевич Рябина.

Ему поручили изучение крупных остатков скелетов морских ископаемых ящеров-мезозавров из коллекции Геолкома. Скелет из нового рода Доллозаурус он восстановил полностью, его поместили потом в музей Геолкома (ВСЕГЕИ)¹. Но целиком В. Цареградского интересовала палеонтология не поглощала... Привлекали закономерности геологического строения земли, тектонические и магматические процессы, пространственные и глубинные условия залегания полезных ископаемых.

А ещё была возникшая с детства страсть к путешествиям!..

И потом, к апрелю 1930 года он уже имел трёхлетний стаж золотоискателя. Два года (1926-1927), будучи ещё студентом, работал в Южно-Алданской экспедиции. После окончания института — 1-я Колымская экспедиция.

Всё так, но...

В Геолкоме такое ответственное дело столь молодым специалистам не поручалось...

¹ ВСЕГЕИ – Всесоюзный геологический институт.

Окончательное решение затянулось.

Неудержимо приближалась весна. Пора уже было заниматься снаряжением экспедиции, ибо путь до места работы предстоял неблизкий и непростой, как это стало ясно из Первой экспедиции.

Ни аэродромов, ни посадочных площадок с запасом горючего на всей огромной территории Северо-Востока не было.

Надо от Ленинграда до Владивостока ехать 10-11 дней поездом, потом — около десяти дней на грузовом японском или китайском пароходе плыть до бухты Нагаева. От побережья Охотского моря предстояло добираться несколько сот километров караваном вьючных лошадей через тайгу. Затем — сплавиться на плотках или лодках, которые предстояло изготовить самим. На это требовалось более трёх месяцев.

На первый год экспедиции оставалось времени не более полутора месяцев. Если же не успеть к весеннему пароходу из Владивостока, можно потерять целый год.

Беспокойство нарастало.

Не ахти было и материальное положение членов будущей экспедиции. После возвращения с Колымы они всю зиму оставались без работы.

Много на добровольных началах помогали Ю. Билибину в обработке привезённых с Колымы образцов. Эта работа не была предусмотрена сметой, потому не оплачивалась. Очень скоро личные сбережения иссякли. Чтобы как-то прожить, продавали личные вещи, книги. Хватило этого ненадолго.

Отказаться от возможности снова попасть на манящие просторы Колымы, изменить Юрию Билибину, устроившись куда-то работать, — не приходило в голову.

Необходимо было неординарное решение! И оно было найдено.

Они обратились за помощью к рабочим Первой Колымской экспедиции, оставшимся на Колыме в старательских артелях. К тем, с которыми работали совсем ещё недавно бок о бок.

На имя Степана Степановича Дуракова послали телеграмму. Сообщили, что организация экспедиции затягивается из-за отсутствия денег, просили выслать займы.

Алдано-Колымское братство не подвело.

Напомним, что Дураков работал когда-то на участке Раковского на Алдане шурфовщиком. Их артель «прогорела», они остались без золота.

Тогда-то Раковский и Дураков, пытаясь расплатиться по долгам за взятые в кредит продукты, поступили в геолого-разведочное бюро к Билибину.

Они оказались одними из лучших работников в экспедиции Билибина.

В.А. Цареградский вспоминал позже: «Всех нас объединяло содружество, где царил закон: один за всех — все за одного. Такое содружество рождается в трудных условиях спартанской жизни, вдали от родных и близких, от тех мест, где родился и вырос. Это содружество крепнет там, где человек окружён опасностями, где он зависит не только от себя, но и от каждого, кто находится рядом с ним. Ибо в тайге, когда ещё не было радиосвязи и самолётов, из беды мог выручить только очень надёжный и верный друг. Вот почему, пройдя испытания в экспедиции, поначалу чужие люди нередко становились очень близкими, почти родными.

Легко представить нашу радость, когда мы получили ответную телеграмму от Степана Дуракова и ещё нескольких товарищей, в которой они извещали, что деньги отправлены по почте, а сами они ждут нашего приезда.

Это была крепкая дружеская поддержка и большое доверие, которое нас взволновало и тронуло до глубины души. При бережном расходовании полученных денег вполне хватило бы каждому вплоть до отъезда, если бы решение вопроса об экспедиции всё ещё не задерживалось на неопределённый срок».

Теперь геологи старались предусмотреть многое из того, что в предыдущей экспедиции мешало работать.

Острая необходимость была во время работы в починочном материале. При ходьбе по острым обломкам камней обувь и одежда быстро изнашивались. Нужна была кожа, дратва, крепкие нитки, обрезки брезента. Всего этого в предыдущую экспедицию геологами взято не было. Дыры в обуви затыкали сухой травой, которая крошилась и вылезала.

Конюхам нечем было сшивать часто выходявшую из строя конскую сбрую. Не хватало обычных верёвок.

В марте, апреле и мае в 1-й экспедиции возникало от яркого света, отражённого от снега, воспаление глаз. Некоторым пострадавшим приходилось отсиживаться в тёмных палатках или бараке, выходить с защитной повязкой на глазах. Необходимо было закупить светозащитные очки.

Отсутствие запасных пуговиц приводило иногда к курьёзным случаям. Эти, казалось бы, мелкие заботы, а их набиралось немало, вдобавок к подготовке снаряжения, продовольствия, одежды, обуви, палаток, свечей, брезента, спичек. Всё это требовало и времени, и усердия.

По опыту Первой Колымской экспедиции необходимо было иметь некоторый материальный фонд для расчёта с местным населением за аренду лошадей, оленей, за покупку мяса, других продуктов. За деньги всё это у местного населения добыть не получалось. Деньги в обороте отсутствовали. Раз в год местные жители всё необходимое покупали за пушнину и оленину на ярмарке.

Работы много, а времени в обрез. Часть снаряжения получали со склада Инцветмета, но чаще всего приходилось покупать и заказывать в мастерских, включая зимнюю одежду. Зимнюю одежду как спецовку, не выделяли. Стёганные куртки, брюки, валенки надо было закупать для всех и выдавать в счёт зарплаты.

Так, в Первой экспедиции полагались только летняя роба, пара ичиг, две пары рукавиц на год. Это в условиях, когда морозы за пятьдесят градусов. В качестве заменителей денег использовались бисер, цветные ленты, разные колокольчики, бубенчики. В ходу у эвенков — серебряные бляхи, которые они готовили из серебряных рублей и полтинников, разбивая их на валунах до тонких пластин, а потом влетали в косы или пришивали к одежде. Значит, необходимо взять серебряные монеты.

Перечень ходовых материалов постоянно пополнялся. Желая ничего не упустить, В. Цареградский не раз обращался к тем, кто много скитался по тайге, вдали от населения, просил их вспомнить, в чём порой возникает острая необходимость в самых разных ситуациях.

...Комнатка сестры Дмитрия Казанли превратилась в склад, квартиру Вознесенских постигла та же участь. Складом и штабом стала квартира Ю. Билибина, ибо в здании Геолкома места для этого не нашлось.

Когда раздобыли необъятную бухту морского каната, закатали её в ту же комнатку Ирины.

Молодой начальник экспедиции Цареградский признавался, что его так захватило желание прокладывать первые тропы, делать открытия, составлять первые географические и геологические карты, что ни о почестях, ни о славе он не думал, получив под своё начало экспедицию. Ощущение значимости пути в мир неизведанного не оставляло места для второстепенного. Начинало сбываться то, о чём мечталось с самого детства!

Под стать ему и вторая его жена Мария Яковлевна. Она была молода, к началу Второй экспедиции ей не исполнилось и двадцати одного года. Успела окончить только среднюю школу, любила литературу. И мечтала как раз о таких путешествиях, которые теперь полностью захватили В. Цареградского. Родство жизненных устремлений, прямота характера, доверительное общение с людьми, готовность нести тяготы и лишения, связанные с пребыванием в необжитых человеком полевых условиях, и объединило эти сильные личности. На всю их совместную, такую непростую жизнь.

Оба любили литературу. Писали стихи.

* * *

Наконец все приготовления закончены. В условиях постоянного опасения, что можно опоздать к отходу парохода из Владивостока в бухту Нагаева отъезд всё же приходится временно отложить. Оказалось, что взрывчатые вещества из Ленинграда везти невозможно, их надо получать во Владивостоке. Необходимо там же заключить договор со взрывником. На всё это ушло ещё два дня.

16 мая 1930 года основная группа отправилась наконец во Владивосток. Бодрый стук колёс, как метроном, начал методично отсчитывать крохотные отрезки дороги до заветного пункта назначения.

Казалось бы, всё шло нормально. Но мысли о предстоящей работе там, на Колыме, неотвязно беспокоили молодого начальника экспедиции... Ему были доверены судьбы почти семидесяти рабочих, более десяти специалистов. Он отвечал за них. И отвечал за результаты экспедиции.

...Между тем многие члены экспедиции были мало или совсем не знакомы друг с другом. Неясно, кому можно довериться, до какой степени, тем более в глухих районах. Кому с кем будет комфортнее работать?

Психологическая и бытовая совместимость... Как с этим? Требуется знания и опыт — куда большие, чем у подчинённых... Держись, геолог!..

Разруха, нанесённая гражданской войной, последствия экономической блокады Советского Союза, предстоящая индустриализация требовали огромных затрат. И в этих условиях были выделены значительные средства на экспедицию (2 млн рублей).

Было о чём думать и волноваться 28-летнему геологу.

От него, молодого руководителя, требовались решительные действия. И результативные! Некоторая общая размагниченность в начале пути, обусловленная усталостью от спешной подготовки, к концу пути сменилась нетерпением, желанием скорее добраться до пункта назначения. Начать новый этап. Сутки тянулись теперь медленнее, поезд, казалось, неоправданно задерживался...

Хотелось действовать.

Тем более изучение и освоение края пошло полным ходом. Намечались грандиозные маршруты! Нужны были дороги. К 1930 году на Северо-Восток была направлена дорожная экспедиция для проведения изысканий.

Было куда торопиться молодым сердцам.

Владивосток

Понятны чувства геологов, когда после девятисуточного пребывания в замкнутом пространстве вагона они оказались во Владивостоке.

«...По-своему красивый портовый город, раскинувшийся на склонах гор, со стекающими к морю улицами, с трясущимися по каменным мостовым извозчиками, встречными потоками снующего делового и праздного люда, разноязычного и пёстро одетого — русские, китайцы, корейцы, японцы...» — таким увидел город В. Цареградский.

А вот каким в тот яркий солнечный день, когда пароход прибыл в порт, предстал Владивосток перед Ма (так называл свою вторую жену Марию Яковлевну Цареградский):

*Вьются лентой улицы по склонам
Каменных фундаментов кряжей.
Мачты шхун дрожат живым поклоном
Пред железным строем кораблей.*

*Ряд подъёмных кранов словно замер.
Заглянувши в уличную зыбь,
Волны ловят синими глазами
Сплав из золота и бирюзы.*

*Чайки, словно в силе крыльев споря,
Полосуют неба голубой платок.
Это ты раскинулся у моря,
С гор скатившийся Владивосток.*

Строки — как отпечаток на граните.

Я прочитал стихотворение, и мне захотелось что-нибудь обнаружить ещё из написанного Марией Яковлевной. Наверняка же что-то ещё было?

Не придуманные за столом стихи, выхваченные из ткани окружающего, — как лоскут добротной материи.

...Неужто где-то банально пылятся рукописи в домашнем заброшенном архиве? Исчезнут они, не увидев свет? Всего лишь как свидетельства давно отлетевшей и мало кому известной жизни? А вдруг в них своя, в дополнение ко всему, жизнь? Свидетельство не только увиденного, но фиксации внутреннего мира, духа автора. Я всё, что мог, прочитал о Цареградских. О Марии Яковлевне сказано очень мало. И противоречиво. Для меня она осталась тайной...

Домашний цветок цикламен

Из воспоминаний Н.И. Серпуховой: «Валентин (Цареградский) во время Первой Колымской экспедиции встретился с «Ма» и сошёлся с ней. По возвращению в Ленинград с ним приехала и его новая «спутница», жила она на даче под Ленинградом у знако-

мых Валентина. Была вызвана телеграммой Мария Михайловна, мать Валентина из Никольского. Валентин жил у нас, но связь с «Ма» продолжалась. Отец мой в присутствии мамы и Марии Михайловны спросил у Валентина, что он намерен делать. Остаться с Катей и порвать с «Ма» или развестись с Катей и уйти от нас? Валентин ответил, что Катю ему жаль, но чувства его на стороне «Ма»... Катя лечилась, но занятий в Университете она не бросила. Работала в ботаническом саду, далее по окончании вуза работала химиком на заводе «Красный треугольник». Несмотря на разрыв с Валентином, у Кати сохранились наилучшие отношения с его семьёй. Каждое лето Катя ездила с детьми в Никольское. Младший брат Валентина, Шура, помогал Кате материально, пока она не стала получать от Валентина хорошие алименты».

Нина Ивановна ещё несколько раз в своих воспоминаниях говорит о сестре Кате: «У Кати в комнате стоял большой шкаф, в котором хранилось бельё. Не знаю, зачем Рина¹ полезла в него, встала на нижнюю полку, шкаф упал на неё. Дома из взрослых была я одна и на крик Рины прибежала в комнату Кати. До сих пор не знаю, как у меня хватило силы приподнять шкаф — видимо, со страху. Рина выползла из-под шкафа. У неё оказалась сломанной нога. Я не помню, как пришла Катя, где накладывали Рине гипс. В памяти сохранилось только, как я держала шкаф и Рина ползла из-под него. Знаю, что детей Кати лечил доктор Николай Владимирович Макаров и другой доктор Николай Васильевич Чернов — муж старшей сестры Сони, Марии Фёдоровны. Соня была замужем за нашим Володей Серпуховым. Надо сказать, что из семьи только одна Катя сохранила дружеские отношения с Соней и часто бывала у Володи. Он же часто подпадал под влияние семьи Сони и совсем отошёл от нашей семьи. Помню, по совету Сони Катя в благодарность за лечение Рины сделала доктору Чернову роскошный подарок — оправленный в серебро, с серебряной крышкой хрустальный кувшин для вина. Катя его купила в комиссионном магазине за очень дорогую цену. В семье Сони очень любили дорогие подарки. В 1929 г. на нашем курсе появился новый студент Коля Андриашев. Он был курсом старше нас, но заболел брюшным тифом и на год отстал от своего курса. Как вы знаете, Университет и Горный находятся на набережной

¹ Рина – дочь Цареградских.

Нивы. Я и Юра ездили в институт на трамвае. Студентов было много. Коля, попав на наш курс, стал у нас бригадиром. Тогда в институтах проводился «Дальтон-план». Дела решали студенты, зачёт сдавали бригадами, отвечал кто-нибудь один, а зачёт получали все. К концу 1929 года это безобразие кончилось, но бригада осталась. Наша бригада готовилась к экзаменам вместе. Мы часто собирались у нас. И здесь Коля увидел Катю. Он ещё не знал, что Катюша — моя сестра. Так начался роман Кати и Коли. Он стал бывать у Катюши. Они вместе ездили на каток и к Рине в больницу. Уже в Москве Рина, будучи взрослой, рассказывала мне, что, когда Коля приходил в больницу, она отворачивалась к стене и не разговаривала. Так продолжалось всю зиму. Весной, кажется, в начале марта, Катя и Коля поженились. По окончании института Коля как женатый был оставлен в Ленинграде и направлен работать в Геолком. Поехал начальником партии на р. Уду на Дальний Восток. Мой брат Владимир был консультантом всей группы партий, направленных в этот район. Осенью Катюша с нетерпением ждала возвращения Коли. Однажды она пришла встревоженная в мою комнату и сказала, что почему-то погиб цветок, цикламен, подаренный ей Колей в день свадьбы. Катя за этим цветком тщательно ухаживала. Я ей сказала: «Не расстраивайся, ты, верно, его залила. Коля скоро приедет и подарит тебе другой». Но Коля не вернулся. Его и его коллектора убили в тайге два уголовника, недавно вышедшие из тюрьмы. Как выяснилось позже, его убили из-за денег, которые он должен был получить на прииске, через который проходила партия. Денег для расчётов работников всей партии на этом прииске он не получал. И они зря его убили. Умер Коля не сразу, но говорить он не мог, так как дробь пробила ему нижнюю челюсть и повредила гортань. Официальное извещение о смерти Коли получил раньше всех Володя, не как родственник, а как консультант экспедиции. Очень расстроенный, Володя приехал к нам. Это было вечером. Я в это время работала в Ленгеологтресте, а Катя — химиком в лаборатории «Треугольник». Папа сказал, что сразу Кате говорить не следует: пусть она сначала поест. Извещение положили в шкатулку, которая стояла у мамы на туалете. Дверь Кате открыл Вася¹. Помню, как Катя вошла в комнату, обвела всех глазами

¹ Вася – муж Нины Ивановны.

и, не поздоровавшись с Володей, точно кто её толкнул, подошла к туалету, открыла шкатулку, вынула извещение, прочла его и молча села на пол. Володя поднял её и посадил на диван. Катя долго сидела молча, молчали и мы. Она долго не могла поверить, что Коля умер. Раскладывала пасьянсы и всегда выходило, что он в дороге. Она получила от него последнее письмо, где Коля писал, что кончил работу и едет домой! Всё надеялась, что произошла ошибка. Но недели через две Кате пришло письмо, довольно объёмистый конверт. Вскрыв его, Катя увидела несколько фото Коли в гробу. Фотографии посыпались на пол, у Кати хлынула кровь горлом. Вскоре после его смерти Катя вышла на пенсию по инвалидности 1 группы. Валентин Цареградский — отец Вероники и Ирины работал в Магадане и высылал большие алименты, материально Катя была обеспечена. Возвращаясь к жизни Кати. Последний её роман был с Костей Мотыльковым, школьным товарищем брата Юрия. Брак с ним Катя не оформляла, и Костя у нас не жил. У меня есть несколько фото Кости. Школьниками Юра, Лёня Тимохин и Костя как-то играли на лестнице дома, в котором жил Костя. Дом был 5-этажный. Не знаю, что у них была за игра, но Костя свалился в пролёт лестницы с 5-го этажа. Спасло его от смерти, что пролёт был узкий и, падая, он цеплялся за лестницу, что смягчило удар от падения. Юра и Лёня перепугались, побежали вниз, думая, что Костя разбился насмерть. Как же они обрадовались, когда увидели, что Костя идёт к ним навстречу. Не знаю, сильно ли ушибся Костя, но после этого он стал заикаться. Костя окончил Лесной институт и работал на автозаводе, в цехе, производящем деревянные части самолётов. Когда нам Костя рассказал о втором своём полёте, мы долго потешались над ним, уверяя его, что у него вошло в привычку падать с 5-го этажа, и что он являлся живым подтверждением слов семинариста из известного анекдота. Листы фанеры на заводе испытывали с высоты примерно вышки 5-тиэтажного дома. Костя умудрился свалиться с этой вышки. Спасло его то, что у него в руках был большой лист фанеры и он спланировал.

В самом начале войны завод, на котором работал Костя, эвакуировали на Урал. Катя с детьми была в то время на даче под Москвой со своими подругами Ноной и Таней. Они уже жили постоянно к этому времени в Москве и сняли ей дачу там же, где

отдыхали сами. Костя уехал из Ленинграда за несколько дней до возвращения Кати».

* * *

«Кажется, нигде в Советском Союзе нет города с таким красивым сочетанием бухты и гор, как во Владивостоке. Но приезжих из России он больше всего удивлял своим необычным населением, в значительной степени корейским и китайским. На улице иногда можно было видеть и хорошо одетых, солидно себя держащих японцев, сотрудников консульства, расположенного на одной из центральных улиц. Очень много было китайцев. Китайский базар, китайские бани, прачечные, парикмахерские, китайский театр, китайские джонки в бухте и китайские носильщики на вокзале, китайские фокусники на рынке. Город казался наполовину иностранным. Любопытное зрелище представлял собой китайский рынок. Он помещался вблизи центра, занимая громадное двухэтажное помещение, протянувшееся на целый квартал, с крытым проходом посередине, своего рода торговые ряды с множеством потайных комнат и коридорчиков, известных только хозяевам. Здесь скрывались запрещённые опиумокурильни и, вероятно, ещё многое из запрещённого». (Таким увидел город в те годы А. Зимкин — «У истоков Колымы».)

Владивосток!

Завидная удача — оказаться в таком уникальном городе! Ходить по нему, вглядываться в улочки, лица, слышать гомон разноязыкой толпы. Быть никому ненужным в нём, незамечаемым, неизвестным. И в то же время сознавать, отдавать себе отчёт в том, что на тебя возложено сверхсерьёзное дело государственной важности. И результаты этого дела могут быть значительны для всей страны.

Было время или нет у Цареградского на подобные размышления?

...Едва расположившись в номерах гостиницы «Версаль», геологи приступили к насущным хлопотам.

В Северофлоте предстояло утрясти вопросы по погрузке фуража и лошадей, которым на палубе парохода соорудили своеобразное стойло.

Надо побывать Цареградскому и Горанскому в бухте Океанской, чтобы убедиться, всё ли нормально с доставленными из Сибири лошадьми. От транспорта зависела судьба экспедиции.

Необходимо было достать в Картографическом управлении карты береговых кромок Охотского побережья, Тауйской губы, бухты Нагаева и др.

А ещё проследить за погрузкой взрывчатых материалов.

* * *

Забот в городе оказалось немало. Но и они преодолены. Седьмого июня 1930 года члены Второй Колымской геологической экспедиции на пароходе «Нэнси Мюллер» (опять это затрапезное судёнышко) направились из Владивостока в бухту Нагаева. После Нагаева предстояло совершить значительный переход до Оротукана и Среднекана. Но и до Нагаева надо было ещё добраться...

Двенадцать дней понадобилось пароходу, чтобы достичь западного побережья Тауйской губы.

В бухте Нагаева

Шла вторая половина июня, в бухте моросил нудный редкий дождь со снегом. Было прохладно и сумрачно. Выгрузившись, члены экспедиции большей частью разместились в палаточном городке, раскинутом на берегу. Организовали кухню, столовую. Конюхи с лошадьми отправились в долину Магаданки для отдыха и откорма лошадей. К тому же надо было заказать изготовление сёдел, которые не удалось приобрести ни в Ленинграде, ни в Сибири.

...Установились солнечные тёплые дни и... прозрачные белые ночи. Словно торопясь захватить в короткие летние дни как можно больше тепла и света, сочная зелень молодой листвы тополя, ивы, новой хвои стройных лиственниц окрашивала всё в зелёное. И рядом — цветущие на склонах гор, будто позванивающие колокольчики рододендрона, синева чистого высокого неба и спокойная гладь морской воды. Синее и зелёное! Вернее зелёное между синим, небесным и морским. Такими увидели

окрестности бухты Нагаева В. Цареградский с группой геологов, занимаясь изучением геологического строения окрестностей, пока шли всевозможные приготовления.

Вторая Колымская экспедиция на всех этапах подготовки её отличалась основательностью. Касалось ли это снаряжения, аренды лошадей для перевозки грузов, работы в партиях либо набора оленей для зимней перевозки грузов из бухты Нагаева к устью реки Оротукан и Среднекан, во всём чувствовались планомерность и опытность В. Цареградского, побывавшего в Первой Колымской экспедиции. Которая по сравнению с предстоящей теперь — как прыжок с парашютом. Но тем по-своему и завораживающей!

* * *

Много надо было сделать и на временной базе перед отъездом партий в устье Оротукана и на Среднекан. В первый день члены экспедиции разместились в полупрозрачных бязевых и парусиновых палатках.

Палатки, кухню, столовую наполняли мебелью, посудой. Возводился временный склад для необходимых экспедиции грузов. В долине реки Марчекан соорудили надёжную землянку для хранения взрывчатки, склад для боеприпасов, палатку для охраны.

Сосредоточенно создавался надёжный тыл готовившимся к отъезду партиям.

В ожидании, когда закончится отдых прибывших лошадей и время их откорма перед предстоящим дальним переходом и пока не были готовы вьючные сёдла, шла подготовка членов экспедиции во всех направлениях. В том числе в обучении геологов навыкам промывки проб из речных наносов и осадочного материала с помощью лотка. Это были своего рода практические занятия. В остававшуюся в лотке часть магнитного железняка намеренно подбрасывались дробинки. Надо было суметь не смыть зёрна магнетита и дробинки, оставить их в лотке. Это требовало скрупулёзности и усердия. Геологи осваивали искусство промывальщиков, что теперь было необходимо в первую очередь.

* * *

Наступило время обсуждения плана геолого-поисковых работ и распределения партий между начальниками.

Решили, что В. Цареградский займётся исследованием нижней половины долины реки Оротукан. Ведь участок полевых работ начальника экспедиции целесообразно выбрать поблизости от будущей основной базы экспедиции. Чтобы можно было быстрее до этого места добраться и организовать её строительство.

Новиков высказал желание исследовать верхнюю долину Оротукана. Д. Вознесенский выбрал левобережье Колымы.

Бассейн Оротукана и левые притоки Колымы, как тогда считал Цареградский, были наиболее перспективными в обнаружении россыпи золота.

Обе кандидатуры, Новикова и Вознесенского, начальник экспедиции считал удачными. Правобережье реки Малтан ниже устья Хеты предстояло обследовать Ф. Рабинович и Д. Каузову. Казанли получил назначение в астрономо-геодезическую партию, а Едовин — в Среднеканскую рудно-разведочную.

После распределения в каждую партию прорабов, промывальщиков и рабочих начались хлопоты с выдачей и получением продовольствия и снаряжения.

Настроение приподнятое. Все хотели оперативнее получить необходимое. Быть готовыми без промедления отправиться в места назначения.

Задачи у поисковиков были не только традиционно созерцательные: исследование местности, сбор некоторого объёма данных о геологическом строении участков с последующим во время камеральных работ заключением о результатах обнаруженного.

Цель экспедиции — на месте дать ответ: имеет или нет открытое ранее месторождение практическое значение, промышленную ценность? Для этого надо было провести значительный объём физических работ, связанных с расчисткой, разведкой участков с помощью горных выработок, канав, шурфов. Величину россыпей предстояло определять опробованием речных долин. Работа эта требует и искусства, и физической

подготовки. И физический труд, и романтика, и азарт, и молодое честолюбие! И жажда настоящего мужского дела! Всё здесь!

Понятно нетерпение начальников партий, получивших уже конкретные задания.

* * *

Было и другое... Выезд всё ещё откладывался из-за неприбытия лошадей, задержки изготовления вьючных сёдел, а также из-за отсутствия аренды оленей для зимней перевозки грузов из бухты Нагаева на Оротукан и Среднекан.

В. Цареградский вместе с верным своим помощником Степаном Дураковым выехал в Олу и окрестные посёлки. За три дня они успешно решили накопившиеся проблемы. Но их ждали новые заботы, теперь уже на временной базе, где томилось в ожидании отъезда значительное количество новичков — служащих и рабочих. В том числе и местных, и с Алдана. Народ молодой и, как оказалось, порой непредсказуемый...

Убийство на базе

Прибывший на смену дежурившему ночью охраннику Пожарову его сменщик Поедавших повёл себя необычно. Подойдя к Пожарову, он спросил, не было ли каких происшествий во время дежурства.

— Нет, не было, — ответил тот.

И тут Михаил Поедавших неожиданно, видимо, желая подозорить товарища, спросил:

— Что бы ты сделал, если бы к тебе бесшумно подошёл незнакомый человек?

— Окликнул бы, скомандовал: «Ложись!» Позвал бы второго дежурного, мы бы его обыскали, связали до утра, — ответил Александр.

— А если бы вместо того, чтобы лечь, он бросился на тебя, оглушил палкой или камнем? Ты бы ни прицелиться, ни выстрелить не успел?!

— Ещё как бы успел!

— А ну, защищайся!

И тут Поедавших, стараясь выбить веслом из рук дежурного винтовку, бросился на него.

Пожаров передёрнул затвор и, не прицеливаясь, нажал на спуск.

Нападавший, оседая, свалился замертво в траву. Оцепеневший от ужаса Пожаров ошеломлённо смотрел на только что шутившего друга...

Этот эпизод, взятый почти дословно из воспоминаний В. Цареградского, показывает, с каким контингентом рабочих приходилось общаться в условиях почти полной изоляции от внешнего мира.

Ждала на базе В. Цареградского и ещё одна беда.

Незанятость расслабляет и подрывает дисциплину, а отъезды партий к месту работы затягивались. В отсутствие В. Цареградского, который вместе со Степаном Дураковым был в Оле, заведующий административно-хозяйственной частью Василий Иванович Серков и счетовод Чайковский потребовали от кладовщика выдать им спирт. Напились сами, затем освободили всех рабочих от работ и организовали коллективную пьянку. Серков и Чайковский были направлены в экспедицию Инцветметом перед самым отъездом. Большинство рабочих нанято на Алдане. К ним ко всем ещё надо было присматриваться...

Серков и Чайковский, будучи смирными и добродушными в трезвом состоянии, оказались во хмелю буйными.

Работа на базе по их вине была дезорганизована на два дня.

Вернувшемуся из поездки в Олу В. Цареградскому пришлось принимать, как в таких случаях говорят, соответствующие меры.

О случившемся на базе стало известно партийному руководству объединения. Была проинформирована и администрация Инцветмета. Партбюро посчитало необходимым Серкова отстранить от занимаемой должности.

«Держись, геолог», — так и слышится голос певицы Ирины Бржевской. Правда в песенке о геологах пелось о палящем солнце и нещадном ветре...

Но и другой «романтики», как видим, хватало...

Начало полевых работ

Прошло чуть больше недели, и партии отправились на свои территории.

В ожидании установления зимнего пути на базе оставались Антонина Пудинг с химической лабораторией и подрывник Николай Клоков с женой и с грузом взрывчатых материалов.

В задачу оставшихся на временной базе небольшой группы хозяйственников и рабочих входило главное — подготовка грузов для перевозки их на оленьих нартах на основную базу — в устье Оротукана и на Среднекан.

В этот период Цареградский много времени проводит в окрестностях Олы, Гадлю, Сопчакан, на ближайших летних пастбищах, беспокоясь о наличии и готовности оленей.

Обычно эти переезды верхом на лошадях он совершал со Степаном Дураковым и женой Марией Яковлевной.

* * *

Поражают в который раз зоркость, наблюдательность Валентина Цареградского при этих поездках.

Он и палеонтолог, и геолог, и романтик, и неторопливый наблюдатель незнакомой жизни, любознательный путешественник, старающийся как можно больше узнать из жизни эвенков, якутов, камчадалов и других народностей, поражаясь их приспособленности к суровой жизни на Севере. Восхищается их честностью и гостеприимством, удивляясь при этом суеверию и дикости некоторых обычаев.

Так, он вспоминал о якуте-конюхе — переводчике ещё Первой Колымской экспедиции, Михаиле Седалищеве, который никогда не купался, и чьё далеко не каждодневное умывание состояло лишь из смачивания середины лица и глаз.

Не купался конюх в реке или озере оттого, что не умел плавать, как и многие аборигены. Как же местные рыбаки не боятся рыбачить на своих лодках на реке и в море? Лодка может перевернуться? Утонут же?

— Утонут, — соглашался спокойно Михаил. — Значит, хозяин моря или реки так хочет...

Как рационально и просто местное население устраивает хранилища для продуктов, одежды, боеприпасов и оружия. Оберегают они их только от россомахи и медведя. Для хранения строятся лабазы. На трёх столбах высотой около трёх метров, расположенных треугольником, сооружается настил из жердей. Он выступает на такую длину от опор, чтобы зверь, поднявшись по столбу, не мог дотянуться лапой до края настила и влезть наверх. Нехитрая, но замечательная конструкция, рождённая многовековым опытом.

А вот рассказ о том, какими В. Цареградский увидел эвенков в семейной обстановке. Я привожу его дословно, рискуя утомить читателя, но так хочется сохранить авторскую интонацию и подробности:

«Вечером мы с рабочим зашли в чум с намерением купить оленьего мяса. Посреди чума ярко горел костёр, дым струился в отверстие, оставленное в самом верху конусообразной крыши. Около очага на ветках, устилавших пол, сидели четверо мужчин эвенков и одна женщина с грудным ребёнком на руках. Над очагом висел котёл с варившимся мясом, а сбоку на углях стоял объёмистый бронзовый чайник.

Поздоровавшись с присутствующими, мы присели на свободное место и предложили хозяевам папиросы. Все эвенки, включая и хозяйку, степенно закурили. Зная их традицию не начинать сразу делового разговора, я спросил по-якутски (эвенского языка я тогда не знал):

— Как живёте, товарищи?

Старший из них довольно сносно ответил по-русски:

— Ничего живём. Охота хорошая. Промыслили лося. Рассказывай, кто ты, зачем приехал, чего промышляешь?

Я попытался как можно проще, доходчивее объяснить, что мы экспедиция, это слово они знали, приехали из Ленинграда, исследуем землю, ищем уголь, красивые камни, а также железо, золото. Составляем карту. Они закивали головами в знак того, что поняли, и почмокали губами.

Хозяйка отложила в сторону ребёнка, поднялась, поставила перед нами столик на очень низеньких ножках, на котором удобно есть, сидя на полу, и положила на его середину куски мяса из котла. Все эвенки быстро взяли по большому куску па-

рящего мяса и начали есть. Ели они своеобразно — захватывали край куска ртом и ловким движением ножа снизу (от подбородка) вверх отрезали его, и, почти не прожёвывая, торопливо проглатывали. Мы были поражены их сноровкой. Ни один из них не задевал ножом ни губ, ни кончика носа. Ели мясо без соли и хлеба. Опасаясь за целостность губ и носа, мы не рискнули следовать их примеру и начали есть, отрезая кусочки мяса на столе. Это вызвало добродушные улыбки и короткие реплики эвенков. Очевидно, для них был непривычен такой способ еды.

В это время рабочий поспешно вынул полбутылки разведённого спирта из кармана, попросил кружку и, налив немного, протянул мне. Я отказался. Он передал кружку и бутылку старшему эвенку и, показывая знаками, предложил ему разлить всем.

Старший долил в кружку, выпил и, глядя на бутылку и соизмеряя, чтобы хватило всем, стал наливать небольшими порциями и передавать кружку по кругу. Все неотрывно следили за бутылкой и за очередным пьющим. На долю женщины — ей протянули последней — осталась меньшая порция, но и её она всю не выпила, остаток осторожно, что-то тихо приговаривая, вылила в костёр.

— Хозяину чума дала, чтобы не сердился, не делал нам плохо, — объяснил старик, видя, с каким недоумением и интересом наблюдали мы эту сцену.

Я обратил внимание на чехлы, висевшие недалеко от входа.

— Что в них? — спросил я.

— Иконы. Давно дал поп, — пояснил старик. — Учил молиться. Велел: пусть всегда висят в чуме. Потом больше не приезжал. Мы положили их в мешки, боимся попортить, когда кочуем.

Между тем мясо было съедено. Тут же все достали из карманов трубки и, набив табаком, закурили. Один из молодых эвенков затяжно закашлялся.

— Грудь больной, кровь выходит. Совсем больной, — пояснил мне старик.

— Наверное, туберкулёз? — спросил я.

Старик согласно закивал головой».

Процент заболеваемости местного населения в некоторых районах был очень высок. И это неудивительно при жизни в чумах, при тесном общении, использовании порой вовсе немытой посуды, почти поголовном курении (от детей до стариков

и женщин), когда передавали трубку по кругу... Много было недоступно аборигенам. Многого просто не знали.

...Не знали местные жители и воровства. Если хозяин уходил или уезжал на время, то просто снаружи подпирал дверь палкой, давая знать: дома никого нет.

* * *

И в моей Утёвке многие жители поступали подобным образом. Так делала и моя мама. Замок был. Но обычно он висел сам по себе рядом на стене. А на скобу петлю набрасывали без него. Село жило довольно замкнутым, собственным миром. Так было до 60-х годов, пока не возник наплыв посторонних. В окрестностях развернулась нефтедобыча, стало намного больше автотехники, а потом начали приезжать неизвестные люди и на личном автотранспорте (появились автомобили Волжского автозавода). В селе, в его окрестностях, в лесу возник наплыв незнакомых людей, прохожих, проезжих — способных набедокурить и быстро исчезнуть. Раньше в лес ходили (именно ходили, редко ездили на лошадях) люди по необходимости: заготовка дров, сена... Встреча в лесу с односельчанином была не опасна, наоборот, доброжелательна.

...Теперь же, когда я приезжал из города, а родителей не было дома, на двери висел замок, правда ключ был тут же рядом на гвозде...

Потом мама стала класть его под половичок, потом — под тазик, лежавший рядом... Она всегда ждала меня...

...Пришло разбойное время 90-х. В сёлах начали грабить всё, что можно. Ночами вывозили имущество, скот со двора...

Родители мои не дожили до таких дней.

Не застали они и дни, когда я в городе поменял деревянную тощенькую входную дверь на железную, аж с двумя замками...

В мои далёкие детские годы, помню, на селе бытовала частушка, которую пели с гримасой на лице:

*Слава Богу, понемногу
Стал я разжигаться.
Продал дом, купил ворота —
Буду запираться.*

В наше теперешнее время эта припевка наполняется дополнительным и значительным содержанием.

Впрочем, теперь уж не поют на улицах. Ни песен, ни частушек...

* * *

Ещё во время Первой Колымской экспедиции был такой случай.

При перевозке грузов ослабли олени. Геологам пришлось оставить груз с продовольствием в тайге. Чтобы весной не подмок, его сложили на настил из брёвен, прикрыли сверху. И уехали.

Этим же маршрутом проезжал позднее местный оленевод-охотник, у которого закончились припасы. Он взял из импровизированного склада немного муки. Уезжая, затесал дерево, сделав расщеп, вставил щепу в виде указателя-стрелки в сторону своей юрты.

Прошло некоторое время, к геологам в барак пришёл эвенк узнать, почему никто не пришёл к нему в чум по указанному им знаку. Он, желая рассчитаться, теперь приехал сам. Но так как у него муки нет, привёз взамен оленьё мясо и рыбу.

Пачколин и находка Дзевановского

Достаточно длительное пребывание В. Цареградского на временной базе в Нагаево сблизило его с Александром Михайловичем Пачколиным — бывшим заведующим факторией АКО (акционерное камчатское общество). Жил А.М. Пачколин вместе с женой и двумя детьми в соседнем домике культбазы. Юрист по образованию, он прибыл в Нагаево из Владивостока, где совсем ещё недавно работал в должности прокурора. Вскоре по приезду в Нагаева он был избран секретарём объединённой партийной организации (культбазы, АКО, конторы «Союззолото»). Это он настоял, чтобы Цареградский остался на временной базе. С неё управлял и занимался организацией всех дел, связанных с работой геологических партий.

При общении Пачколин оказался человеком, живо интересующимся конкретным делом, выдержанным и собранным.

Здесь у Цареградских за чашкой чая они часто обсуждали общие дела. Так было и в тот вечер, накануне которого пришло первое долгожданное сообщение.

В Нагаево вернулся конный транспорт, с которым прибыл заболевший коллектор Юрий Дзевановский. Он привёз письма от начальников партий С.В. Новикова и Ф.К. Рабинович.

Рабинович сообщала, что результаты работ в долине Хаты и в долине Малтана — отрицательные. Зато во второй части письма Фаина Рабинович докладывала, что отрезок нового пути из бухты Нагаева по долинам рек Дукчи, Уптара, Хасыны в верховья Олы и далее в долину Малтана достаточно легко проходим, есть неплохие выпасы для лошадей.

Выходило, что можно было добираться до приисковых районов Колымы сразу из бухты Нагаево, если же его сделать морским портом, то открывался путь короче на 60-70 километров. Это было важно, в «Союззолото» давно обсуждался вопрос о срочном поиске вариантов строительства дороги, хотя бы временки-зимника для подвозки грузов на лошадях. Доставка грузов летом на вьючных лошадях, зимой — на оленьих нартах тормозила развитие золотодобычи. Необходимы были конные перевозки на санях. Эта дорога могла быть намного выгодней, если портом для морских перевозок будет не Тауйская коса, что около Олы, а бухта Нагаева.

Эту мысль В. Цареградский озвучивал уже давно. Теперь он ещё больше утвердился в правильности своих выводов.

* * *

Юрий Дзевановский вернулся на базу не только с письмами от Ф. Рабинович и С. Новикова.

Он вручил В. Цареградскому образцы чёрных глинистых сланцев, обнаруженных на косе реки Хасын. Они могли быть свидетельством месторождения угля.

Когда Цареградский рассказал об этом А.М. Пачколину, тот заинтересовался находками, осознавая, какое огромное значение имело бы обнаружение угля и сейчас, и при строительстве бухты в Нагаево. И для населения, и для судоходства.

Секретарь объединённой парторганизации А.М. Пачколин по сути надолго лишил В. Цареградского личного участия в по-

исковых работах на Оротукане, оставив его на базе. Причины, конечно, были серьёзные: убийство, хотя и неумышленное, охранника, двухдневная пьянка рабочих. Оба случая произошли в отсутствии на базе В. Цареградского, но всё же...

Мне казались принятые меры к В. Цареградскому неоправданно жёсткими, перестраховкой партийного чиновника...

Но после находки Дзевановского Пачколин раскрылся по-иному.

Цареградский намеревался сообщить в Центр о находке, просить, чтобы на реку Хасын направили геологическую экспедицию специалистов-угольщиков. Но на рассмотрение этого вопроса, принятие решения, выделение Ленинградом средств, формирование экспедиции, приезд её потребовалось бы два-три года. А уголь нужен сегодня!

Кроме того, геологи разъехались и вернутся только зимой.

Пачколин оказался неожиданно инициативным. Он предложил В. Цареградскому своими силами организовать поиск каменного угля до отъезда на Колыму, убеждая, что, если удастся найти уголь, это будет столь же важно, как открытие других полезных ископаемых. Взятся обеспечить поиски угля снаряжением и довольствием на месте, без запроса Москвы и Ленинграда.

Вечером того же дня А.М. Пачколин заявил, что персонально чете Цареградских даёт в дорогу двухместную палатку.

Вот это секретарь! Сказывались либо годы работы заведующим факторией, постоянные проблемы с отоплением, либо человек был такой...

К реке Хасын

На поиск угля к реке Хасын 19 сентября 1930 года отправилась группа из пяти человек: В. Цареградский, его жена Мария Яковлевна, Ю. Дзевановский и двое рабочих. Предполагалось пробыть в походе 2-3 недели.

На базе за начальника остался Л. Горанский.

* * *

Цепочка из пятерых поисковиков и семи лошадей (две вьючные и пять верховых) выглядела довольно необычно. На всех

были кожаные либо брезентовые куртки, телогрейки. На головах рыбацкие широкополые шляпы-зюйдвестки. И у каждого — предмет особой гордости поисковиков — резиновые до пояса сапоги. А. Пачколин своё обещание помочь со снаряжением держал основательно.

...Отряд, впереди которого ехал верхом В. Цареградский, всматриваясь в выходы горных пород, двигался к месту назначения. Туда, где на небольшой, покрытой низкой травой и опавшей хвоей, окружённой толстыми лиственницами площадке Дзевановский обнаружил образцы чёрных сланцев.

Часто соскакивали на землю, чтобы отбить геологическим молотком образцы. Упаковывали и регистрировали их.

Следом за Дзевановским двигался на лошади пожилой рабочий. К седлу его лошади была подвязана первая вьючная лошадь. К седлу этой лошади — вторая вьючная и так далее. В конце цепочки ехал молодой рабочий Н. Рябов. Таков был порядок движения.

Обязанности по организации стоянки, ночёвки были распределены заранее. И все старались их придерживаться.

Взяли с собой продукты, палатки, спальные принадлежности, печки для отопления палаток...

Разнуздывали и развьючивали лошадей, не снимая сёдел.

...В первые дни, увы, ни каменного угля, ни углистых аргиллитов обнаружено не было. Ни золотинок, ни других крупинок тяжёлых минералов в пробах тоже не было. Усердные поиски Цареградского, его жены и Дзевановского, уходивших со стана утром и возвращавшихся только к вечеру, не давали результатов. После составления карт местности, тщательного изучения её, фотографирования, зарисовок, отнимавших много времени, возвращались они с увесистым грузом образцов горных пород. Обследование 10-12-километрового участка долины реки дало отрицательный результат.

Шёл третий день поисков... Неудача омрачала настроение.

Было ясно, что необходима более основательная разведка, другими силами и другими методами. Их маломощная группа не могла вести большой объём расчисток. Не могла вести бурение...

Однако, чтобы быть уверенными в том, что сделано всё возможное в данной обстановке, решено было продолжить поиски ниже по долине реки Хасын...

Возвращаться в бухту Нагаева решили не прежним маршрутом, а спустившись вниз по реке, продолжая обследование долин и склонов. Это требовало ещё два-три дня, но зато будет изучен новый район.

И оставшийся путь можно одолеть быстро, так как в посёлок Армань в устье реки заходит катер культбазы к рыбакам за рыбой и икрой.

В день перед отправкой в обратный путь случилось неожиданное. На обширной пойменной террасе, с пышной ещё зеленью, одна из лошадей оказалась мёртвой. Ни следа зверя, ни повреждений на теле не обнаружили. Если причиной явилось заражение сибирской язвой, тогда похожая участь ждёт и остальных! Опасность может быть и для членов экспедиции.

Встревоженная непонятной причиной гибели лошади и удручённая неудачным поиском угля, группа Цареградского отправилась в обратный путь.

Стояла тихая и ясная погода. Воздух прозрачен, как это бывает в пору бабьего лета в нашем светоносном Поволжье.

Радоваться бы замечательной поре, отмечая с лёгкой грустью её быстротечность и неизбежность наступающего ненастья, но...

Но не было главного. Не был найден уголь! К тому же долина реки расширилась, скрывая за залесёнными островами и террасой русло реки.

«Издали обнаружить, если они и есть, выходы горных пород вряд ли возможно», — думалось В. Цареградскому.

Долгожданная удача

Детское, незамутнённое восприятие мира и пронизательный пытливый взгляд учёного — не в этом ли уникальном соединении залог замечательных открытий и находок Цареградского?

Если Ю. Билибина друзья и коллеги называли «Золотым Моцартом», то В. Цареградского с его внешней сдержанностью, некоторой отстранённостью, безусловно, скрывающими натуру

богатую, разностороннюю, тонко чувствующую звуки, краски и запахи окружающей жизненной стихии, можно назвать С. Аксаковым в геологии. Об этом я уже говорил ранее. В который раз читаю его сдержанные воспоминания о том дне, когда было открыто промышленного значения месторождение угля:

«Поднялось и начало пригревать солнце. Неожиданно в синеве неба я увидел высоко и плавно парящего беркута. В пронизывающих лучах солнца крылья птицы становились золотисто-коричневыми. Его внезапное появление на фоне пустынного неба было столь неожиданным и так поразило меня, что я остановил лошадь и некоторое время следил за его парением. Широко распахнутые крылья его были почти неподвижны и лишь слегка кренились при поворотах внутри плавного круга. Он то взмывал ввысь, подхваченный восходящим потоком воздуха, то опускался к вершинам деревьев, высматривая на полянах добычу. Полёт был необычайно красивым, лёгким, и потому, как в детстве, невольно возникала зависть: «А почему мы не умеем летать? Как легко и быстро можно было бы сейчас облететь все окрестности, высмотреть все обнажения горных пород, опуститься, где нужно, обследовать и спокойно вернуться в бухту Нагаева».

По аналогии возникли мысли о фотосъёмке с высоты. Я давно уже мечтал об использовании для этой цели небольших воздушных шаров. На них можно было бы поднимать на определённую высоту уравновешенный, направленный строго по вертикали один или несколько фотоаппаратов с часовым механизмом. Этот способ отлично мог служить для уточнения и детализации глазомерной съёмки, особенно если на земле оставить заметные с высоты знаки: палатку или квадраты брезента на промеренных лентой расстояниях. Это позволило бы потом определить масштаб. На фотографии были бы отражены изгибы рек, ручьёв, впадающих в них, холмы, склоны долин, выходы на поверхность горных пород и многие другие детали, которые невозможно отразить при помощи одной глазомерной съёмки. А нам так необходима была детальная карта. Однако даже такая примитивная аэрофотосъёмка в то время оставалась неосуществимой мечтой...

...Дробный топот копыт догонявшего каравана вернул меня к действительности. Надо было спешить. Пока ещё стояли пого-

жие дни, необходимо было добраться до побережья Охотского моря как можно скорее.

С присущим геологам, географам, изыскателям дорог обострённым вниманием я продолжал наблюдать за малейшими изменениями местности... Сквозь прогалину между деревьями я сначала машинально зарегистрировал резкое изменение противоположного обрывистого берега. Всмотревшись, обратил внимание на его полосчатую окраску, а через бинокль уже отчётливо увидел, что относительно светлая рыжеватая стена обрыва пересекается параллельными чёрно-серыми полосами. Было ясно, что это обнажение слоистой толщи, сложенной либо осадочными, либо вулканическими породами. Но если это осадочные отложения, то чёрные слои могут быть и каменноугольными...

Как у охотника, внезапно увидевшего долгожданную дичь, у меня на миг замерло, а потом часто-часто забилось сердце в предчувствии удачи. Я оглянулся. Наш караван быстро приближался. Сделав знак Дзевановскому, чтобы следовал за мной, я спустился в пойму, пересёк реку и, поторапливая Сокола, подъехал к обрыву. Сомнений больше не оставалось. Обрыв слагался осадочной угленосной толщей. Чёрные, матовые и глянцево-блестящие полосы были пластами угля. Это подтверждали и обломки в осыпях у подножия обрыва. Спрыгнув с коня и торопливо разбив молотком несколько крупных камней, я положил куски в карман. Затем перешёл по мелкой узкой протоке на расположенный чуть ниже по течению остров. Место было удобным — ровная плотная полянка, рядом хорошее пастбище для лошадей с питательной травой — пыреем. Я подал знак подъехавшим товарищам, чтобы располагались здесь на стоянку.

Все недоумённо смотрели на меня, ожидая объяснения причины неожиданной остановки. Я осторожно вынул из кармана куски угля и торжественно сказал:

— Обнаружена угленосная толща!

...Вначале мы лазили по крутому обрыву торопливо, забыв об опасности, охваченные нетерпеливым желанием быстрее составить общее впечатление и дать месторождению предварительную оценку. Пласты угля по большей части матово-чёрные, плотные и, очевидно, многозольные, мощностью в несколько

десятков сантиметров, в отдельных местах достигали почти метровой толщины. Внутри пластов встречались тонкие, до 8-10 сантиметров, линзы и гнёзда лёгкого, очень блестящего чёрного угля, похожего на твёрдую смолу или чёрное стекло.

Когда несколько спал первый порыв, мы перешли к планомерному исследованию. Стали производить замеры, зарисовки, последовательное описание слоёв пород, слагающих этот обрывистый берег. Порой подобраться к нужному участку с обнажёнными слоями было очень трудно из-за крутизны или текучих осыпей щебёнки. Приходилось молотком или кайлом выбивать ямки — ступеньки, поддерживать и тащить друг друга. Бывало, что кто-то из нас срывался и скатывался вниз вместе с осыпью, но снова упорно карабкался вверх, стремясь не отстать от других. Ноги у всех были в ушибах, руки в ссадинах и порезах, но в азарте мы не замечали ни боли, ни усталости, ни времени.

Между тем проходил час за часом. Солнце склонялось к горизонту: дни были уже по-осеннему короткими. Дважды приходили из лагеря звать нас обедать, но мы не могли оторваться.

Только когда солнце скрылось за лесистыми горами и в долине сразу потемнело, мы нехотя и вместе с тем с радостным чувством облегчения разогнули спины. Ломило поясницу, ныли руки, ноги подкашивались. Постояв несколько минут и полюбовавшись закатом, занимавшим чуть не треть неба, и высветленной гладью широкой реки, мы медленно спустились с обрыва и побрели к стоянке. Хорошо, что она была совсем рядом».

В этот вечер по поводу открытия угленосной толщи у геологов на ужин был роскошный десерт. Они вскрыли две последние банки подаренного ещё Пачколиным абрикосового компота. Геологи заслужили это. В ту далёкую пору открытие месторождения угля значило для края много!

Организованная в 1931 году «Союззолотом» добыча угля Хасынского месторождения не менее десяти лет была потом одним из основных источников топлива для электростанции и котельных в Магадане и Нагаево.

Неожиданные потери

Удачи есть одно скверное свойство. Она не бывает постоянной. «Чтобы не погибнуть, нельзя сплеховать». Этот девиз характерен для всего периода и всех экспедиций на Колыме. Потому так ценен был приумножающийся на ходу опыт самих геологов и те навыки и умелость, которые присущи помощникам и проводникам золотоискателей.

Вживались в окружающую действительность не только люди. Доставленные издалека лошади приспособлялись как могли. Не обходилось без горестных потерь.

* * *

Высокий и статный тёмно-гнедой масти конь Сокол стал для В. Цареградского незаменимым помощником. Широко и легко на переходах шагал он рядом с хозяином. Привыкнув к нему, слушал малейшее движение поводьев. Стоял терпеливо рядом при остановках. Послушно двигался около, когда это было надо, с закинутыми на шею поводьями.

...В ту ночь В. Цареградский внезапно проснулся. Кто-то стоял рядом с палаткой и дёргал за растяжки. Подумав, что лошадь запуталась в верёвках, он вышел из палатки, намереваясь помочь ей освободиться. Тронув рукой в темноте лошадь, почувствовал, что она мелко дрожит и покачивается. Это был его верный Сокол. Вёл он себя более чем странно. Не отвечал на приветствие хозяина. Не поднимал опущенной головы.

Полагая, что Сокол сильно замёрз, хозяин быстро разворошил костёр и подбросил сухих веток. Сокол продолжал дрожать. При свете костра видно было, как из глаз его текут слёзы. Через мгновение он зашатался на неловко расставленных передних ногах и... не дождавшись помощи человека, повалился на бок около палатки.

* * *

После гибели Сокола в группе В. Цареградского, добирающейся до посёлка Армань, осталось пять лошадей. Все они перемещали большие вьюки с грузом, значительно увеличившимся за счёт найденных образцов пород.

...Вот наконец-то и посёлок. Состоявший не более чем из двух десятков домов, он оказался почти безлюдным.

Председатель поссовета, камчадал, встретил гостей, приветливо здороваясь. Выяснилось, что последний катер приходил, но ушёл накануне днём. До весны его не будет.

Расположились в школе...

Безлюдье в посёлке, как оказалось, было связано с тем, что все школьники и их родители на путине. Ушли ловить мальму на Армань.

Председатель советовал добираться до Нагаево по долине речки, которая впадает в Армань слева, недалеко от её устья. Там через перевал надо спуститься в долину Оксы и вновь через следующий перевал — уже в долину реки Магадан. По просьбе В. Цареградского он, как мог, нарисовал карандашом при тусклом пламени свечи схему предстоящего перехода. Надо было идти по слабо обозначенной конским следом тропе.

Лица присутствующих в полутьме выглядели особо понуро. Нелёгким оказался пройденный маршрут, и вновь неясность впереди.

А тут новая беда. Рабочие привели с выпаса вместо пяти только трёх лошадей: две оказались мёртвыми.

Как и на Хасыне — никаких видимых внешних причин.

Принёсшие эту весть рабочие, пожилой дядя Ваня и совсем молодой Николай, опустившись на пол, молчали. В распоряжении партии остались только три лошади.

...Николай произнёс то, о чём думал в тот момент каждый:
— Как же мы отсюда с грузом выберемся?

* * *

Они выбрались благополучно! По тропе, о которой рассказал председатель поссовета.

Дзевановский добрался пешком до бухты Нагаева и доложил о случившемся Горанскому...

Позже подтвердилось, что лошади отравились. В пойме реки их приманивала свежая зелень ядовитых куртинок хвоща.

Как оказалось, местные лошади это растение обходят стороной.

На оленях до Оротукана

... На временной базе в Нагаево закончились хлопоты по инвентаризации и упаковке имущества. Реки уже начали покрываться льдом. Но оленеводы терпеливо выжидали, когда он станет достаточно крепким.

* * *

Дня отъезда все ждали с нетерпением. Молодые геологи верили в свою удачу, в то, что их ждут новые открытия.

В страстной своей увлечённости делом они не щадили себя, более того, своей интеллигентностью, общей образованностью привлекали к себе людей, сплачивали их. Причём всё происходило самопроизвольно и органично.

В поздние вечерние или ночные часы, при свете керосиновой лампы либо оплывшей свечи, начальник экспедиции продолжает записывать свои дорожные наблюдения. Штудирует научную книгу Джона Джели, дающего новую трактовку развития земной коры, в отличие от гипотезы Канта-Лапласа. Цареградского интересовали глобальные закономерности развития земной коры, связь магматизма с тектоническими процессами и металлогении — с магматическими.

Для обоснования прогнозов на поиск и оценки запасов рудных месторождений знание этих закономерностей было очень важно. Эти вопросы только начали изучаться в учёном мире геологами, новые знания обещали дать свои результаты. Цареградский возил с собой литературу по геологии, геоморфологии, физической географии. Была постоянная необходимость в пополнении знаний.

...Нередко в бязевой палатке, обогреваемой сделанной самими геологами из кровельного железа печкой, звучали стихи. А сколько было спето песен!..

Ещё в бухте Нагаева, пока не разъехались партии, часто в беседах о литературе принимали участие Дмитрий Николаевич Казанли и Николай Владимирович Тупицын — сотрудник Культбазы.

Тупицын по образованию лингвист, окончил Иркутский институт внешних отношений. Казанли любил творчество Ильи

Эренбурга, часто цитировал отрывки из его книг. Читал Маяковского. Хохоча вслух, читал отрывки из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова.

Жена В. Цареградского Мария Яковлевна и Александр Михайлович Пачколин любили и знали классическую и современную литературу.

Мария Яковлевна читала и свои стихи.

Пытливость ума, страстную увлечённость, готовность прийти на помощь — эти качества в ней В. Цареградский ценил особо...

В пути

Наконец во второй декаде декабря было решено отправляться в путь. И тут В. Цареградский остаётся верным себе. Он решает одновременно несколько задач. Как геолог, как палеонтолог и как разработчик будущих трасс и направлений освоения края в будущем. Он постоянно искал более короткие пути передвижения, надёжные маршруты, пригодные для прокладки дорог и строительства опорных пунктов будущих исследований Колымы. В этом первом его помощником был проводник якут Макар Захарович Медов.

В. Цареградский намеревается двигаться не общим путём, по которому поедут с грузом рабочие, свернув со среднеканского зимника в верховье Оротукана, а по сплавым рекам Мартану, Бахапче и Колыме сразу к устью Оротукана. Цель и тактическая, и стратегическая: исследовать эти реки зимой и определить, где можно будет размещать в будущем базу для экспедиции в следующих сезонах, если на притоках Бахапчи будут обнаружены золотые месторождения.

В. Цареградский заботился о грядущих исследованиях. Это исходило из сути его характера, основательности, разумности, роднивших его во многом с Ю. Билибиным. Государственное, масштабное мышление и поведение в сочетании с конкретным, детальным проникновением в суть дела присуща была им обоим.

...Предстояло проложить первый зимний путь длиной около 500 километров по снежной целине, где на сотни вёрст отсутствовали какие-либо поселения. Где-то там, на левом берегу Ба-

хапчи, через 300-350 километров, была первая по ходу якутская хижина — единственное на всём пути жильё.

* * *

Чтобы олени постепенно втягивались в езду, первый день ехали недолго. Ещё засветло стали готовиться к ночёвке. Необходимо было заготовить шесты для палатки, площадку для её установки, набрать на всю ночь дров. Нехитрые операции, но они выполнялись на морозе и уже в наступающих сумерках.

Надо было застелить ветками лиственницы землю внутри палатки.

Дрова для костра заготавливались с вечера на всю ночь. Особые навыки требовались для растопки железной печки. Для этой цели использовались изготовленные из сухой палки «петушки». Палку застругивали своеобразным образом, оставляя на конце закрученные стружки. От этих «петушков» из сухих стружек дрова разгорались довольно быстро.

Раскалённая докрасна печка быстро прогревала пространство палатки.

...Кто-то доставал посуду, кто-то заполнял чайник и котелки снегом или льдом. В палатку вносят мешки с постелью, надо их прогреть к ночи.

Оленей выпрягают и отпускают на кормёжку ягелем, который животные добывают копытами из-под снега. Это одно из преимуществ оленей перед собаками, для которых надо возить с собой для корма запас рыбы.

...За ночь палатка выстывает так, что разница с температурой снаружи становится незначительной.

* * *

С каждым днём набираясь опыта преодоления маршрута на оленьих нартах, отряд уверенно приближался к Охотско-Колымскому водоразделу. Погода становилась ясной. За водоразделом морозы стали крепче, достигая пятидесяти пяти градусов. На таком морозе дыхание затруднено, сильно мёрзнет лицо. Дышать приходилось через натянутый на лицо шарф, шапку спускать на брови. Для глаз оставалась только узкая щель. Ресницы и брови от тепла выдыхаемого воздуха покрывались инеем,

шарф внутри сырел, а снаружи обледеневал, покрываясь жёсткой коркой. Облегчение в одном — приближающаяся очередная ночёвка.

Невольно вспоминаются современные снегоходы, вертолёты! Вот бы их тогда иметь в арсенале. Но пока были олени нарты и собачьи упряжки...

Описываю эти картины преодоления снежного безмолвия не своевольно. Они и подобные им эпизоды сохранены в письменных воспоминаниях В. Цареградского, других геологов.

* * *

Вскоре, увеличивая время переходов, отряд передвигается уже по 50-60 километров в день. Установился некий ритм движения. Несмотря на все превратности в пути, осознавая себя первопроходцами в краю, где мало населения, где порой собственная жизнь зависит во многом от личной находчивости, геологи испытывали удовлетворение. Радость и азарт от того, что они способны преодолевать то, что переносят вместе с ними обогащённые вековыми навыками и опытом аборигены.

...Миновав устье Малтана, за малым поворотом Бахапчи, где на солнце засверкала небольшая равнина перед порогом Два медведя, путники увидели слабую светло-синюю струйку дыма. Это была стоянка, хижина Дмитрия Амосова, о которой рассказывал Макар Медов. О ней знали и каюры.

Половина пути была пройдена!

После вкусной еды, чая и разговоров В. Цареградский, пригостившись у стола, по своему обыкновению, начал записывать дорожные наблюдения, затем читать Джона Джоли...

Утром в приподнятом настроении Цареградский, Дмитрий Амосов и Степан Дураков вышли на лыжах в окрестности. Продвинувшись по долине Большого Мандычана на несколько километров, осмотрели обнажения в крутом обрыве.

Затем вернулись в долину Бахапчи, где из толщи глинистых сланцев отобрали несколько образцов и направились к месту стоянки.

Из разговора с Дмитрием Амосовым В. Цареградскому стало известно, что напротив горы Обо, на левобережье Колымы, живут три семьи якутов. У них имеются в хозяйстве лошади и

олени. Рядом есть места выпаса для лошадей, выше в горах — корм для оленей. Здесь явно сложились условия для организации последующих развёрнутых геологических работ. Базу для будущей экспедиции можно было расположить в нижней части террасы Бахапчи. Заряжённый механизм наблюдения, анализа и принятия решений на сегодня и впрямь на будущее действовал отлаженно и постоянно. Цареградский будто чувствовал, что последующие годы его жизни, включая начало пятидесятых, будут самым тесным образом связаны с геологоразведочными работами, быстро приобретающими огромные масштабы, под руководством гигантского треста «Дальстрой». Что он счастливо попал в русло своей судьбы. Раз и навсегда.

Вторую половину этого дня Цареградский уделил также исследованию долины Бахапчи, верхней её части.

Вернулись они в хижину Амосова уже в сумерках. Заканчивался последний день 1930 года. Наступал новый, 1931-й.

До базы на небольшой пойменной террасе на берегу Оротукана, которую было поручено построить С.В. Новикову, оставалось около шести дней ходу.

Шесть дней пути, в котором до ломоты зябнут руки и ноги. С шумным шуршанием вырывается изо рта на морозе ниже пятидесяти градусов воздух.

...Безмолвие белой пустыни, монотонная песнь полозьев, щёлканье оленьих копыт и звон колокольчиков на оленьих шеях сопровождали геологов...

* * *

Небо затянуто туманным пологом. Мутный серый день. Дневное светило пропало и, кажется, безнадежно... Все звуки мертвы, кроме всё того же шуршанья полозьев нарт и поскрипывания оленьих копыт. И так, кажется, до бесконечности...

Ориентиры исчезли. И в белёсой пустыне олени движутся, будто в неизвестность...

...6 января 1931 года зимний переход счастливо закончился. Все, кто оставался на Оротуканской базе, сбежались встречать приехавших.

На Оротуканской базе

Первый этап работы Второй Колымской экспедиции завершился.

Первоначальное подведение итогов работы показало, что партией С.В. Новикова установлена золотоносность средней части долины реки Оротукуна и его притоков. Пробы порой содержали крупное, размером с фасоль, золото. Теперь здесь предстояла разведка россыпей шурфами.

Д.В. Вознесенский и Э.П. Бертин в устье реки Дебин получили неплохие пробы. В речках Бючаннах и Медвежья они оказались значительней.

На речке Бючаннах взятые пробы содержали крупное и богатое золото. Было очевидно, что продолжение золотоносности идёт на запад, на левый берег Колымы...

На недостроенной пока до конца базе по мере прибытия поисковых партий разворачивалась своя напряжённая жизнь. В ожидании транспорта и отъезда на разведочные участки В.А. Цареградский усиленно занимался изучением материалов геологических партий. Геологи с прорабами обрабатывали привезённые материалы, определяя первостепенной важности объекты для предстоящих зимних разведочных работ.

Дополнялись карты, изготавливались и описывались шлифы горных пород.

Рабочие достраивали здания конторы и столовой-клуба. На базу начал планомерно прибывать долгожданный транспорт с продовольствием и рабочими. Кроме централизованной доставки грузов, оленеводы привозили оленьё мясо, рукавицы, шапки.

Готовился надёжный тыл для обеспечения предстоящих поисковых работ.

Перед их началом важно было набраться сил. С учётом этого на базе установили постоянный шестидневный режим работы с 9 до 18 часов с часовым перерывом на обед. Воскресенье — выходной день. Отлаживался механизм функционирования базы.

...Конечно, всем хотелось быстрее узнать и удостовериться в масштабах уже открытых россыпей золота, чтобы как можно раньше передать их в эксплуатацию, разведать детально, бро-

сив для этого всех рабочих на один самый перспективный объект. Все понимали, что значительная часть поставленной задачи экспедицией выполнена. Её результаты успешны. Но, обсудив положение дел, всё же решили продолжить поисковые работы шире, чтобы, выявляя конкретные золотоносные реки, определить контуры и масштаб будущих перспективных направлений геолого-поисковых и разведочных работ.

План разведки россыпей золота в районах, близких к базе, был разработан.

Учитывая полученные результаты и наличие рабочих, которых можно было привлечь к шурфовке, в него были включены в основном работы в долине Бюченнах, на правом притоке Оротукана — Пятилетка и левом притоке — речке Разведчик. Малоэффективные участки, где работали партии Р.К. Рабинович, Ю.К. Дзевановского и Д.А. Каузова, решено было покинуть.

Члены экспедиции, кроме того, ясно отдавали себе отчёт в необходимости выполнить задания по геолого-поисковым работам на россыпи и руды золота.

Но выполнение геолого-поисковых работ, тем более в сжатые сроки, требовало знания геологического строения исследуемой территории. У них же в запасе были лишь знания разнородных дисциплин вузовского курса обучения и незначительный опыт полевых исследований. Отдельные геологические явления конспективно были изложены в то время в публикациях В.А. Обручева и В.Н. Вебера, но экспедиция развернула свои работы на неведомой до того территории, вдалеке от научных центров, в отсутствии возможности вовремя получить консультацию.

Надо было едва ли не с азав начинать изучать геологическое строение никем ещё не исследованного обширного края. Вести тщательный сбор образцов и проб для последующего анализа. Геологи много времени уделяли именно геологическим исследованиям.

Оттого-то каждый геолог вёз с собой по две-три научной книги.

Но не только необходимость заставляла допоздна просиживать за чтением специальной литературы.

Геология была их увлечением, схожим с одержимостью. Это увлечение, как вспоминал В. Цареградский, было осознанным, резко отличающимся от тех смутных картин, которые рисовались детским воображением после рассказов о своих странствиях старого сторожа Медвежонкова, от прочитанных книг и от того, что представлялось в годы студенчества!..

* * *

Удивительно целеустремлённый С.В. Новиков, принятый Билибиным в экспедицию по его горячему желанию стать геологом, первым обнаружил повсеместную золотоносность бассейна реки Оротукан. Но став геологом, он преуспел не только в поисковых работах. Уже одно то, что он с рабочими построил базу на Среднекане, значило многое для поисковых партий. А потом... потом они с Фаиной Рабинович поженились. И их семейный союз длился долго, и был счастливым.

* * *

Закончилась подготовка геологических партий к полевым работам. Наступила пора отправки. Майские дни 1931 года настоящей весны не принесли. Снег местами просел, посерел, но держался, покрывшись ледяной коркой, малопригодной для поездки на оленях.

Отложить отъезд — значит рисковать попасть в распутицу и надолго задержаться.

Было решено отправляться.

К десятому мая с базы отбыли все партии: сначала Каузова, Вознесенского, потом Цареградского, за ними — Рабинович и Новикова.

С астроном-геодезической партией выехал ещё в апреле Казанли. Добираться предстояло по долине Колымы до притока Конго, впадающего в неё выше устья Бахапчи.

...Попрощавшись с участниками партии Вознесенского, группа, возглавляемая В. Цареградским, свернула в узкую долину Конго. Партия Вознесенского продолжала путь вверх по Колыме...

Ручей Золотинка

Первые же пробы, проведённые вскоре после ледохода, едва спала вода, принесли удачу. Это случилось, когда Степан Дураков и Валентин Цареградский взяли пробу из русла на изгибе ручья и в закопущках на низкой пойменной трассе. Этот безымянный ручей, берущий начало на северо-западе массива, стремится к руслу Малого Мандычана. В месте крутого изгиба на север промывальщик и взял пробу. Оказалось, что в крутом изгибе, в образовавшейся пойменной терраске наносы и содержат хорошее золото.

Находка оказалась очень удачной и важной.

Золотники, величиной превосходящие в два-три раза зёрна гречихи, имели необычный характер. В отличие от окатанной формы, они были кристаллическими, со свежим ярко-золотистым цветом, характерным для высокой пробыности. Но главное — стало очевидно, что коренной источник металла недалеко, размывание его произошло по геологическим меркам относительно недавно. Эта находка позволяла предполагать наличие других золотоносных участков и распространение их в юго-западном направлении, где находилась партия Вознесенского, что потом подтвердилось.

Накануне, добираясь с базы на место стоянки партии, геологи крепко рисковали. Им пришлось преодолевать более чем стометровой ширины наледь, отделяющую путников от правого берега Колымы. объехать разлившуюся воду было невозможно из-за высоких берегов и торосов на реке.

Переправа по такой наледи грозила гибелью, ибо она могла быть многослойной — весь обоз с людьми рисковал провалиться. Если образовались промоины — и того хуже — утонуть. Каюр эвенк знал место, где летом якуты и эвены переправляют лошадей вброд по подводной узкой косе, идущей под углом с одного берега на другой. Он предложил на эту косу попробовать попасть. Ничего себе — задача!.. Эвенк сбросил с себя дошку, разулся. Скомандовал всем сесть на нарты. Сам, шагнув в воду, потянул за собой упирающихся оленей.

...Пришёл момент, когда настил на нартах полностью покрылся водой. Пассажиры, чтобы не свалиться с нарт, вынужде-

ны были балансировать, стоя на широко расставленных ногах. Наконец-то вот он, берег! Попали!

Каюру после такой переправы растёрли спиртом ноги, заставили выпить полкружки разбавленного спирта и дали возможность проспаться, закутав в тёплые одежды...

* * *

Это было всего несколько дней назад. А сегодня на безымянном ручье взяты богатые пробы!

Степан Степанович предложил ручей, на котором было сделано удачное открытие, назвать Золотинкой. Очевидно, из желания добавить окружающей природе, скупой на краски, больше тепла и света.

Так и сделали.

Удивительный край!

Каждый мог здесь сделать открытие. И дать имя обнаруженной речке, долине, перевалу...

Совсем небольшой эпизод из жизни В.А. Цареградского: ещё в период Первой Колымской экспедиции на реке Талая он впервые взял на лабораторный анализ пробы вод и газа. Вместе с Д. Казанли они впервые обозначили географические координаты источника. Некоторое время В.А. Цареградский ежедневно принимал минеральные ванны. Определил дебит выходов. Здесь в 1940 году был открыт потом санаторий «Горячие ключи». А позже — курорт «Талая».¹

* * *

...У сурового края изменчивый характер.

«...Брезентовые плащи и куртки не спасают от промокания. Вскоре холодные струйки начинают стекать по спине. Намокшие полы плащей путаются под ногами, цепляются за кустарники, мешая шагу. Мокрые рубашки прилипают к телу, брюки липнут к коленям, по ним стекает и накапливается в обуви вода. Пальцы рук зябнут, неуверенно держат карандаш. Записывать наблюдаемое в книжку, вести глазомерную съёмку становится трудно.

¹ К изучению открытия Цареградским источников на р. Талая подключился профессор, д.м.н. Воробьёв. Стали известны некоторые эпизоды из воспоминаний участников Первой экспедиции 1928 г.

Взгляд теряет остроту, среди намокших потемневших обломков горных пород в осыпях можно пропустить важные детали.

Вот почему по добровольно установленному порядку в короткий летний сезон все ясные дни становятся рабочими, а выходные переносятся на дождливую погоду, непригодную для геолого-поисковых работ». (В.А. Цареградский).

Непригодные для геолого-поисковых работ дни приходилось терпеливо пережить. Непогода утомляла, но зато порой такие природа дарит денёчки... Как награду...

«...Наконец в разрывах посветлевших туч засияла голубизна ясного неба, на востоке, как через зашторенное окно, просвечивало солнце, готовое вот-вот брызнуть лучами и растопить остатки снега. Воздух благоухал пряным настоем разнолистной зелени, разогретой коры деревьев и оттаивающей земли. Распахнув широко полотнища палаток, мы высыпали на простор, любясь преобразившейся природой.

Азартно щебетали и пели свои нехитрые песенки синицы и прилетевшие с юга зяблики. Рьяно токовали на полянах петушки куропаток, успевшие сменить свой снежно-белый зимний наряд на серо-коричневый, в мелких крапинках, соответствующий окраске горных склонов. На косах и островах Бахапчи оживлённо посвистывали кулички. Утки почти исчезли: пролётные улети на север, местные уже гнездились и, прячась в зарослях, высиживали утят.

Теперь солнце всходило всё раньше и всё позже, и медленнее опускалось к горизонту. Наступили белые ночи...» (В.А. Цареградский).

Письмо Евгения

... Пришло письмо от Евгения. Странно, мы часто думаем об одном и том же. Но он, нетерпеливее меня, опережает.

Пишет:

«...Читал воспоминания В. Цареградского о Второй Колымской экспедиции и наслаждался. Знаете, одно дело: читать писателя и видеть, что всё здорово написано, крепко завязано, но догадываться, что это всё придумано. И другое: брать в руки книгу человека, который участник этих событий, сам оказал

влияние на них, многим пожертвовал ради конкретного дела. А потом взял и написал об этом! И если человек правдивый и основательный, тогда этому цены нет!

Цареградский — человек конкретного дела, за письменным столом он ценит суть, подробности, сопровождающие любое событие, случай...

Как он чувствует природу! И часто, что-либо наблюдая на Колыме, невольно сравнивает это с нашим Поволжьем. Это мне близко, я родился и до пятнадцати лет рос под Саратовом. Мои деды были самарскими купцами. Раньше я об этом молчал, вы расшевелили меня. На улице Куйбышева в теперешней Самаре, недалеко от площади Революции есть дом, принадлежавший когда-то одному из моих дедов. Постаревший, но крепкий ещё, зажатый с обеих сторон более поздними застройками. Приеду, покажу Вам...»

Далее рассуждает:

«...Чаще всего В. Цареградский пишет, как бы это сказать, протокольно, дозированно. Это у него не только в описании природы, где он не желает до конца раскрываться, не хочет показаться сентиментальным. И в диалогах порой он не договаривает... Знает силу молчания...

Взять хотя бы эпизод, связанный с приездом Юрия Билибина на два дня на Оротуканскую базу во время уже окончания Второй Колымской экспедиции в 1931 году и подготовки к возвращению в Нагаево.

В. Цареградский отмечает, что состояние Ю. Билибина резко отличалось от того, каким его привыкли видеть. Проскальзывала в его поведении тень беспокойства и озабоченности.

И эта фраза, сказанная на прощанье В. Цареградскому Ю. Билибиным, когда он со своей группой отплывал на баркасе на Среднекан: «Приезжай поскорее обратно к нам».

Его беспокоило золото Среднекана. Вернее подтверждение собственного прогноза. И, конечно, удручала неразбериха в снабжении продовольствием, кадровая чехарда. Некомпетентность на всех уровнях могла испортить дело.

Ему нужны были такие помощники, как Цареградский. Его опасение скоро подтвердится, когда наступит драматическая развязка».

Я отложил в сторону письмо.

Кольнуло: «драматическая развязка»... Евгению кажется, что ошибка Билибина и Цареградского в оценке наличия рудного золота, которую они допустили после 1-й своей экспедиции, послужила главной причиной последующих за этим бед в жизни Ю. Билибина...

...Поймал себя на том, что невольно сравниваю Евгения с В. Цареградским. Они похожи. Даже в какой-то мере внешне. Бывает же такое... Раньше не замечал... И по годам они сверстники...

Время отъезда

Осень подходила к концу.

В бухту Нагаева Вознесенский, Каузов, Новиков и другие участники экспедиции выехали вовремя.

Цареградский, Горанский и счетовод Чайковский должны были сдать имущество базы представителю ГГРУ¹ и отправиться вслед за ними. Вот тут-то и началась странная сумятица.

Сотрудник ГГРУ, прихватив их лошадей, которые были предназначены для переезда, отправился не к ним на базу, а с грузом продовольствия на Среднекан.

Наступал сезон бездорожья, геологи рисковали опоздать в Нагаево к отправлению последнего парохода.

С охотником-эвеном удалось послать в Нагаево одного из подсобных рабочих, чтобы тот попытался организовать транспорт. Они намеревались расплатиться за это остатками продовольствия.

Этот рабочий вернулся с двумя упряжками собак. От него стало известно, что заведующий базой ГГРУ К.М. Шура выехал в Усть-Среднекан. Вскоре другой рабочий привёз записку от Шура, в которой В. Цареградского срочно вызывали в Усть-Среднекан, где располагалась основная база ГГРУ.

Рушился напрочь не только установившийся планомерный порядок организации экспедиции, но и сам отъезд из Нагаева во Владивосток, а затем в Ленинград ставился под сомнение.

Надо было менять план. В. Цареградский распорядился, чтобы геологи ехали в Ленинград, поручив обработку материала и

¹ ГГРУ – Главное геолого-разведочное управление.

общее руководство до своего возвращения Дмитрию Вознесенскому. Сам же с Марией Яковлевной, взяв нарту, запряжённую собаками, без каюра отправился в Усть-Среднекан.

* * *

Совершив марш-бросок за двое с небольшим суток по заснеженной пустыне, на базе ГГРУ они обнаружили неуправляемую ситуацию. Здесь всё шло самотёком. Многое объяснялось неопределённостью. Стало известно, что все организации на Колыме переходят в полное подчинение вновь организованному тресту «Дальстрой». Совсем недавно прибывшие сотрудники ГГРУ треста ещё не успели организовать ни обустройство базы, ни работу его коллектива. Продовольствие было на исходе. Бездорожье грозило голодом. Ю. Билибин часто отлучался с базы в ГРБ приискового управления «Союззолото», целиком занимаясь своими прямыми обязанностями технического руководителя ГГРУ.

В подчинении начальника ГГРУ Карла Шура не было опытного хозяйственника. Сам он был бессилён наладить работу управления.

Вскоре от недоедания появились истощённые, больные цингой.

Заболел цингой и В. Цареградский.

У многих от цинги сильно сдавали нервы. Шелушилась сухая кожа, распухали дёсны, шатались зубы. Трудно становилось жевать пищу, разговаривать. Неприятно пахло изо рта. Отекали конечности, походка становилась старческой.

...В. Цареградский устоял против болезни.

В бухту Нагаева Цареградские выехали только во второй половине 1932 года.

Верхне-Колымская экспедиция

Пройдёт совсем немного времени, и В. Цареградский возглавит Верхне-Колымскую (на Зырянку) экспедицию, начавшую свою работу весной 1933 года и закончившую — в 1935-м. Задачей экспедиции было проведение геолого-поисковых, астрономо-геодезических и топографических работ с целью вы-

явления коренных и россыпных месторождений золота, платины, олова, мышьяка, свинца, каменного угля. Особое значение имело составление топографической карты района, сводных геологической, поисковых карт.

Экспедиция должна была проверить полученные сведения о существовании месторождений золота, якобы открытых Поповым.

В это время старый приисковый район, наращивая золотоносные площади, интенсивно развивался. Партия С.В. Новикова, как мы уже знаем, в 1931 году открыла значительные россыпи золота в притоках реки Оротукан. Ф.К. Рабинович обнаружила золотоносность бассейна Гербы. Это месторождение оказалось тоже промышленным. Партия Д.В. Вознесенского открыла месторождение россыпного золота и оловянного камня в бассейне реки Тенька.

В.А. Цареградский обнаружил золотоносные месторождения на левых притоках Бахапчи.

Верхне-Колымская экспедиция была организована уже «Дальстроем».

Получив в свои руки солидную базу для разведочных и эксплуатационных работ на россыпное золото, только что созданный трест «Дальстрой» не в состоянии пока был реально оценить открывшиеся возможности. Его руководство, кроме того, не до конца верило прогнозам Билибина. И проверяло любые слухи. Оно не прочь было погоняться за призраками. А тут подвернулись под руки письма Попова. Об этих письмах Ю. Билибин знал от горных смотрителей, работавших на Среднекане ещё в 1929 году.

Среднеколымский казачий пятидесятник Попов предлагал в 1914 году компании «Лена Голдфилдс» купить у него богатые золотом участки. В 1917 году он намеревался за солидные деньги показать свои золотоносные участки на Колыме уже Временному правительству.

На письма казачьего пятидесятника в адрес компании «Лена Голдфилдс» в иркутских архивах наткнулся всё тот же деятельный Ф.Д. Оглоблин. Он-то и передал их в 1927 году правлению Акционерного Камчатского общества. Оттуда они попали в «Дальстрой». Горные смотрители узнали о золоте Попова во

время работы Первой Колымской экспедиции (1928-1929 гг.) от Оглоблина.

Билибину с его знанием природы образования колымского золота было ясно, что в области развития палеозойского известковистого комплекса пород, где нет верхнеюрских и нижнемеловых границ, с которыми и связано колымское золото, нельзя надеяться на значительную золотоносность пород.

Юрий Александрович не менее скептически относился к слухам о находках Попова, чем к записке Розенфельда.

«Опять теоретизирует... Академик», — раздавалось среди недоброжелателей.

Поиски поповского золота поручили В.А. Цареградскому.

В АКО считали большим достижением, что всё-таки удалось расшифровать записки Попова и определить истинное месторождение его находок.

И здесь срабатывал не научный, основанный на знании геологии, а «старательский» подход — вера в удачу, в миф.

Ю.А. Билибин оказался прав: промышленного золота, такого, как в приисковом Колымском районе, найдено не было. Сведения о находках Попова оказались мифом. На левобережье Колымы, в бассейнах рек Рассохи и Зырянки, поисковое опробование дало ясную картину бесперспективности на золото в этом районе.

Поповские ямы

Помог, как водится, его величество случай. Удалось найти в Верхнеколымске сподвижника Попова — его конюха, якута Данилова. Он согласился одного из лучших поисковиков Колымы Иннокентия Ивановича Гальченко привести туда, где Попов обнаружил когда-то золото. Разведчики опробовали долину реки Зырянка, устье которой находилось в пятнадцати километрах ниже Верхне-Колымска. Не было обнаружено даже знаков золота.

На десятиметровой речной террасе в долине речки Бочеры Данилов показал на неглубокие, около двадцати сантиметров, ямки:

— Тут золото Попова!

Проведённая шурфовка дала лишь ничтожные знаки золота. Данилов обратил внимание поисковиков на выброшенные вместе с породой при шурфовке кристаллы серного колчедана. Всё стало ясно. Казачий пятидесятник, как это случилось и с Розенфельдом, за золото принял пирит. Обычная ошибка малосведущих в золоте людей, принимающих серный колчедан из-за его цвета за золото...

Итоги Третьей Верхне-Колымской

Экспедиция не вполне оправдала надежды. Золотило только на правобережье Колымы. Но проведённая геологическая съёмка мест опробования — это тоже необходимая и полезная работа. И это результат. Одним «белым пятном» на Колыме стало меньше.

В первый год работы экспедиции удалось найти новые пласты хорошего каменного угля на Зырянке, дать прогнозные запасы его. Чуть позже там начали добычу угля для нужд Главсевморпути. Но это всё же не то, что ожидалось. Цареградскому, кроме того, удалось в бассейне ключа Белая Ночь обнаружить медное оруденение. Из штуфов прекрасной руды ему выплавил кубик меди, и теперь он украшал рабочий стол начальника «Дальстроя» Берзина. Но... и медь не золото...

Винить, казалось, было некого, но руководство экспедиции чувствовало себя так, словно не выполнило обещанного.

...Главное управление «Дальстроя» решило продолжить изучение районов реки Колымы, её правобережья. Руководителем экспедиции был назначен один из опытейших поисковиков Сергей Дмитриевич Раковский.

...Опыт Верхне-Колымской экспедиции, занимавшейся поисками «золота Попова», оказался ценным при организации последующего освоения дальних «белых пятен» Колымы.

Исследования Третьей Верхне-Колымской экспедиции были оценены по достоинству только после двух лет камеральных работ в Ленинграде. Они вызвали большой интерес геологов Академии наук, Центрального научно-исследовательского геологического института.

Для камеральной обработки материалов, взятых в верховьях р. Омулёвки, Рассоху, левых притоках р. Зырянки и др. в

Московское представительство «Дальстроя» были направлены начальник геолого-поисковой партии по р. Кулу К.Ф. Соколов и начальник Верхне-Колымской экспедиции В.А. Цареградский. В пробах выявили наличие исландского шпата, серы, гипса и медной руды.

Ю.А. Билибина и В.А. Цареградского порой упрекали, говоря, что трест «Дальстрой» не Академия наук и прочее, что нужны не теоретические изыскания и умпостроения, а реальные открытия. Но в итоге всё равно оказывалось, что практическая сторона дела — открытие месторождений — находится в прямой связи с познанием геологии края.

Собранный Верхне-Колымской экспедицией материал позволил разрешить важный и принципиальный вопрос: какую структуру представляет из себя территория. Результаты геологических наблюдений явились необходимым материалом при составлении геологических карт по Северо-Востоку.

Вновь «Гореловские жилы»

Итак, ни одна из Колымских экспедиций не обнаружила ни «Гореловские жилы» Ю.Я. Розенфельда, ни золота Попова.

Ю.Я. Розенфельд тем не менее продолжал верить в своё открытие.

...После встречи в Чите с начальником Московского представительства «Дальстроя» З.А. Алмазовым, разговоров с ним Ю.Я. Розенфельд прибыл на Колыму. Узнав о результатах Первой Колымской экспедиции Ю.А. Билибина, он пишет в своём письме от 16 августа 1933 года, что надеется на приглашение его на работу в Дальстрой «для научно-исследовательских изысканий общесоюзного значения».

В конце ноября 1933 года Ю.Я. Розенфельд прибыл в бухту Нагаева. Дирекция «Дальстроя», обеспокоенная необходимостью расширения поисков коренных месторождений золота, поддержала его в поисках «Гореловских жил».

Ю.Я. Розенфельд летом 1934 года возглавил Дегдянскую рудо-поисковую партию. Нужно было рудное золото! Под него была заказана специальная техника, а среднеканская дайка оказалась не столь перспективной, как ожидалось.

Полевые работы Ю.Я Розенфельда оказались удручающе безуспешными. «Гореловские жилы» найдены не были. Ю.Я. Розенфельд был арестован. В январе 1935 года его приговаривают к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Из заключительного слова Ю.Я. Розенфельда:

«Я целиком признаю себя виновным в том, что обязался тресту «Дальстрой» показать «Гореловские» золотоносные жилы, которые впоследствии найдены не были, тем самым причинил материальный ущерб «Дальстрою» в создании поисковой партии для этой цели. Прошу суд обсудить все обстоятельства и дать мне возможность в дальнейшем честно работать в советском государстве».

Розенфельд был искренне обескуражен, не найдя спустя двадцать пять лет «открытое» им золото. Он не учёл природу образования золотоносных жил, их поведение в условиях колымского климата.

Кроме того, он мог принять пирит за золото: они очень похожи. Пирит блестит куда ярче золота...

Известно неоднократное высказывание Ю.А. Билибина, что богатого золота в предполагаемом районе «Гореловских жил» вообще не могло быть...

...Чего было больше в том, что привело Розенфельда к ошибке? Невежества, доверчивости, веры в чудо? Может, всё вместе?..

Может быть...

Но ведь и равнодушие — самое страшное для разведчика, для геолога, ступившего одним из первых на неисследуемую землю... Так или иначе, но Ю.Я. Розенфельд первый во весь голос заговорил о золоте Колымы. Ему принадлежит выдающаяся заслуга в привлечении своими записками и старателей, и профессиональных геологов к бурному освоению золотоносного края.

Только начни читать дневник любого геолога, и станет понятно состояние, которое владеет им, когда он пытается прояснить то, что образовалось, сложилось за миллионы лет жизни Земли. Когда он со своими знаниями, опытом такой короткой, как выверк, собственной жизни в сравнении с этой чудовищной глыбой — миллионами лет жизни планеты стремится, как

отважный рыцарь с картонным копьём, взять до сих пор никому недоступную крепость.

Тут всё: и раздражение, и мука, и смятение. И радость открытий!..

Все жертвы, утраты, все трудности окупаются сознанием того, что ты: «...первый ступаешь на новую, ещё никем не исследованную территорию, что ты первый имеешь возможность ознакомиться с ней и поведать о её богатствах другим. Именно это ни с чем не сравнимое ощущение первооткрывательства давало нам возможность легко переносить трудности, которые в других условиях казались бы почти непреодолимыми».

Так напишет много позже известный ещё по Алдану геолог, участник освоения Колымы, Борис Иванович Вронский.

Нечто похожее, конечно, в менее значительной степени, приходилось испытать и мне. Помнится то состояние окрылённости, когда я получил первое свидетельство на изобретение.

То, что удалось сделать, не существовало до того в технике. Не было аналога! И вот изобретение есть, оно работает!.. Оно тиражируется. Ни с чем не сравнимое чувство!..

* * *

До 1937 года неудачливый золотоискатель Ю.Я. Розенфельд отбывал наказание в Магадане в 10-м отдельном лагерном пункте Севвостлага. В 1935 году его назначили исполнять обязанности заведующего Охотско-Колымским краеведческим музеем, затем он занимался сбором материала по истории медицины Колымы и «Дальстрою». В 1937 году он вновь арестован, обвинён в шпионаже по заданиям иностранных разведок. Такое обвинение попадало под «расстрельную» статью. Его не успели расстрелять, так как в ноябре 1938 года внесудебные органы — тройки НКВД по «Дальстрою» были отменены.

Ю.Я. Розенфельд с апреля 1939 года работает в Усть-Утиной, в Юго-Западном горнопромышленном управлении старшим коллектором. В апреле 1940 года его находят убитым в кювете на 403 км Колымской трассы.

«Конкретные причины этого убийства не были установлены. Одни подозревали ограбление, другие — его имитацию после нападения с целью добыть сведения о будто бы спрятанном

Ю.Я. Розенфельдом ещё в дореволюционные времена богатом золоте. Эти версии сохранились до настоящего времени и конечно же характеризуют Колыму 1930-1940 гг., которая сломала, искалечила судьбы многих людей». (А.Г. Козлов).

«Я жить решался на часы»

Желая как можно больше знать о Колыме, помня разговор с Евгением Конюховым, потянулся к «Колымским рассказам» Варлама Шаламова. Читал их теперь я уже не так, как в студенчестве.

В. Шаламову не было и двадцати лет, когда он 13 апреля 1927 года впервые вошёл в лагерные ворота.

Автор, прошедший в магаданских лагерях в условиях, «несовместимых с человеческой жизнью», семнадцать лет, знал то, о чём писал. Антироман «Вишера»... «Синяя тетрадь», «Левый берег», «Колымские рассказы». Книги — как открытые раны. Все они — страшное повествование о разрушении человека...

Сам он скажет о себе:

«...Не знаю, что такое счастье, — уцелеть после великих мук или умереть раньше страданий».

И в другой раз:

«Колымские рассказы» — это судьба мучеников, не бывших, не умевших и не ставших героями».

В стихах ещё отчаянней:

*Я ел, как зверь, рыча над пищей.
Казался чудом из чудес
Листок простой бумаги писчей,
С небес слетевшей в тёмный лес.*

*Я пил, как зверь, лакая воду,
Мочил отросшие усы.
Я жил не месяцем, не годом.
Я жить решался на часы.*

Один из первооткрывателей лагерной темы В. Шаламов сказал: «Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе...»

* * *

...Я вернулся к рассказам. Дочитал до конца. И изнемог.

Придавили нечеловеческие испытания, выпавшие на долю обычных людей. Как же сохранилась среди этого ада живая душа писателя?

«Я очень боялся в молодости прожить жизнь напрасно, и вот по тем письмам, которые я получаю с Севера до сих пор, я имею право считать, что жизнь моя там не была совсем напрасной, что меня помянут добрым словом, и помянут люди хорошие...» — писал он, уже будучи на свободе. Слава богу!

Но куда деться вот от этого:

*Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.*

*Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляя верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землёй.*

Проза Шаламова, его стихи... Ничего страшнее я не читал. Во мне произошёл разлом. Я потерял равновесие.

Молодая, брызжущая через край энергия! Торжество над стихией природы геологов, первых пришедших на Колыму! И эта — страшная, другая жизнь. Уже до них была она на этой земле. Как всё это соединить в себе? Это саднящее душу знание... Я долго не мог вернуться к своим «Запискам».

* * *

Придал мне силы Евгений. Пришла посылка от него.

«...Посылаю Вам две книжки о Колыме. Они Вам, как мне кажется, пригодятся. Завидую Вашему усердию...»

Он что? Ясновидящий, этот Евгений? Почувствовал моё состояние?

Не сразу я потянулся к книгам. Но доверие моего помощника обязывало. ...А в присланных книгах — сама жизнь! Давнишняя, отлетевшая, но такая заразительная.

* * *

Позвонила Жамиля. Оказывается, есть письма В. Цареградского к редактору Магаданского книжного издательства. Ей удалось получить копии их. Мы уже знали, что В.А. Цареградский не вёл дневников. Его письма потому особо интересны.

Кроме того, обнаружались у родственников геолога подлинники трогательных писем Марии Яковлевны (Ма) в Самару к племянникам В.А. Цареградского. На следующий день письма были у меня.

Всё это случилось в течение последней недели.

...Потихоньку начал читать, делать выписки, закладки...

Так я вернулся в прежнее своё «русло»...

Золотая река — Индигирка!

Валентин Цареградский намеревался написать книгу воспоминаний об Индигирской экспедиции. От самого её начала и до отзыва его в Магадан на должность главного геолога «Дальстроя» и организации Геологического управления «Дальстроя» в 1938 году.

Как бы хотелось увидеть те далёкие события, отмеченные его взглядом.

При чтении книг В.А. Цареградского вспоминаются страницы великолепных повестей Сергея Тимофеевича Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Записки об ужении рыбы». Любимые книжки детства!

И, конечно, на первом плане «Детские годы Багрова-внука». Книга В. Цареградского «По экрану памяти» — словно рассказ выросшего Серёжи Багрова — героя книги Аксакова. Ставшего геологом и продолжающего жить слитно с природой, в глубоком понимании её, с годами усиленным знаниями геолога-первооткрывателя. Мы с Евгением Конюховым говорили об этом. У Цареградского, как у Аксакова, природа не просто пейзаж, а сама жизнь, свободно дышащая. И человек в стихии природы — часть её. В отличие от Башкирии и Поволжья, где проходило детство Серёжи и Вали, природа Колымы часто совсем ещё дикая! Первозданная. От того завораживающая! Порой заставляющая зами-

рать сердце от прикосновения с неожиданными глубинными её проявлениями. Геолог и художник — это сочетание плодотворно!

Цареградский осознавал ценность своего опыта жизни в природе, потому так он нетороплив, обстоятелен. И в то же время как ёмок его рассказ, казалось бы, о заурядном, обыденном, повседневном, но несущем в себе поэзию жизни. Всю жизнь в нём не иссякал интерес к окружающему миру. С годами он только возрастал, достигал вселенского масштаба. Уже на склоне лет геолог изучает проблемы космоса, его интересуют источники энергии деформации поверхностной оболочки земли...

* * *

Признаки золотоносности района реки Индигирки впервые отметила ещё в 1926-1930 годах экспедиция С.В. Обручева. Уже в 1935-1937 годах в верховьях Индигирки вели работы поисковые партии И.Е. Исакова, И.И. Гальченко, Е.Е. Шаталова. После того как И.И. Гальченко обнаружил золотоносность долин, были открыты промышленные россыпи на Нюнча, Анка, Курун-Агалык, Сох и др. В течение последующих пяти лет будут открыты крупные месторождения россыпного золота по ручьям Туора-Тас, Таганья, Захаренко и другие.

Неутомимые в своих поисках энтузиасты-первопроходцы потом проложат свои тропы по долинам, сопкам, распадкам, открывая богатства края вечной мерзлоты, отыскивая ключи, из которых до сих пор бьёт золотой поток. Северяне-индигирцы с благодарностью помнят имена первооткрывателей Северного края: И.Е. Исакова, Д.П. Асеева, И.И. Гальченко, В.П. Лоот, В.М. Неганова, С.Д. Раковского, В.А. Цареградского, Е.Т. Шаталова и многих других.

Это будет потом. А как всё начиналось, впервые, в 1935 году, с момента организации Индигирской экспедиции во главе с В.А. Цареградским? Начиналась и проходила экспедиция, как и все остальные. Порой с риском для жизни, в невероятном холоде... В преодолении непредсказуемых преград, в радости открытий...

Скажу не в первый уже раз: воистину многолетняя героическая повседневность жизни поисковиков-геологов заслуживает написания о ней эпоса. С упоминанием имени каждого!

Сколько было тех, кто совершал походы на Колыму, Индигирку, кто строил потом автотрассы через многочисленные перевалы, кто обеспечивал край продовольствием, энергетикой! Сколько таких сейчас! Их надо знать. И помнить. Память выстраивает нашу жизнь.

* * *

С окончанием работ Верхне-Колымской экспедиции в январе началось обсуждение полевых работ на лето 1935 года. И на первый план выступало исследование обширной территории, начинающейся от верховья Индигирки до самой северной части Охотского побережья.

...Из бассейна Индигирки — правого её притока Неры — Гальченко доставил обнаруженные им поисковые пробы с весомым золотом. Но дальние расстояния и отсутствие транспорта не давали возможности организовать зимние разведочные работы.

А с наступлением весны — в самый раз! В середине марта на базу «Дальстрой» пришли первые олени транспорты, столь необходимые для дальних партий, таких, как Верхне-Омулевская, Верхне-Роцинская. Значилась среди них и Индигирская партия. Районы, в которых предстояло работать поисковикам, отстояли от базы на расстоянии до четырёхсот километров. Туда предстояло добираться по бездорожью и с большим грузом.

Для меня Индигирская экспедиция так же увлекательна, как и Первая Колымская. Они обе по своей значимости для освоения края и разработки золота — бесценны! Обе были мечтой неудержимого и страстного первооткрывателя Вольдемара Бертина. Вспомним, как, заболев Колымой, не имея возможности самому отправиться с Алдана на поиски колымского золота, рассказал он о записках Ю. Розенфельда Ю. Билибину, заразив его Среднеканом. Манила его и Индигирка! Но... Золото Индигирки ждало своего часа...

Работа на Индигирке планировалась ещё основательней, чем при организации предыдущих экспедиций на Колыму. Чувствовалась возрастающая мощь треста «Дальстрой».

Пока летом обрабатывались материалы Верхне-Колымской экспедиции, Горное управление края послало на территорию, которую обследовал И. Гальченко, свою поисковую партию. Эта

партия в составе 23 человек провела более детальную геологическую съёмку и подтвердила полученные ранее И. Гальченко поисковые данные. Было очевидно, что открытая Первой Колымской экспедицией рудоносная золотая зона простирается на бассейн реки Индигирки.

Предстояло теперь зимой создать две базы. Одну — на реке Берелёх, вторую — на Нере, притоке Индигирки.

На этих базах надо было оборудовать склады, подвезти туда необходимые грузы. Шёл уже 1937 год, и геологи начали использовать самолёты. Следовало подготовить зимние посадочные площадки для них, развернуть радиостанции.

Весной должны были перебраться на Индигирку геологи, летом — начать работать.

Всю организацию Нерской базы В. Цареградский, который уже был в штате «Дальстроя», поручил И. Гальченко. Сдав летом построенную базу, он должен был продолжить свои успешные поисковые работы. Строительные работы на Берелёхской базе были доверены Зайцеву.

Из воспоминаний И. Гальченко:

«...В сборах незаметно прошёл месяц.

В один из последних дней ноября мы, участники экспедиции, собрались в кабинете директора треста «Дальстрой» Эдуарда Петровича Берзина.

Высокий, крупный, одетый по-военному, он встречает нас вопросом: «Ну как, снабженцы вас теперь не обижают?..»

И, едва закончив разговор о значении Индигирской экспедиции и её организации, возвращается к вопросу о снабжении, о том, как надо беречь людей, заботиться о них.

— Не забывайте о тёплой одежде, — говорит он. — Всё, что нужно, заказывайте в нашем промкомбинате. Надо, чтобы у вас не получилось так, как со мною в первую зиму на Колыме. Тогда я решил: использую передовую технику, на вездеходе новой конструкции без дороги быстро проеду от бухты Нагаева до прииска Среднекан. А техника-то подвела. Застрял мой вездеход в снегу. Мороз — под пятьдесят! Я со своими спутниками дрожу в обледеневшей кабине: все мы в одних шинелях. Даже печки железной и палатки горе-таёжники не захватили с собой. У костра от обмороживания спасались. Олени тогда вывезли нас из тай-

ги... Теперь я сшил себе всю таёжную тёплую одежду: кухлянку, пыжиковые брюки, торбаза меховые — без них в тайгу ни шагу!

«Что-то нас ожидает в Индигирской экспедиции? — думаю я. — Там ведь трудности исключительные. Безлюдная, малоснежная тайга, раскинувшаяся на сотни километров в районе северного полюса холода. Ежедневные поездки, ночёвки в бязевых палатках при жгучем морозе в 60 градусов и ниже! А наледи... Вода, выдавленная морозом на поверхность льда, бежит тебе навстречу, дымясь и искрясь. Вот, поди, преодолевай её!»

В пути

Через несколько дней геологи наконец попали в бассейн реки Берелёх, а затем к месту будущей базы, где на снегу лежит часть доставленных грузов, где нет даже захудалого домика.

Группе И. Гальченко пришлось несколько дней ждать, когда пригонят оленей.

Наконец сборы закончены. В транспорте, который отбывает дальше по маршруту, шестьдесят три нарты. Их ведут шесть каюров. В группе И. Гальченко — его жена Наташа, завхоз Воробьёв и восемь рабочих. Транспорту предстоит пройти триста километров по снежной целине в безлюдной тайге.

Передвигаются они на оленях с частыми задержками для ремонта нарт, которые выходят из строя, налетая на обмёрзшие кочки на болотах. Едут с ночёвками в бязевых палатках, в постоянном беспокойстве за оленей, которых порой трудно собрать. Часто животные гуськом идут на пологую сопку, где начинают энергично «копытить», разгребая снег. Достают себе белый мох — ягель.

Отпуская оленей кормиться, каюры привязывают особо диким из них на шею палки на верёвках — «ченгаи». Эти «ченгаи» бьют их по ногам, не давая далеко убежать.

Чтобы в палатке было теплее, на неё набрасывают в два слоя брезент. По бокам ставят листы фанеры.

Бывало так, что оленей трудно собрать. Иногда сбор их длится весь день. Связав два-три тонких ремня, устраивают среди деревьев загон. С криком: «Тать! Тать!» — каюры начинают гнать животных, обычно движущихся тесным табуном.

Порой несколько особо резвых оленей перескакивают через маут и стремглав несутся в лес. Всё надо терпеливо начинать сначала.

Часто оленей до наступления ночи собрать не удаётся и отъезд приходится переносить на другой день.

При морозе ниже пятидесяти градусов нарты, сделанные из сырого дерева, становятся хрупкими, как стекло. На таком морозе часто рвётся промёрзшая сбруя.

* * *

Уже через несколько суток двое каюров тяжело заболели. Лежат на нартах, стонут, кашляют и сморкаются.

Так проходят первые семь дней пути.

Неожиданно приходит помощь. Агент оленесовхоза, в котором взяты олени, Егор Винокуров, догоняет транспорт на лёгкой оленьей упряжке.

Обеспокоенный тем, что снегу мало и нарты ломаются, много больных, он отправился на разведку.

Винокуров уезжает, взяв с собой больных и пообещав вернуться с помощью.

...Группа продолжает двигаться вперёд. Трудней всего на открытом месте, где нет дров и корма для оленей. Бескрайняя долина вся покрыта застывшей наледью. Едва остановишься, потный, усталый, враз замёрзнешь.

Часто падают, выбившись из сил, олени... До намеченного места под базу дошла лишь половина транспорта И. Гальченко.

Три дня геологи обустройства, выбирая место для базы и аэродрома.

Разгрузив нарты, транспорт порожняком отправляют в обратный путь. Прощаясь, штурман Иван Иванович заверяет:

— Ждите в начале апреля на самолётах. На трёх «антонах» забросаем грузами!

Дан приказ!

...Вечером явился посыльный Дмитрий Неустроев. Протянул Гальченко пакет. В нём письмо от заместителя начальника экспедиции Вронского:

«Привет. Сообщаю вам печальную новость. Индигирская экспедиция приказала долго жить. 29 декабря издан приказ о её ликвидации. Все грузы переданы в Северное горное управление... С получением сего вам надлежит оставить на Артыке продовольствие и часть снаряжения. Остальное верните. Для охраны оставьте двух человек. С остальным персоналом возвращайтесь обратно, для чего за вами послано сорок нарт».

На следующий день начинаются тоскливые сборы в обратный путь. Шестьсот километров бездорожья, в адские морозы. И всё напрасно. Полтора месяца потерянного времени.

...Казалось бы, какой смысл мне пересказывать воспоминания о досадных несогласованных решениях.

Но ведь их столько было. Они всегда есть в любом живом деле. А в таком!.. Неудивительно... Но цена их?..

* * *

Чуть позже всё же удалось отстоять продолжение исследований на Индигирке. Приказом по «Дальстрою» Цареградскому будет поручено вновь организовать экспедицию. Были отпущены необходимые средства.

А до того неудержимому И. Гальченко предстоит отправиться на Индигирку с одной рекогносцированной партией — Нерской. В этой партии он возглавит поисковый отряд под началом Ивана Ефимовича Исаева, работавшего ранее на Чукотке.

На вторую партию не хватило средств. Рабочих в партию не дали. ИТР: геолог Сергей Захаров, коллектор Александр Нестеренко. Разрешено взять сторожей, которые остались караулить груз на Артыке, и промывальщика Пятилетова. Вот и вся партия.

Основная задача партии: геологическая разведка. Но И. Гальченко без поисковых работ себя не мыслил.

Решено вести работу двумя отрядами: вниз по Нере и Индигирке на плоту плывут Исаев, Захаров, Нестеренко и Пятилетов. Местный житель Гаврила Кривошапкин пойдёт с ними лоцманом: он хорошо знает реку. Степан Лошкин поплывёт с запасом продовольствия. И. Гальченко, Чистых и Адам на шести лошадях через перевал должны выйти к речке Тополевой.

Условлено, что отряды встретятся у дальней юрты Софрона Корякина.

Через перевал

Переход через перевал оказался не из лёгких. «...Преодолен крутой подъём. Вот она, вершина! Но что это?.. Впереди отвесной трёхсотметровой стеной возвышается гребень, явно недоступный для лошадей.

Не пройти и здесь. Посоветовавшись, решаем: все, кроме меня, возвращаются в долину. Я же поднимусь на водораздел и посмотрю с высоты, где удобнее пройти. Попутно выясню, из каких пород сложена гряда.

Адам и Чистых с лошадьми начинают медленно, словно нехотя, обратный путь.

С трудом и риском взбираюсь на перевал. Панорама открывается великолепная. Стальной лентой извивается Индигирка, пробиваясь через цепи гор хребта Черского. Далеко внизу, возле устья речки Тополевой, серебряным гривенником блестит на солнце круглое озерко, около него бурыми кочками торчат две юрты. Пасётся скот — коричневые букашки. До юрты Софрона рукой подать. Но близок локоть, да не укусишь...

Придётся возвращаться и где-то в верховье Учугея искать перевал в Тополиную. День, а то и два потеряны.

Возвращаемся и в среднем течении речки Учугей находим место, где, пожалуй, можно перевалить через гору.

Начинаем подъём. Цепляясь за ветки стланика и выступы скал, впереди всех ловко преодолевает кругизну Адам. Лошади то и дело оступаются, падают на колени, рывками, с трудом карабкаются по откосу. Вьюки сползают, и нам всё время приходится их поправлять.

Упорно, зигзагами продвигаемся к гребню.

До водораздела остаётся всего полсотни метров. Тут становится ясно, что коням с вьюками здесь не пройти. Иван и Адам развьючивают их. С огромными усилиями, согнувшись под тяжестью, перетаскиваем наш груз на вершину. Лошади послушно следуют за нами.

И наконец водораздел. Грандиозная панорама цепей хребта Черского открывается перед нами. Видим заросшую лесом долину реки Тополевой.

Надо спускаться. Но спуск ещё труднее, чем подъём. Не может быть и речи о том, чтобы выучить лошадей. Как ни привычны к горам местные якутские коньки, навьюченными они спуститься здесь не смогут. А люди тем более.

— Перевяжем покрепче весь груз и столкнём вниз, — решаю я. — Другого выхода нет.

Один за другим тяжёлые тюки, подпрыгивая, исчезают за каменными выступами.

— Ну, а теперь и мы! — говорит Иван.

Начинаем опасный спуск. Под ногами — скользкий мох. Тонкий слой его прорывается, обнажая зеленоватые кристаллы льда вечной мерзлоты. Каждую секунду можно сорваться и покатиться вниз. Страшно за лошадей: не напоролись бы на сучья, не поломали бы ноги...

Вот и долина, берег реки. Лошади стоят с трясущимися ногами; у одной до крови расцарапана морда, у другой — бок.

Теперь до юрты Софрона, действительно, рукой подать. Интересно, там ли Исаев?» (И. Гальченко).

...Отряд Исаева прибыл вечером.

У юрты Софрона

Нет, не напрасно было проявлено такое упорство в желании вернуться на Индигирку.

Небольшая горстка поискового отряда И. Гальченко по сути оказалась таким же дерзким десантом в малоизвестное, как и Первая Колымская экспедиция. Обе они стёрли «белые пятна» с огромных, перспективнейших для промышленных разработок территорий.

Первая Колымская экспедиция это свершила на реке Колыме. Группа И. Гальченко — в долинах реки Индигирки.

Первое же опробование совсем недалеко от юрты Софрона дало положительные результаты. В лотке под полоской чёрного шлиха мелькнуло несколько блестящих чешуек... общим весом в два-три грамма... В смываемых Пятилетовым следующих трёх лотках — результат ещё лучше. В совке И. Гальченко круглая лепёшка — самородок размером в золотой червонец.

Старый якут, девяностопятилетний Софрон, получается, ходил весь свой век по золоту.

Послушаем голоса из далёкого прошлого, сохранённые И. Гальченко:

«— А как окрестим этот ключ? — спрашивает Пятилетов.

— Ручей назовём Пионер. Ведь пионер Илья¹ помог нам его найти. Да и уверен я: будет ручей пионером среди объектов, которые мы ещё откроем в этом сезоне.

— Дело! — соглашается Пятилетов. — А вот этот ключишко, на выносе которого мы брали пробу, назовём — ключ Ильи.

— Быть по сему! — соглашаюсь я, подхожу к одинокой лиственнице, делаю затёс и пишу карандашом: «Ручей Ильи». Ставлю дату и подписываюсь.

— А ниже ты, Илья, подпишись.

Продолжаем обрабатывать ручей Пионер, двигаясь вверх по его течению. Илья показывает нам места, где зимой ловил петлями зайцев и ловушками-плашками куропаток.

В верхнем течении ручья мы опять берём хорошую пробу. Пятилетов радуется:

— Самостоятельное золотишко! Третий лоток промываю, и в каждом, почитай, не менее грамма-двух металла. Не меньше четырёх километров прошли, и всё золото. На золоте, Илья, ваша юрта стоит!

Довольные, мы возвращаемся к юрте Софрона.

— Ну, друг, золото есть? — не без ехидства спрашивает он.

— Есть и много!

Старый якут перестаёт пить чай и настораживается. Видит, что мы не шутим, хмурится.

— Плохо, совсем плохо!

— Почему это плохо? — возмущается Пятилетов. — По-твоему, пусть металл лежит без пользы?

— Плохо будет, — твердит старик, — людей много будет! Тайга гореть будет! Шуму много будет! Зверь уйдёт. Другое место надо кочевать.

— Ничего, Софрон, жить ты станешь лучше и культурнее, будет работа, одежда, продукты, и никто тебя не тронет, — успокаиваю я его.

¹ Внук Софрона Илья указал тайком от деда, где надо искать золото.

— А я, дедушка, поеду учиться в город. Геологом буду! — ликует Илья.

Поздно вечером возвращается со своей группой Иван Ефимович. Он похудел и загорел. Маршрут был тяжёлый.

— На самой вершине вот этого красивого гольца мы были, — сбросив тяжёлый рюкзак с плеч, рассказывает он. — Чуть ноги не переломали, пока добрались до его вершины. Высотомер показал 1 850 метров над уровнем моря. Ну, а как ваши успехи?

— Ног не ломали, а с добычей вернулись, — Пятилетов показывает капсюль с самой богатой пробой.

— Вот это да! Где это вы нашли? — восхищаются наши товарищи. Они и про усталость свою мгновенно забыли...

После ужина, рассматривая полевую карту, на которую я уже нанёс ручей Пионер, Иван Ефимович констатирует:

— Так, значит, Пионер берёт своё начало с гольца, на котором мы были. Теперь вокруг него надо искать рудные и россыпные месторождения золота и, возможно, олова».

Вниз по Индигирке

Спускаясь вниз по Индигирке, в долине Поперечной, у ручья Широкий, отряд И. Гальченко обнаруживает хорошее золото в виде продолговатых крупных золотин, похожих на жёлтых тараканов.

...Шаг за шагом двигаются они по золотым следам, открывая богатые, явно промышленного значения месторождения. За лето найдено несколько таких мест.

Зримо видится членам отряда, как года через два-три придут в эти дикие края разведчики, потом горняки, строители. Будут здесь дороги. Вырастут посёлки.

А они, геологи, пойдут дальше на Север: на Яну, за Полярный круг, вдоль Ледовитого океана, на Чукотку...

* * *

...Геологи продолжали спускаться вниз по Индигирке. С берега окликают. Они неспешно причаливают.

«...Молодой человек подходит к самой воде.

— Будем знакомы, начальник геологической партии Индигирской экспедиции. Десять дней тому назад прибыл сюда с Алдана. Скоро будет перебазироваться на самолётах вся экспедиция. Цареградский говорил мне про вас. Результаты ваших работ помогут нам эффективнее расставить полевые партии в бассейне Индигирки. Скоро прилетит самолёт. Садитесь на него, и через два часа вы увидите Валентина Александровича...

(В сравнении с условиями работы Колымских экспедиций — фантастическая оперативность. — *Прим. автора.*)

— Для пользы дела летаю, — соглашаюсь я.

В густом лесу, на крутом берегу реки мы поставили палатку. Только успели попить чаю с брусникой, собранной здесь же, прилетел самолёт.

Я лечу впервые. Взревел мотор. Рывок вперёд — и вот уже стремительно несутся мимо иллюминатора брызги, уплывают вниз река, перелески, маленькие, как спички, лиственницы. Вот промелькнули юрта Матрёны, стога сена, похожие на болотные кочки, река Собачья, сверху такая маленькая и безобидная.

Небольшими кажутся гранитные гольцы, покрытые белыми шапками снега. Изредка гидросамолёт бросает то вверх, то вниз. Мотор равномерно гудит. Подо мной знакомые реки и горы, по которым мы только что медленно и с таким трудом пробирались на лошадях.

Проплывает внизу хребет, огромной дугой уходящий к Ледовитому океану, пологий со стороны Индигирки, обрывистый и дикий — к Алдану. Под крыльями виднеются скалистые горы Верхоянья, каменные русла рек с белыми пятнами тарынов. Блестит серебряными монетами цепочка озёр на водоразделах.

Позади остаётся редколесная заболоченная Алданская низменность.

Самолёт, накренившись, делает круг и садится на тихий многоводный Алдан. Как в сказке, путь, которым приходилось идти в течение месяца, покрыт нами за два часа.

Ко мне подходит начальник экспедиции Цареградский.

— Вот где встретились. Очень кстати прилетел. А то сейчас не знаем, куда в первую очередь направить геологов.

На собрании инженерно-технических работников Цареградский сообщает о решении послать четыре геологические партии

в места, нами исхоженные. Особые надежды он возлагает на ручей Пионер, куда будут посланы два промывальщика.

— Надо форсировать работы, есть постановление партии и правительства в ближайшее пятилетие освоить Индигирку, — говорит в заключение Цареградский.

* * *

Через десять дней самолёт доставил два килограмма индигирского золота.

— Вот и отправим мы в Москву первый металл из вновь открытого валютного цеха нашей страны, — говорит Цареградский, подбрасывая на руке небольшой, но увесистый брезентовый мешочек.

На самолёте я возвращаюсь на место весновки и застаю в сборе всю партию.

Утром тринадцатого сентября, завьючив лошадей, тепло прощаюсь с Иваном и Гаврилой. Всем немножко грустно. Трудные тропы, опасности, тревоги, радость находок роднят нас каким-то особым родством.

Мы сознаём, что «кусок» беспокойной неуютной жизни прожит не без пользы. От этого маленького беспокойства и неуютности прибавится покоя и уюта в большой жизни, в жизни нашего народа». (И. Гальченко).

* * *

Экспедиция В.А. Цареградского в 1937 году на самолётах высадилась в устье реки Неры при впадении её в Индигирку. Индигирская экспедиция на этот раз заработала успешно. После обнаружения И.И. Гальченко богатых золотоносных долин были открыты первые промышленные россыпи: Нючча, Анка, Курун-Агалык, Сох и др.

Там, где стояла юрта Софрона

...Пройдёт время, и приказом начальника Главного управления строительства Дальнего Севера на базе семи приисков, обрабатывавших россыпи в бассейне р. Индигирки: «Победа», «Тирехтях», «Ольчан», «Маршальский» и «Имени По-

крышкина» (после прииск Нелькан) — будет организовано Индигирское горно-обоганительное управление. Сбылись мечты первопроходцев.

Их рискованные маршруты помнятся доньне.

...Помнится и старый якут Софрон со своей одинокой юртой.

После того как недалеко от юрты Софрона было найдено золото, дела якута поправились. Ему построили бревенчатый дом...

Слух о том, что Софрон тоже намыл золото и теперь прячет деньги в трёх ящиках, разлетелся по округе. И беда пришла.

Его внук Илюша учился уже в Магадане на курсах прорабов.

...В тот раз он приехал в гости к деду. Пришёл с охоты и лёг спать. Софрон на реке промышлял рыбу. В юрте бабушка Варвара занималась своими делами.

Вдруг она громко закричала, зовя на помощь. Илюша выскакивает и видит, что её держат два человека. Третий, угрожая ножом, требует отдать деньги, которые припрятаны где-то в ящиках.

— Показывай где, а то убью!

Налётчики Илью не видят.

Внук схватил ружьё и выстрелил. Бандит с ножом упал замертво. Второй налётчик бросился с ножом на стрелявшего, но получил выстрел по ногам и тоже упал. Третий выскочил на улицу и побежал. Под окрик Ильи: «Стой, убью!» — вернулся. Его Илья заставил раненого своего подельника взвалить на спину и нести под конвоем до прииска. Там сдал в милицию. Вспомнилось, как говорил немногословный девяностопятилетний Софрон: «Будет золото, людей много будет, тайга гореть будет, шуму много будет...»

...Илья окончил успешно свои курсы. Начал работать прорабом на прииске. Корякин Софрон, не торопясь, старился, продолжая жить своей размеренной жизнью.

Каждому поколению своё.

* * *

Хочется знать, как дальше сложилась жизнь Ильи. Прошло около восьмидесяти лет. Были ли дети у него?

Что сделало из них наше время? Что потеряли они? И что передалось им от многоопытных их предков?..

Ради чего пионеры Колымы и Индигирки забирались в далёкие дебри?

Они не ждали милости от природы. И по-молодому, не колеблясь, отдавали здоровье и силы на обновление края...

Индигирское содружество

Многие первооткрыватели Колымы и Индигирки помнили потом всю оставшуюся жизнь, как в дикой глуши радостно и неожиданно раскрывались разнообразные их таланты, как обновлялась местная жизнь.

В посёлке Усть-Нера с появлением геологов возник малый симфонический оркестр. Обнаружились вокалисты. Целая группа!

На некогда утрюмых берегах Индигирки зазвучали меццо-сопрано Анны Петровны Раковской, колоратурное сопрано врача Клавдии Фёдоровны Камальян.

Зазвучали «Патетическая соната» Бетховена, «Времена года» Чайковского, «Я помню чудное мгновенье», «Жаворонок» Глинки.

Раздавались мелодии Грига, Моцарта, Бизе, Гуно...

И это в суровой обстановке, когда жили и трудились индигирцы по законам военного времени. Когда наряду с изношенной землеройной техникой широко использовался ручной труд заключённых...

...Юмор, искромётные шутки были характерны для среды первооткрывателей. Так бытовало уже на Алдане в то время, когда вокруг Ю. Билибина формировалась «могучая кучка» исследователей Северо-Востока. Потянулось это по всей Колыме. И дошло до Индигирки.

И как не дойти, если там появились такие яркие люди.

* * *

В 1943 году в должности начальника райГРУ в Усть-Нера начал работать Сергей Дмитриевич Раковский. Около десяти лет отдал он организации разведки уникальных россыпей Индигирки.

В том же году Евгений Трофимович Шаталов начинает в этом райГРУ работать главным геологом.

К этому времени Шаталов уже был известен в научных кругах своими серьёзными публикациями по геологии.

Опыта у обоих геологов не занимать. Энергии тоже.

Раковский и Шаталов резко развернули работы в сторону поиска золота.

Результаты были очевидны.

Появился целый ряд приисков.

То, что в первой половине сороковых годов добыча золота «Дальстроя» приближалась уже к 80 тоннам в год, — большой вклад приисков на Индигирке. Геологи понимали важность обеспечения разработчиков запасами россыпного золота. В этом направлении и шла основная работа. По результатам её С.Д. Раковскому и Е.Т. Шаталову в 1945 году будет присвоено звание лауреатов самой престижной на то время Сталинской премии.

Тяжёлые, напряжённые будни. И в то же время неиссякаемый юмор. Выпускалась своя стихотворная сатирическая газета. Жизнеутверждающий сарказм помогал переносить неурядицы и злоключения.

Удачные стихи ходили по рукам. С.Д. Раковский только приветствовал подобные походные вирши. Многие знал наизусть. Часто он становился одним из персонажей стихотворных повествований.

Его смуглое, иссечённое ветрами, обожжённое морозами лицо, несколько усталые глаза оживали при чтении стихотворных опусов его коллег.

Эпиграммы, стихи, отрывки из поэм, напечатанные в стихотворной газете «Динозавр», заучивались наизусть.

В одном из номеров «Динозавра» была напечатана поэма «Индигирка», посвящённая, казалось бы, заурядному событию — злополучной поездке геологов на конференцию. Но она говорит о большем. Стихотворные строчки свидетельствуют о духе товарищества, единодушия коллектива геологов, преданности, о живости характеров.

Приведём только часть задорного повествования, не лишённого талантливых строк.

Индигирка

Поэма

Пролог

*Индигирцы, есть такое племя,
Племя — это нечто вроде клана,
Говорят, такое было время,
Что им даже не спускали плана.
К индигирцам раньше добирались
На оленях или самолётах,
Но немало смельчаков терялось,
Погибая в реках и болотах.
Индигирцев отличить нетрудно,
Даже их ведущих инженеров.
Шьют себе одежду чудно,
Шапки сверхъестественных размеров.
Индигирцы любят поклониться
Идолу лесного бога — Пана,
Но сильнее всех чертей бояться
Спущенного им Главкомом плана.*

Приготовление

*Раковский, сидя в кабинете,
Писал размашисто на смете:
«Пересмотреть, ошибки есть,
Потом Шаталову прочесть».
Но в двери кабинета вдруг
Раздался дважды резкий стук:
— Пакет примите!
— Что так рано?
— Да «молния» из Магадана.
Возьмите, распишитесь тут.
— Вот, черти, в семь часов найдут!
Раковский чёрта вспоминает,
Берёт депешу и читает:
«Созвать на съезд решили мы
Геологов всей Колымы,*

*Где мы послушать будем рады
И ваши мудрые доклады...»*
(Пиккель, г. Сусуман)

Далее описываются передряги, в которые попадали делегаты, добираясь до цели. Существовали варианты продолжения этой поэмы.

Вирши передавались по рукам. Самопроизвольно, стихийно создавалась целая «Индигириада».

Появился и свой, родившийся в атмосфере товарищества и сердечности, единодушно принятый тост:

*Тише, товарищи! Кубки наполнить!
Встанем и выпьем все враз.
Эту совместную чару застольную
Выпьет пусть каждый из вас!
Выпьем, друзья, за просторы таёжные,
Выпьем за наши дела.
Выпьем за счастье, за стёжку дорожную,
Что вдоль тайги пролегла.
Выпьем за тесное наше содружество,
Дружной работы оплот.
Выпьем за счастье, за бодрость, за мужество,
Выпьем за слово «вперёд»!*

* * *

Они не могли представить свою жизнь без тесного трудового содружества, родившегося на Колыме и окрепшего на Индигирке. Никакой заслуженный пенсионный отдых и почести не в состоянии были заменить его.

Об этом — поэма Валентина Португалова «Человеку не спится», написанная за два года до того, как весной 1962 года С.Д. Раковского, человека, совершившего трудовой подвиг, не стало:

*Человеку не спится...
За окном — подмосковная ночь.
Человеку не спится. Человеку сегодня невмочь.
И не только — сегодня: и вчера, и позавчера
Человека тревожили эти ночи и вечера...*

Ветки яблонь тычутся в окна, у забора сереет сирень,
Нюхотки и рудбеки на цыпочках тянутся
в завтрашний день.

Человеку не спится. Не спится ему, не ложится:
Неохота ни книгу читать, ни гулять, ни напиться,
Человеку не спится.

Большеносый, сутулый, нахохленный,
словно старая птица.

Человек раздражён, человеку сегодня не спится.
Он шагами неверными широкую комнату мерит.
Он глядит в подмосковную ночь и ничуть этой ночи
не верит.

Окна — настезь. Тёплый воздух потокой липнет
к лицу,

Георгины большеголовые подходят тихонько к крыльцу.
Где-то там, за рекою, выпть не может угомониться.
Человеку не спится.

Человеку не спится: у него и катар, и одышка.
В синих брюках, в кармане, лежит пенсионная книжка.
Орден и медалей колодки на новом горят пиджаке.
На плече — огнестрельная рана. И шрам от ножа —
на руке.

Что-то чаще и чаще сердце стало давать осечку...
Подмосковная дача смотрит окнами в сонную речку.
Там кувшинки цветут.
А ему ни на что не глядится.
Человеку не спится.

Почему? Почему? Почему человеку не спится?
Он не вор, не подлец, не пошляк, не тупица
Он привык днём и ночью трудиться, —
Почему ж человеку не спится?

Неспокойно ему, беспокойно ему и тоскливо.
Шебаршит у его изголовья горбатая старая ива.
Пахнет горькой таёжной травой одеяло на вате,
Рыщут волны Охотского моря у самой кровати,

Под дубовыми креслами родниковая плещет водица —
Эх, сейчас бы да этой водой ледяною умыться,
Да этой водицы напиться!
Человеку не спится.

Тридцать лет пролетели, как сон, а сегодня не спится...
Без него, без него намечается план экспедиций.
Без него у холщовых палаток ещё с предрассветной поры
Мохноногих сибирских лошадок завьючивают каюры.
Без него по таёжным завалам проходят весёлые люди.
Те, что любят тайгу и чудесную Родину любят.
Без него там, над Санга-Кюель, польхают зарницы...
Оттого и не спится.

Глава 6

РУСЛО СУДЬБЫ

На геолого-разведочной базе

Инициатива Ю. Билибина по развитию широкомасштабных исследований Колымы, несмотря на исключительные результаты Первой и Второй Колымских экспедиций, почти везде сталкивалась с недоверием различных трестов и главков. Его «План развития геолого-разведочных работ на Колыме», в котором предусматривалось опережающее проведение именно поисковых и разведочных работ, остаётся всего лишь на бумаге. Тем не менее в 1931 году он отправляется на Колыму в устье Среднекана с большой экспедицией геологов. Участники этой экспедиции во главе с Ю. Билибиным явятся потом ядром Колымской геолого-разведочной базы Главного геолого-разведочного управления (ГГРУ). Для этой цели выделяется Правительством около 1 миллиона рублей. Среди этих геологов были: А.А. Арсеньев, В.Н. Берёзкин, Е.С. Бобин, В.П. Брусенкин, А.П. Васьковский, Б.И. Вронский, С.Е. Захаренко, Г.С. Киселёв, М.Т. Котов, М.М. Лагутин, Е.А. Нечаева, И.А. Пудовкина, П.И. Скорняков, Л.А. Снятков, Б.Л. Флеров, Е.Т. Шаталов и др.

Колымская геолого-разведочная база создаётся к весне 1931 года. До образования треста «Дальстрой» оставалось более полугода.

Билибин назначается её техническим руководителем. Под его началом теперь коллектив, насчитывающий 120 человек. Определённое достижение геолога! Но этого недостаточно!.. Мало для выполнения задуманного! Позже с созданием треста он будет назначен главным инженером-геологом производственно-технического сектора дирекции Дальстроя и начальником Элекчанской геологоразведочной партии.

Недостаточно, несмотря на то, что экспедиционное изучение Крайнего Северо-Востока велось в конце 30-х годов и геологами Главсевморпути. В это время на Чукотке работала Чаунская экспедиция, где главным геологом был Б.Н. Ерофеев. Экспедициями под руководством Б.Н. Ерофеева (в составе уже «Дальстроя») будут открыты месторождения олова, золота и вольфрама.

Колымская база ГГРУ предназначалась для проведения разведочных и геолого-поисковых работ в районе уже действующих приисков. Местоположение её определили в устье Среднекана, недалеко от Колымского приискового управления. Начальником базы был поставлен Карл Шур. Да, да! Тот самый Шур — некогда преподаватель черчения в Горном институте, потом — зам. директора по хозяйственной части во время реорганизации Инцветмета. Специалист в геологии ещё тот. Теперь любивший цитировать Л. Троцкого и усиленно радевший за экономию во всём, типичный чиновник «с партийным билетом в кармане», одобрявший все реорганизации, которые позволяли занимать хлебные должности, руководил здесь, на Колыме. Полностью все хозяйственные заботы и прочие дела он взвалил на плечи технического руководителя базы — Ю. Билибина. Товарищ Шур, с которым геологам пришлось помяться ещё на Алдане, не спешил заниматься своими непосредственными обязанностями. Руководить базой инициатору её создания Билибину — сыну бывшего белого офицера доверять не торопились.

После процесса «Промпартия» к специалистам с биографией, подобной той, какая была у Билибина, относились настороженно.

«Над всеми висел дамоклов меч, и над Юрием Александровичем тоже», — вспоминала Наталья Николаевна Трушкова.

«Как сыну царского полковника, беспартийному, ему не доверили быть начальником Колымской базы ГРУ, и он вынужден был подчиняться К.М. Шуру, полному профану в геологии». (Р. Седов).

* * *

Теперь в Нагаево на берегу бухты раскинулся обширный посёлок. Нагаево стал окружным центром Охотско-Эвенского округа.

Всё служило колымским приискам. Посёлок был перевалочным пунктом для доставки сотен пассажиров и тысяч тонн груза на прииски.

Уклад жизни поисковиков резко не изменился со времени проведения Первой Колымской экспедиции.

Пятьсот километров, которые отделяли Колыму от Нагаева, по-прежнему оставались непреодолимым препятствием для снабжения экспедиций всем необходимым.

Ю. Билибин писал по этому поводу: «...Нельзя сказать, чтобы это препятствие было действительно непреодолимым. Правда осваивать Колыму было трудно, но суть всё-таки заключалась не в этом, а в полном неумении руководителей снабжения организовать своё дело, в их абсолютном незнании условий тайги, в полной беспомощности и растерянности во всех затруднительных случаях. Достаточно сказать, что за две зимы 1931-32 г. и 1932-33 г. в транспорте, обслуживавшем снабжение приисков, пало свыше 2 000 коней. Все отрасли приискового хозяйства — и эксплуатация, и разведка, и особенно геолого-поисковые работы — неизменно были остро недоснабжены».

Удручающим для Ю. Билибина было и то, что явилось позже одной из причин его разлада с вышестоящим руководством.

Об этом он писал чуть позже так: «Для каждого производственника кажется совершенно естественным принцип, что геолого-поисковые работы должны направляться туда, где вероятнее всего ожидать золото, а снабжение должно забрасываться туда, где золото обнаружено. В начале 1931 г. на Колыме был провозглашён другой принцип: золото, независимо от геологических данных, надо искать прежде всего в тех районах, которые легко снабдить. Этот неправильный принцип чрезвычайно сильно повредил развитию Колымы».

* * *

До устья Среднекана, к месту строительства базы, добирались на кунгасах. Начальник базы вяло участвовал в подготовке к отъезду, делая слабые попытки решать необходимые вопросы с «Цветметзолото». А если и делал, то под нажимом своего технического заместителя Билибина.

В сентябре все полевые партии, проводя попутно геологические наблюдения и опробование на золото, сплавились до Среднекана. Даже беглое опробование на золото показало, что большая часть притоков Бахапчи золотоносна.

На базе геологи должны были зимовать, поэтому к строительству все приступили энергично. Даже женщины занимались заготовкой мха для пазовки стен будущих домов. Шур первую половину дня пытался включиться в общую работу, но во вторую скрылся в своей палатке. Дальнейший трудовой процесс вершился без него. И не только при постройке базы.

Бывший студент Ю. Билибин так отметил этот поступок своего учителя черчения:

*Совсем недавно мнилось Шуру,
Что Колыма ему под стать.
Он небольшую «авантюру»
Тогда задумал предпринять.*

*И вот, таща бревно к палатке,
Шур вспоминал Геометалл,
Там коридоры были гладки,
И Шур там брёвен не таскал.*

*И вспоминая Ленинград,
Он был готов скакать назад.
А небольшая «авантюра»
Уж больше не прельщала Шура.*

Поступки Шура были столь своеобразны, что они невольно привлекали острословов.

Вначале все как-то терпели неадекватные выходки Шура, пытаясь ради общего дела поверить, что всё встанет на свои места. Но вскоре, бессильные как-либо по-другому выразить протесты против неподражаемого в своей некомпетентности начальника, острословы отводили душу в посвящённых ему стихах. Сложился не один «Портрет Шура», не одна «Биография Шура».

Шаталов:

*В далёкой северной Пальмире
Сидел в НИГРИМе мудрый Шур,*

*Известный всем в Учёном Мире
Как образец карикатур.*

«Шур был очень низкого роста, с пузцом и лыс».
Вронский:

*Обличьем он Наполеон.
С боков и спереди, и сзади.
Умом? Кто гением рождён,
Тому ума совсем не надо.*

Билибин:

*...Но погуляла шевелюра
На голове Карлуши Шура.*

В одной из «биографий» Шура говорилось, что в прошлом, до Гражданской войны: «Шур — просто дамский был портной...»

Это самодеятельное творчество нередко превращалось в коллективное.

Как-то Билибин за один вечер начертал на большом листе писчей бумаги около 110 рифм на имя Шур, они в дальнейшем широко были использованы основными творцами «Шуриады». Ю. Билибин увлекал всех своим азартом. Он умел и пошутить, и увлечь за собой. Отложит в сторону рукописи «Геология россыпей» и даст азартную команду: «Все в волейбол!»

В. Вронская пишет: «Можете себе представить (а мы были этому свидетелями), каково было Билибину — при его-то самолюбии! — находиться в административной зависимости от этого субъекта. Ведь вся организация экспедиции исходила от Билибина, но формально каждую свою заявку он должен был согласовывать с Шуром, получать от того санкции. А Шур «делал свои санкции» с полным сознанием ответственности, с доступным ему размахом «дамского портного».

Приведу только пару примеров.

Шур находил, что геолого-поисковой партии на весь полевой период достаточно выписать два карандаша — геологу и прорабу, по одному на каждого.

— Но ведь карандаши нужны и коллектору, и промывальщику, — возражали ему.

— Можно эти два карандаша распилить пополам: по полкарандаша на лето вполне хватит, — и в доказательство сказанному он показывал карандашик в своей записной книжке, который служил ему уже три года...

— Но ведь в полевой партии приходится писать гораздо больше, чем вам. Наконец, карандаш в тех условиях может потеряться.

— А вот привяжите карандашик к вашей полевой книжке. И вообще, надо беречь государственное достояние, а не терять. Другой пример.

Билибин (ещё во Владивостоке, перед отплытием на север, в Нагаево) наметил покупку лошадей и перевозку их на место пароходом (мы ехали грузовым пароходом). Шуру представлялось это неоправданным расходом, и он предлагал перегонять лошадей по льду, когда замёрзнет Охотское море...

— Это невозможно, — втолковывали ему геологи.

— Тогда арендуем их в Нагаево у существующей там организации ЦМЗ («Цветметзолото»).

— Да им самим лошади нужны, а если они и сумеют выделить нам сколько-нибудь из имеющихся у них табунов, то дадут ведь не лучших, а отработанных — уже негодных, мало-сильных.

— А на то и глаза у вас, чтобы отобрать лучших, годных для работы...

И такие, в том же духе, разговоры происходили перед отъездом из Владивостока ежедневно».

Ю. Билибин не всегда ручался за себя во время таких «деловых» переговоров с Шуrom. А потому «выходил» на Шура не в одиночку, а вместе с группой старших геологов — Вронским, Захаренко, Шаталовым, обсудив предварительно с ними план беседы с Шуrom. Эти походы они называли «штурмом Версаля».

* * *

Налаживая быт на базе, Билибин был озабочен и технической подготовкой участников экспедиции.

Были организованы систематические лекции по кристаллографии, минералогии, по общей геологии. Кто-то учил иностранный язык, кто-то — математику.

Геолог Берёзкин, выросший в Якутии, обучал желающих якутскому языку.

Раз в неделю в один из выходных дней (вечером) все, вместе с Билибиным, проводили время в коллективных играх. Билибин был неистощим на выдумку. Заражал всех своей детскостью, изобретательностью. Мерились силой, разгорячённые вываливались на мороз, в снег.

Часто организовывали музыкальные вечера. Пели. Такие вечера всем очень нравились.

Каждый вечер геологи собирались в коллекторной (в большом бараке) для подобных занятий.

Это насторожило бдительное око начальника базы. Мероприятия сомнительного свойства, неподвластные Шуру, показались подозрительными. Тем более в полутьме, в полярную ночь!

«...Однажды в часы занятий к нам в барак прибыл Шур (необычное явление!) и вежливо осведомился, можно ли ему послушать лекцию. Шуру кто-то ответил, что вход на лекцию свободен для всех желающих. Шур разулся и скромно уселся в дальнем полутёмном углу коллекторской, устроившись на чьём-то топчане.

Был час Билибина. Он читал главу о морфологии образований, возникающих в результате деятельности ледников. По сути это были части из его будущей книги о металлогении, которую писал он отрывками от текущих дел.

У Ю. Билибина была превосходная черта. Он умел распределять чётко своё время. По свидетельству очевидцев, перед лекцией, докладом он, уточнив, в какое время ему следует уложиться, вынимал часы, клал их на стол и начинал лекцию. Говорил сжато и доходчиво. Находилась место и для шутки. Всегда укладывался в отведённое время.

На самые сложные вопросы он отвечал ясно и логично. В его речи не было заумных, наукообразных выражений.

...На этот раз по ходу изложения Билибин упомянул о происхождении так называемых «бараньих лбов» — характерных форм, образовавшихся в результате деятельности льдов.

По окончании лекции задавались вопросы. Шур проявил активность — поднял руку: дескать, и у него есть вопрос. Билибин, явно взбешённый присутствием Шура (контроль?), молча упёрся в него глазами — дескать, слушаю...

— А что, и на Колыме бараньи лбы есть? — спрашивает смиренно Шур.

Билибин, вцепившись рукой в край стола — так, что побелели на сгибах пальцы, чуть подавшись вперёд и глядя в упор на Шура, отвечает со свойственной ему чёткостью — раздельно и громко:

— На Ко-лы-ме ба-ра-ньи лбы есть!

Нужна была вся наша воспитанность, чтобы не разразиться гомерическим смехом. Мёртвое, длительное молчание, повисшее в аудитории, было весьма выразительно.

На том лекция окончилась. Торопливо собрав свои записи, мы поспешили покинуть лекционный зал. Больше Шур на лекциях не бывал». (В. Вронская).

«Шуриада» продолжалась. И в жизни базы, и на бумаге:

*Среди других больших фигур,
Вполне достойных изваянья,
Твоя фигура, мудрый Шур,
Стоит вне соцсоревнованья.*

Гримасы чиновничества и поэзия жизни вечны!

И в больших, и в малых делах Ю. Билибин был принципиален. Начальство его уважало, но не любило: он редко шёл на компромиссы.

Вот одно из таких «малых дел».

Профсоюзное руководство на Среднекане решило исключить геолога В.Н. Берёзкина (того самого, который учил коллег якутскому языку и который был неплохим геологом) из профсоюза. Причина: его отец до революции был исправником Якутской губернии. После революции он активно стал работать на советскую власть, обеспечивал грузоперевозки от Элачана до Среднекана, но... Уж больно Берёзкин-младший был резок нравом, часто конфликтовал с начальством.

Однажды он довольно резко поговорил с Улыбиным — начальником Среднеканской конторы, и профсоюзная организация решила исключить Берёзкина из профсоюза. Вспомнили прошлое отца его. Дело было явно неправомерное. Ю.А. Билибин возмутился и потребовал отменить решение и восстановить геолога в профсоюзе. Получив отказ, в знак протеста Ю. Били-

бин подал заявление о своём выходе из профсоюза. Возникла скандальная ситуация: видный геолог намерен выйти из профсоюза. Берёзкин был восстановлен.

Может показаться, что я привожу слишком пространные картины из жизни геологов.

Может быть...

Но это идёт от радостного ощущения молодости, свежести жизни и веры в успех, которые царили среди геологов.

Невольно слышится голос Александра Градского:

*Как молоды мы были,
Как молоды мы были.
Как верили в себя!..*

Супруги Вронские, которых я часто цитирую, заслуживают того, чтобы сказать о них подробнее.

Варсеник Месроповна родилась в 1902 году в Армении в семье сельского учителя Месропа Адаляна и араратской княгини Мариам.

В Полоцке она окончила с серебряной медалью гимназию. В 1919 году вступила в партию большевиков и ушла на фронт. Первым её мужем был Александр Заволокин, погибший в 1920 году на Украине. В конце Гражданской войны Варсеник Месроповна оказалась на родине Заволокина, в селе Михайловка Курской области. В местной школе она и директор, и преподаватель математики, русского языка. Здесь в 1922 году она встречает Бориса Ивановича Вронского.

Борис Иванович Вронский родился в семье актёров гастролирующей театральной труппы Павла Орленева. Получил среднее образование в реальном училище.

Учился на горном отделении Варшавского политехнического института, в Коммерческом институте в Киеве. Вступает в партию большевиков, оказывается в тюрьме, где едва не погибает от тифа.

В 1923 году поступает в Московскую горную академию, в этом же году Варсеник Месроповна становится студенткой геологического факультета МГУ.

«Полукочевница по происхождению... я как нельзя более была приспособлена к бродячей жизни геологов», — напишет

она о себе. Она была последним живым свидетелем и участником Колымских экспедиций. Прожив сто два года, Варсеник Месроповна живо помнила свою романтическую пору жизни.

А Борис Иванович о себе напишет так:

*Когда на родину опять
Вернусь к подруге черноокой,
Я буду часто вспоминать
Простор Аркагалы широкой.
Немало здесь провёл я дней
Среди лесов, среди камней,
Душой сроднился крепко с ней,
И для меня она родней
Всегда — в ненастье, холод, зной,
Чем мой далёкий край родной.*

Вронский, начав работать на Алдане с Ю. Билибиным, С. Раковским, с обоими братьями Бертиными, продолжит свой путь по таёжным тропам до 1955 года. Колоритный и деятельный человек! Он откроет месторождения золота, олова. Обнаружит Аркагалинское месторождение каменного угля, которое долгие годы будет служить магаданцам. И зафиксирует в своих стихах:

*В тайге безлюдной и суровой
Недаром летом я бродил.
Вот пласт угля пятиметровый,
Который мной отыскан был.
Он не один, их очень много,
Недаром был затрачен труд.
Сейчас сюда идёт дорога,
И скоро копи будут тут.*

Оба они: и Борис Иванович, и Варсеник Месроповна — напишут не одну книгу за свою бурную, замечательную жизнь.

Борис Иванович будет участником десятка экспедиций от Академии наук СССР, от Комитета по метеоритам в бассейне Подкаменной Тунгуски. Напишет об этом книгу «Тропой Кулика». Она будет переиздаваться. Её издадут в Чехословакии и Польше.

В 2009 году издана подготовленная детьми и внуками книга его стихотворений.

В 1946 году труд Б. Вронского отмечен Сталинской премией Первой степени. Он был награждён орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Что двигало им и его коллегами-геологами? Романтика? Да! Азарт? Да! И поэзия жизни! Без неё блёкнут её краски.

* * *

Ю. Билибина беспокоило положение с разведкой на Среднеканской жиле. Едва прибыв на место будущей базы, Ю. Билибин отправился к устью ручья Безымянный, туда, где зимой 1930-1931 гг. трудилась Вторая Колымская экспедиция В. Цареградского.

Разведка, проведённая геологом Едининым, показала, что большая часть проб дала низкое содержание золота. Единичные пробы фиксировали огромное содержание металла, но перспективы промышленной добычи на жиле не просматривалось.

Ю. Билибин тяжело переживал случившееся. Поспешные и неверные выводы о богатстве этой дайки явились ударом для него. Он отдавал себе отчёт в том, какая мощная административная машина после его докладов начала разворачиваться в Правительстве и выше. Он сам этого желал...

Теперь приходилось сосредоточиться на поиске и разведке россыпного золота и новых рудных месторождений.

А тут база передаётся в подчинение Колымского управления «Цветметзолота». Пришлось по команде сверху переселяться на общую базу.

Шур, к облегчению окружающих, немедленно вернулся в Ленинград. Васьковскому оставалось только с грустью констатировать:

*На яру стоят дома,
Течёт речка Колыма.
Как на этом на яру
Скончалась база ГПРУ.*

У нового начальства было своё отношение к широкомасштабным поискам россыпей золота.

Б.И. Вронский вспоминал: «Наш новый начальник Улыбин был, в отличие от горожанина Шура, старым, опытным таёжником-практиком, плохо разбиравшимся в теории, но хорошо знающим разведку россыпей золота. Стремление Билибина как можно шире развернуть геолого-поисковые работы в северо-западном направлении, чтобы выяснить и уточнить характер золотоносности и перспективы намечающегося золотоносного пояса, Улыбин считал блажью. С высоты своего кругозора он поучал Билибина:

— Не понимаю вас, Юрий Александрович. Вы всё стремитесь куда-то вдаль, а ведь скоро сюда будет проложена дорога! Почему бы вам не поставить поисковые вдоль этой будущей дороги?

Ответ Билибина, что золото надо искать там, где имеются соответствующие геологические предпосылки, а не там, где хочется, он воспринимал как чудачество. И всё же, чувствуя отменную эрудицию Билибина, он относился к нему с должным уважением».

Трест «Дальстрой»

...Когда «План» Ю.А. Билибина попал в Совет труда и обороны, возглавляемый В.М. Молотовым, к нему отнеслись по-иному. Многие к этому моменту изменилось...

...В ноябре для промышленного освоения Северо-Востока страны был создан государственный трест «Дальстрой» в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 года и Совета труда и обороны от 13 ноября 1931 года.

Руководство «Дальстроя» должно было использовать все возможности, способы и средства для немедленной и максимальной добычи золота в нынешнем и последующих годах, с одновременной подготовкой базы для развёртывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов.

Этим же Постановлением предписывалось в частности немедленно передать в распоряжение Колымского треста ледокол «Литке», который в течение ноября должен быть направлен из Владивостока в Нагаево с людьми, которым надлежало выполнять задания.

Какое огромное значение придавалось организации этих работ на Колыме, видно из следующего:

«...Предложить т.т. Ягоде, Янсону и Бергавинову в 3-дневный срок выяснить возможность и целесообразность переброски ледокола «Ленин» из Архангельска во Владивосток, а также возможность использования для обслуживания нужд треста других ледоколов Тихоокеанского бассейна (ледокол «Добрыня Никитич» и т.п.).

Для обеспечения доставки грузов от Нагаева до приисков предложить СНК СССР выделить 100 грузовиков и 30 тракторов «Коммунар»...

...Ассигновать в распоряжение т. Ягоды из резервного фонда Совнаркома авансом на организационные расходы и заготовку, на приобретение и переброску оборудования и имущества — 20 млн рублей...

Всё завезённое Цветметзолотом на Колыму оборудование, инструменты и продовольственные промтовары списать со счёта Цветметзолота и передать на счёт Колымского треста».

Последний, двадцать пятый пункт гласил:

«Обязать ВСНХ, Наркоснаб, Наркомпочтель, НКПС все заявки Управляющего Колымского треста выполнять вне всякой очереди из любых контингентов и запасов, кроме мобзапаса и запаса Комитета Резервов...»

Это Постановление подписал Секретарь ЦК И. Сталин.

Уже к концу 1931 года «Дальстрой» должен был добыть две тонны золота. В 1932 году — 10 тонн, в 1933 году — 25 тонн. «Дальстрой» наделялся монопольным правом на промышленные и геолого-разведочные работы. Ему представлен ряд налоговых льгот и привилегий.

Руководство треста «Дальстрой» во главе с директором Э.П. Берзиным прибыло в бухту Нагаева на пароходе «Сахалин» в сопровождении ледореза «Литке» 4 апреля 1932 года. Кроме около трёх десятков работников треста, прибыли первые заключённые (не менее 100 человек), среди которых были специалисты и практики горнодобывающей промышленности, вскоре назначенные на инженерно-технические должности в «Дальстрое». Этап заключённых охраняли десять стрелков ВОХР. 8 апреля директор «Дальстроя» Э.П. Берзин издал 1-й приказ,

в котором объявлялись цели и задачи треста, утверждалась его структура и пр.

В основу деятельности «Дальстроя» было положено широко-масштабное использование принудительного труда заключённых. Трест начинал свою работу не на пустом месте. Первой Колымской экспедицией было открыто месторождение золота на реках Среднекан, Утиная. Дан был прогноз о значительных запасах драгоценного металла в бассейне верховья реки Колымы¹.

Кроме того, что немаловажно, была составлена уточнённая геолого-геоморфологическая схема строения Северо-Востока СССР. И были коллективы геологов, которые в поисковых партиях приобрели значительный опыт работы в условиях Севера и являлись потенциальной основой будущей геолого-разведочной службы треста.

В начале 1932 года Ю.А. Билибин был назначен главным геологом треста «Дальстрой».

И с лета 1932 года все геолого-разведочные работы передаются «Дальстрою».

Как отмечал в своё время Ю.А. Билибин, создание «Дальстроя» — решающий момент в истории развития всего Охотского побережья, включая Колымские прииски. Трест, располагавший огромными материальными ресурсами, дал толчок развитию и Нагаевской бухты, и более удалённым пунктам на побережье. В их числе Ола, Тауйск, Армань и др.

...Что касается самих приисков, то здесь ещё в течение двух лет — 1932 и 1933 годы — сохранялось примерно то же самое положение — неизменно острый недостаток снабжения и в связи с этим лишь очень постепенный темп развития приисков. Разрыв между побережьем и приисками, существовавший ещё до «Дальстроя», с его прибытием лишь усилился. Те 500 км, которые были трудно преодолимым препятствием для снабженцев «Союззолото», оказались ещё большим препятствием для снабженцев «Дальстроя».

Основные вехи в развитии Колымы были намечены ещё до прибытия «Дальстроя»: Нагаевская бухта — как основная снабженческая база на побережье; кратчайшее и наиболее удоб-

¹ Работу «Дальстроя», жизнь и деятельность Э.П. Берзина изучали В.Г. Зеляк, К.Б. Николаев и многие др.

ное направление шоссейной дороги на прииски; Бахапча — как подсобный путь снабжения до проведения дороги; основные районы золотодобычи, дальнейшие перспективы протяжения золотоносности на северо-запад и пр., и пр. — всё это было выявлено до «Дальстроя». «Дальстрой» получил в наследство хотя и небольшое, но более или менее налаженное хозяйство на приисках, прекрасно подготовленный геолого-разведочный аппарат с многочисленным высококвалифицированным персоналом, по сей день составляющий основное ядро геологоразведочных кадров «Дальстроя», но он в течение двух лет не мог организовать того, что было слабо поставлено и до его прибытия, — снабжения. Причина этого была всё та же — полное незнание северной тайги, пренебрежительное отношение к специфическим условиям приисковой работы и опыту старых таёжников. На этой почве «Дальстрой» совершил ряд ошибок, и смело можно утверждать, что если бы не эти ошибки «Дальстроя», Колыма была бы освоена им на полтора-два года раньше. Лишь через два года «обучения» работе в тайге «Дальстрой» смог правильно организовать свою работу, и результаты не замедлили сказаться. 1934-й год, год проведения шоссейной дороги на Колымские прииски, является поворотным моментом в их развитии.

С прибытием в Колымский край «Дальстроя» закончился первый — пионерский период в освоении края и наступил второй период — период крупного промышленного строительства».

Дальстрой отличался от других золотодобывающих трестов страны. Он не входил в систему Главного управления золотоплатиновой промышленности («Главзолото»), а подчинялся напрямую партийно-государственному руководству СССР. Имел значительные льготы и чрезвычайные полномочия на территории своей деятельности.

Трест «Дальстрой» широко использовал принудительный труд заключённых.

* * *

Уже в 1932 году на поиски и разведку полезных ископаемых было направлено 17 геологических партий. Шла планомерная работа по определению особенностей геологического строения Северо-Востока СССР.

В Охотско-Колымском районе к 1935 году проработало более 76 геологических, геолого-поисковых и рудно-поисковых партий, которые провели геологическую съёмку около 100 тысяч квадратных километров территории.

Северо-Восток страны в то время был сложным и опасным не только своими природными условиями, наличием диких животных, плохим продовольственным обеспечением. Опасность исходила и от беглых заключённых, часто вооружённых.

Так, в июле 1935 года сбежавшие заключённые из Тасканского горнопромышленного района напали на поисковую партию, убили её руководителя — инженера-геолога Зверева, ограбили продовольственную базу и скрылись в тайге.

После длительного преследования, при активной помощи местного населения с привлечением авиации, бандиты были обнаружены и обезврежены, часть при перестрелке убита.

В это время «Дальстроем» уже используется авиация, что было, конечно, эффективно в условиях заболоченности и бездорожья. Аэрофотосъёмочные работы одного лётного экипажа могли равняться по результатам десяткам топографических партий.

«Я обеспечил вам нормальную жизнь, вы должны обеспечить мне план»¹

Несомненно, велика роль в становлении «Дальстроя» и развитии всего Северо-Востока первого директора Эдуарда Петровича Берзина.

Это, безусловно, сильная, незаурядная личность.

В детстве мечтавший быть художником, он стал чекистом и строителем, первым руководителем одного из печально известных «Островов архипелага ГУЛАГ». Он основатель столицы Колымы, знаменитой колымской трассы, промышленного и сельскохозяйственного производства на территории современной Магаданской области.

Обладатель нагрудного знака «Почётный работник ВЧК-ОГПУ». Кавалер ордена Ленина.

¹ Из выступления Э.П. Берзина.

Э.П. Берзин (Берзиньш) по национальности латыш, родился в 1893 году в Старо-Пебальской волости Вольмарского уезда Лифляндской губернии (Латвия) в семье крестьянина.

С пяти лет с родителями жил на окраине Риги. Учился в городской школе, осваивал малярное дело. В семнадцать лет уехал в Германию, где окончил Берлинское королевское художественное училище. Живописец и архитектор, вернувшись потом в Латвию, с января 1915 года в составе стрелкового батальона воевал на фронтах Первой мировой войны.

Награждён серебряной нагрудной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие», Георгиевским крестом 4-й степени.

В 1917 году произведён в офицеры. После Октябрьской революции — командир 1-го лёгкого артдивизиона Латышской стрелковой дивизии, затем — командир дивизии. В 1918 году он со своими латышскими стрелками охранял Кремль.

Э.П. Берзин сыграл решающую роль в подавлении левозэровского мятежа в Москве. Он один из главных участников операции по разоблачению заговора Локкарта-Рейли (английская и французская разведки) с целью уничтожения В.И. Ленина и свержения советской власти в России. Берзин включился в опасную игру, дав согласие на участие в заговоре. Благодаря ему этот заговор удалось раскрыть.

Во время гражданской войны воевал против белогвардейцев на Западном, Юго-Западном, Восточном фронтах. Принимал участие в боях под Каховкой, Перекопом.

Был замечен и приближен Ф.Э. Дзержинским. С начала 1921 года Э.П. Берзин — сотрудник спецотдела ВЧК-ОГПУ.

Большое значение для него имела школа строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината, проходившего в специфических условиях использования труда заключённых.

Строительство велось круглый год, зимой — при 35 градусах мороза, с широким использованием принудительного труда заключённых Вишерского отделения Соловецкого ИТЛ ОГПУ (позже Вишлаг).

За 18 месяцев в суровых условиях практически на пустом месте возвели завод-гигант, выпускавший 50 % всей бумаги высшего сорта, производимой тогда в СССР.

После строительства этого комбината на Северном Урале по рекомендации И.В. Сталина Берзина назначают директором «Дальстрой».

* * *

Здесь, на Колыме, в конце марта 1932 года и произошла первая встреча Э.П. Берзина и Ю.А. Билибина. Оба они обладали сильными характерами и разным жизненным опытом.

Эта встреча наложит свой отпечаток на судьбу каждого из них.

Конечно же, даже не будь результатов Первой колымской экспедиции, отчётов геологических экспедиций С. Обручева и Ю. Билибина, обещавших огромные запасы золота на Колыме, волна мощной колонизации этого богатейшего края неминуемо бы началась. И с неменьшими темпами. К этому подталкивали многие причины. Но это случилось бы, можно полагать, на несколько лет позже. Результаты Первой Колымской экспедиции Ю.А. Билибина и В.А. Цареградского значительно подтолкнули, ускорили судьбоносные для молодой Республики Советов решения.

...Уже в 1932 году «Дальстрой» добыл 511 килограммов химически чистого золота, в 1933 г. — 791 кг. В 1935-м — 14,458 тонн, в 1936 г. — 33,360 тонн.

В 1936 году Колыма практически догонит один из самых продуктивных золотоносных районов Америки — Калифорнию. Добыча золота в Калифорнии составляла в 1934 г. 23 тонны, в 1935 году — 27,8 тонны.

И. Сталин 25 декабря 1933 года в «Нью-Йорк Таймс» отмечал в опубликованном интервью: «Наша продукция уже вдвое превысила продукцию царского времени и даёт сейчас более 100 миллионов рублей в год. Особенно за последние два года мы улучшили методы геолого-разведочной работы и нашли большие запасы золота».

В 1936 году газета «Правда» привела высказывание Э.П. Берзина о том, что за день Колыма добывает столько золота, что на эти деньги можно прокормить один день целый мир.

К этому времени было построено 600 километров колымской трассы, заработали десятки приисков, действовали электростанции, школы, больницы...

Но какой ценой?!

К концу 1932 года в Севвостлаге было 9 928 заключённых, а к концу 1933-го их стало 27 390. Количество вольнонаёмных работников «Дальстроя» составляло в 1932 г. — 3 125 человек, в 1933 году — 3 392 человека.

В 1932 году произошло объединение «Дальстроя» и Севвостлага. Во главе объединённого треста стоял Э. Берзин. Строительство колымской трассы — вот основная задача 1932-1934 годов.

Без хорошей грунтовой дороги, по которой можно было доставлять рабочую силу, технику, продовольствие в места, где уже действовали прииски, представлялось делом весьма ненадёжным.

Когда колымскую трассу в 1934 году довели до Колымы, на приисках уже работало до 4 тысяч заключённых и одна тысяча вольнонаёмных работников.

* * *

Я немало читал о первом пятилетии деятельности «Дальстроя» и лично Эдуарда Петровича Берзина, заставляя себя яснее и глубже понять время и людей той эпохи.

Э.П. Берзин, будучи сыном советской эпохи, верно и стойко служил своим идеалами. Крупная и трагическая фигура.

«Почему колымские годы, с 1932 по 1937 год включительно, выпадают из летописи побегов? Это — время, когда там работал Эдуард Петрович Берзин... Он пытался, и весьма успешно, разрешить проблему колонизации сурового края и одновременно проблемы «перековки» и изоляции. Зачёты, позволявшие вернуться через два-три года десятилетникам. Отличное питание, одежда, рабочий день зимой — 4-6 часов, летом — 10 часов, колоссальные заработки для заключённых, позволяющие им помогать семьям и возвращаться после срока на материк обеспеченными людьми. В перековку блатарей Эдуард Петрович не верил, он слишком хорошо знал этот зыбкий и подлый человеческий материал. На Колыму первых лет вора́м было попасть трудно... Тогдашние кладбища заключённых настолько малочисленны, что можно было подумать, что колымчане — бессмертны. Бежать никто с Колымы и не бежал — это было бы бредом, чепухой...»

Так писал о годах, когда «Дальстроем» руководил Э. Берзин, автор «Колымских рассказов» Варлам Шаламов.

Свидетельство такого очевидца, как В. Шаламов, важно. Оно проливает дополнительный свет на сложную судьба недюжинного человека, прожившего всего-то чуть более 40 лет. Но так много свершившего разноречивого и судьбоносного за свою жизнь.

Вексель Билибина

Борис Иванович Вронский пишет: «В марте 1932 года на Среднекан приехал начальник «Дальстроя» Э.П. Берзин, с которым прибыла группа сотрудников, в том числе инженеры-эксплуатационники М.А. Эйлин и П.Н. Рюмин. Берзин устроил своего рода «пресс-конференцию», на которой доложил о задачах «Дальстроя», о намечающемся широком развороте геолого-поисковых и добычных работ на золото, о том, что основная рабочая сила будет состоять из лиц, отбывающих наказание за те или иные преступления. Значительная часть инженерно-технического персонала, в том числе руководящие инженеры, тоже относится к осуждённым. Он предупредил, чтобы к ним относились с должным уважением, выполняя их указания по служебной линии, но воздерживались от личных контактов во внеслужебное время. Затем попросил, чтобы ему доложили, как обстоят дела с поисками и разведкой золота, в частности что даёт в перспективе Среднеканская дайка.

Юрий Александрович доложил, что геолого-поисковыми работами в ряде мест обнаружены месторождения россыпного золота, что район Колымы весьма перспективен, но что о Среднеканской дайке пока ничего хорошего сказать нельзя. Надо продолжать поверхностные и подземные разведочные работы, но не обольщаться и быть готовым к тому, что эта дайка не оправдает возложенных на неё ожиданий.

Берзин нахмурился.

— Вы представляете, чем это пахнет? Государство затратило и затрачивает колоссальные средства на освоение этого края. Все эти затраты проводятся на основании вашей докладной записки о перспективах края и, в первую очередь, перспективах

Среднеканской дайки. В ближайшее время придут пароходы с оборудованием для эксплуатации этой дайки и для создания здесь крупной обогатительной фабрики. Вы, товарищ Билибин, выдали вексель и обязаны оплатить его».

Начальник треста «Дальстрой» был одет в военную форму, на груди алел орден Боевого Красного Знамени. Его атлетическая фигура почти на голову возвышалась среди присутствующих.

Романтика первых Колымских экспедиций под руководством Ю. Билибина и В. Цареградского неизбежно столкнулась с тяжеловесным маховиком «Дальстроя», с жёсткими реалиями освоения золотоносного края.

Эти реалии по-разному, но определяющим образом скажутся на судьбах многих геологов, чьи открытия предопределили всю дальнейшую историю восточных районов нашей страны.

И только много позже, когда будет оценён масштаб свершённого, одни будут отмечены орденами и медалями, другие — самой престижной на то время Сталинской премией.

В 1933 году в «Дальстрое» уже работали 30 геологических партий, большую часть которых составляли геолого-рекогносцировочные и геолого-поисковые.

Пока ещё неоконченное строительство Колымской трассы до приисков значительно сдерживало исследования территории Колымы.

Ю.А. Билибин был сторонником расширения разведочных работ в отдалённых районах, целесообразность которых стала впоследствии очевидна. Руководство «Дальстроя» основывало свою деятельность на развитии Среднеканского приискового района. И немудрено, так как основные надежды возлагались на Среднеканскую дайку, открытую во время Первой Колымской экспедиции С.Д. Раковским. Эта дайка, когда решался вопрос об организации «Дальстроя», играла огромную роль. В прогнозе Ю.А. Билибина Среднеканское месторождение оценивалось как весьма перспективное, с колоссальным запасом богатых руд. Ему Билибин отводил ключевую роль. Оно должно было окупить огромнейшие затраты на освоение края. Да, это был своеобразный вексель Билибина, выданный им государству.

Но поскольку последующие исследования показывали непромышленный характер Среднеканской дайки, Билибин

увидел большие перспективы в расширении разведки и эксплуатации россыпных месторождений золота. Они требовали значительных затрат и времени. А этого-то у «Дальстроя» как раз и не было. Был спущен план добычи золота по годам. Этот план мог быть выполнен на основе разработки именно рудного золота.

Руководство «Дальстроя» стало недоверчиво относиться к прогнозам Ю.А. Билибина.

В какой-то степени сложившаяся ситуация напоминала историю с Розенфельдом. Тогда были «Гореловские жилы», теперь — Среднеканская дайка.

С россыпным золотом положение дел было понятно. Но отсутствовала твёрдая уверенность, что затраты в этом случае окупятся. Ведь не подтвердилась же пока оценка Ю. Билибиным запасов рудного золота. Положение становилось более чем критическим. Отношения с руководством «Дальстроя» у Ю. Билибина разладились.

Он продолжал настаивать на организации нескольких отдалённых разведочных баз, которые бы вели широким фронтом разведку именно россыпного золота.

По сути вошли в противоречие два подхода к разработке месторождений Колымы. Один — чисто хозяйственный, основанный на жёсткой необходимости выполнения установленного плана по добыче золота. И второй, базирующийся на планомерном научном изучении возможных ресурсов территории и их системном использовании. Оба подхода — оправданные, но требующие для себя конкретных условий.

Аналитик и учёный Ю. Билибин видел перспективы в разведке и эксплуатации россыпных месторождений золота. Э.П. Берзин как истинный хозяйственник продолжал настаивать на рудной его добыче, которая вселяла уверенность в выполнение спущенных сверху планов. Были у Ю.А. Билибина разногласия с руководством треста и в других вопросах. Свой последний полевой сезон на Колыме он провёл в качестве начальника Электанской партии.

Пополз шепоток:

«Стране нужен металл, а не теории о происхождении россыпей...»

«Билибин слишком академичен, это его главный недостаток. Пусть он покажет, где взять богатое золото сейчас, а не обещает журавля в небе...»

...В 1933 году Ю.А. Билибина отстраняют от должности главного геолога. По Магадану пошли слухи об ордере на арест Билибина.

Когда участники Второй Колымской экспедиции вернулись в Магадан, всех геологов пригласил к себе директор «Дальстроя» Э.П. Берзин. Главный вопрос стоял о Среднеканском месторождении. Имеет ли оно промышленное значение? Работавший ещё недавно главным геологом Ю.А. Билибин приглашён не был.

И жилья ему, вернувшемуся из тайги, в Магадане не предусмотрели — пришлось ютиться у Д.В. Вознесенского.

Надо знать характер Ю.А. Билибина, не привыкшего к унижениям, чтобы понять его состояние. Он оказался не у дел...

* * *

...По городу шёл человек, у которого не было собственного ночлега, а идти к коллегам, подвергая их опасности, он не сразу решится.

Шёл одиноко человек, имя которого через несколько лет узнает огромная часть отечественного научного сообщества. В его труде «Основы геологии россыпей» впервые в мировой практике всесторонне будут освещены геологические особенности россыпных месторождений золота. Эта монография, большую часть которой он напишет в полевых условиях во время своих экспедиций, станет основным учебным пособием в вузах и руководством по поисково-разведочным работам. Именно за результаты работы на Северо-Востоке страны он получит Государственную Сталинскую премию СССР первой степени. Его имя будет носить одна из первых на Северо-Востоке атомных электростанций. Район и районный центр Магаданской области, улица на Алдане, в Усть-Среднекане. Откроют памятник в посёлке Билибино.

Память о нём будет увековечена в названии двух минералов — билибините и билибиниските, в названии вулкана... Будет...

А пока?..

Отголоски событий тех лет глухо доносятся из рассказа жены Билибина, Натальи Николаевны Трушковой:

«По выходе из тайги в Магадане я стала искать своих коллег. Меня направили в палатку. Дежурный допрашивал меня: кто, откуда, каким образом? А сам всё за печку ходит — записывает. И вдруг:

— Вы у Юрия Александровича были?

— Так я и хочу узнать, где геологи.

— И не знаете, что вчера произошло? — подозрительно глядя на меня, выпалил дежурный.

За управлением «Дальстроя» стоял новый дом, где жил Вознесенский. Дверь заперта, звоню. Открывает Юрий Александрович, изумлённо смотрит на меня. Дело в том, что ещё в мае на Среднекане я его предупредила, что мы с ним разведемся и жить вместе больше не будем.

Юрий Александрович пригласил меня в дом.

— Пришла узнать, что произошло.

Он долго молчал. Рассказ его я восприняла тяжело.

Как водится, выпил и пошёл в столовую закусить. Скоро стол его был занят: вокруг Билибина всегда группировались геологи. От выпивки, тепла переполненной столовой, горячего супа он опьянел. Копившаяся за эти годы обида выплеснулась наружу: его, открывателя кладовых края, не считают за человека. Своим громогласным голосом Юрий Александрович материл советскую власть, крепко, по-старательски. В ярком коротком спиче досталось и отцу народов.

Все отхлынули от своего кумира. Один Гриша Киселёв, из беспризорников, коллектор, которого Билибин учил, метался вокруг своего учителя:

— Юрий Александрович, пощадите, нас заберут, — рыдал парень.

Билибин замолчал.

Не знаю, как он провёл остаток дня, но Вознесенский, у которого он квартировал, не выгнал его. Я решила остаться, чтобы держать его «в рамках»: ЧП было страшным — расстрельная статья. В ожидании парохода мы держались вместе...

...Юрий Александрович захотел пойти на футбольный матч. Я не стала его раздражать, согласилась. Мы выбрали пустую ска-

мью. К нам никто из знакомых не подошёл, больше того, скоро трибуны опустели, и матч прекратился. Вечером к нам зашли Борис Иванович Вронский, двое коллекторов. Посидели, Юрий Александрович угощал гостей водой. Как я была признательна этим людям!

Когда подошло время брать билеты на пароход, Юрия Александровича в списках пассажиров не оказалось. Он сразу вернулся и спросил, брать ли на меня билет. Я сказала:

— Нет. Вместе прибыли — вместе уедем.

Юрий Александрович пробыл дома минут двадцать и снова пошёл в кассу. Ему продали билет на пароход».

Ю.А. Билибин был отстранён от должности главного геолога в 1933 году. Вместо него назначат М.И. Конычева. По окончании срока договора в начале 1934 года Ю.А. Билибин уволился из «Дальстроя», с которым у него были связаны мечты, открытия. И тяжёлый труд в течение семи лет, часто с риском для жизни. Что думал-передумал за долгую дорогу от Магадана до Ленинграда, протянувшуюся по всей стране, отлучённый от дел своей жизни Ю.А. Билибин? Какие силы нужны были, чтобы превозмочь свершившееся?

...Ближайший сподвижник Билибина и Цареградского ещё со студенческой «Сибирской секции» в Ленинградском горном институте Дмитрий Владимирович Вознесенский (1904-1956 годы) будет арестован позже, в 1938 году.

Незадолго до тюремной камеры, награждённый орденом Трудового Красного Знамени, он напишет: «Пока я буду нужен Колыме, я её не покину. Я люблю её за то, что ей отданы лучшие годы моей жизни, за то, что она является редкой жемчужиной в сокровищнице Советского Союза».

Можно думать, что отъезд Ю.А. Билибина из Магадана в известной степени уберёт его при чистке кадрового состава геологов «Дальстроя» от возможного ареста.

* * *

Кратко о жене Ю.А. Билибина Наталье Трушковой.

Наталья Николаевна Трушкова родилась в Екатеринбурге в семье горного инженера. Среднюю школу окончила в Томске, где её отец Николай Ильич Трушков был профессором Технологическо-

го института, затем, как уже знаем, в Ленинграде — заведующим кафедрой разработки рудных месторождений в Горном институте.

В 1925 году Н.Н. Трушкова поступила в Ленинградский университет. В 1931 году, не окончив последний курс университета, уехала в экспедицию на Колыму в составе Второй Колымской экспедиции Ю.А. Билибина.

В 1929-1933 гг. была его женой.

В 1934-1943 гг. жила в Ленинграде, работала во ВСЕГЕИ.

В январе 1943 г. по вызову Наркомцветмета уехала работать в Среднюю Азию, затем — в Москву. В 1945-1948 гг. работала на Колыме (возглавляла геолого-поисковую партию Охотской экспедиции), на Индигирке (заведовала шлиховой лабораторией); была также старшим геологом научно-исследовательского отдела геолого-разведочного управления «Дальстрой». В 1948 г. вернулась в Ленинград и стала вновь работать во ВСЕГЕИ.

В 1957-1958 гг. работала в Монголии, в 1961-1962 гг. — в Воркуте.

* * *

Сведения о рудной золотоносности даек, полученные в 1928-1930 годах, хотя и были предварительными и неточными, в последующие годы (Среднеканское месторождение, понимаемое как большеобъёмное) оказались близкими к первоначальной оценке Ю.А. Билибина.

...Ещё в 1932 году партия И.Л. Соловейчика откроет золотоносную Утиную дайку, которая станет позже первым промышленным золоторудным месторождением на Колыме. Эта дайка будет обнаружена на левом борту долины р. Утиной, недалеко от эксплуатировавшихся россыпей ключей Юбилейный и Холодный, открытых в 1929 году С.Д. Раковским во время Первой Колымской экспедиции.

Промышленная оценка дайки рудного золота была подтверждена авторитетной экспертной комиссией. Будет развёрнуто строительство первого горнорудного предприятия Колымы. Но это будет позже.

Перед отъездом из Магадана Ю. Билибин дополнил своё заключение о запасах россыпного золота. Он указал в нём размеры добычи его по годам на десятилетие вперед.

Однако признание этого заключения и прогноза наступит только через три года, в 1936-ом. Вопреки ожиданиям руководства «Дальстроя» план добычи россыпного золота будет перевыполнен вдвое и добыча его достигнет той величины, которая была намечена прозоривым учёным.

Этот факт не мог остаться незамеченным. Он требовал объективного анализа.

Среднеканская дайка

Мы помним, что эта дайка была открыта С.Д. Раковским. Самое первое заключение о ней было дано на основании крупных образцов из встреченных на поверхности жилы. Это было обусловлено тем, что разведки ещё не производились. Не было на это ни рабочих рук, ни средств. Поверхность жилы была вскрыта в немногих местах, то есть пробы оказались непредставительными для месторождения. Бедные рудным золотом или пустые участки остались неопробованными.

Подвёл и пробирный анализ, сильно завывсивший содержание золота. Непроизвольно была допущена ошибка в квадрате.

При опробовании Ю. Билибин не присутствовал: он был в этот момент в Ленинграде.

Составляя записку в Правительство о перспективах Колымы, Ю. Билибин ради осторожности уменьшил в десять раз данные о запасах золота. Тем не менее эти запасы превосходили все ресурсы рудного золота в стране.

По возвращении на Колыму, получив новый фактический материал по Среднеканской жиле, он дал чёткую характеристику месторождения. Эту оценки поддержали потом все, занимавшиеся её изучением.

Но надежды, которые вселило это месторождение, были так велики, что никто не решался остановить запущенный в ход хозяйственный маховик.

...В конце 1933 года разведка рудного золота была закрыта. Отпущенные средства в связи с «ошибкой Билибина» не пропали. Они сработали на освоение Колымы, инициировали масштабное строительство дорог и жилищное строительство.

Смелый и подтвердившийся прогноз Ю. Билибина о больших промышленных запасах россыпного (не рудного) золота заработал, хотя не сразу, но эффективно.

В 1934 году ОГПУ внесло предложение об организации комиссии для проверки работы «Дальстроя». Политбюро ЦК ВКП(б) это предложение поддержало.

Можно думать, что одной из главных причин проверки комиссией работ на Колыме явились как раз противоречия в вопросах развития дальнейшей золотодобычи в регионе.

Комиссия в составе: Д.Я. Одинцова (председатель), профессор И.Ф. Григорьева и Н.И. Трушкова, инженера В.Н. Зверева — оценила Верхне-Колымский район «как один из крупнейших золотопромышленных районов Союза». Одновременно было рекомендовано выделить значительные капиталовложения на разведку золота «Дальстрою». На 1934 год они возросли вдвое по сравнению с 1933 годом.

Деньги, отметим, были выделены на работу поисковых партий. То есть именно на то направление, за которое так ратовал Ю. Билибин.

Теперь, к 1935 году, в Охотско-Колымском районе проработало более 75 партий. Оперативными разведками Северного горнопромышленного управления были обнаружены промышленные россыпи, по богатству во много превышающие запасы рудного золота Среднеканской дайки. Объём работ и будущее благополучие «Дальстроя» были вне сомнений.

В 1935 году за открытие месторождений золота на Колыме были награждены многие геологи. Среди награждённых Ю.А. Билибина не оказалось.

В 1936 году было добыто уже 33,3 тонн золота, то есть в шесть раз больше, чем в 1934 году.

Прогнозы Ю.А. Билибина оказались чрезвычайно верными. Обращает на себя невольно тот факт, что в предшествующие годы, до комиссии (1932-1933), планы по добыче золота не были выполнены, но никто не был наказан. Да и план 1934 года не был выполнен.

Здесь явно напрашивается вывод, что Правительство пошло на создание «Дальстроя» не только для организации структуры по добыче золота, но и для широкой разработки недр богатей-

шего края (были уже данные о наличии гипса, серы, медной руды, ртути, олова и т.д.). Нужен был плацдарм для рассчитанных на дальнюю перспективу работ. Всё пока давалось авансом «Дальстрою». И потом: на Востоке стране нужна была опора государственности. Нужны были дороги, школы, больницы... Необходимо была инфраструктура. Нужен был нормальный порт. Требовался приток грамотных, образованных молодых людей, обживающих обширный край...

...Теперь, в 1937 году, только на одной Хатыннахской россыпи было добыто более 11 тонн золота.

* * *

Эвенки, якуты говорили о Д. Раковском, И. Гальченко, В. Цареградском и других, что они «умели слушать камни». Более всех этим недюжинным даром обладал Ю. Билибин. И дар этот крепко был основан на научном понимании закономерностей размещения полезных ископаемых.

«Ты сильный!..»

Юрий Билибин любил, когда это к месту, побалагурить в кругу друзей, попеть песни, побороться с друзьями геологами, с аборигенами. Один из них говорил ему: «С медведем бороться могу, с тобой нет. Ты сильный».

Он мог сочинять потешные стихи, предложить азартное рискованное пари. А мог, сидя в палатке, отстранившись на время, писать свою будущую научную книгу, ставшую классическим трудом по геологии.

Раскованность и рискованность. Он часто рисковал. Это было в его натуре.

Комиссия, инициированная ОГПУ в 1934 году, после проверок дала оправданные и своевременные выводы.

* * *

Билибин, уехав из Магадана, больше не вернётся на Колыму в качестве сотрудника «Дальстрою». Став доктором геолого-минералогических наук, членом-корреспондентом АН СССР, он возглавит новое научное направление в геологии — металлогению.

Основательно разработает то самое главное, без чего поиски и разработки недр малоэффективны. Заложит основы методологии проведения прогноза месторождений полезных ископаемых в недрах земной коры, опираясь на геологические закономерности её неоднородного развития.

...Эти его слова, о которых мне напомнил в письме Евгений Конюхов, сказанные В.А. Цареградскому, когда тот с окончанием работы Третьей Колымской экспедиции готовился к отъезду в Ленинград:

«Приезжай поскорее обратно к нам...»

Они были обронены в момент отплытия Ю.А. Билибина на Среднекан. Он уже устал от неорганизованности, неразберихи и, самое главное, от отсутствия обоснованного научного подхода в управлении «Дальстроем». Чувствовал, был уверен в необходимости перемен. Но у него не было на то полномочий.

Возможно, Ю.А. Билибин ещё не думал о своём окончательном уходе из «Дальстроя», возможно... Но он видел, какие люди нужны в первую очередь Колыме.

...Пройдёт совсем немного времени, и В. Цареградский, встав во главе большого коллектива геологов «Дальстроя», подтвердит на практике общий с Ю. Билибиным прогноз богатейшего региона страны.

Правота и прозорливость Ю. Билибина стали настолько очевидны, что на организованной по инициативе С.С. Смирнова Первой геологической конференции в Магадане в 1936 году, в отсутствие Ю. Билибина, Э.П. Берзин вынужден был в своём публичном выступлении признать, что вексель Билибина, выданный государству, полностью оплачен. Огромнейшая заслуга геолога была общепризнана.

Фраза Э.П. Берзина — «оплаченный вексель Билибина» — вошла в историю освоения Колымы.

Итоги работы «Дальстроя» уже за 1936 год поставили Колыму в ряд крупнейших золотодобывающих предприятий. Колыма обогнала все другие области Союза ССР, занимающиеся добычей золота.

* * *

Нелегко далось Ю.А. Билибину отстранение от работы на Колыме. Он был обойдён и вниманием, и наградами. Колыма потеряла геолога-практика. Но геологическая наука приобрела выдающегося учёного. Это станет очевидным особенно в послевоенные годы с появлением его классических трудов.

«Убываю в командировку и в отпуск...»

В начале декабря 1937 года в Магадан прибыло новое руководство треста «Дальстрой», которое должно было заменить большинство руководителей первого состава, выезжавших в отпуск.

3 декабря 1937 года Э.П. Берзин подписал приказ: «Сего числа убываю в командировку и отпуск. На время моего отсутствия временно исполняющим должность директора гостреста «Дальстрой» назначаю моего заместителя старшего майора государственной безопасности т. Павлова».

К.Б. Николаев в своей книге «Жизнь и смерть Эдуарда Берзина» так описывает дальнейшие события: «Берзина арестовали 18 декабря 1937 года по пути в Москву. Когда до столицы оставалось около ста километров, поезд остановился на маленькой станции города Александров».

Секретарь Эсфирь Самойловна Лейзерова, ехавшая в том же вагоне, что и Эдуард Петрович, потом вспоминала:

«В 14 часов, когда у моей дочери был «мёртвый час», я была в купе у Э.П. и где сидели Евгеньевы, и, как всегда, мы играли в слова. Вдруг вошёл военный в форме майора НКВД.

— Кто Берзин? — спросил он.

— Берзин — это буду я, — с улыбкой ответил Эдуард Петрович.

— Нам надо с вами поговорить, остальные могут выйти, — сказал майор Гранков.

Из купе я вышла последней, медленно закрывая дверь, а глаза глядели во всё сужающееся дверное отверстие. И увидела я, что у Эдуарда Петровича обе руки подняты вверх, а уполномоченный вынимает из его кармана оружие.

Всё стало ясно.

— Поля, Эдуард Петрович арестован. Сейчас, видимо, придут за мной. Не будите дочку.

Я простилась с моими дорогими и ушла с пришедшим за мной Гранковым.

Мы шли втроём: Э.П. Евгеньев и я с Гранковым и ещё двумя «филёрами» в штатском, а из всех окон вагонов нас провожали большие, удивлённые человеческие глаза.

Это было 19/ХІІ-37 г. в 14 часов дня.

Привели нас в комнату дежурного. Уполномоченный Гранков¹ предложил Эдуарду Петровичу извлечь из карманов документы, бумаги, деньги, и всё это Эдуард Петрович выложил на стол...

После этого Гранков, предъявив какую-то бумагу, предложил Эдуарду Петровичу снять орден Ленина и почётный значок чекиста. Эдуард Петрович начал было расстёгивать гимнастёрку, но вдруг, как-то изменившись в лице, сказал:

— Нет, я этого не могу сделать. Снимайте сами, коль на это имеете право.

Когда Гранков бесцеремонно выполнил это, Эдуард Петрович как-то сразу поник, посмотрел в мою сторону глазами, полными страдания, развёл руками, пожал плечами:

— Зефирь, — так называл он меня, — я ничего не понимаю, — и тяжело опустился на стул.

В 5 часов вечера нас посадили в почтовый вагон. Света в вагоне не было. Гранков достал из кармана свечу (какая предусмотрительность!) и поставил её на столик, отделявший меня от Берзина.

Нам было разрешено, если мы хотим, поговорить. Эдуард Петрович немедленно воспользовался «милостивым» разрешением:

— Я знаю, ты страдаешь за Воробышка (так называли мою дочь Милочку), но ведь и у меня дети. Я сам ничего не понимаю. Я только прошу тебя: верь мне.

— Я верю вам, — ответила я.

Это вера в Эдуарда Петровича и держала меня в самые страшные годы испытания, а их на мою долю досталось больше,

¹ По другим источникам, фамилия уполномоченного — Гравин.

чем, казалось бы, мог вынести один человек, да ещё женщина. Я ни на миг не усомнилась в большевистско-ленинской сущности Эдуарда Петровича. Эта безусловная вера в него, в невозможность какого-либо преступления с его стороны помогла мне со спокойной совестью и гордо поднятой головой пройти через всё, отчего и сейчас — много лет спустя — просыпаешься в холодном поту.

...Привезли нас на Лубянку. Евгеньева увели тотчас же. Эдуард Петрович снял свою меховую шапку, и капли пота, крупные, как горох, катились со лба по его лицу.

Сдав дежурному ордера на арест, Гранков обратился к нам: — Можете проститься.

Эдуард Петрович подошёл ко мне, обнял и поцеловал в лоб.

Тут нас и развели по разным камерам. И больше никогда я его не видела».

Арестованный Э.П. Берзин содержался в Лефортовской тюрьме семь с лишним месяцев.

1 августа 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере уголовного наказания. В следственном деле зафиксированы последние слова Берзина перед казнью: «Партия и Правительство поручили «Дальстрою» освоение Колымы. Дальстроевцы не жалели сил и здоровья, чтобы выполнить задание. Не обошлось, конечно, без ошибок и недостатков, но за это дают выговор по службе, а не расстрел».

После расстрела Э.П. Берзина «Дальстрой» перешёл в ведение НКВД.

Осенью 1938 года арестовали и Эльзу Яновну Берзину. Она была приговорена к 8 годам ИТЛ — как жена изменника Родины.

Э.П. Берзин был реабилитирован 4 июля 1956 года.

После реабилитации Эльзе Берзиной назначили пенсию.

В 1989 году к 50-летию Магадана перед зданием мэрии города установлен бюст Эдуарду Берзину, а годом раньше на здании магаданской школы № 15 появилась мемориальная доска в честь Э.П. Берзина. Его именем названа улица в посёлке Ягодное.

«Ровно 5 лет, 10 месяцев и 15 дней было у Эдуарда Петровича на то, чтобы заложить город¹, построить первые причалы морского порта, промышленные предприятия, электростанцию.

¹ Имеется в виду город Магадан.

При нём открылись первая школа и школы-интернаты для детей местного населения, библиотека, появились киноустановки в двух добротных клубах из рубленого леса для показа немых, а потом и звуковых фильмов. Уже в год его приезда в системе Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛа) был создан небольшой театральный коллектив, с которого началась история Магаданского государственного музыкально-драматического театра. В центре будущего Магадана, по указанию Эдуарда Петровича, оставили нетронутым огромный таёжный массив, чтобы превратить его в городской парк культуры и отдыха. Глядя сегодня на фотографии 30-х годов, с удивлением узнаёшь в старых просеках парка современные асфальтовые дорожки, остатки строений тех лет и испытываешь чувство огромной благодарности к людям, которые ещё в те страшные годы думали о нас... А через два года после приезда первого директора «Дальстроя» Колыма стала ведущим валютным цехом страны!» (И.А. Паникаров).

В.И. Оноприенко, изучавший биографию Ю.А. Билибина, приводит выдержки, взятые из работ историка «Дальстроя» А.Г. Козлова: «14 июля 1938 г. сотрудники УНКВД по «Дальстрою» арестовали вторично приехавшего (за месяц до этого) на Колыму А.Н. Пемова, назначенного заместителем начальника ГУ СДС. Ю.А. Билибину довелось работать под его руководством, так как тот в 1932-1934 гг. возглавлял Управление по добыче полезных ископаемых «Дальстроя», а затем его Горное управление, весной 1935 г. был награждён орденом Ленина. О А.Н. Пемове как об очень деятельном руководителе отзывались многие колымские геологи, в том числе и Б.И. Вронский».

Далее В.И. Оноприенко пишет: «Однако, пожалуй, наиболее тяжёлым известием для Ю.А. Билибина стало то, что в июне-июле 1938 г. на Колыме были арестованы те, кого он не просто хорошо знал по совместной работе, но и уважал, и ценил за глубоко профессиональные знания, деловые и человеческие качества. К ним необходимо отнести участника Колымской геолого-разведочной экспедиции 1928-1929 гг. геодезиста Д.Н. Казанли, в последнее время являвшегося главным инженером прииска «Штурмовой», и главного геолога СГТГУ Д.В. Вознесенского...»

Кроме этого, уже во время приезда Ю.А. Билибина в Магадан, 13 августа 1938 г. арестовали целый ряд участников только что завершившейся Омолонской экспедиции. В их числе были её руководитель, талантливый геолог С.В. Новиков и его жена, первая женщина-геолог на Колыме Ф.К. Рабинович. В последующем, уже в 1939 г. С.В. Новиков и Ф.К. Рабинович были освобождены. С них сняли все обвинения, как, впрочем, с Д.Н. Казанли, Д.В. Вознесенского, П.В. Грунвальда, В.И. Серкова и др. А.Н. Пемов, к сожалению, был осуждён Особым Совещанием при НКВД СССР 30 декабря 1940 г. После этого его перевели в один из лагерей, где он и умер от порока сердца 4 июля 1944 г. в возрасте 49 лет. Позднее А.Н. Пемов был реабилитирован».

После «Дальстроя». Золото на сапогах

Нелегко было Билибину покидать Колыму. Горечь, связанная с отстранением от главного дела в жизни, давала о себе знать. Но он оставался чрезвычайно работоспособным и энергичным. Первое время он занимался написанием отчёта о результатах полевого сезона, только что проведённого в 1933 году (последнего его сезона), в устье Среднекана.

Драматизм ситуации глуховато прорывается между строк автографа, написанного им на одной из своих статей, подаренной в 1935 году колымским геологам:

«Вечным энтузиастам от остывшего пионера».

Но работоспособность и юмор его не покидали:

«Работали мы в только что построенном здании Геолкома на 19-й линии Васильевского острова. Юрий Александрович завёл тетрадь для учёта времени нашей работы, расписание было свободное. С.Е. Захаренко любил работать до позднего вечера и однажды в дневнике сделал такую запись: «Полночь. Ясно. Звёзды». Следующая запись, сделанная Ю.А. Билибиным, гласила: «10 часов утра. Ясно. Солнце. Ни одна звезда не явилась на работу». (Е.Т. Шаталов).

Работая с 1924 по 1934 год на Северо-Востоке, Ю.А. Билибин усовершенствовал методику геологоразведки, которую раз-

работал ещё на Алдане. Несомненно, значительное влияние на развитие идей Ю.А. Билибина в области металлогении оказал основоположник этого учения в СССР академик С.С. Смирнов.

Итог его работы на Колыме: создание металлогенической схемы, которая охватывает огромную территорию золотоносных районов.

Он продолжает заниматься и геологией Алдана. Публикует статьи по этой теме.

В 1934 году он едет в Западное Верхоянье, в только что открытый Н.И. Зайцевым Аллах-Юньский золотоносный район. Он высказывает мысль о связи полезных ископаемых с металлогеническими зонами. Это подтвердилось открытием промышленного месторождения золота на Ыныкачан. Вернувшись из Аллах-Юньского района во Всесоюзный геологический институт (ВСЕГЕИ), учёный продолжил работу над монографией «Основы учения о россыпях». Эту работу он завершит в 1938 году.

Основное назначение книги — служить не теоретическим трактатом, а быть помощником геологам, поисковикам, разведчикам в их практической работе.

Важным эпизодом в жизни Ю. Билибина и деятельности «Дальстроя» явилась работа в составе Правительственной комиссии 1938 года, в которую он был включён по просьбе «Дальстроя». Ехать не хотелось: он знал, какие события вершились на Колыме.

Северное горнопромышленное управление было полностью обезглавлено. Арестованы начальник Левантович, главный инженер Эйдлин, главный геолог Вознесенский, главный маркшейдер Казанли. Находились ещё под следствием Ф.Я. Рабинович, С.В. Новиков. Ю. Билибин вывез собранные ими образцы, ещё раз проявив свою преданность профессии геолога-разведчика и практика по золоту.

Это была последняя его поездка в край своей романтической мечты.

Привожу описание встречи Ю. Билибина с Б.И. Вронским и другими его коллегами по работе в Колымских экспедициях. Уж больно она колоритна.

«...Приехал он и в наше Берелёхское РайГРУ вместе с профессором В.Н. Зверевым, тоже членом этой Комиссии. Остановились они, естественно, у Раковского, то есть у нас, поскольку

мы жили одним хозяйством. Не могу удержаться, чтобы не передать сцену встречи Билибина с Вронским.

Они крепко заключили друг друга в объятия, перешедшие тут же в силовую борьбу, так часто практикуемую ими ещё в первые годы совместного пребывания на Колыме. Примерно равные по силе, они вкладывали в эту забаву много азарта, непременного стремления взять верх, не уступить сопернику. Так было и на этот раз. Рубашки на них трещали, стулья разлетались в стороны, но противники не разжимали своих могучих клещей-объятий. Раковский с деланным испугом (ему ли не знать, какую это обоим доставляло отраду) подбирал и отставлял подалежку стулья, отодвинул с середины комнаты стол и вроде как бы пытался их разнять. Профессор Зверев, чуть отодвинувшись в безопасное место, с невозмутимым видом попивал свой чаёк. Я, конечно, как всегда в таких случаях, волновалась, но понимала, что вмешательство недопустимо. Вдруг они, не одолев друг друга, наскочили на препятствие в виде большого добротного топчана и рухнули, обрушив на него все свои 200 килограммов. Топчан затрещал и раскололся надвое.

Раковский с тем же выражением нарочитого перепуга подскочил к телефону и стал вызывать Мишу Лунеко, завхоза нашей экспедиции.

— Да вот... тут... Билибин с Вронским подрались и в результате проломил мне топчан. Б-бери инструмент и иди чинить, — говорил он в трубку телефона. Раковский иногда, когда шутил или волновался, не то чтобы заикался, а как-то запинаясь, хотя в обычной речи или даже в больших выступлениях говорил бегло и чисто.

Лунеко тут же не преминул явиться и восхищённо застыл в проёме дверей, явно любясь представшей пред ним картиной. Мне даже показалось, что Раковский вызвал его не столько для починки топчана, а чтобы и его приобщить к происходящему.

Борьба ещё продолжалась, хотя уже затухала. Приход Миши Лунеко и вовсе положил конец схватке. Тут начались новые, правда не столь бурные объятия». (В. Вронская).

Жизнь вдали от Магадана, в Ленинграде так и не сделала из Ю.А. Билибина чиновника (пусть и от науки). Его жизнелюбие было заразительным по-прежнему.

И ещё один эпизод из того времени, когда «опальный» первооткрыватель Колымы Ю.А. Билибин побывал в 1938 году в качестве члена Правительственной делегации на приисках вместе с академиком С.С. Смирновым для оценки перспектив наращивания добычи золота на Северо-Востоке:

«С особой и неповторимой наглядностью он их увидел, когда мы пошли со старшим геологом прииска «Партизан» И.И. Масленниковым смотреть разработку россыпи в устье руч. Гольцовый. Налипшая на наши сапоги глинистая грязь озолотилась: крупинки золота обвораживающе сверкали в солнечных лучах. В тот день здесь было добыто 250 кг золота, и одноконная упряжка с трудом доставляла драгоценный песок в золотоприёмную кассу прииска. Я не видел, но чувствовал волнение Юрия Александровича, когда он взглянул на сапоги, облепленные грязью с крупинками драгоценного металла. Этого не могла придумать даже необузданная фантазия Джека Лондона. И правду говорят: жизнь всегда богаче любого вымысла». (Н.Л. Шило).

* * *

...Всесторонне проанализировав работу «Дальстроя», Ю.А. Билибин и В.Н. Зверев отмечали: несмотря на серьёзные успехи в открытии месторождений золота и других полезных ископаемых, геолого-разведочные работы «Дальстроя» не обеспечивают обоснованный фонд разведанных запасов. Подготовка разведанных запасов на будущее отодвигается на задний план перед эксплуатацией разработанных месторождений.

Говорилось и о недостатках самой геологоразведки, о недостаточном внимании к методике работ, об отсутствии системного анализа технико-экономических показателей.

Рекомендации по результатам работы комиссии Ю.А. Билибина и В.Н. Зверева содержали 60 пунктов.

Важнейшим делом они считали создание в системе «Дальстроя» центрального геологического управления. Основные задачи управления: планирование всех геолого-разведочных работ «Дальстроя» в соответствии с основным планом работы треста, организация самостоятельных геолого-разведочных структур: баз, партий, экспедиций и так далее. Подчинение этих структур непосредственно создаваемому управлению, руковод-

ство их работой. Указывалось на необходимость объединения всех материалов по геолого-разведочным работам «Дальстроя», важность составления сводных геологических карт, сводных отчётов деятельности структур.

Аналитический ум Ю. Билибина не мог не проявиться и здесь.

Рекомендации будут приняты. Комиссия предложила и структуру Геологического управления.

Организовать и возглавить эту новую структуру «Дальстроя» будет поручено В.А. Цареградскому.

В 1938 году при тресте будет организован геолого-разведочный отдел. Этот отдел возглавят В.А. Цареградский и главный геолог М.И. Конычев.

Через год руководителем созданного на базе отдела Геологоразведочного управления станет В.А. Цареградский. Главным геологом будет назначен Г.А. Кечек.

Возглавив управление, В.А. Цареградский сделал очень много для развития геологоразведки.

Сразу же был создан научно-исследовательский отдел, который потом стал институтом. Для работы в этом институте привлекались и учёные, отбывавшие наказания.

Появился научно-производственный орган «Колыма». В «Дальстрое» образовали свои геологические фонды и хранилища. В 1948 году В.А. Цареградский получит повышение по службе. Оставаясь во главе ГРУ¹, станет ещё заместителем начальника «Дальстроя». Начиная с 1938 года и до ухода на пенсию по болезни в 1955 году В.А. Цареградский бесценно руководил огромной армией геологов, поисковиков и разведчиков, работавших на территории, превышающей по своим размерам Западную Европу. Имена Цареградского, его помощников в эти годы: Кечек, Ерофеева, Шаталова и многих других, поднявших на своих плечах всю тяжесть организации гигантской исследовательской машины, — навсегда останутся в отечественной геологической науке.

25 февраля 1939 года выйдет приказ № 60 за подписью Наркома внутренних дел о создании специальной комиссии по разработке под председательством профессора С.П. Александрова пятилетнего плана работы «Дальстроя».

¹ ГРУ – геолого-разведочное управление.

* * *

Переход в науку стал для Ю.А. Билибина новой формой реализации его талантов.

...Вторую свою монографию он закончит перед войной в 1941 году. Она выйдет в свет в 1947 году под названием «Петрология ылымахского интрузива». В это же время учёный публикует ряд статей.

Во время войны Ю.А. Билибин до осени 1943 года работал главным геологом треста «Узбекзолоторедмет», позже — главным геологом «Главзолота», занимаясь месторождениями Средней Азии, Казахстана, Кавказа. Накапливал исследования для будущих научных работ. Осенью 1943 года он защитит докторскую диссертацию. Ещё перед войной в Казахстане он начнёт работать совместно с Татьяной Васильевной Плотниковой, которая станет его женой. В 1940 году она защитила во ВСЕГЕИ кандидатскую диссертацию. Включившись в металлогенические и петрологические исследования, стала опорой своему мужу и продолжателем его дел. Она защитит докторскую диссертацию, воспитает двух детей.

Оставаясь по природе своей организатором, Ю.А. Билибин вовлекает в работу новые группы геологов, создавая следующую волну исследователей.

В 1945-1946 годах формирует коллектив Тувинской экспедиции, в 1947-м — сектор геологов металлогении ВСЕГЕИ.

В это время рядом работали два выдающихся учёных — Ю.А. Билибин и С.С. Смирнов — крупнейшие исследователи рудных месторождений. Специалисты, заложившие основы отечественной металлогенической науки, были дружны.

С.С. Смирнов настойчиво рекомендовал Ю.А. Билибина в Академию наук. Говорил, что избрание Билибина — это «свежая кровь» для Академии.

Венгерский танец Брамса

Сергей Сергеевич Смирнов и Юрий Александрович Билибин. Их жизни — как молнии! И судьбы во многом схожи.

С. Смирнов был старше Ю. Билибина всего на шесть лет. Оба учились в реальных училищах и окончили их с отличием.

Оба приняты в Петербургский горный институт.

И тот, и другой учились с увлечением, имели по всем геологическим дисциплинам отличные оценки.

Для обоих город, связанный с Горным институтом, стал их второй родиной.

Во время их учёбы, а потом и работы в Горном институте лекции читали выдающиеся учёные, гордость российской науки: Г.С. Фёдоров, А.А. Борисяк, П.И. Степанов. Лекции по геологии рудных месторождений читал лучший специалист в этом вопросе К.И. Богданович. В институте работали такие крупные деятели геологической отечественной науки, как А.Н. Рябинин, Д.И. Мушкетов, В.В. Никитин и др.

Как наиболее одарённый студент С.С. Смирнов вёл практические занятия по минералогии. Но всё равно приходилось подрабатывать частными уроками.

«Из дому денег не получаю, бесплатных обедов и бесплатной квартиры не имею. Отец не имеет возможность помогать мне, так как получает мало (не свыше 80 рублей), живёт на них с моей матерью и немного помогает брату, учащемуся в Москве».

Эти строки взяты из текста прошения С.С. Смирнова на имя директора института.

Не правда ли, ситуация, сходная с той, которая была в студенческие годы у Ю. Билибина и В. Цареградского, у многих других.

Откуда С. Смирнову было ждать поддержки? Отец — рабочий-гравёр текстильной фабрики в Иваново-Вознесенске много работал, но в семье было четверо сыновей...

Летом 1925 года Смирнов в должности коллектора уехал в первую свою экспедицию. И с той поры он всю свою жизнь связал со Всероссийским научно-исследовательским геологическим институтом им. Карпинского.

Сразу после окончания института его работа в геологии стала набирать стремительный темп. Он одновременно ведёт научные исследования в Горном институте и в Геолкоме. Приступив к работе в Восточной Сибири и Забайкалье, открыл оловянный камень в рудах Хапчерангинского месторождения. Так родилось первое крупное месторождение в стране.

Это стало подходом к написанию первых обобщающих трудов по металлогении данных районов.

Под его руководством решаются проблемы, связанные с созданием минерально-сырьевой базы олова в стране.

В 1933 году он откроет Имтаджинское месторождение олова в Якутии, предскажет наличие олова в Приморье.

В 1933 году С.С. Смирнов возглавит кафедру минералогии Ленинградского горного института. В 1935 году его утвердят в звании профессора, в 1936 году получит учёную степень доктора геолого-минералогических наук.

Обобщив огромный фактический материал по изучению им лично 300 с лишним месторождений, он напишет свою первую монографию «Полиметаллические месторождения Восточного Забайкалья». Этот титанический труд поныне является настольной книгой всех, кто изучает полиметаллические месторождения.

Для С.С. Смирнова и Ю.А. Билибина характерна тесная связь фундаментальных научных выводов с решением практических задач. Они оба давали в своих научных работах ответы на то, где надо искать месторождения металлов.

Их обоих трудно было удержать в кабинетах. С.С. Смирнов ежегодно (!) уезжал с экспедициями в Забайкалье и на Северо-Восток страны. Сам обрабатывал коллекции, учил этому сотрудников.

Из воспоминаний Нины Ивановны Серпуховой:

«Юра¹ очень любил лошадей и ещё подростком хорошо управлялся с ними. В Якутске у него была лошадь, которую он сильно любил и звал её Бесхвостая красавица. У меня есть фото Юры, где он снят на этой лошади. Юра говорил, что ему никогда не приходилось привязывать её. Он спокойно отпускал её пастись. Когда нужно было ехать дальше, лошадь сразу же прибежала на его свист. По утрам она просовывала голову в палатку и будила Юру, легонько толкая его головой до тех пор, пока не получала кусочек сахара.

Геологи Якутска прозвали Юру «Горный ковбой», потому что он носил ковбойскую шляпу, за плечами у него были дувстволка и обязательно мандолина. Юра хорошо играл на гитаре и мандолине. Играл на пианино. У него был прекрасный слух,

¹ Юра — брат Владимира Ивановича и Нины Ивановны Серпуховых, геолог.

он с ходу подбирал любой мотив, но петь он не умел. Не мог передать голосом напев самой простой песни.

Помню случай, рассказанный академиком Сергеем Сергеевичем Смирновым. Он в бытность мою в институте читал нам курс минералогии, одновременно ведя практические занятия у половины нашей группы. Практические у второй половины группы вёл преподаватель, тоже Смирнов, но только Александр Александрович. Юра отрабатывал практические у Сергея Сергеевича, а я с другой половиной группы, чему искренне радовалась. Мы боялись С.С., как огня. Он был очень строгий и любил разносить студентов «в пух и прах». Редкому из нас от него не доставалось. Он мог во время лекции задать самый неожиданный вопрос первому попавшемуся студенту. Юра очень хорошо учился, и С.С. никогда его не распекал. Как-то на одной из лекций, когда Юра толково ответил на заданный ему вопрос, С.С. сказал: «Вот если бы у меня все студенты были такие, как Серпухов, я бы учил их с наслаждением».

Уже будучи академиком, С.С. поехал консультировать в Якутск. Он консультировал многие партии, в том числе и Юрину. Когда он добирался до лагеря Юры, его лошадь чего-то испугалась, понесла. Он не удержался в седле, упал и сильно расшиб ногу. Нога распухла, и С.С. не мог ступить на неё. Лошадь далеко не ушла, но в руки ему не давалась, из-за больной ноги С.С. не мог её поймать. Он с трудом развёл костёр. Растерялся, не знал, что делать: «Думал, что пропаду». В таком положении он провёл сутки: «Не так хотелось есть, как пить: горло совсем пересохло. И тут, к великой радости, я увидел сначала ковбойскую шляпу, затем ствол двустволки, мандолину, и, наконец, появился «Горный ковбой». Я понял, что спасён».

Так С.С. рассказал брату Володе, а Володя уже нам. Юра же, когда приехал, рассказывал так: «Я ехал, совсем не зная, что С.С. пробирается ко мне. Сначала почуял, а потом и увидел дым. Подумал, что начался лесной пожар, но затем понял, что это костёр и, стало быть, кто-то есть в тайге, и погнал Бесхвостую красавицу в направлении дыма. Подъехал к костру и увидел С.С. Я всегда беру с собой флягу с водой и несколько сухарей на случай, если задержусь в тайге и отъеду далеко от лагеря. Всё это пришлось очень кстати. Сначала С.С. жадно выпил из фляги всю

воду и только потом поел. Тут же попросил меня поиграть на мандолине. Я сказал, что лучше поедем сейчас. В лагере я уложу вас и там вам поиграю. Но он сказал: «Сначала хоть немного поиграй». Я сыграл ему «Венгерский танец» Брамса. Его лошадь подошла к моей, и я легко поймал её и поправил подпругу. Уздечку она, к счастью, не потеряла. Я помог сесть С.С., и мы потихоньку поехали в лагерь».

Учёный не умещался в стенах своего кабинета, не оставался только в кругу научных интересов.

«Сергей Сергеевич был высокообразованным человеком, знал языки, следил за новинками зарубежной специальной литературы. Он собирал географические атласы и словари. Любил читать художественную классическую литературу, скорее её перечитывал. Хорошо знал стихи Пушкина и Лермонтова, портреты которых находились у него в кабинете. Даже в эвакуации в Иркутске в комнатке общежития, где он жил с семьёй, висели небольшие портреты этих поэтов». (А.Д. Щеглов. Академик).

А.Д. Щеглов, говоря о С.С. Смирнове, вспоминал, что уже к середине 30-х годов авторитет его был очень высок. Его признавали безусловным лидером в области рудной геологии и металлогении.

Когда кандидатура Смирнова выдвигалась на вакансию академика, то он категорически отказался, говоря, что есть более достойные.

На следующих выборах в академию в 1943 году он был избран действительным её членом. С.С. Смирнов стал самым молодым и самым деятельным из академиков-геологов.

Будучи назначенным в 1939 году заместителем председателя Комитета по делам геологии Совета Народных Комиссаров СССР, он предпринял все меры, чтобы уйти с этого поста и вернуться в Ленинград.

Сороковые годы характерны для С.С. Смирнова активной научной деятельностью, которая была оценена по достоинству. За значительные заслуги учёного в обеспечении надёжной сырьевой базы олова в 1946 году ему была присуждена Государственная премия СССР первой степени.

С.С. Смирнов практически никогда не отдыхал. Только раз в жизни взял отпуск.

Для учёного была характерна необыкновенная простота в общении с людьми. Ничего «профессорского и академического». Он походил скорее на обычного горного инженера, речь его была простой и ясной. В нём не было ничего показного.

«Он был бессеребренником, — пишет хорошо знавший его и его семью академик А.Д. Щеглов, — часто передавал деньги нуждающимся в поддержке людям. В военные годы в Иркутске у его семьи был огород, где все дружно сажали и убирали картошку, которая затем частично безвозмездно передавалась сотрудникам».

И далее он свидетельствует:

«Смирнов был смелым человеком, отстаивавшим свои взгляды, невзирая на то, что они могут не совпадать с мнением «начальства». Он проявлял гражданскую смелость и в более сложных вопросах, когда, например, боролся за освобождение талантливого геолога М.Н. Годлевского, который был арестован в 1945 г. после того, как вернулся из армии в Ленинград. Три года, вплоть до своей кончины, Сергей Сергеевич регулярно помогал семье Годлевского.

Для меня, только что окончившего Горный институт, неожиданно прозвучали слова вдовы Сергея Сергеевича — Ольги Платоновны, которая, тяжело вздохнув, сказала: «А может быть, хорошо, что Сергей Сергеевич ушёл вовремя; он со своим характером не смог бы перенести таких унижений». Это было сказано летом 1949 года, когда массовые репрессии затронули учёных-геологов. Были арестованы многие члены Академии, профессора Ленинградского горного института и сотрудники ВСЕГЕИ».

Борьба продолжается

... **Ч**леном-корреспондентом АН СССР Билибин станет в 1946 году. В этом же году получит за работу на Северо-Востоке страны Государственную Сталинскую премию.

Заслуженное признание!

Но какой ценой оно далось...

Ещё в 1938 году вышел его фундаментальный труд «Основы геологии россыпей». И опять, какими усилиями?.. Это видно из текста письма в редакцию газеты «Индустрия»:

«Нижеподписавшаяся группа горных инженеров (геологов-разведчиков), работающих продолжительное время по поискам и разведкам золота в Якутии и на Дальнем Востоке, сочла необходимым обратиться к Вам со следующим:

Всем работающим в золотой промышленности известно, что только в годы Советской власти поиски и разведки на золото стали проводиться на научной геологической базе, и благодаря этому были открыты такие крупные золотопромышленные районы, как Колымский, Аллах-Юньский, Индигирский и рудный Алданский.

Впервые поиски золота на строгой научной базе стали применяться в 1926 году в Алданском районе горным инженером Ю.А. Билибиным. Методика поисков и разведок на золото, применяемая впервые Билибиным, в дальнейшем им же и рядом других инженеров и геологов была перенесена на Колымский, Аллах-Юньский, Индигирский и снова в Алданский районы.

...В конце 1935 года трест «Золоторазведка» предложил Билибину обобщить свои десятилетние работы в области геологии и поисков золота в виде книг «Геология россыпей» и «Поиски золота в условиях Северо-Востока Союза». Первая книга намечалась к выпуску из печати уже к осени 1936 года и была окончена Билибиным в срок — 1 мая 1936 года. Прошло уже более полутора лет, и до сего времени выход этого нужного и ценного для производства труда задерживается и, мы бы сказали, задерживается самым преступным образом.

Эта книга объёмом около 40 печатных листов имеет прекрасный отзыв лучшего специалиста по золоту — профессора В.И. Зверева. Производственники геолого-разведчики, которым пришлось познакомиться с трудом Билибина в рукописи, считают этот труд настольной книгой каждого геолога-разведчика и практика, работающего по золоту. Книга, несомненно, сыграет большую роль в повышении квалификации геологов, разведчиков и практиков по золоту, сотнями разбросанных по тайге, а также даст возможность по-другому подойти к методике работ, то есть построить работу на научной геологической и геоморфологической базе и благодаря этому переоценить известные золотопромышленные районы, найти новые, увеличить запасы золота и сделать всё это при минимальной затрате средств.

«Нигризолото» и «Золоторазведка» в системе «Главзолото», ведающие изданием рукописи Билибина, задерживают издание этой книги, ссылаясь друг на друга, на всяческие объективные причины.

...Или это какой-то недоучёт со стороны нового руководства по золоту, или повторение старого, то есть сознательное затормаживание нужного производству труда. Геологам и разведчикам, связанным непосредственно с производством, надоело уже ждать выхода книги Билибина в свет, и они обратились к Билибину с просьбой разрешить размножить рукопись хотя бы на пишущей машинке, что уже и делается.

Мы считаем совершенно необходимым, чтобы книга Билибина была напечатана в течение ближайшего времени, и чтобы вслед за ней была выпущена вторая часть книги — «Поиски золота в условиях Северо-Востока Союза», выпуск которой в настоящее время Билибиным отложен ввиду затяжки с изданием первой книги. Мы также считаем, что издательство «Главзолото» с его филиалом должно дать общественности ответ о причинах задержки выпуска книги Билибина.

Горные инженеры В.И. Серпухов. П.М. Шумилов, Б.И. Вронский, М.Г. Котов.

27 января 1938 года».

* * *

...Наступили сороковые года. Борьба усиливалась.

У Билибина инфаркт за инфарктом.

Ещё перед войной по Колыме прошёл слух: Ю.А. Билибин умер. В ответ на запрос обеспокоенного П.М. Шумилова 24 апреля 1941 года из Ленинграда пришла радиотелеграмма (почти по Марку Твену):

«Жизнеспособен как никогда. В мае собираюсь защитить диссертацию. Слухи о моей смерти несколько преувеличены. Интересуюсь подробностями. Шлю большой привет. Билибин».

Чуть позже вновь:

«Борьба продолжается», «Опять возобновляю войну», — телеграфировал Юрий Александрович.

Доктор геолого-минералогических наук В.Л. Флеров вспоминал: «При первой же встрече Билибин пленил меня. Моему

воображению таким и представлялся покоритель дальних земель: ростом выше среднего, широкий в плечах, с волевыми крупными чертами лица, рыжеватой широкой бородкой, жёсткими голубыми глазами. Впрочем Юрий Александрович умел и улыбаться, и громко заразительно смеяться, и имел авторитет исключительно одарённого человека. (...) Работа под руководством Билибина способствовала нашему росту как геологов, развитию у нас смелости и ясности геологической мысли... У Билибина можно было учиться чёткости в работе. Им были составлены ясные инструкции для многих элементов комплекса геологических исследований... Юрий Александрович не составлял черновиков: он сначала обдумывал тему, а потом своим крупным чётким почерком писал сразу набело. С коллекторами Билибин охотно занимался вечерами, а нас, дипломированных инженеров, учил только своим стилем работы и примером».

Это было когда-то...

А вот уже другой Билибин.

А. Иванченко пишет:

«Интересной фигурой был Юрий Александрович Билибин. Теперь он ушёл в легенду и каждый пишет о нём по-своему. Все сходятся только на портрете: высокий, жилистый, с ястребиными ярко-голубыми глазами и огненно-рыжей окладистой бородой. Наверное, в молодости таким он был, но зримо представить его в таком облике мне трудно. Я запомнил его другим. Действительно, высокий, спортивно подтянут, но гладко выбрит, с глубокими залысинами и совершенно седой. Цвет и выражение глаз за толстыми стёклами очков я бы определить не взялся. Помню только, что очки были в золотой оправе. Ещё запомнился крупный тяжёлый подбородок, который назвать волевым, однако, вряд ли можно. Его мягко делила пополам продолговатая симпатичная долька, свидетельствующая больше о натуре поэтической, чем о жёсткой, хотя и с характером целеустремлённым».

* * *

Ю.А. Билибин тосковал по Магадану, по своим первым и верным спутникам колымской жизни.

Часто писал письма П.М. Шумилову.

Из письма от 6 апреля 1945 года:

«Жизнь вошла в норму, и злоключения первых лет войны уже отошли в область воспоминаний. Работаю сейчас по теме «Сводка по геологии золотых месторождений СССР» (за исключением Колымы, конечно), по совместительству являюсь штатным консультантом «Главзолота» по геолого-разведочным работам.

Для души работаю сейчас над проблемами металлогении и связи различных типов металлического оруденения с определёнными типами интрузивных пород. Мечтаю о создании курса металлогении. Пока выводы получаются очень интересные, особенно в части золота. Перед самой поездкой на Урал успел их изложить в письменном виде в довольно просторном отчёте. В недалёком будущем буду докладывать в Минералогическом обществе. Думаю, что встречу очень сильную критику и отпор со стороны многих геологов, т.к. даже С.С. (которого я, кстати, ещё не видел), прочтя в моё отсутствие мой отчёт, сказал моей жене: «Нельзя же так решительно крошить существующие воззрения».

Из письма от 4 октября 1945 года:

«В июне я ездил на Дальний Восток на геологическую конференцию золотой промышленности. В начале сентября выехал на Дальний Восток, но был пойман и задержан в Москве высокими начальниками. Дважды вызывался в Кремль. Настойчиво предлагали занять «высокий пост в правительственном аппарате». Обещали отдельную квартиру в 5 комнат в Москве, шикарный лимузин, поддержку моей кандидатуры в членкоры на предстоящих выборах в Академию наук и прочие блага мира. Категорически не желая менять Ленинград на Москву и научную работу на организационно-административную, я решительно отказался...»

Вспомним, что подобное было и с С.С. Смирновым. Их обоих тяготила административная работа. Вне науки они себя не мыслили.

«...В отношении академиков занимаюсь тем же, чем и Вы на Колыме, — воюю, — сообщал Билибин Шумилу в марте 1949 года. — В последние годы я успешно занимаюсь разработкой вопросов металлогении, но не отвлечёнными вопросами, не бесплодным теоретизированием в стиле наших академиков, а сугубо насущными вопросами...»

Чуть раньше в письме к Д.Н. Казанли от 1 сентября 1946 года Ю.А. Билибин писал:

«На старости лет я задумал предпринять «вторую эпопею в своей жизни» и с целью проверки некоторых своих металлогенических построений соорудил довольно крупную экспедицию (5 партий) в Тувинскую автономную область. В июне мы с жёнами и детьми отправились в Туву и сейчас только что вернулись. Жили довольно хорошо, местность прекрасная. Геологически район оказался очень интересным. Мои металлогенические предположения подтвердились, сейчас работы сильно расширяются, и экспедиция действительно превращается в целую эпопею. В некоторых отношениях имеется сходство с Кольмой: было выпито много водки, было достаточно склок, были и «Матицевы», и «завхозы», в перспективе имеются «Шуры» и другие».

Как не хватало порой в Ленинграде ему поддержки и помощи единомышленников. Многие из них были далеко от него.

Юрий Александрович всегда помнил свои студенческие годы, дух братства членов геологического кружка. По случаю четверти века со дня организации памятной Сибирской секции геологического кружка студентов Ленинградского горного института он писал:

«9 ноября текущего, 1948 г. исполняется четверть века со дня организации Сибирской секции геологического кружка студентов Ленинградского горного института. За истёкшее время наш коллектив немало потрудился над изучением геологического строения и минеральных богатств той части Советского Союза, в геологической верности которой в своё время мы клялись со всей горячностью и легкомыслием молодости.

В более молодые годы у нас была хорошая традиция — ежегодно 9 ноября собираться в непринуждённой обстановке и подводить годовые итоги работ, проходя иногда весь стратиграфический разрез «от кембрия до кайнозоя». Правда сейчас силы уже не те, а сам разрез не без нашего участия детализирован настолько, что вряд ли его полное прохождение доступно даже геологам более молодым и крепким. Тем не менее дата «четверть века» звучит настолько убедительно, что было бы преступлением пройти мимо неё. Ведь следующую, полувековую дату, вряд ли смогут отметить двое-трое из нас».

Юбилей отмечался в Ленинграде. В память о нём осталась групповая фотография шести друзей-геологов (Ю.М. Шейнманн, Ю.А. Билибин, А.Л. Лисовский, С.А. Музылев, Д.В. Вознесенский, В.И. Серпухов).

Письмо от 15 августа 1949 года Шумилову было особенно тревожным:

«Мы с Вами только месяц назад расстались, а событий за это время было очень много. Одно время дела приняли настолько острый оборот, что я не чаял больше с Вами встретиться. Была пущена в ход самая беспощадная и нелепая клевета, но сейчас, кажется, вся эта кампания провалилась.

Съездил я очень хорошо (если не считать, что в вагоне спёрли чемодан со всеми вещами). Мои прогнозы по району полностью подтверждаются, и те, кто два с половиной года хоронили район и выступали моими обвинителями, сейчас попадают в роль обвиняемых, а я становлюсь обвинителем. Именно за счёт этого и отношу всю ту кампанию, которая была против меня поднята: складывается впечатление, что меня хотели любыми средствами и любыми способами устранить. В историю с похоронами района я посвятил местный обком партии, который возмущён и полностью меня поддерживает. Вероятно, по возвращении из Забайкалья мне придётся с секретарём обкома быть в ЦК. Всё рассказал заместителю нашего министра, который также был возмущён. На днях мне предстоит встреча с министром, будет генеральный бой. В общем, как видите, я перешёл в наступление».

И далее:

«...Имею за душой несколько прогнозов, менее крупных, чем Колыма, но достаточно актуальных и подтвердившихся с удивительной точностью. Пока прогнозы не подтверждаются, меня все ругают за их необоснованность, начиная от академиков и кончая последней мелкой сволочью. Как только прогноз подтверждается, каждая сволочь норовит к нему примазаться и затушевать мою же роль в моём прогнозе.

Мой конфликт с академиками отнюдь не является чем-то случайным или каким-то частным, личным делом. Корни его лежат очень глубоко, и он является отражением борьбы двух направлений, борьбы, которая ещё только начинается.

Мою связь с производством, практическую направленность всех моих построений, концепций, «рабочих гипотез», я думаю, Вы знаете прекрасно. И ту же целеустремлённую практическую направленность я принёс с собой в Академию наук. И должен сказать, что нашим академикам она не очень понравилась. Сейчас, когда перед нашей горной промышленностью стоит задача колоссального роста минерально-сырьевой базы, я считаю, что вся работа геологов-рудников и металлогенистов должна быть подчинена этой основной задаче.

Если «война солдат» ещё не началась, то «война учёных» в полном разгаре, и мы находимся на передовой линии фронта. И исход «войны учёных» в значительной мере предопределяет исход «войны солдат». Поэтому я считаю, что сейчас не время заниматься разработкой глубоких научных теорий, опирающихся на достаточное количество фактов, хорошо подобранных, систематизированных, обработанных, продуманных. Подбор фактов потребует нескольких лет, ещё нескольких лет — создание теории.

А тогда и война будет кончена. Таким научным творчеством могут сейчас заниматься лишь немногие одиночки, отсиживающиеся в «тылу науки».

Сейчас для нас гораздо важнее действенные, жизненные «рабочие гипотезы», на каждый день и на каждый час, подводящие итоги имеющемуся фактическому материалу и определяющие наиболее эффективное направление поисков и разведок по любым металлам, по любым ископаемым. Таковы требования передовой линии фронта науки.

Беда наших крупных учёных-геологов в том, что, попав в академики (а некоторые — только в членкоры), они тотчас уходят на покой, перестают работать или, в лучшем случае, работая потихоньку сами, перестают быть научными руководителями крупных коллективов геологов. Совершенно естественно, что они не могут приветствовать моё вторжение в их мирную жизнь, так как мои рабочие гипотезы, мои прогнозы накладывают определённые обязательства и на них, зовут их из «тыла науки» на «передовую линию фронта».

Выступая сами против моих концепций и прогнозов, они мобилизуют и всякую мелкую сволочь. Скоро Вы будете иметь

удовольствие прочесть в печати одно из подобных выступлений против меня («Известия Академии наук», 1949 год, № 3). С этого выступления начнётся открытая и развёрнутая война между нами, но, надеюсь, до моего победного конца над «тыловиками».

Эти письма опубликовал П. Мельников в своей книге «Они придут завтра». Таких писем немало.

Каждое из них написано будто не учёным академического института, а пехотинцем из передового окопа. Таковой сложилась жизнь одного из романтиков, первооткрывателей Сибири.

Письма, отмечает П. Мельников, заключают в себе ровные строки, написанные крупным чётким почерком. Все буквы — как солдаты в атаке.

Далее Ю. Билибин пишет:

«Полевые мои работы прошли очень успешно. Последовательно применяя свою методику регионального металлогенического анализа, я вскрыл в существующих геологических картах Забайкалья прямо-таки скандальные погрешности, неправильности, искажения. Карты абсолютно негодны и нуждаются в полном пересоставлении на основе новых полевых работ. Эти ошибки накапливались в течение 25 лет, но, что особенно характерно, Академия наук, работавшая в Забайкалье достаточно долго, не могла их вскрыть. Недаром же эти карты были так малополезны производственным организациям: они их не ориентировали, а только путали.

Об этих результатах я докладывал в Чите. Читинский Обком поставил перед ЦК вопрос о расширении моих исследований в Забайкалье, но мудрецы из Академии наук ухитрились и на этот раз дать отрицательное заключение по этому вопросу. Однако после того, как я об этом доложил на заседании дирекции ИГИ в Москве, среди них воцарилось явное смятение, и дирекция намеревалась пересмотреть своё прежнее заключение. Если мне и теперь не дадут по-настоящему работать, придётся устроить всесоюзный скандал, не останавливаясь перед тем, что кое-кто из моих противников может очень серьёзно пострадать...»

«...В Ленинграде состоялась теоретическая конференция, где я выступил с докладом «Пути и перспективы развития современной металлогенической науки»... Бой был жестокий... Вто-

рой мой доклад был в Академии наук в начале мая. Опять был жестокий бой...»

«...Перед президентом Академии наук Вавиловым они поставили вопрос об организации самостоятельной лаборатории металлогении — и лично от себя, и через партийную организацию ленинградских учреждений АН. Сейчас лёд сломан и президиум АН уже не возражает против того, чтобы расширить мой штат ещё до подписания постановления Правительства.

Самое основное изменение в моей жизни за это время — это то, что я перешёл на педагогическую работу. По объявленному конкурсу в ноябре с.г. я был избран заведующим кафедрой полезных ископаемых Ленинградского университета. Сейчас занимаюсь педагогической работой с наслаждением...

18 декабря 1950 года».

Это было в декабре. И вдруг приходят тревожные телеграммы в адрес Петра Михайловича Шумилина от Татьяны Васильевны — жены учёного о том, что у Ю. Билибина возникла гипертония, затем осложнение параличом.

1 апреля 1952 года ещё более тревожная телеграмма: «Здоровье резко ухудшилось положение тяжёлое Билибина».

4 мая 1952 года Юрия Александровича не стало. Он умер от инсульта.

Его похоронили на Литераторских мостках Волкова кладбища в Ленинграде. Рядом с могилой друга, академика Сергея Сергеевича Смирнова. Рядом с прахом Александра Блока.

Памятник Ю.А. Билибину установлен на средства колымских геологов. Он выложен квадратиками его любимого родонита, тёмно-розового орлеца...

Сын крепостных крестьян

Алдан, Колыма, Индигирка и совсем ещё недавно безымянные хребты и долины, хранящие отзвуки грандиозных событий, — всё это вместе представляется мне теперь единым руслом, руслиной, стержнем — соединившим, объединившим в себе множество человеческих судеб и событий.

И в этом могучем, нехватном потоке или русле трудно порой разглядеть отдельные судьбы людей... Но вдруг мелькнёт во

тьме чей-то лик в суровом водовороте... И станет не по себе от отблеска чужой жизни, значительной и всегда неповторимой... Сколько их тут было, сколько осталось в вечной мерзлоте жизней? Всяких, разных!.. И разве только на Алдане, Колыме, Индигирке?..

* * *

Выдающийся кристаллограф, минеролог, геолог, педагог, доктор геолого-минералогических наук, профессор Ленинградского горного института, член-корреспондент АН СССР Анатолий Капитонович Болдырев не по своей воле оказался на Колыме.

Но и будучи заключённым, он внёс огромный вклад в становление геологической разведки и горной добычи.

В институте среди его студентов были многие, в последующем ставшие первооткрывателями месторождений Колымского края: Ю.А. Билибин, В.А. Цареградский, Д.В. Вознесенский, Б.Н. Владимиров, Л.А. Снятков, Г.А. Кечек, И.Е. Драбкин, Б.Н. Ерофеев, М.И. Рохлин, Е.Т. Шаталов, В.А. Тито...

Анатолий Капитонович родился 26 октября 1883 года в городе Грайвороне Курской губернии в семье купца II гильдии. Его родители, Капитон Лукич и Агрипина Григорьевна Болдыревы, до 1861 года были крепостными крестьянами. Он окончил грайворонскую церковно-приходскую школу, затем первым учеником — Харьковское реальное училище. В 1901 году поступил в Петербургский горный институт.

Из биографии, датированной 3 ноября 1943 года:

«Дошёл до 3-го курса быстро и беспрепятственно. С 1904 по 1910 гг. вследствие студенческих волнений наступил перерыв в учёбе. В конце 1910 г. за участие в студенческом движении был арестован и административно сослан на три года в Пермскую губернию, сначала в Чердынский край, а потом (вскоре) переведён в Нижний Тагил, где служил всю ссылку геологом Нижнетагильского округа. По манифесту 300-летия Дома Романовых срок ссылки был немного сокращён.

Весной 1914 года уехал в Петербург и поступил гидрогеологом в отдел земельных улучшений; лето работал от этого учреждения в Средней Азии в бассейне реки Чу. По возвращении

в Петроград был мобилизован как исключённый из горного института студент в ратники ополчения 1-го разряда. После недолгого обучения и работы санитаром попал как нестроевой в химическую лабораторию дымовых завес близ Колпино в качестве химика-лаборанта, пробыв там до демобилизации.

В 1917 году — рядовой 3-го железнодорожного батальона. Избирается в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В марте 1917 г. вступил в партию эсеров, из которой вышел сразу после Октябрьской революции.

При советской власти арестовывался два раза: в 1921 и 1933 гг. Оба раза после двухмесячного следствия выпускался на свободу без всяких ограничений.

Специализироваться начал уже в 1903 г. по кристаллографии, минералогии, родственным наукам. Научный стаж — 40 лет, педагогический — с 1918 по 1938 гг. — 20 лет, профессорский — с 1919 г. — 19 лет. Имел свыше 80 печатных работ, из них 6 книг (курсы кристаллографии, минералогии и сводные работы)».

Жизнь А.К. Болдырева среди водоворота роковых исторических событий в стране наполнена опаснейшими моментами. Совсем молодым он побывал в ссылке, потом во многих экспедициях. Будучи первым учеником реального училища, Ленинградский горный институт окончил, когда ему было уже 36 лет.

Ещё будучи студентом, он вёл преподавательскую работу. А через полгода после окончания института (1919 г.) стал профессором и заведующим кафедрой минералогии и кристаллографии, сменил на этом посту своего учителя, основателя отечественной кристаллографии Е.С. Фёдорова.

Он автор научного труда «Основы геометрического учения о симметрии».

В Ленинградском горном институте А.К. Болдырев создаст первую и единственную в СССР кристалломодельную мастерскую, две гониометрических и кристаллизационную лаборатории.

Он основатель Фёдоровского института кристаллографии, минералогии и петрографии. Этот институт станет научным центром кристаллографов Советского Союза. А.К. Болдырев разработает метод определения химического состава минералов на основании измерений их кристаллов. Придумает угловой циркуль, стереографический транспортёр.

Со своими учениками А.К. Болдырев составил «Определитель кристаллов». На это ушло десятилетие.

Высшая аттестационная комиссия в 1934 году присвоила ему учёную степень доктора геологических наук без защиты диссертации.

Анатолий Капитонович читал литературу на испанском, итальянском, голландском, шведском языках.

26 июля 1939-го он будет осуждён Особым СовеЩанием за якобы участие в антисоветской организации на пять лет колымских лагерей без поражения прав.

Исследователи жизни учёного полагают, что в основе сфабрикованных обвинений лежал «обыкновенный донос коллег Анатолия Капитоновича, завидовавших славе выдающегося учёного, который, по их мнению, очень высоко вознёсся». (А.Г. Козлов).

Этапом на Колыму учёный прибыл в бухту Нагаева 5 ноября 1939-го, неделю провёл в магаданской пересылке. Затем — на строительстве электростанции в Усть-Тасканском лагпункте Севвостлага, где его определили на рытьё котлована. Соприкоснувшийся с каторжным, изнуряюще бессмысленным трудом, 56-летний учёный написал самую настоящую научную статью. Он и здесь остаётся учёным. Название работы «О рациональных методах ручной снегоочистки».

Узнав о пребывании заключённого А.К. Болдырева в колымском лагере, его ученики, в том числе начальник Геолого-разведочного управления «Дальстроя» В.А. Цареградский, добились его перевода в Магадан.

Отбывая наказание, А.К. Болдырев работал в Геолого-разведочном управлении в должности инженера-геолога. С организацией Научно-исследовательского отдела в ГРУ он становится фактически его руководителем.

Открылась возможность продолжить научную деятельность.

В.А. Цареградский помог получить разрешение на приезд в Магадан его жены Анны Михайловны. Теперь она занималась исследованием состава руд и горных пород в минералого-петрографической лаборатории Геолого-разведочного управления.

В.А. Цареградский всячески старался облегчить жизнь профессора и воздать должное за его труд. Когда-то именно декан геологического факультета Болдырев помог Цареградскому во-

время защитить дипломный проект и войти в состав Колымской экспедиции. Такова ирония судьбы. По ходатайству руководителя Геолого-разведочного управления (ГРУ) был поставлен вопрос о снятии судимости и награждении А.К. Болдырева.

В октябре 1943 года А.К. Болдырев освобождён из Севвостлага без права выезда с Колымы «до особого распоряжения». Он продолжил работу в «Дальстрое» по вольному найму.

А.К. Болдырев вёл исследования и давал консультации по минералогии, кристаллографии, петрографии и т.д. Занимался переводами научных статей. Руководил созданием обобщающих материалов по региону («Каталог минералов Северо-Востока СССР», «Списки и систематизация горных пород Северо-Востока СССР»). Тогда же написал первую часть «Очерков высшей минералогии».

Приказом В.А. Цареградского от 5 ноября 1944 года А.К. Болдыреву была объявлена благодарность и выдана денежная премия в сумме 2 тысячи рублей «как способствовавшему открытию и разведке месторождений полезных ископаемых и направлению геолого-поисковых работ на открытие новых месторождений».

В 1944 году А.К. Болдырев в числе 160 делегатов принял участие во Второй конференции геологов «Дальстроя». Участники конференции заслушали и обсудили 18 докладов. Среди них был доклад А.К. Болдырева «Мировые месторождения золота».

Он был избран в действительные члены АН СССР. Среди рекомендуемых — всемирно известный В.И. Вернадский. Важность того, что сделал Анатолий Капитонович для Колымского края и в целом для страны, отмечена орденом «Знак Почёта». Но душа его рвалась в Ленинград!

Его мечте не суждено было сбыться.

Изменчиво русло судьбы человека. Как часто жизнь оказывается под прямой угрозой неотвратимых событий глобального масштаба... А порой зависит от его величества несчастного случая, как это часто бывает у геологов. И только ли у них?

* * *

Чтобы ускорить процесс снятия судимости, А.К. Болдырев, помимо напряжённой работы в ГРУ «Дальстроя», вёл широкую

лекторскую деятельность. Учёному в то время шёл уже седьмой десяток.

25 марта 1946 года он спешил в Олу читать лекцию. Автомобиль, в котором он ехал, провалился под лёд залива.

Известно, что А.К. Болдырева отговаривали от поездки в посёлок Ола, откуда была очередная заявка на лекцию, в связи с плохой погодой и ненадёжностью дороги. Но он добился разрешения на выезд у заместителя начальника ГРУ ДС Б.Н. Ерофеева. В.А. Цареградский был в эти дни в Москве, он, скорее всего, не дал бы разрешения на эту рискованную поездку.

А.К. Болдырев ехал в кабине открытого «пикапа», сидя рядом с шофёром. Подъехав к рыбакам вблизи устья реки Олы, А.К. Болдырев вышел и довольно долго наблюдал рыбную ловлю, затем сел в кузов машины. И вопреки советам рыбаков, указывавшим надёжный выезд к зимнику, поехали прямо к берегу, до которого было совсем близко. В следующий момент машина пошла под лёд. Пассажир выскочил, пытаясь помочь водителю. Потом побежал к берегу, очевидно, за помощью. Шофёр погиб. Подбежавшие рыбаки увидели только полынью.

Анатолий Капитонович выбрался на берег. На бугре, оказавшемся бруствером окопа выносного поста пограничной заставы, упал. По медицинским данным смерть наступила от разрыва сердца.

Полная реабилитация Анатолия Капитоновича Болдырева состоялась лишь спустя 11 лет после трагедии. В справке, выданной 6 апреля 1957 года Ленинградским городским судом, значилось:

«Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 30 марта 1957 года Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 июля 1939 года в отношении Болдырева Анатолия Капитоновича, 1883 г.р., отменено, и дело производством прекращено за недоказанностью виновности. Гр. Болдырев Анатолий Капитонович по данному делу считается реабилитированным. И.о. председателя Ленгорсуда Барканов».

Лично А.К. Болдырев никогда не участвовал непосредственно в разведочных работах, сыгравших решающую роль в развитии Севера. Но его заслуги в изучении и развитии Колымы огромны. Им проведена работа по систематизации минералогии

ческих исследований, выполненных геологами, работавшими в районах Дальнего Севера. Это позволило более полно и эффективно вести работы по разработке минерально-сырьевой базы Северо-Востока...

Что может быть более значимо для учёного-аналитика?

...Теперь в Магадане имя А.К. Болдырева носят городской сквер и одна из улиц города.

* * *

«...Помнить о нём должны даже те, кто никогда не учился у Болдырева. Потому что по сути дела все советские геологи — его ученики», — так сказал об учёном председатель президиума Дальневосточного научного центра Академии наук академик Николай Алексеевич Шило.

Сказано давно и верно. И нам, живущим ныне, стоит поучиться жизнелюбию, преданности делу своей жизни у выдающегося учёного и первооткрывателя Анатолия Капитоновича Болдырева!

Времена не выбирают...

Жизнь своего бывшего декана А.К. Болдырева Цареградский сможет облегчить в условиях «Дальстроя», но не спасёт от смерти...

...Когда в 1937 году на его московской квартире по ложному доносу будет арестован и потом расстрелян его отец, Александр Михайлович Цареградский, потрясённая этим событием мать В. Цареградского уйдёт из дома и надолго сгинет...

Первая жена В.А. Цареградского — Екатерина Ивановна Серпухова, долго болевшая туберкулёзом лёгких и гортани, инвалид 2-й группы, с двумя детьми окажется в блокадном Ленинграде.

Что чувствовал в эти годы он, сын и внук служителей церкви, сын «врага народа»? В чём находил опору?

Нина Ивановна Серпухова вспоминала:

«...Теперь напишу о жизни Кати¹ в блокаду, её детей, моей мамы и Василия, моего мужа. Голодали они. Катя с детьми и мамой питались вместе. Вася — нет. А в общем, и питаться-то им было нечем. Вася рассказывал, что, когда пришёл приказ Стали-

¹ Катя — сестра Н. Серпуховой, первая жена В.А. Цареградского.

на о том, что он должен быть переправлен за линию фронта на военном самолёте, т.к. Куйбышевским авиазаводам нужно было срочно увеличить подачу газа, он пытался хитростью добиться разрешения взять Катю и маму с собой. Помню, как Вася говорил мне: «Единственный раз в жизни врал, да и то неудачно». А врал он, что Катя его жена, а Рина и Ира — его дети. Катюша и мама сначала держались кое-как остатками продуктов, которые были у мамы, потом ели студень из столярного клея. Изредка Лене¹ удавалось пробраться к ним из Лесного, где находились казармы, и принести жалкие крохи из своего пайка. Армию всё же кое-как снабжали. Рина, стоя в очереди за осьмушкой хлеба, отморозила ноги. Её положили в больницу и ампутировали пальцы обеих ног. Это поддержало Рину, т.к. в больнице хоть и очень скудно, но всё же кормили. Отапливались тем, что жгли мебель и книги в «буржуйке», самоварная труба которой была выведена в форточку. Ира лазала на крышу за снегом. Снег таял, и получали, таким образом, воду для питья. Катюша крепилась из последних силёнок. Наконец и их не стало, и её положили в тубдиспансер. Лена рассказывала, что в ночь, когда Катя умерла, ей приснился сон, будто Катя в розовом платье очень весёлая входит к ней в комнату. Лена сразу же проснулась. Она говорила, что сон был настолько ярким, что она сразу не могла сообщить, что это сон. Но когда опомнилась, почувствовала, что Катя умерла. Утром, взяв увольнительную, она пошла пешком на Маяковскую. Транспорт не работал.

Предчувствие не обмануло Лену. Когда она пришла, у Иры начались голодные судороги, которые, по словам Лены, обычно кончаются смертью. Хорошо, что Лена принесла с собой свой сахарный паёк и ещё какую-то еду. Она быстро сделала раствор сахара и влила его Ире в рот. Ирушку удалось спасти. Ира ходила каждый день к Катюше в больницу. Катя писала маме накануне смерти: «Я задыхаюсь, как рыба, вытщенная из воды». И в этот день, вернее утро, Ирочка, придя в больницу, не застала Катю в живых. Я не знаю, кто и каким образом сообщил Валентину о смерти Кати, но из Ленинграда выбраться помог им Валентин. Рина поехала к нему в Магадан. Ира ехать туда не захотела и вместе с мамой поехала к Мусеньке в Красноярск. Катюшу по-

¹ Лена – сестра Н. Серпуховой.

хоронили, как всех тогда хоронили, на Пескарёвском кладбище. Ни у кого не было сил проводить её в последний путь».

Случилось это 30 марта 1942 года.

«Шурочка Анфилова, подруга девочек Покровских, вырвалась из Ленинграда после смерти Катюши. Она случайно поступила работать на завод, на котором работал Костя. Она рассказала, что Костя, узнав от неё о смерти Катюши, потерял сознание. Я помню, как после войны Костя пришёл к нам. Мы были в то время в Ленинграде, а Вася — в Москве. Я попросила Костю поиграть на пианино. Костя мне сказал: «Не могу, Нина, не проси. Ведь пианино стояло в комнате Кати, и она играла на нём...»

* * *

Э.П. Берзин будет расстрелян, Ю.А. Билибин — чуть ли не смертельно раздавлен, но останется жить. Жить и работать. Творить! А.К. Болдырев погибнет. Будет арестован, но чудом уцелеет Д.В. Вознесенский. Преждевременно не станет С.С. Смирнова, Кати Серпуховой...

У каждого своё русло судьбы...

* * *

Девяностые годы прошлого века называют лихими. А 30-40-е годы того же века — какими у нас они были?

Как лаконично и жёстко войдёт драматизм русской жизни в стихотворную форму А. Кушнера: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». И далее:

*...Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время — это испытанье.
Не завидуй никому.
Крепко тесное объятье.
Время — кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас — его черты и складки,
Приглядевшись, можно снять.*

«Металл № 2»

Вклад Ю.А. Билибина в развитие Северо-Востока соизмерим с вкладом С.С. Смирнова в развитие этой территории как оловянной. Они два гиганта в этой сфере деятельности.

Значение работ С.С. Смирнова по металлогении олова Ю.А. Билибин отмечал неоднократно. С.С. Смирнова захватила проблема геологии олова. Он не только дал классификацию месторождений олова, но и наметил районы поисковых работ. Это привело впоследствии к открытию крупных месторождений в Забайкалье, Верхоянье, Чукотке, Приморье. С ними было связано будущее оловянной промышленности страны.

Под его руководством была в 1937 году составлена специальная записка с прогнозной оценкой территории страны на олово. Она стала основой для определения всех поисковых работ.

Само возникновение нашей отечественной оловорудной промышленности крепко связано с именем С.С. Смирнова.

В статьях, написанных совместно с В.А. Цареградским по металлогении Северо-Востока Азии, впервые проведён глубокий анализ закономерностей размещения оловянных месторождений.

С.С. Смирнову принадлежит выдающееся теоретическое обобщение о Тихоокеанском рудном поясе.

Стройная теория о месторождениях золота дала толчок к поискам олова.

* * *

Нет большой необходимости перечислять подробно уникальные свойства этого серебристо-белого металла, лёгкого, пластичного и стойкого к химическим реагентам.

Олово — редкий металл. В земле его значительно меньше, чем железа, свинца, цинка, меди.

По своим единичным запасам месторождения его небольшие.

Олово — компонент многих сплавов, в том числе подшипниковых (баббиты).

В XIX веке, когда машиностроение стало широко развиваться, потребность в олове резко возросла. Широко применяется оно как припой, для лужения железа, для изготовления белой

жести (консервные банки), сплавов с медью и цинком, медью и сурьмой...

В России издавна пользовались оловом и его сплавами.

Русские мастера были большими умельцами в искусстве бронзового литья (сплав меди с оловом). Всем известны наши Царь-пушка, отлитая мастером А. Чоховым в 1586 году, и Царь-колокол, изготовленный И.М. Моториным в 1735-м. Они — из бронзы.

Открытие олова и его применение означало в своё время начало в истории человечества развитие бронзового века.

В настоящее время найдены заменители олова, в том числе из пластмасс.

Но открываются всё новые области применения олова, недаром оно считается стратегическим металлом.

* * *

Горный инженер С.Д. Оводенко ещё в 1914 году привёз в Академию наук два обломка гальки оловянного камня. Один он обнаружил на мысе Чаплина, другой — около двадцати километров от первого. Геологическая экспедиция, работавшая на Чукотском полуострове в 1927-1928 годах, обнаружила в береговых обрывах прожилки охристой руды. Анализ показал, что в нём есть олово. Но следующая экспедиция этого прожилка уже не нашла.

Из выступления на III партийной конференции «Дальстроя» Э.П. Берзина:

«В части олова. Получил я телеграмму от тт. Сталина, Молотова, Ежова о том, что на «Дальстрой» возлагается задача найти и добыть олово на Колыме. Я ответил, что найдём и будем добывать, и, по-моему, поступил правильно... За границей нам его не продают, а если и продают, то в мизерных дозах. Всё сильнее чувствовался запах войны, а значит за олово ожидалась большая борьба. Мы уже умеем плавить олово... Все поисковые партии переключены на олово. Правительство запрашивало, сколько денег нужно на это дело. Если бы мы сказали, что нужно 100-200 млн р. — нам бы дали! Вы не удивляйтесь: для олова эта цифра небольшая. Но я попросил только 10 млн р. и считаю, что маленькими деньгами можно сделать большое дело. Надо

найти такие месторождения на Колыме, которые бы разрешили эту проблему... В 1932 году мы о золоте знали только то, что оно есть, а где и сколько — не знали. Сейчас с оловом то же: мы знаем, что олово есть на Кинжале, Теньке, Сеймчане, а сколько его, не знаем. ...Есть где-то основное месторождение. В других местах Союза, где сейчас добывается олово, его так мало, что это слёзы. Стране нужно много олова, очень много, ибо олова в Союзе нет».

* * *

Уже в середине 1930-х годов в СССР обнаружили оловоносные месторождения — Хапчерагинское, Ононское, Шерловогорское в Читинской области, ряд залежей в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Якутии. В 1934 году заработала первая очередь Хапчерагинского рудника с обогагательной фабрикой. Позже, в 1937 году вступили в строй Ононское рудоуправление, Шерловогорский комбинат, ряд комбинатов в Казахстане.

За 1932-1937 годы был сделан целый ряд открытий залежей олова. Основные — в 1937 году: месторождение им. Лазо, оловорудная россыпь по р. Дерас-Юрега.

По следам касситерита

Поисковые партии «Дальстроя» параллельно с открытием месторождений золота шли по следам оловянного камня — касситерита. В 1931 году Второй Колымской экспедицией под руководством В.А. Цареградского была установлена принципиальная оловоносность целого ряда ключей в бассейне реки Колымы. Оловодобыча — новое направление деятельности «Дальстроя» — возникла во второй половине 1930-х. Разработка собственной оловодобывающей базы давала возможность отказаться от закупок его за границей (Англия).

Оловорудность ряда ключей бассейна р. Колымы была установлена целым рядом геологов: В.Л. Флёров обнаружил оловорудные проявления в верховьях реки Оротукан; В.Т. Матвеев — оловорудное месторождение Кинжал. Олово было найдено в районе Омсукчана Г.Г. Колтовским и И.Н. Зубаревым; В.А. Титовым — в бассейне реки Сеймчан...

По номенклатуре «Дальстроя» золото проходило под кодовым обозначением «металл № 1», олово — «металл № 2», вольфрам — № 3, кобальт — 4, уран — 5¹.

Распределение финансовых средств шло в основном на разведку золота, потом — олова. В среднем за пять лет (1932-1937 гг.) удельный вес капитальных вложений в разведку золота составлял 79 %, на разведку олова — 11 %. Десять процентов уходило на разведку редкоземельных металлов и на остальные виды ископаемых.

Уже упоминавшаяся комиссия экспертов (профессоры С.С. Смирнов, Н.И. Трушков и геолог И.И. Чупилин), посетившая в 1936 г. «Дальстрой», наделённая большими полномочиями Правительства, в результате экспертизы постановила считать важным на тот момент расширение разведок оловоносных месторождений.

На 1937 год в геологоразведку, по сравнению с 1936 годом, было выделено капитальных вложений в два раза больше.

На самой окраине Северо-Востока

Яркая и драматическая история связана с первой экспедицией геологов В. Серпухова и Д. Бойкова на Чукотку, на самую окраину Северо-Востока.

Владимир Иванович Серпухов — брат первой жены В.А. Цареградского Екатерины Серпуховой. Нина Ивановна писала о своём брате, мы вернёмся к её воспоминаниям.

Геологический Ленинградский сектор Всесоюзного арктического института в мае 1933 года предложил геологу Владимиру Ивановичу Серпухову работу на полярной станции мыса Шмидта.

Вначале ему ставилась задачей обследование прибрежной полосы к востоку и западу от мыса.

Но В.И. Серпухов предложил проложить маршрут не по побережью, о котором хоть какие-то, но были сведения дореволюционных экспедиций, а отойти вглубь полуострова, чтобы провести площадную съёмку доступной территории. Эта внутренняя часть полуострова была на то время «белым пятном».

¹ ГАМО, ф, Р-23 сс, Оп. 1, Д. 6, Л. 4.

Своеобразная это была экспедиция. Она состояла всего из двух человек — В.И. Серпухова и геолога Дмитрия Фёдоровича Бойкова. Ранее они вместе уже работали. До поездки на Чукотку В.И. Серпухов служил добровольцем в Красной Армии, участвовал в экспедициях в таёжных районах Дальнего Востока.

О том, в каких условиях пришлось работать двум энтузиастам геологам, писал участник и начальник одной из последующих экспедиций на Чукотку Марк Исидорович Рохлин в своих книгах «Там, где были иранги», «Чукотское олово». Автор был хорошо знаком с В.И. Серпуховым, он один из первооткрывателей чукотского олова.

М.И. Рохлин пишет и о том, какой он увидел Чукотку в середине 30-х годов, уже много позже В.И. Серпухова и Д.Ф. Бойкова:

«Чукотка и Колыма! Часто я сравниваю эти окраины нашей земли, которые некоторым могут показаться почти одинаковыми по своему климату, природным условиям. Но это не так. Между Колымой и Чукоткой нет ничего похожего!

И, пожалуй, самое главное отличие в том, что в колымских районах бывает лето, хотя и короткое, но настоящее, жаркое, сухое лето с яркими солнечными днями. А лето на Чукотке — это время туманов и морозящих дождей. Редко бывает год, когда выпадает 2-3 солнечных дня. В заливе Креста среднелетняя температура едва достигает 10 градусов, на Иультине она в 2 раза ниже.

Летом в колымской тайге ковры ягод. Много брусники, голубицы, красной смородины, таёжного винограда — охты. Нередко встречается дикая малина. Рачительный хозяин без труда запасается ягодами на целый год. Много в тайге грибов, дичи. А вокруг посёлков — огороды. В открытом грунте хорошие урожаи приносят картофель, капуста, репа. В парниках вызревают помидоры, огурцы.

На Чукотке ничего этого нет. Здесь мало солнца. Вот почему в тундре из ягод растёт только водянистая шикша да грибы. Грибов много, главным образом подберёзовиков. Их правильнее было бы называть надберёзовиками, так как шляпки крупных грибов возвышаются над карликовыми, стелющимися по земле берёзками. Климат летом настолько суров, что в грибах

даже черви не заводятся. Зато комаров тучи, и кажется, что они действительно могут до смерти искушать человека, как об этом рассказывается в чукотских сказках.

Только пожив на Чукотке, начинаешь понимать, что значит для человека отсутствие леса. Лес — это дрова, а дрова — это тепло, возможность обсушиться после утомительного похода по тундре, обогреться во время холодного ветра и дождя. Уголь, которым снабжены экспедиции, да жалкий кустарник вдоль русел рек не представляют геологам таких возможностей, не создают «уют».

Но особенно тяжела на Чукотке зима. Долго длится полярная ночь, 3-4 месяца солнце вообще не показывается над горизонтом. Часто дует пурга.

Конечно, очень суровая зима и на Колыме. Но здесь она всё же короче, да и полярная ночь не такая длинная. Колымские морозы, хотя и очень сильны, но переносятся легче чукотских пург».

Обычно в таёжных районах Приколымья для хранения продовольствия геологи строили специальные лабазы на деревьях. Так поступали геологи Первой и последующих колымских экспедиций, так поступали издавна и старатели, оберегая пропитание от животных, в первую очередь — медведей.

В Тундре, где часто нет даже мелкого кустарника, продукты обычно складывали в железные бочки. Днище бочки завязывали проволокой. Но это надёжно не гарантировало сохранность продуктов. Медведи скатывали бочки в долины и русла рек. Сорвав проволоку, вскрывали их. Прокусывали банки с консервами, муку и сахар разбрасывали вокруг. Голодающих по несколько дней геологов спасали лётчики. Благо, в то время самолёты уже у геологов имелись. У Серпухова и Бойкова самолёта не было, не было ни собачьих упряжек, ни оленьих нарт. Карт Чукотки в то время тоже не было.

Готовясь на станции к полевым работам, В.И. Серпухов с помощью чукчи Уutyгина составил небольшой словарь из необходимых чукотских слов и выражений. По распросам местных жителей сделал зарисовку района, куда направлялись, нанёс на карте приблизительно реки, главные горные хребты, мыс Северный, Чаунскую губу и бухту Нольде.

...В августе, дойдя до места, где намечалось устроить одну из продовольственных баз, В. Серпухов и Д. Бойков отпустили сопровождавших их чукчей. И определились с маршрутом.

Тёмные островерхие горы высотой от 800 до 3,5 тысячи метров, горные речки с прозрачной водой. Горы геологи обходили по долинам рек. Часто приходилось в поисках брода преодолевать не один десяток километров. Переходя вброд, нередко оступаясь на скользких камнях, геологи попадали в воду. Мокрая одежда сразу превращалась в ледяной панцирь. Приходилось, чтобы не погибнуть, 10-15 километров бежать в такой одежде в лагерь. На месте развести костёр и высушить одежду не было возможности. В округе отсутствовало какое-либо горючее, используя которое, можно было развести костёр.

Тем не менее два человека, затерявшиеся в суровой пустыне, свершили за осенние месяцы огромную работу. В декабре во Всесоюзном арктическом институте с полярной станции на мысе Шмидта от Серпухова была получена телеграмма:

«Произведена топографическая и геологическая съёмка 8 000 квадратных километров южнее мыса Северного... Обнаружено коренное месторождение меди в виде обильных, богатых арсенопиритом жил в контакте гранита со сланцами, месторождения мышьяка, а возможно, и золота в виде кварцевых жил с арсенопиритом, месторождение никеля... Поиски и разведка россыпей затруднены при наличии мощных ледниковых наносов. Слухи о каменном угле западнее мыса Северного не подтвердились. Полевые работы возобновим в марте 1934 года. Транспорта нет, работаем пешком с котомкой. Выполнение плана гарантирую».

«В.И. Серпухову и его помощнику геологу Д.Ф. Бойкову приходилось работать в условиях необычайно трудных. Полярная станция мыса Шмидта не имела транспорта, а чукотские собаки с февраля 1934 года почти все были заняты на работах по оказанию помощи челюскинцам. Осенью 1933 года ничего не оставалось другого, как выйти в первые походы пешком. Весной и летом 1934 года походы продолжались. Район работ лежал далеко за Полярным кругом. Здесь не было не только деревьев, но даже кустарника. Высоко вздымались горные хребты, достигавшие высоты двух тысяч и больше метров. Через горы величайшие перевалы.

Кулаки и шаманы распространяли среди местного населения всякие небылицы о геологах. Им нередко отказывали в помощи.

Несколько продовольственных баз в тундре были уничтожены.

Всё необходимое продовольствие, одежду, снаряжение, а затем и образцы пород, собранные в поле, геологи таскали на себе. Вначале вес такого груза не превышал двух — двух с половиной пудов на каждого, затем он увеличивался — за счёт камней — до четырёх-пяти пудов.

Сказать откровенно, многие, даже большинство моих друзей и знакомых, представляют работу геологов этакой романтикой на лоне природы. Охота! Рыбная ловля! Как это далеко от действительности! Романтики порой действительно бывает многовато, но главное — это труд, напряжённый, тяжёлый физический и умственный труд». (М.И. Рохлин).

А эти строки из предварительного отчёта В.И. Серпухова по результатам экспедиции:

«Бродить весной и осенью (март, апрель, май, июнь и октябрь) по колено в снегу, а коротким летом — по колено в воде или по каменной россыпи, по кручам и всё время с двухпудовой ношей на спине — больше чем тяжело!.. Мне не верится сейчас, что я и Бойков были способны на это... Но это сделано.

Нами исследована площадь в 30 000 квадратных километров. Это значит, что каждый из нас прошёл пешком во время полевых работ на Чукотском полуострове с двухпудовой ношей за плечами около 6 000 километров, то есть расстояние от Москвы до Иркутска... Вот что это значит!

За время нашего пребывания на Чукотском полуострове мы на полярной станции пробыли всего около двух с половиной месяцев. Остальное время были в тундре. И всё это время мы впроголодь питались пресными лепёшками и чаем. Полярный паёк для нас не существовал».

В. Серпухов и Д. Бойков углубились на юг от мыса Шмидта более чем на 250 километров и исследовали полосу шириной от 60 до 100 километров.

И вот результат. Об этом В. Серпухов писал так, отмечая координаты (точки) своих находок:

«В среднем течении реки Баранихи, правого притока р. Телекай, в 12 километрах от устья реки Баранихи, в делювиальной россыпи на склоне левобережного увала, встречены глыбы мятого кварца с касситеритом. Кристаллы касситерита крупные (до 2-х сантиметров). Анализ руды показал: содержание олова — 22,04 %. Месторождение расположено в мощной зоне разломов, пересекающей Чукотский полуостров в широтном направлении».

...Чтобы успеть выполнить всё задуманное, В. Серпухов и Д. Бойков начали ходить по маршрутам в одиночку. Уходили обычно на несколько дней. Встречи с волками были нередки.

Из дневника В. Серпухова:

«Звериная опасность, может быть, и невелика, но беспокоительство она причиняла большое. Жутко. Я посидел за время работы, а я не робкий человек. Всё время работа на нервах, полуголодный, всегда в напряжённом состоянии, никогда хорошо не выспишься».

В последние недели полевого сезона работать геологам становилось всё труднее. Причиной тому были накопившаяся физическая усталость, истощение организма от недостаточного питания.

На базу, где ими были приготовлены для доставки на станцию образцы пород и пробы, четверо чукчей-носильщиков, с которыми была договорённость, не явились.

Геологи решили перетаскать на ближайшую базу груз сами, в несколько приёмов. Оставляя ружьё как лишний груз добирались, рискуя, безоружными.

Еле добравшись до базы, они обнаружили, что жестяные банки с продовольствием прострелены, содержимое их растоптано.

До мыса Северного надо было одолеть около 200 километров по горным ручьям и зыбкой тундре.

Решив вернуться, они оставили на базе основной свой груз и направились на вторую базу, которая была в 100 километрах от первой. У них оставалось у каждого по пресной лепёшке и куску сахара, да те жалкие остатки, которые удалось собрать с земли на базе.

Вторая продовольственная база также оказалась разгромленной.

...Когда геологи с почерневшими лицами и воспалёнными глазами, поддерживая друг друга, словно призраки, возникли на полярной станции, за пазухой у В. Серпухова был завернутый в тряпицу единственный не брошенный в пути груз — образец кварца с крупными кристаллами оловянного камня, найденный недалеко от устья реки Баранихи.

* * *

По информации Евгения Конюхова, вроде бы открылась возможность опубликовать мои «Записки преподавателя». «Свежо предание»... Он настойчиво убеждает меня поменять название. Приводит разные доводы. Я не готов пока ни печатать свои записки, ни менять название их. Я свыкся с «Записками...»

Он же посеял сомнение, несколько раз возвращаясь к этой теме. Мне казалось сначала, что, меняя название, я отдаляюсь от тех, с кем сроднился. С кем стал моложе... С ними я пережил непонимание и горечь временных поражений... Во мне шла некая работа...

...И наступил момент, когда я, взяв заглавный лист моих записок, вывел с несвойственной мне теперешнему решительностью: «Сага о первооткрывателях». Пусть будет так!

...И стало как-то просторнее на душе. Светлее. Будто я вернул тем, о ком пишу, давно ими заслуженное, им принадлежавшее...

Мне стало свободнее писать...

* * *

Ворошу страницы воспоминаний Н.И. Серпуховой. Дав, как и ранее, отрывкам названия, привожу некоторые из них.

В ельнике

«...**В**олодя, долго работавший в самых диких местах, совсем не любил стрелять и никогда не брал с собой ружьё. Однажды с Володей произошёл забавный случай. В кедровом ельнике он нос к носу столкнулся с медведем. Володя не раз слышал, что сибиряки при встрече с медведем издают какой-то особенный, очень звучный крик, и медведь тут же убегает, оставляя за собой «визитную карточку». Володя струхнул и

попытался этот крик воспроизвести, но, как он рассказывал, у него вместо крика получился какой-то жалкий писк, от которого побежал не медведь от Володи, а Володя от медведя. Медведь же преспокойно остался объедать кедровые шишки»¹.

Найда

«Лошадьми Володя не увлекался, но очень любил собак. Мама рассказывала, что к Володе, когда ему было лет 5, пристала маленькая собачонка. Мы жили в то время на даче. Мама нам никогда не разрешала держать дома животных, считая, что они являются источниками всяческой заразы. Естественно, что и эта собачонка была изгнана. Но так как Володя очень плакал, то, чтобы утешить его, собачонку накормили.

Через неделю были Володины именины, и неожиданно-негаданно в сад на даче явилась эта собачонка. Володя страшно обрадовался и закричал: «Она пришла меня поздравить».

Работая в тайге, Володя всегда заводил себе собак, с которыми с великим сожалением расставался, уезжая в Ленинград. Только один раз он привёз с собой лайку Найду с большой примесью волчьей крови. Это было, когда Володя был уже женат. Соня рассказывала, что заходить в комнату, где находилась Найда, можно было только в присутствии Володи. Собака не лаяла, а как зверь, подползала к вошедшему и хватала за ногу. Корм не принимала ни от кого, кроме Володи. Володя каждый день ходил на работу, и ему приходилось привязывать Найду на коротком поводке к роялю, но в комнату без него всё равно боялись входить. Когда Володя был дома, собака становилась ни для кого не опасной. Она лежала рядом со стулом Володи, положив голову ему на ноги. Утром и вечером Володя выводил её гулять, но Найда боялась города и жалась к ногам Володи. Так мы промучались с Найдой зиму. В тайге собака стала прежней Найдой — весёлой и подвижной, но Володя понял, что брать её в Ленинград больше нельзя. Собаки очень ценятся на Дальнем Востоке, и Найду у Володи с радостью взяли. Володя сам привязал её, после чего сел в автомобиль и уехал. Проехал уже значительное расстояние, ког-

¹ Дело было на Дальнем Востоке, где В.И. Серпухов бывал в экспедициях до Чукотки.

да Найда догнала машину и прыгнула, стараясь попасть к Володе в кабину. Оказалось, что она перегрызла поводок и убежала. Шофёр не успел затормозить. Найду отбросило от стекла, и она попала под машину. Помню, с какой болью об этом рассказывал Володя. Когда Володя подбежал к ней, она уже издыхала».

«Володя приехал!»

«**Р**аботал Володя всегда в очень трудных местах. Не помню, в каком году, он едва не погиб — заблудился в тайге вдвоём с прорабом Лёвой Магнушевским, и они вовремя не вышли к пароходу. Без продуктов, без тёплой одежды, а под конец и без спичек, они брели по тайге, питаюсь брусникой, выкапывая её из-под снега, падали, поднимались и, поддерживая друг друга, брели дальше. Наконец, совсем обессилив, они легли на землю и решили, что всё кончено.

Володя рассказывал: «Не знаю, проснулся я или очнулся от того, что в горло мне лилась горячая оленья кровь». На их счастье, на них наткнулись ороконы. Забили оленя и дали тёплую одежду — малицу и пимы. В этой одежде Володя приехал домой в феврале.

В газетах в разное время были напечатаны два сообщения: 1) Что начальник геологической партии В.И. Серпухов и его прораб Магнушевский не вышли к пароходу, который ждал их до последней возможности, но должен был уйти без них. 2) Что они, видимо, погибли, но будут организованы их поиски.

Дома очень беспокоились, но всё же не теряли надежды. Я сочинила в то время дурацкое стихотворение, можете прочесть этот беззастенчивый плагиат. Всё уворовано у Вертинского:

*Где вы теперь? В каких горах Сибири?
Иль, может быть, вас больше нет в живых?
Как пусто здесь без вас в большой квартире,
Как тихо в комнатах, и как мне жутко в них.
И неужель вы больше не вернётесь?
И навсегда останетесь вы там?
Не может быть. Я этому не верю.
И снится мне, что вы вернулись к нам.*

Вернулся Володя в феврале. На его звонок в дверь открыла я и в первую минуту не узнала его, обросшего бородой, в пимах и малице. И только когда он приподнял меня и поцеловал, я поняла, что это Володя, и завопила от радости на весь дом: «Володя приехал!» В прихожую сбежались все. Невозможно описать общую радость. В этой экспедиции Володя отморозил себе палец, началась гангрена, и он отрезал себе палец ножом в чуме у ороchon.

Ещё будучи гимназистом, Володя был влюблён в Мусину однокурсницу и подругу Софочку Корнилову.

После отъезда из Ленинграда мы долгое время не встречались с ней. Соня после революции уехала на свою родину в Казань, где вышла замуж за белогвардейского офицера Зерена. От него у Сони родилась дочь Ирина. Муж Сони бежал с белыми за границу. Соню с ребёнком он с собой не взял. Соня вернулась в Петроград и через своего двоюродного брата, который в то время работал в историко-бытовом отделе Русского музея, узнала о том, что мы в Питере, и пришла к нам вместе с дочкой. Володя в то время уже хорошо зарабатывал, а Соня была практична и приложила все усилия к тому, чтобы вернуть прежние чувства Володи. Ей это удалось не сразу.

Володя в то время был влюблён в Мусину подругу Ганю Усенину. Все звали её Собинкой — производное от слова «особенная». Так её прозвали сибиряки, когда она работала в Сибири. Собинка была очень красивая. Не хорошенькая, а именно красивая. Высокая, стройная. Густую длинную косу она, как корону, укладывала вокруг головы. В довершение ко всему она очень хорошо пела. Роман был серьёзный, и все мы, включая маму и папу, очень хотели, чтобы он закончился свадьбой, т.к. очень любили Собинку. Увы, этого не случилось. Соня переехала. Она почти ежедневно стала бывать у нас, часто оставалась ночевать и усиленно зазывала Володю к себе.

Однажды Соня пригласила Володю к себе на какой-то праздник. Володя обещал приехать, но не поехал. Он, конечно, понимал, к чему клонит Соня, но не торопился объясняться. Соня несколько раз звонила по телефону, вызывая его, а потом прислала за ним свою младшую сестру Дарью. Володя просил нас сказать, что его нет дома, а сам спрятался в шкаф. «Скажите ей,

что я поехал к ним, тогда отстанут». В тот раз он так и не поехал, и Дарья уехала от нас ни с чем.

Но Соня своей атаки не прекратила. В один прекрасный вечер Володя пришёл домой и сообщил, что сделал Соне предложение. Мама была возмущена. Она совсем этого не хотела. Да и Володя был скорее растерян, чем счастлив. При новой встрече с Соней он сказал, что свадьбу лучше отложить и устроить её после того, как он вернётся из экспедиции, в которую он должен отправиться через 2 месяца. Это никак не входило в расчёты Сони. Она была неглупая женщина и понимала, что свадьба может не состояться совсем. Помню, что она приехала объясняться к маме и говорила: «Почему вы против нашего брака? Я уже не девочка и сумею быть Володе хорошей женой». Объяснение это закончилось ссорой. Соня настояла на своём, и свадьба состоялась.

На свадьбе никто из нас не был. Потом, конечно, помирились, но тёплых отношений с Соней не было. Детей у Володи и Сони не было. Володя удочерил Ирину¹».

В 1935 году Владимира Ивановича Серпухова назначили главным геологом отделения треста «Золоторазведка» Аллаха-Юньского района Якутской АССР.

О том, какое огромное значение придавало руководство страны поисковым работам геологов, говорит следующий эпизод, о котором рассказывает сестра известного учёного.

Вызов к Сталину

«**Н**е помню, в каком году Володя работал на Чукотке, которую в то время только начали осваивать. В этой экспедиции было всего 2 человека. Володя и его прораб, мой однокурсник Митя Бойков. Работа эта, как и все работы Володи, была засекречена. Она заинтересовала Сталина, и он потребовал отчёт об экспедиции. Прочитав отчёт, он вызвал Володю к себе и спросил: «Почему вы пишете только о себе и своём прорабе? Были же у вас рабочие, назовите их!» Володя ответил: «Серпухов и Бойков». Сталин спросил: «Что же, и шурфы вы копали сами?» Володя ответил, что они всё делали сами. В конце разговора Сталин сказал, что Володя будет направлен в Китай на

¹ Ирина – дочь Сони.

поиски урановых месторождений. Семья его должна поехать с ним. «Биография ваша и вашей жены проверены: в них нет ничего порочащего». Володе очень не хотелось ехать в Китай, но пришлось подчиниться приказу Сталина. Война застала Володю в Китае. Он послал Сталину письмо, где писал, что всю гражданскую войну он провёл на фронте и просит, чтобы его и сейчас отправили на фронт. Ответ получил из секретариата Сталина, где было сказано, что он нужен сейчас там, где работает. Вернулись Володя и Соня уже после войны. Меня в то время в Ленинграде не было.

Знаю, что много времени спустя Володя построил дачу в Соново. Мусенька и Иринка жили у него на даче уже после смерти Сони. Когда и от чего умерла Соня, я не знаю.

...Последние годы жизни Володя в экспедиции не ездил. Гангрена, начавшаяся с отмороженного пальца, возобновилась. Володя долго оттягивал, но в конце концов ногу пришлось ампутировать. Лекции в Горном он читать продолжал до самой смерти».

В Ленинградский горный институт В.И. Серпухов вернулся доктором геолого-минералогических наук, профессором. Одно временно он работал во ВСЕГЕИ.

В 1952 году возглавил кафедру общей геологии.

В 1950-1970 годах он один из ведущих учёных-геологов страны, автор учебников по общей и морской геологии. Читает курс по этим дисциплинам.

В 1975 году по состоянию здоровья оставляет кафедру, потом перестаёт преподавать, оставаясь на должности профессора-консультанта.

За время научной деятельности он написал более ста научных работ. Из них половина опубликована, часть была засекречена.

В Российском федеральном геологическом фонде хранятся, кроме диссертации, более сорока его рукописей, две из них написаны в соавторстве с В.А. Цареградским.

В.И. Серпухов неоднократно был отмечен государственными наградами, в том числе орденом Ленина. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки.

* * *

«...Последние годы жизни Володя жил со страшим сыном Ирины Владимиром, названным в честь него. Володя его очень любил... Я помню, что, когда Володя уже после смерти Сони приезжал в Москву и останавливался у нас, он мне говорил с такой нежностью: «Ведь я его ходить учил».

Когда Володя был у меня в Москве, нога у него ещё не была ампутирована.

Умер он ночью, когда его приёмный внук Владимир отсутствовал». (Н.И. Серпухова).

Точки Серпухова

Привезённая В.И. Серпуховым с Чукотки находка привлекла внимание геологов Главсевморпути.

На Чукотку в 1934 году отправляется несколько геологических партий.

Три партии: А.П. Никольского, М.И. Рабкина и А.В. Андрианова — исследовали восточную часть Чукотского полуострова. Они искали олово.

Две партии: одна из них под руководством С.В. Обручева работала на побережье Чаунской губы, другая — западнее и юго-западнее мыса Биллингса.

В конце 1935 года все пять партий вернулись, потерпев неудачу. Оловоносность Чукотки не подтвердилась. В районе, где был найден В.И. Серпуховым и С.Ф. Бойковым кусок кварца с кристаллами оловянного камня, оловянное оруденение обнаружить не удалось.

* * *

К зиме 1935 года была организована ещё одна экспедиция на поиски «Точек Серпухова».

В её составе были пять геологов, четыре топографа. В её распоряжение были выделены вездеходы и самолёты «У-2». Возглавил эту Вторую Чукотскую экспедицию начальник Горногеологического управления Главсевморпути М.Ф. Зяблов. Прибывшие в залив Креста на пароходе через Владивосток на самолётах

и вездеходах добирались свободно до озера Якитики и бассейна Темкая, где они думали найти «Точки Серпухова».

Самолёты «У-2» провели в воздухе 260 лётных часов. Преодолевая хребты и уклоны до 25°, вездеходы помогли обследовать огромные площади.

Но «Точек Серпухова» так и не обнаружили. По возвращении в Ленинград на заседании учёного совета Арктического института в своём докладе М.Ф. Зяблов неудачу с поиском «Точек Серпухова» оправдать не мог.

В.И. Серпухов, который присутствовал на учёном совете, уверенно утверждал, что поиски велись не там, где нужно было...

* * *

Время шло. Как это часто бывает с открытием, информация копилась, рождались гипотезы... Это всё в конечном счёте рано или поздно выводит на новый уровень исследований.

Сергей Сергеевич Смирнов, опираясь на своё учение о рудных месторождениях, считал, что олово на Чукотке есть, его надо искать. Наука подпирала практиков-геологов. С.С. Смирнов подтолкнул геолога М.И. Рохлина к более тщательному исследованию коллекции С.В. Обручева, состоящей из Чаунских образцов. Они удивительно напоминали породы из оловоносных районов Забайкалья и Якутии. И действительно, при более внимательном исследовании в образцах, привезённых с Чукотки из района Чаунской губы, было обнаружено заметное количество оловянного камня-касситерита.

Штурм Чукотки

...**П**редложение об организации следующей экспедиции было поддержано С.С. Смирновым и руководством Арктического института.

Начальником её был назначен Н.И. Сафронов, старшим геологом — М.И. Рохлин, вторым геологом — М.Л. Молдавский.

Экспедиция была рассчитана на полтора года: с 1 мая 1936 г. по ноябрь 1937 г. с зимовкой в посёлке Певек. Численность работников экспедиции — 21 человек.

Эта экспедиция показала наличие на Певекском полуострове оловянного оруденения промышленного значения.

И Вторая Чаунская экспедиция подтвердила, что многие точки оловянного оруденения носят промышленный характер.

Главный вдохновитель первых Чукотских экспедиций С.С. Смирнов не принимал участие в обсуждении. Он в это время пробирался верхом на лошадях таёжными тропами из Восточного Верхоянья в Якутск. Семьсот километров пути, на это ушло около месяца. В который раз восхищаешься самоотверженностью учёных геологов, их активным образом жизни.

* * *

Уже в октябре 1937 года Вторая Чаунская экспедиция закончила постройку базы. Теперь разведочные работы развернулись на горе Певек.

Второй Чаунской экспедицией были открыты Календарные жилы, Прибрежные жилы.

В рыхлых отложениях речек Пыркакай, Кайнапанельвегергин и Майна-панельвегергин, которые исследовал геолог Малиновский, нашли Пыркакайскую россыпь олова.

Были явные подтверждения того, что исследуемый оловорудный район имеет промышленное значение, перспективность территории, отмеченная В.И. Серпуховым, уже не требовала дополнительных подтверждений: она стала реальностью.

* * *

В заливе Кресты в августе 1936 года высадилась ещё одна экспедиция. Начальником её был назначен Ю.А. Одинец, геологами — А.Г. Шпилько и В.Н. Миляев.

Отряды Шпилько и Одицеа в мае 1937 года прибыли самолётами на озеро Якитики. Группа Миляева добиралась на вездеходах до реки Амгуэмы.

Когда река Амгуэма вскрылась, Миляев с помощниками на лодках достигли устья Якитики. Здесь и начали поиски. Намериваясь подыскать подходящее место для нового лагеря, Миляев с самолёта увидел огромные белые куски кварца. Когда на другой

день он поднялся на сопку Иультин, он был поражён. Вершина сопки была покрыта обломками белого жильного кварца, крупными кристаллами вольфрамита и оловянного камня.

* * *

...Преодолев пешком более 200 километров через два перевала, болотистую тундру и бурные речки, группа Ю.А. Одинца вернулась в залив Креста, а потом выехала пароходом на «материк».

Продолжить разведочные работы приказом начальника Главсевморпути О.Ю. Шмидта было поручено геологам А.П. Никольскому и Г.Г. Володенкову.

В заливе Г.Г. Володенков организовал тракторный отряд для доставки людей и груза на Иультин. Впереди — путь в 400 километров через ледяную тундру без населённых пунктов, через горные хребты и речки.

Отряд прибыл в Иультин через два месяца.

Результаты работы геологов показали, что Иультин — одно из крупнейших месторождений олова на Чукотке.

Широким фронтом

Сцелью ускорения освоения Чукотки в сентябре 1938 года из подчинения Всесоюзного Арктического института Главсевморпути в «Дальстрой» были включены со всем имуществом и личным составом Чукотская и Чаунская геолого-разведочные экспедиции.

Летом 1938 года состоялось решение Правительства о передаче Дальстрою всех геологических работ на Чукотке.

В августе принимается решение начать геологическую съёмку, поиски и разведку олова на обширнейшей территории, простирающейся от реки Колымы на западе до Беренгова пролива на востоке, от побережья северных морей до рек Анюя и Анадырь на юге.

Чуть позже, в 1939 году, партия Б.Н. Ерофеева открывает месторождения Незаметный и Нагорный. Возникнет посёлок Смелый.

Будут открыты месторождения: Солнечное, Кекурное, Чаантальское, Гориэльское и др.

План по добыче оловянного концентрата на 1939 год «Дальстрой» выполнил досрочно 2 декабря.

Задание по оловодобыче на 1940 год превышало программу прошлого (1939) года в шесть раз.

Оно было выполнено. В 1940 году «Дальстрой» добыл 1 917 тонн оловянного концентрата, при рекордной добыче химически чистого золота за всё время своей работы — 80 тонн в год.

К 1941 году на Чукотке была подготовлена сырьевая база для создания первых горных предприятий по добыче олова. Для решения новых задач было организовано Чауно-Чукотское управление.

Срочно необходимы были оловообогатительные фабрики, на которых бы добытая порода доводилась до кондиционного состояния.

* * *

Кроме добычи олова, перед Дальстроем и его геолого-разведочным управлением, которое возглавлял В.А. Цареградский, стояли грандиозные задачи, включая поиск и добычу вольфрама, кобальта, придёт время — и урана (конец 1945 года).

Вольфрамовый концентрат производился в 1941-1944 гг., и в 1948 году была возобновлена его добыча на базе руд Аляскитового вольфрамового месторождения в верховьях р. Индигирки.

Попутная добыча вольфрама производилась на Иультинском оловянно-вольфрамовом месторождении на Чукотке.

Максимальная добыча кобальта в концентрате была в 1951 г.

Кроме месторождения, которое разрабатывалось «Верхне-Семчанским» горнорудным комбинатом, других значительных в промышленном плане месторождений кобальта в Дальстрое не было.

Урановые работы на Северо-Востоке начались в конце 1945 года.

В 1948 г. В.А. Цареградский дважды был приглашён И.В. Сталиным в свой кабинет в Кремле.

Возможно, разговор шёл о поисках и ходе добычи урана.

...Ураном Северо-Восток оказался небогат.

Последние уранодобывающие объекты Дальстроя на Чукотке были ликвидированы в 1956 году.

У истоков разработки теоретических основ металлогении и прогнозной оценки ураноносности крупных территорий стояли Ю.А. Билибин и целый ряд руководителей специального отдела ВСЕГЕИ.

Письмо от Евгения

Послал часть записок о В. Серпухове Евгению, ответ получил через пару недель. Пишет: «...удручён несправедливостью, допущенной по отношению к В.И. Серпухову. Я прочёл о нём всего лишь статью М. Вяхирева и то, что Вы написали. Книги М. Рохлина ищу пока, а вот отрывки из воспоминаний самого Серпухова в интернете нашёл. Мне кажется всё обидным и странным? Как могло получиться, что два человека, рискуя погибнуть, нашли месторождения олова, а экспедиции, посланные вслед с этой же целью на Чукотку, не смогли отыскать ни «Точки Серпухова», ни самого олова в этом районе? А ведь они уже имели зимой трактора для перевозки грузов, пользовались самолётами. Вторая Чаунская экспедиция определила, что многие точки проявления оловянного оруденения, которые были обнаружены в период её работы, имеют промышленный характер! А где же ссылки на В. Серпухова? Куда могло деться найденное им месторождение оловянной руды? Ведь он писал конкретно, где она. Серпухову и Бойкову будто не верили, а я бы с такими самоотверженными людьми в любую разведку пошёл. Такие характеры!

Можно ли не найти точки Серпухова? Допускаю, что он ошибся в чём-то при определении координат. Но все указанные приметы (в 12 километрах от устья реки Баранихи и так далее...) — они же на месте: речки, горы? Почему не дать чёткий ответ, есть ли там олово или нет?

А ведь он доставил в Ленинград целый кусок минерала, за тысячи вёрст.

Почему не участвовал в последующих экспедициях сам В. Серпухов? Он единственный оставшийся в живых свидетель открытия. Я прочёл, что Д. Бойков умер.

В. Серпухов, как и Ю. Билибин, дал сильнейший толчок к освоению громадных территорий (Билибин — Колымы, Серпухов — Чукотки)!

Обидно за Билибина! Но его великий труд и подвиг, хотя и с опозданием, но при жизни были признаны и оценены. А находка В. Серпухова и Д. Бойкова? Их затмили результаты последующих экспедиций. Они остались в тени...

Найденный геологом В.Н. Миляевым кристаллический касситерит на горе Иульгин далеко ли лежал от «Точек Серпухова»? Это же важно!

Бойцовскими качествами Билибина восхищаешься, перед «тихим героизмом» профессора Серпухова и Болдырева — склоняешь голову.

Я нашёл замечательную статью о Ю. Билибине, написал её В.И. Серпухов, вышло на днях.

Через неделю мой друг Вадим летит в командировку в Ленинград. Мы решили, что он должен для начала побывать в Ленинградском горном институте. Оттуда пройти по цепочке: сектор Ленинградского арктического института (если он ещё существует), музей Арктики и т.д.

Надо начать глубокое изучение биографии В.И. Серпухова. Если «точки» нашли, хотя бы позже, узнал ли он об этом? И потом: не «точки» важны, а само олово, оно-то найдено! Сохранён ли приоритет открытия за ним и за Д. Бойковым?

PS. Потихоньку готовимся к запланированному маршруту на байдарках по рекам Малтан, Бахапча, Колыма до Дебина. В команде: я, Вадим и два его приятеля москвича. Опытные ребята. Не переживайте сильно, что без Вас пойдём. Как только подлечите поясницу — повторим маршрут с Вами. Идея-то Ваша».

Что ж, успехов тебе, беспокойный мой друг Евгений! Во всём. Дерзай, покуда есть молодые силы.

Он любил цветы...

Поисками и добычей олова на Чукотке заканчиваются эти мои неровные записки об исследовании геологами и освоении Северо-Востока нашей страны. Так много осталось за бортом, пока я плыл избранным мной руслом, добираясь до «берега письменного стола»...

* * *

...В.А. Цареградский закончил свою работу в Дальстрое в августе 1955 года, Дальстрой из МВД был передан в ведение гражданского Министерства металлургии, затем в Министерство цветной металлургии.

В мае 1957 года он был формально упразднён, став Магаданским Совнархозом.

Объёмы работ на Северо-Востоке в период с 1932-го по 1957 год выполнены прежде всего заключёнными. Они поражают своими масштабами. Результаты работ заключённых явились основанием экономики Магаданской области, созданной в 1953 году.

* * *

...Валентин Александрович написал две книги воспоминаний о первых двух Колымских экспедициях, закончив своё сдержанное повествование на событиях 1931 года. Проработав в геологоразведке до 1955 года, он много знал о последующих событиях в исследовании и освоении природных богатств Северо-Востока, в том числе и об оловодобыче на Чукотке, людях, работавших там.

...Свои воспоминания он закончил словами: «Конец второй книги». Читателю ли он давал обещание? Или себя настраивал на написание третьей? Он прожил 88 лет, но так и не написал её. Достоин замолчал. Посчитал ненужным? Или не успел?

* * *

Читаю строчки из письма Олега Александровича Цареградского — племянника знаменитого исследователя, живущего после долгой работы на нефтепромыслах Сибири в городе Отрадном.

«В.А. Цареградский появился в моём детстве как высокий стройный человек в генеральской форме с тёплым ясным взглядом. Он заезжал ненадолго во время отпуска к нам в Куйбышев. Увлечённо рассказывал о своей нелёгкой работе на далёкой Колыме. В годы начала его работы жизнь там была трудной. Однако жалоб не было. Был рассказ о мужестве геологов. Я не помню

ни одного случая, чтобы он плохо отзывался о своих соратниках. Уважительное отношение к людям прошло через всю его жизнь...

...В 16 лет родители отправили меня погостить в Москву. Жил я у дяди Вали.

Летом он жил на даче в деревне.

Добирались мы туда на электричке и ещё 20 минут на автобусе. Автобуса часто не было, и мы шли на дачу пешком. Шли обычно быстрым шагом с рюкзаками на плечах. Он любил цветы. Даже на Колыме он разводил розы, и сотрудники в конце рабочего дня просились полюбоваться этой красотой. Он привозил из отпуска на Колыму картошку и там сажал её. Это были одни из первых попыток по разведению картошки на Севере. После первого урожая он раздал сотрудникам по несколько своих картофелин для посадок. Так у них появилась настоящая картошка. Это было чудо в те далёкие годы.

...С цветами в те годы в Москве было туго. Ему очень хотелось восстановить розарий. С ним мы ходили за рассадой к бабушке цветоводу. Продать рассаду она категорически отказалась. Тогда он попросил продать ему цветущие розы. Она согласилась. Он решил, что как только розы отцветут он будет выращивать сам рассаду. И рассаду, и розы он вырастил. Проза жизни и дыхание поэзии в его судьбе всегда были рядом. Находясь на пенсии, он много работал над своими воспоминаниями о колымских экспедициях и над научными статьями.

...А на столе его жены постоянно в вазе стояли цветы.

Валентин¹, названный в его честь, всегда навещал дядю при поездках в Москву. Дядя с удовольствием рассказывал о своей общественной работе, вспоминал друзей. Большинство из них после выхода на пенсию жили в Москве. Они регулярно перезванивались по телефону. Иногда я заставлял их в гостях у дяди. Все они были большими энтузиастами своей работы и с гордостью говорили о ней. Обсуждали новые книги. Обычно издания этих книг у них были.

Дядя мечтал создать в своей квартире музей Колымы. К сожалению, не успел...»

¹ Валентин — брат Олега, автора письма.

Труженик

Я всё надеялся, что обнаружатся дневники либо записки времён Колымских экспедиций В.А. Цареградского, но выяснилось, что ни того, ни другого он не писал.

...А тут нашлась часть переписки Валентина Александровича с сотрудниками Магаданского книжного издательства.

Привожу тексты писем в авторской редакции.

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой. 30.12.1983 год:

«С Новым годом поздравляю Вас, дорогая, уважаемая Людмила Ананьевна! Шлю Вам самые добрые пожелания!

Вы, вероятно, знакомы с посланным мною письмом на имя директора книжного издательства Бориса Михайловича Черемных. Надеюсь, что Вы продолжите редактирование моих воспоминаний.

К сожалению, длительное время я не мог сколько-нибудь постоянно работать над рукописью из-за ряда обстоятельств, связанных с продолжительной тяжёлой болезнью. Только в последние четыре месяца сумел продолжить работу. Два последних из них, после возвращения из санатория, я работал очень интенсивно помногу часов. В настоящее время работа закончена, хотя в меньшем объёме, чем было бы нужно. Осталось недописанных два небольших периода: конец 1931 и 1932 гг., которые, мне думается, лучше было бы присоединить ко второй книге. А третью книгу начать с отъезда в апреле 1933 года в Верхнее-Колымскую экспедицию (на Зарьянку) уже от Дальстроя и закончить её 1936 годом включительно. Четвёртая книга — описание Индигирской экспедиции и до отозвания меня в Магадан на должность главного геолога Дальстроя и организации Геолого-разведочного Управления (период с февраля 1938 г.).

Разрозненные материалы по последним двум экспедициям — Зырянской и Индигирской — я в достаточном объёме собрал, а об Индигирской экспедиции даже напечатан большой довольно очерк в газете после посещения моего Усть-Неры в 1974 году.

Так как посылаемая Вам рукопись сделана всё же ускоренно, мне кажется, целесообразнее было бы напечатать поглавно

или целиком в журнале «На Севере Дальнем», а по получении отзывов, критики, предложений доработать и издать уже книгой. Но Вам виднее.

В посылаемой рукописи я частично уже учёл просьбы и предложения читателей — «больше рассказать о том, в чём заключается работа геологических партий, и хотя бы кратко и понятно изложить самые геологические процессы».

К сожалению, не сумел полностью сдержать обещание выслать рукопись в последних числах декабря, посылаю большую часть, а остальную часть и фотографии постараюсь выслать до 10-15 января. Помешало мне выполнить воспаление глазниц, оболочки самих глаз, полученное по заключению врача от перенапряжения в результате длительной работы в очках при электрическом свете. Обильное слезотечение, резь и зуд не позволяли совсем читать и писать. Врач настоял прервать работу на неделю минимум. Не читать, не писать, делать примочки, не включать яркого электричества. Вот и застрял. Сейчас ломота, слезотечение почти проходят, покраснение ещё держится. Стараюсь, по возможности, соблюдать, чтобы быстрее продолжить работу.

Сегодня, вместе с письмом к Вам, отправляю большую часть рукописи в издательство.

Ещё раз желаю Вам самое доброе и желаемое Вами. Прошу поздравить руководство издательства и всех помнящих меня и пожелать только доброе и хорошее.

Извините, что пишу каракулями: глаза ещё не пришли в норму, часто слезятся и раздражаются, приходится спешить писать и прерываться.

Письма от главного редактора я получил. Благодарю всех за тёплые, добрые пожелания. Очень прошу ещё раз всех поблагодарить, поздравить и взаимно пожелать успеха во всей Вашей нелёгкой работе.

С большим уважением В. Цареградский

P. S. Рукопись и письмо пришлось попросить отправить мою племянницу, она возьмёт от машинистки шестую и седьмую часть. Самому выходить нельзя.

В. Цареградский».

* * *

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой. 14.01.1986 год.
«Уважаемая и дорогая Людмила Ананьевна!

Пожалуйста, извините меня за долгое молчание. Целый ряд обстоятельств, среди них довольно частые болезни и навалившиеся спешные работы отвлекли меня на это время от работы — переделки предисловия, кое-какие небольшие исправления и дополнения к посланной Вам рукописи.

Очень жаль, что в прошлом году не удалось нам ещё раз встретиться, поговорить о деталях. За это время окончательно закончил в первом туре научную работу, с многочисленными вычислениями и уверен, что она будет очень полезна для геологов. Очень убедительно в ней доказан основной постоянный источник энергии для всех деформаций поверхностной оболочки земли для её изменений фигуры. Сейчас заканчиваю (шлифую) текст и отдаю в перепечатку.

Совсем понемногу работаю над рукописью для Вас и собираю материалы для Третьей геолого-разведочной экспедиции — третьей книжки. Отвлекают иногда встречи с журналистом «Известий», который собирается написать рецензию на 3 «работы» А. Иванченко. Я сравнил все три его книги: 1) изданную Магад. книжным издательством «Золотой материк», 2) «Золото для БАМа» в «Новом мире» (№ 4, 1984) и 3) только что вышедшую «Земля пяти Солнц» (изд. М., «Советская Россия», 1985). Все они отличаются беззастенчивой фальсификацией... Бизнес на литературном поприще.

Журналиста поразила фальсификация, стоящая рядом с подлогом в псевдодокументальной повести в журнале «Новый мир». Ему будет легче сделать это, чем мне, так как я уже детально сравнил, что написано под вымышленными «моими дневниками» и «записями», которых фактически не существует. Все сколько-нибудь достоверные сведения взяты из моих очерков в: журнал «Колыма» (№ 4, 1936 г., Магадан), из журнала «Колымский альманах» (книга первая и книга вторая, Магадан, «Дальстрой», 1940). К сожалению, я не мог нигде достать ещё одного очерка — третьего, изданного в этом же журнале в 1940 или 1941 г. Не мог достать его и Иванченко, очерк, издан-

ный Хабаровским издательством под заглавием «Поверженный идол».

Почему в последней открытке Вы написали, что надеетесь быть будущим моим редактором? Меня это встревожило. Мне С.Г. Желнин сообщил, что с моей просьбой оставить Вас редактором рукописи о «Второй Колымской экспедиции» главный редактор согласен. Очень прошу Вас сообщить, утверждены ли Вы редактором или нет. Ещё раз прошу редакцию и Вас продолжать редактировать мои рукописи. Подобрал некоторые фотографии по времени. Перепечатаю и пошлю для Вашего выбора.

С Людмилой Никифоровной давно не встречался, только перезваниваемся иногда по телефону. Она тоже периодически болеет. Собиралась навестить меня, но, очевидно, помешало недомогание.

Бывшие колымчане-геологи тоже жалуются на частые недомогания, расслабленность, продолжительное сонное состояние целыми днями. Поэтому встречи с ними тоже поредели, больше обмениваемся телефонными звонками.

...Проходил, вернее начал быстро проходить диспансеризацию и едва-едва отговорился прямо из поликлиники отправиться в больницу на госпитализацию. Уговорил врача отложить окончательное решение...

Ничего особенного не случилось со мной, просто врачей, обследующих первый раз, пугает (до панической степени) очень низкий пульс у меня, хотя он не сопровождался никакими коликами, болями, даже одышками при довольно быстром хождении и пешем восхождении на четвёртый этаж или в уличных переходах.

Единственное, что радикально мне помогает, — это ежедневная нагрузка при прогулках на длительные расстояния и быстром темпе. А зима в этот раз такая непостоянная, с резкими изменениями погоды, перепадами атмосферного давления и непроходимости во многих местах то от заносов, то от гололёда, что мои походы в лесопарк и даже в городе резко сократились, и даже по несколько дней их не было. Теперь все меры принимаю восстановить режим жизни (движение, питание и проч.).

Извините за скороспелое письмо. Ещё раз прошу написать подробнее о делах в Магадане, издательстве. Крепко жму руку.

В. Цареградский».

* * *

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой, март 1986 г.

«Поздравляю Вас, дорогая, уважаемая Людмила Ананьевна с Вашим праздником женщин всего мира!

Шлю самые добрые пожелания. Успеха в выполнении всего задуманного.

Опровержение приписываемых мне слов, поступков и много другого, придуманного самим А.С. Иванченко, повторённого в четырёх изданных под разными заголовками книгах, отняло много времени, нервов, здоровья. Помешало вовремя закончить биографический очерк, предисловие ко второй книге. Буквально только 4 дня, как удалось продолжить эту наиболее важную для меня работу.

По заключению трёх врачей здоровье значительно улучшается. Почти восстановлен режим сна, питания. К сожалению, мешает погода так же успешно восстановить регулярные прогулки. Но постепенно наращиваю их время, длину. Возрастает работоспособность. Надеюсь на полное восстановление всего, тем более что близится тёплое весеннее время — можно будет ходить по-прежнему в лесопарк.

Меня встревожили слова в присланной поздравительной открытке: «Может быть, и в будущем останусь Вашим редактором». Разве изменилось что-нибудь? Мне С.Г. Желнин сообщил, что договорился по моей просьбе с руководством редакции оставить Вас редактором моей рукописи, да и Вы, будучи в Москве, подтвердили это. Так? А теперь высказывали неуверенность! Может, мне нужно написать официально в редакцию ещё раз просьбу оставить редактором рукописи (второй книги) Вас — Савельеву Людмилу Ананьевну?

Знакомились ли Вы, Людмила Ананьевна, хоть бегло с рукописью? Может, нужно что-то исправить? Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Ещё раз поздравляю Вас с праздником и от всего сердца желаю Вам много хорошего.

Если это Вас не затруднит, прошу передать мой сердечный привет директору издательства Борису Михайловичу Черемных и главному редактору Василию Николаевичу Яковлеву.

С большим уважением к Вам В. Цареградский».

* * *

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой. 16.06.1986 год.
«Уважаемая Людмила Ананьевна!

Наконец-то посылаю Вам подготовленную к изданию рукопись совместно с посланной ранее рукописью (продолжение воспоминаний о Второй экспедиции) для издания единой книгой с новым общим предисловием. Сделано общее единое оглавление. Прошу Вас проставить в нём страницы заново пронумерованной второй книги. Прошу также:

1. Пронумеровать все страницы в рукописи 2-й книги, продолжив нумерацию первой.

2. Пронумеровать все главы 2-й книги вслед за первой.

3. Перенумеровать все рисунки и, соответственно, подрисовочные подписи...»

* * *

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой. 24.12.1986 год.
«С наступлением Нового юбилейного года поздравляю Вас, уважаемая и дорогая Людмила Ананьевна!

Самые добрые дружелюбные пожелания Вам. Никаких сколько-нибудь серьёзных огорчений в Новом году. Пусть они минуют Вас (мелкие, скоропроходящие не в счёт, без них не обойтись). Очень хотелось бы, чтобы это пожелание исполнилось.

Меня огорчило, что не удалось Вам побывать в Москве, посетить меня, чтоб поговорить. Нет! Не примите это, пожалуйста, за упрёк. Огорчение касается только меня. Это даже не обида.

Не получал от Вас давно сообщения: начали ли редактирование рукописи и Ваше впечатление. Пригодна ли она в том виде или нужны какие-либо исправления, дополнения, или, напротив, сокращения.

Дальнейшая работа — биографический очерк, рассказ о III экспедиции — почти застопорилась. Много мелких заметок, небольших статей к 70-летнему юбилею Октябрьской революции по партийному поручению от Совета ветеранов Северо-Востока в сборник отвлекали. Но, главное, мешало длительное болезненное состояние — запрет врачей работать. Да и сам я ощущал потерю работоспособности (в том числе и от резкого ухудшения зрения). Всеми своими силами (внутренним протече-

стом) я боролся за то, чтобы сохранить, возобновить работоспособность. Восстановить хотя бы в большей степени «запас жизни» — по выражению акад. Амосова. Трудно это давалось, очень трудно. Но уже появились проблески и растёт надежда к восстановлению. Пока очень понемногу начинаю читать и писать. Верю, что добьюсь успеха упорством.

Жаль, что нельзя осуществлять длинные пешие походы в лесопарке. Погода непрерывно бунтует. Но наихудший период проходит, ухудшение погоды, уменьшение светлых часов дня уже прошли минимальный рубеж, и скоро начнёт расти улучшение и того, и другого.

При возможности, пожалуйста, передайте мои пожелания тем, кто помнит меня. И в первую очередь (если только это удобно для Вас) прошу передать таковые поздравления и пожелания руководству книжного издательства — директору и главному редактору.

Ещё раз всего Вам доброго.

С уважением В. Цареградский

Р. С. Большая Вам благодарность за присланную книжку Р.В. Седова. Извините, что благодарю с опозданием».

* * *

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой. 3.03.1987.

«Рад поздравить Вас, дорогая, уважаемая Людмила Ананьевна, с женским праздником, с искренней доброжелательностью пожелать Вам здоровья, заслуженных успехов в работе, благополучия и счастья!

Давно не имею от Вас никаких сведений, это беспокоит и даже тревожит. Не заболели ли Вы?

Я, кажется, заметно отделался от разных недугов. Упорно восстанавливаю тренированность и работоспособность. Длительный процесс восстановления дался нелегко. Медленно нарастает работоспособность, а также укрепляются мышцы, удлиняются пешие маршруты.

Научная работа закончена в отношении доказательств общей закономерности процессов деформаций земной коры, и начинают нарастать объяснения отклонений в результате неидеальной однородности поверхностной оболочки Земли.

К сожалению, могу уделять продолжению её очень ограниченное время. Начал продолжать воспоминания о Третьей экспедиции и биографический очерк, но и это в настоящее время несколько отодвигается. Меня «обязали» написать к семидесятилетнему юбилею победы Октябрьской революции начальный период освоения Северо-Востока страны геологическими исследованиями, поисков и разведки полезных ископаемых.

Упорно занимаюсь всеми доступными способами, чтобы быстрее победить детренированность организма, восстановить здоровье. Появились уже заметные результаты.

Очень прошу Вас: напишите, пожалуйста, подробнее о себе, Ваших планах на поездку в отпускное время и, конечно, о судьбе моей рукописи. Нет ли каких-нибудь осложнений с редактированием и издательством её.

Ещё раз шлю пожелания всего Вам самого доброго, какое только можно пожелать.

С большим уважением и благодарностью В. Цареградский».

* * *

Письмо Л.А. Савельевой В.А Цареградскому. 16.03.1987.

125080, Москва

Волоколамское шоссе, 3, кв. 38

Цареградскому В.А.

«Здравствуйте, глубокоуважаемый Валентин Александрович!

Спасибо Вам за тёплые поздравления и пожелания. Восхищаюсь Вашей работоспособностью, и ведь темы-то все — глобальной масштабности! Здоровья Вам, отличной формы, закалка Севером пусть ещё долго служит Вам.

Рада сообщить, Валентин Александрович, что приступила, а точнее уже завершаю редактирование Вашей рукописи (2-я часть). Вы уже знаете, что издать в этом году мы сможем только вторую книгу. Переиздавать целесообразнее сразу все три книги. Тем более что в темплане нам объём сократили, в том числе и Вашей рукописи — до 8 листов (а у Вас их 14 — это без первой книги!). Приходится «ужимать», но делать это разумно, однако кое-где сокращение просто целесообразно, дабы не отвлекать внимание читателя от главного, не утомлять. Но отредактиро-

ванный экземпляр рукописи Вам будет выслан после перепечатки (вероятно, в апреле), и Вы ознакомитесь.

Теперь просьба к Вам, Валентин Александрович, если есть у Вас фото (чёрно-белое, глянцевая бумага не менее, чем 9x12), то, которое Вам больше нравится (только не то, что уже было в 1-й книге), вышлите, пожалуйста, 1-3 на выбор любого возраста.

Редактор издательства Савельева Л.А.

* * *

Магадан Центр, Проспект Ленина, 2.

Книжное издательство, редактору Савельевой.

«Очень благодарен Вам, книжку получил подробнее письмом за поздравление благодарю и издателей Цареградский».

* * *

Из письма В.А. Цареградского Б.Н. Черемных. 08.06.1988 год.¹

«...Вместе с рукописью второй книги я послал в Ваше издательство около 70 фотографий. В книге 16 фотографий. Убедительно прошу Вас оригиналы неопубликованных фотографий вернуть мне. Они мне крайне необходимы для дальнейшей работы.

С уважением В. Цареградский».

На этом письме есть отметка:

«Передано через Журихину фотографии и II-й экз. рукописи «По экрану памяти» 1 и 2-й книг».

21.07. 88 г. А. Савельева.

* * *

Последнее письмо датировано 1988 годом.

Через два года Валентина Александровича не станет.

В своей квартире в Москве В.А. Цареградский создать музей не успел. В Магаданском областном краеведческом музее хранятся награды, личные вещи, фотографии, документы, картины выдающегося геолога, до конца жизни остававшегося вечным и добросовестным тружеником.

Его научная и инженерная деятельность в качестве руководителя ГРУ «Дальстроя» и долгая плодотворная жизнь остаются до настоящих дней по разным причинам малоизученными.

¹ Б.Н. Черемных – директор Магаданского книжного издательства.

Глава 7

В ПОИСКАХ «ЧЁРНОГО ЗОЛОТА»

Великие имена. И имена забытые...

Когда я думаю о первооткрывателях «чёрного золота», то невольно вспоминаю Виктора Григорьевича Васильева. Это он возглавлял экспедицию в Западную Сибирь. Экспедиция была внеплановой, её задача состояла в том, чтобы определиться, есть ли промышленные запасы «чёрного золота» — нефти в районе Остяко-Вогульского округа, откуда приходили сообщения местных жителей о нефтепроявлениях близ реки Большой Юган.

Я совсем недавно открыл для себя это имя — Виктор Васильев. И увлёкся новой темой. Новый, завораживающий голос, как и голоса покорителей Колымы, зазвучал мощно и отчётливо. Мой студент Евгений Васильевич, посылая добытые им сведения о новом поколении Цареградских в Сургуте, писал о Васильеве: «...Это сопутствующий материал, немного в стороне от нашей темы...»

Я не соглашался. Какое там — в стороне? Геолог Виктор Григорьевич Васильев — один из первооткрывателей ряда месторождений в Западной Сибири и у нас, в Поволжье. Линия судьбы самарских братьев Цареградских, безоглядно связавших свою жизнь с Севером, питается энергией первооткрывателей большой нефти.

...Теперь в моих записках соединились золотоискатели и нефтяники, посёлки, месторождения, города Самара, Москва, Ленинград, Сургут, Тюмень... И всему этому я обязан Валентину Александровичу Цареградскому-старшему, золотодобытчику. Он, как мощный локомотив, потянул цепочку судеб из неизвестности, подтолкнул к поиску, заставил прислушаться и услышать.

Самое молодое поколение Цареградских живёт и работает сейчас на суровой земле Западной Сибири.

* * *

История российской нефтегазодобывающей отрасли складывалась непросто. Столько имён и событий вобрала она в себя, ушедших когда-то с первого плана, а потом вдруг засветившихся новым светом...

Геологи, нефтяники, строители 1970-х годов свершили чудо! Они дали стране, миру нефть и газ Западной Сибири.

Назовём имена звёзд самой первой величины. Начиная с первых лет советской власти.

Жизнь — как легенда!

Кначалу 1920-х годов нефтяная промышленность страны представляла собой, по словам С.М. Кирова, «нефтяное кладбище».

16 апреля 1920 года Совет труда и обороны назначает уже знакомого нам Александра Павловича Серебровского¹ председателем Бакинского нефтяного комитета. Он получает мандат с чрезвычайными полномочиями, согласно которому все его распоряжения являются «обязательными для всех властей и учреждений — как гражданских, так военных и морских».

Прибыв в Баку, А.П. Серебровский сообщал: «Положение на нефтепромыслах катастрофическое. Не хватает ни оборудования, ни машин, ни одежды. Рабочие жилища развалились, так что в них немислимо жить». Предстояла огромная организационная работа, опыт которой у Серебровского к этому моменту уже был. Мы знаем теперь, что он занимался до того вооружением Красной гвардии, работал в комиссариате торговли и промышленности. Был заместителем наркома путей сообщения, начальником Центрального правления артиллерийских заводов РСФСР.

27 мая 1920 года Азревком объявляет о национализации нефтяной промышленности республики.

Бакинский нефтяной комитет реорганизуют в трест «Аз-нефть». А.П. Серебровский назначается его председателем.

¹ Позже А.П. Серебровский возглавит трест «Союззолото».

Создаётся по его инициативе первое высшее заведение нефтяного профиля в Баку — Бакинский политехнический институт¹. В этот период начинается морская добыча нефти, строятся новые нефтепроводы и нефтеперерабатывающие заводы. Уже в 1924 году добыча нефти в Баку достигла 4,6 миллиона тонн, за три года увеличившись в полтора раза.

В деле восстановления и совершенствования отечественного нефтяного дела Серебровский ориентировался на передовой зарубежный опыт, для чего он совершает поездки за границу. Особые результаты дала его длительная командировка в США в 1924 году. По пути он должен быть в Финляндии, Швеции, Франции, Германии. Посетил ряд нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих заводов. Был он и в офисе компании «Стандарт ойл» в районе Манхэттена в Нью-Йорке. Глава американской компании Уолтер Тигл дал согласие на беспрепятственное посещение А.П. Серебровским всех промыслов и заводов компании. Надеясь на развитие деловых отношений, У. Тигл выразил готовность оказать помощь в закупках наиболее современного американского оборудования.

Но вопрос упирался в финансирование. Необходимы были долгосрочный кредит и скидка на покупку оборудования.

Для решения этих вопросов А.П. Серебровский встречается с Джоном Рокфеллером в его загородном имении.

Итог переговоров положителен. Позже в своих воспоминаниях («На нефтяном фронте») он рассказал о том, что было одной из причин быстрого согласия Рокфеллера на коммерческие предложения. Рокфеллеру понравилось, что на одном из ботинок директора «Азнефти» была небольшая заплатка, и он сказал директору банка: «Этому человеку можно в долг поверить. Он не транжира, не пьёт вина, не курит и мне понравился».

А.П. Серебровский, находясь в Америке, смотрел заводы, изучал организацию технического снабжения, объехал «Нефтяную долину», осмотрел Ойл-Сити, Руэвилль, Петролеум-центр и другие районы.

¹ В этом институте в 70-х годах прошлого века, тогда он назывался «Азербайджанский институт нефти и химии им. М. Азизбекова», некоторое время довелось учиться и мне (прим. автора).

На промыслах Лонг-Бича инженер Серебровский поработал некоторое время в составе буровой бригады, выполняя непростую работу, стремился научиться бурить как лучшие американские бурильщики.

В Нью-Йорке после изучения чертежей и инструкций, предложенных ему поставщиками, он сделал заказ на закупки необходимого оборудования. Здесь же, в Нью-Йорке, написал «Руководство по нефтяной промышленности», которое впоследствии стало настольной книгой многих советских нефтяников.

Он принял участие в работе Международного нефтяного конгресса в г. Туслу. Выступил на нём с докладом о состоянии и развитии советской нефтяной отрасли.

В период пребывания в Америке написал книгу «Нефтяная и газовая промышленность в Америке». Она несколько раз переиздавалась в Баку, в Москве.

Удивительная работоспособность и активность! В Азербайджанском политехническом институте в феврале 1925 года он перед многочисленным сообществом сделал большой доклад «О промышленности в Америке».

В октябре 1925 года был избран профессором кафедры нефти этого института. Разработал и читал курс лекций по нефтяному делу. Вокруг А.П. Серебровского в «Азнефти» образовался крепкий коллектив специалистов нефтяников. В нём выросли и окрепли М.В. Баринов, который станет начальником «Главнефти», К.А. Румянцев — будущий первый управляющий трестом «Уралнефть» и др.

А.П. Серебровский словно знал, полагал, какие грандиозные задачи предстоит решать, когда придёт время «Второго Баку», а там и «Третьего Баку» — нефти Западной Сибири... Какие нужны будут специалисты, и какие потребуются технологии. Занимался созданием геологических карт Бакинского нефтяного района, вёл исследования по проблемам обводнённости скважин и т.д.

Исключительная энергия и самоотверженность тех, кто были первыми, покоряют. Он поддерживал тесные контакты с учёными-геологами И.М. Губкиным, Д.В. Голубятниковым и другими.

...Уже велась усиленная разведка новых нефтяных месторождений в Куйбышевской области, Татарии, Башкирии...

Из воспоминаний дочери А.П. Серебровского, Инны Александровны:

«Он был среднего роста, крепкого телосложения. У него были серо-синие глаза, очень выразительные. Густые тёмно-русые волосы. Стремительная походка. Всегда был очень аккуратно одет. Он имел жизнерадостный, но очень волевой характер. Вспыльчивый, но самокритичный. Смеялся заразительно. Он любил детей, и они платили ему тем же. В доме у нас постоянно жили дети родственников, друзей и сослуживцев. Друзей и по-настоящему верных спутников всей его жизни и соратников по работе было много...

...В конце июля 1937 г. он вернулся из командировки больным, у него начался гнойный плеврит. Прямо с поезда попал в больницу, где сделали операцию, и здоровье папы начало улучшаться... Поздно ночью 22 сентября по вертушке в квартиру Серебровского позвонил И.В. Сталин, который поинтересовался здоровьем Серебровского, спросил у мамы, почему она не пользуется наркоматовской машиной, сказал, что хотел поздравить А.П. Серебровского с назначением на должность наркома тяжёлой промышленности СССР... А 26 сентября прямо из больницы на носилках его забрали в тюрьму, где и расстреляли 10 февраля 1938 года... Отца реабилитировали в 1956-м. Он был даже восстановлен в партии». (Э. Зайнетдинов. «Бельские просторы», № 8, 08.2013 г.).

Основатель нефтяной геологии в России

Идея «Второго Баку», необходимость активизации поисков «чёрного золота» между Волгой и Уральскими горами принадлежит Ивану Михайловичу Губкину.

Ещё в 1932 году он выдвигает гипотезу о наличии большой нефти в Западной Сибири.

И.М. Губкин родился в крестьянской семье под Владимиром. Окончил учительский институт. Долгое время преподавал на селе, но хотел стать... «землеведом».

В тридцать два года поступает в Петербургский горный институт. Будущий академик, окончив институт, устремляется к геологической экспедиционной работе. Результатом на Кавказе явилась разработка новой технологии поиска нефти. Вскоре он становится ведущим специалистом в области поиска нефти, членом комиссии нефтяного комитета ВСНХ, председателем секции прикладной геологии Совета труда и обороны.

Удивительная судьба. Нефть как таковую он увидел, когда ему было уже около сорока лет! И вдруг он прерывает налаженный порядок жизни. Берёт в котомку немудрящие, нужные вещи в дороге, сатиновую рубашку и... бежит навстречу своему призванию. Он ищет свою дорогу. Он знает, что она есть!

В интервью корреспонденту ТАСС 26 ноября 1934 года академик И.М. Губкин скажет, очевидно, жалея об упущенном времени: «...ещё в 1932 году я говорил о необходимости поисков нефти в юрских отложениях восточного склона Урала на некотором расстоянии от выходов угля... Лично я обнаружению выходов нефти как в Сургутском, так и в Тавдинском районах, и в других местах Сибири придаю большое значение. ...Мы имели здесь дело с выходом природной жидкой нефти, происхождение которой совершенно неслучайно, как некоторые думают...»

Вопрос: «Где искать нефть?» — продолжал рождать споры, а для него ответ был очевидным.

* * *

Думая о призвании, таинстве дара Ивана Михайловича Губкина, вошедшего в науку «хозяином», невольно вспоминаешь другого русского гения Константина Эдуардовича Циолковского, тоже школьного учителя (полуглухого), самоучку-изобретателя, основоположника теоретической космонавтики. Неожиданное сравнение? Да. И для меня самого! Слишком различны они по характеру своей деятельности — затворник-педагог и активно действующий академик. Но дерзновенность мысли, космическое проникновение в неведомое!... Они завораживают!

Теперь имя Ивана Михайловича Губкина носит ведущий институт нефти и газа в России. Он по неоспоримому праву признан отцом-основателем нефтяной геологии в России. Как много он сделал в своё время для развития сланцедобычи и сланцепе-

переработки в условиях дефицита нефти! Скажем об этом хотя бы бегло.

Когда будет открыто «Второе Баку», нефтедобыча и нефтепереработка выйдут на первый план в создании энергетической базы индустрии молодой Республики Советов. Но значение разработки сланцев тогда и огромное их значение в нашем будущем, в условиях падения добычи нефти, — велико!

Сланцы Кашпирского месторождения

За годы довоенных пятилеток в Куйбышевской области было организовано только два крупных химических предприятия. В 1935 году — Алексеевский серный завод и в 1932-1933 годах — Кашпирский (Сызранский) сланцеперерабатывающий в г. Сызрани, вырабатывавший ценные продукты, которые использовались в медицинских и ветеринарных целях: ихтиол, альбихтиол, тиокреолин и др.

Зарождение сланцевой промышленности в России началось с исследований в XVIII веке прибалтийских и поволжских горючих сланцев. Так, в 1830 году геологи Н.В. Широкин и А.В. Гурьев указывали на выходы горючего сланца на берегах Волги у Поливны: «...при с. Ундоры, отстоящем от Симбирска в 30 вёрст, пласты горючего шифера выходят на поверхность, занимая большую против прежнего высоту, и совершенно выклиниваются».

Вслед за этим ряд исследователей проводили изучение залежей сланцев в разные годы. Известный русский геолог Г.Ф. Романовский на страницах «Горного журнала» пишет о разработке Кашпирского месторождения. В 1867 году профессор И.Н. Еремеев осмотрел береговые обнажения Волги между деревней Городище и селом Большие Ундоры, провёл порядок напластования пород, указал мощность содержаний горючих сланцев в глинистой толще.

Начиная с 1910 года в связи с ростом цен на нефть горючим сланцам начинают уделять повышенное внимание. В январе 1916 года в Петрограде созывается Особое совещание по топливу (председатель П.А. Пальчинский) и организуется тепловая комиссия. Цель — найти возможность промышленного использования сланца в качестве местного топлива.

Вернувшийся из США в 1918 году И.М. Губкин был направлен для работы в Геологический комитет. В этом же году по его инициативе Геологическим комитетом и Главным нефтяным комитетом снаряжены две геологические партии: одна — для разведки ундорских сланцев, другая — в район г. Тетюши (Татарстан) для разведки Сюкеевского нефтяного месторождения. Весной 1919 года из Москвы на Волгу выехала особая экспедиция для разработки сланцев в сёла Ундоры и Кашпир.

А уже летом 1919 года на Волгу прибыли ответственные работники Главсланца во главе с И.М. Губкиным, а также председатель Высшего горного совета ВСНХ Ф.Ф. Сыромолотов и член Президиума ВСНХ В.П. Ногин. Была подготовлена программа работ по быстрейшему освоению Кашпирских сланцевых залежей. Для её выполнения советское правительство выделило 30 млн р. В октябре того же года в химической лаборатории Главсланца из сланцев Кашпирского месторождения получены первые образцы керосина и других продуктов.

1920 год — отправной пункт нового периода работ по добыче, сланцев в Поволжье на Кашпирском месторождении, находящемся южнее города Сызрани, на правом берегу Волги. Запасы горючих сланцев в этом районе оценивались в 350-400 млн тонн.

До промышленной добычи нефти в Самарской губернии оставалось ещё полтора десятилетия. Страна остро нуждалась в топливе для электростанций и бензине для автомобилей. В связи с этим необходимо было решительно увеличивать объёмы добываемых сланцев и строить сланцеперерабатывающие заводы.

В пояснительной записке крайплана к пятилетнему плану развития сланцевой промышленности Средней Волги 1931 года указывалось: «Задача перед сланцевой промышленностью Средней Волги состоит в коренной перестройке всей промышленности этого края. Лишённый до сих пор собственного топлива и химического сырья край получает в настоящее время очень широкие перспективы развития. Наиболее важным месторождением Средне-Волжского края надо считать Общий Сырт, где мы имеем свыше 2 млрд тонн сланца очень высокого качества. Далее идёт Кашпир, месторождение, наиболее бедное по запасам, но занимающее второе место по качеству сланца (около 100 млн тонн), и последнее место занимает Ундорское месторождение (бога-

тое по запасам, но бедное по качеству). В плане развёртывания приходится в первую очередь базироваться на Кашпирском месторождении, расположенном в 17 километрах от Сызрани, на самом берегу Волги и в непосредственной близости от Самары и прилегающих к Самаре промышленных центров. Кашпирское месторождение имеет все данные для быстрого развёртывания топливной и химической промышленности...»

* * *

Сызранский сланцеперерабатывающий завод вступил в строй действующих в 1932 году. Предполагалось, что он будет работать как опытный для освоения технологий химической переработки сланца. В рапорте строителей Кашпирского сланцеперегонного завода Сызранскому горкому партии говорилось: «Вчера, 25 апреля 1932 г., в 6 часов утра окончена полностью загрузка сланцем, зажжены топки двух паровых котлов, заканчивается испытание аппаратуры.

Первый в Советском Союзе опытный сланцевый завод вступил в число действующих предприятий. Опытное производство и работы организованного непосредственно на заводе отделения научно-исследовательского института открывают богатейшие перспективы использования горючих сланцев в качестве топлива, сырья для производства ценных химических продуктов, сырья для строительной промышленности.

Кашпирские сланцы открывают для Сызрани и всей Средней Волги грандиозные перспективы индустриального развития: из одного миллиона тонн кашпирских сланцев можно получить 45 тыс. тонн бензина, 30 тыс. тонн мазута, 45 тыс. тонн асфальта», — так писала в 1933 году газета «Средневожский комсомолец».

Сызранский сланцеперегонный завод стал первым предприятием сланцехимического профиля в СССР.

Пионером перегонки сланцев с целью производства сланцевой смолы и получения ихтиола был химик-самоучка Горохов, который ещё в 1916 году построил небольшой сланцевый перегонный завод за Спасской заставой в Москве.

Сланцевое дело в Поволжье, несмотря на колоссальные запасы сланцев, дальнейшего масштабного развития не получило.

Этому способствовали открытие и разработка месторождений нефти в Поволжье, показавшие значительное преимущество новой сырьевой базы для получения топлива и химических продуктов. К концу 1960-х годов благодаря развитию нефтедобычи себестоимость одной тонны нефти в сравнении с получением тонны сланцевой смолы — сырья для химической продукции — оказалась в несколько раз меньше. Это обусловило бурное развитие нефтедобычи и нефтепереработки. Так, сланцы (с их огромными запасами на территории России) перешли в разряд одного из стратегических альтернативных резервных источников получения химических продуктов и синтетических жидких топлив.

По подсчётам специалистов, запасы промышленного сырья под Сызранью колоссальны.

В сравнении с ныне действующими гигантами химии Самарской области Сызранский сланцеперерабатывающий завод — небольшое предприятие, но в довоенный период ввод его в действие явился важным вкладом в развитие химической промышленности. Завод стал давать ценные продукты, ранее в стране не производившиеся. До ввода в действие Кашпирского сланцеперерабатывающего завода Советский Союз ввозил ихтиол из-за границы. С началом его производства наша страна стала экспортировать этот ценный продукт. Сызранский сланцеперерабатывающий завод — уникальное предприятие, производящее в России ценные лекарственные средства природного происхождения: ихтиол, натрий-ихтиол. На ОАО «Сланцеперерабатывающий завод» в г. Сызрани в 1998 году было произведено 115 тонн ихтиола. Из них 40 тонн пошло на экспорт. Запасы промышленного сырья этого производства не имеют аналогов в мире: по данным 1991 года, в отведённых для добычи границах вокруг рудника «Кашпирский» находится 11,3 млн тонн сланца, а на всём месторождении — свыше 5 млрд тонн.

Главный инженер

Уистоков Сызранского сланцеперерабатывающего завода стояли незаурядные люди. Один из них — Александр Михайлович Маркин. Он родился в Сызрани в 1903 году в семье железнодорожника. Трудиться начал, как и многие тогда, рано — с

11 лет. Когда ему было 27, его командировали на учёбу в Самарский механический институт. Заметивший способного студента Николай Иванович Путохин, один из организаторов в Самаре химико-технологического института, предложил Александру перейти на химический факультет.

Своего учителя — так впоследствии Александр Михайлович будет называть Н.И. Путохина — он будет помнить всегда с благодарностью. Мне понятно такое отношение ученика к учителю, ибо и мне (уже в начале 60-х) на лекциях Николая Ивановича пришлось испытать на себе магию органической химии и личности самого профессора.

На Сызранском сланцеперерабатывающем заводе, куда направляется Маркин после окончания института, он через три года становится директором, поработав до того начальником цеха и главным инженером.

В 1920-1930-х годах ихтиоловую мазь в молодую советскую республику завозили из Англии, покупая её за золото. Наладить собственное производство ихтиола было очень важно. И правительство ставило эту задачу. Но направленная экспертная комиссия через три месяца изучения местных образцов дала заключение о непригодности сланцев для получения ихтиола. Закончив работу, эксперты уехали, а Александр самостоятельно взялся за эксперименты. Опыты получились успешными. Сказались уроки Н.И. Путохина. Житель Сызрани получил сульфихтон, завоевавший вскоре широкую популярность у нас и за границей. Автор был премирован... каракулевой шубой для жены.

Экспорт сульфихтона осуществлялся в страны Европы и Азии. Талантливый специалист вскоре становится главным инженером треста «Союзсланец» (г. Москва), а потом — главным инженером «Главсланца» Министерства угольной промышленности.

Позже А.М. Маркин обнаружит в сланцах радиоактивное вещество (уран) и использует его в качестве катализатора в химических процессах окисления и полимеризации. В результате впервые в мире была получена искусственная олифа.

После войны Александр Михайлович Маркин работал в Госплане СССР.

Углубившись в тему, я немало прочитал архивных документов. Но были и живые встречи с ветеранами труда, с неравнодушными земляками.

Одна из таких встреч случилась на сызранской земле. Я тогда записал на скорую руку услышанное. Всё хотел как-то отредактировать текст, пригладить, а потом понял: он тем и хорош, что в нём звучит живой голос рассказчика, гордого за своего земляка-первооткрывателя.

Я назвал рассказ «Земляк»:

«Под Сызранью дело было. Отец мой на заводе работал. Там добывали и перерабатывали горючие сланцы. И сейчас ихтиол получают: мазь такая лечебная. Многие знают.

Отец сызмальства на заводе работал. А главным инженером на нём был друг его, дядя Саня, то есть Александр Маркин. Оба они с тысяча девятьсот третьего. Вместе росли на одной улице. Их отцы были осмотрщиками вагонов тогда. Только он окончил индустриальный институт и воспарил, стал главным инженером нашего завода, потом директором. А отец мой после училища всю жизнь, считай, на одной должности — в токарях. А он химик! Они продолжали знаться. Свои ж!

И вот перед войной забрали дядю Саню в Москву руководить сланцами всей страны. Ему и сорока ещё не было.

Потом ушёл на фронт. Отца-то забраковали: нога у него, вишь, с детства вывернута. А тут приезжает на побывку дядя Саня, значит, к своим, на родину. Изменился, конечно, а всё равно свой!..

Ну, родные, друзья... Всех дядя Саня обошёл, со многими, с кем хотел, повидался. И — на завод.

Два дня и со специалистами, и вообще со многими он встречался. Ходил, смотрел. Уж и не начальник теперь на заводе, а всё едино. Все уважительно к нему относятся.

Перед отъездом в Москву поехал он в Самару, в Куйбышев, значит. По делам каким-то. Он потом рассказывал так отцу моему, ну, примерно:

— Еду, — говорит, — кругом народ всякий, разный. И вши! Ползают с одного пассажира на другого. С чемоданов на узлы всякие. Некуда от них деться. Маются все. Целый поезд вшей...

Думал, только в окопах так. Насмотрелся: на передовой вши заели нашего брата-солдатика. До крови расчёсывали себя. Зуд, невоготу. Иной, не стерпев, выскакивал из окопа, потеряв разум от зуда, и... попадал под пулю. Живые мишени.

— ...Сижу, — говорит, — в вагоне, наблюдаю, как вши копошатся, и... спохватываюсь: меня-то они не трогают! С чего бы это?

Вначале не понял, что к чему.

А поразмыслив, потом сообразил, что едет он прямо с завода в той же одежде, в которой был. А она пропахла ароматами заводской продукции. Её-то и боятся насекомые. Так получается!

Нашёл он стеклянную банку, набрал в неё вшей этих. Случай как с Ньютоном. Только тому яблоко упало на голову, а тут вша эта...

Вернулся на завод и проверил он свою догадку в заводской лаборатории. Всё подтвердилось: от мази, которую они там приготовили с химиками, вши бегут. А какие околевают тут же.

Уехал в Москву. А вскоре завод стал в бочках грузить эту серную мазь на фронт. Целыми партиями. Стратегическое оружие, не иначе! Во спасение наших солдатиков. Во как! Какой молодчина, земля наш!

Опосля в каждом поезде стояла бочка с этой мазью. В обязательном порядке.

Вот поразмысли: Левша, конечно, великий талант! Аглицким мастерам нос утёр — блоху ихнюю подковал. Но всё же забава это!..

А тут дядя Саня столько народу нашего от мук спас.

Ты книжки пишешь. Вот и упомяни про эту историю. Чтоб знали... Не только Левшу... А и про нашего земляка из Сызрани, Александра Маркина!

Некоторые сочиняют. Шут с ними. А ты напиши дельное. Как было!»

* * *

Не удержался и привёл эти эпизоды из жизни талантливого инженера Александра Михайловича Маркина. Не буду скрывать, сделал это из желания побудить, мотивировать молодых людей, начинающих свою трудовую жизнь, к труду в традициях

наших русских инженеров. Об этом я думаю на всём протяжении последних лет. Про инженеров-геологов думаю, горных инженеров, инженеров, химиков-технологов (такая запись стоит у меня в моём дипломе), инженеров по бурению, про всех тех, кому дорого инженерное дело.

* * *

В наши дни, имея в виду возрастающий интерес к сланцевой нефти, к поиску альтернативных источников энергоресурсов, возрастает необходимость создания новых национальных проектов по энергетической безопасности.

Накопленный опыт и современные возможности геолого-разведывательных исследований, в том числе спутниковых работ по оценке мировых ресурсов, несомненно, приведут к обновлению сведений о количестве и распространённости горючих сланцев, их качестве, способах добычи и технологии переработки. За использованием сланцев, возможно, большое будущее.

Залежи сланцев в основном сосредоточены в КНР, России, Бразилии, США, Швеции, Германии. Крупных месторождений в мире насчитывается более 560-ти.

Сведения о наличии сланцев в последнее время изменились в сторону их увеличения.

Более чем 1 340 трлн тонн — таков запас сланцев с содержанием органического вещества от 10 до 65 %.

Запасы сланцев превышают мировые ресурсы сырой нефти более чем в 30 раз. Они ждут своего часа¹.

А пока мы довольствуемся более доступным «чёрным золотом».

«Второе Баку»

Коснёмся хотя бы кратко истории создания «Второго Баку». Ещё в XIX веке делались попытки получить нефть в районах Татари и на Самарской Луке. С 1860 по 1914 годы отдельными нефтяными компаниями были пробурены неглубокие скважины в верховьях рек Сок и Шешма. Но они положительных результатов не давали. Неудачным было бурение на нефть, начатое

¹ В настоящее время разработана технология добычи сланцевого газа и сланцевой нефти. Но эффективность её пока невысока.

на Волге в 1920 году, из-за несовершенства буровой техники и нехватки денежных средств. Эта неудачная попытка в Поволжье создала среди большинства геологов страны мнение, что район бесперспективен. И.М. Губкин придерживался другого мнения и вёл борьбу за продолжение разведки.

* * *

На западном склоне Урала, в районе Верхне-Чусовских городков, в 1929 году скважина, которую бурили в поисках калийных солей, с глубины 414 м дала нефтяной фонтан с дебетом до 20 тонн нефти в сутки. Это подтолкнуло интенсивное исследование районов между Волгой и Уралом, давшее начало развитию нового нефтяного района СССР — «Второго Баку». Было признано необходимым развернуть разведочные работы по бурению в районе г. Стерлитамака, Самарской Луки. Заложили по одной разведочной скважине у г. Сызрани (в Яблонево-м Овраге) и в Самарском Заволжье. В мае 1932 года из двух разведочных скважин, расположенных вблизи с. Ишимбаево, ударил первый нефтяной фонтан.

Уже к концу 1934 года на месторождении 27 скважин были сданы в эксплуатацию. Первая среднево-лжская нефть получена в апреле 1936 года бригадой бурового мастера Н.С. Солдато-ва. 1 октября 1936 года бригада мастера А.А. Аванесова в районе Сызрани получила приток нефти в количестве 1,5 тонны в сутки.

Так была добыта первая куйбышевская нефть.

* * *

Из сообщения газеты «Волжская коммуна» о добыче под Сызранью первой партии нефти:

«Нефть под Сызранью»

При пробном тартании скважины 402 разведка «Восток-нефть около гор. Сызрани получила 100 л жидкой нефти. В результате пробных испытаний полученная нефть из скважины № 402 имеет удельный вес 0,904, температура вспышки 300°, сгущенных смол 4 %.

Пробная перегонка при 100°С без наличия нужной аппаратуры дала выход бензина 4 %.

Нефть имеет характерный сернистый запах, присущий уральской нефти.

Получение первой партии нефти из скважины № 402 подводит прочную базу для форсирования нефтеразведок на Самарской Луке. Геолог тов. Фрейде выехал с докладом в Москву»¹.

Исследование химического состава первой нефти Средне-Волжского края провёл профессор Самарского химико-технологического института (ныне СамГТУ) Я.И. Хисин. Но скважины № 401 и 402, на которые возлагались большие надежды, положительных результатов не дали.

1 октября 1936 года под Сызранью в промышленную эксплуатацию была введена скважина № 8. В 1937 году было добыто уже 175 тыс. тонн волжской нефти. Существует несколько мнений о начале отсчёта добычи первых партий нефти и о том, какую скважину под Сызранью считать самой первой.

Этот вопрос подробно освещён в монографии «Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30-50-е гг. XX века)». Её автор В.Н. Курятников — профессор Самарского государственного технического университета.

В резолюции XVIII съезда ВКП(б) по докладу о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1938-1942) «О создании «Второго Баку», развитии нефтяной, газовой и сланцевой промышленности на востоке СССР и развитии химической промышленности» ставилась задача: «Создать в районе между Волгой и Уралом новую нефтяную базу — «Второе Баку». Программу нефтедобычи и нефтепереработки обеспечить быстрым развитием геолого-разведочных работ и внедрением высокой техники во всех отраслях нефтяной промышленности».

Этим планом (включая Куйбышевскую область) предусматривалось создание заводов по первичной перегонке нефти. Общая мощность их должна была составить 6 млн тонн, крекинг-установок — 4,8 млн тонн.

Начинает функционировать первое в Куйбышевской области нефтедобывающее предприятие — трест «Сызраньнефть». В 1940 году добыча нефти составляла уже 208 тыс. тонн.

Послевоенные годы отмечены рекордными успехами: в 1958 году в области добывалось более 16 млн тонн, в 1965 году —

¹ «Волжская коммуна», 1935. № 62, 16 марта. С. 1.

33,3 млн тонн. Добыча газа увеличилась в 1,9 раза. Нефтяники области опередили по добыче нефти старейший нефтяной район — Баку.

Становление нефтеперерабатывающей промышленности на территории Куйбышевской области начиналось в годы Великой Отечественной войны.

...Пройдёт совсем немного времени, и явятся другие люди. Другие будут масштабы освоения месторождений между Волгой и Уралом, а потом — в Сибири.

Сын фронтового фельдшера

...**Н**ефть Поволжья и Западной Сибири прочно связана с именем истинного подвижника Виктора Ивановича Муравленко и его последователями и единомышленниками, в том числе братьями Цареградскими из Самары, линия судеб которых прошла, как на карте, по точкам, обозначенным буровыми вышками Поволжья и Сибири.

Родился В.И. Муравленко в кубанской станице Незамаевской, в семье фронтового фельдшера. После окончания школы в 1928 году пошёл работать помощником моториста в контору «Грознефтеразведка». Позднее стал студентом горного факультета Грозненского Нефтяного института. И одновременно трудился на буровой. После окончания в 1936 году института инженер по бурению был направлен в Баку, на буровую установку. Год служил в армии. С лейтенантскими «кубарями» в петлицах вернулся домой. В это время как раз начались работы по освоению нефтяных месторождений Средней Волги. Из старого Баку двадцатипятилетний Муравленко едет во «Второе Баку». В Сызранскую контору бурения начальником буровой установки.

Здесь он освоил и внедрил турбинное бурение. По его инициативе была построена первая в стране комплексно-механизированная буровая установка, где были собраны воедино все технические новинки в бурении. Со всех концов страны приезжали нефтяники посмотреть на эту буровую, которую называли «Муравленковской».

Благодаря самоотверженному труду нефтяников в 1942 году добыча нефти в Куйбышевской области возросла в 2,5 раза по сравнению с мирным 1940-м годом, а всего за время войны увеличилась в 5 раз.

За пять лет Великой Отечественной войны во всех нефтяных районах «Второго Баку» пробурено 956,5 тыс. м. против 764 тыс. м за пять предвоенных (1936-1940).

После окончания войны «Второе Баку» по своему народно-хозяйственному значению выходило на первое место в стране, оно развивалось темпами, которых не знала нефтяная промышленность за все годы своей истории. Куйбышевская область занимала одно из ведущих мест среди районов «Второго Баку».

Почти двадцать лет жизни отдал добыче нефти на территории Куйбышевской области В.И. Муравленко.

Ступеньку за ступенькой прошёл он здесь свои «буровые университеты» — от подсобного рабочего до руководителя крупнейшего в стране нефтяного главка. Вырос до руководителя треста, потом объединения «Куйбышевнефть», управления нефтяной промышленности Средне-Волжского совнархоза. Его имя прочно вошло в историю развития нефтедобывающих районов Среднего Поволжья и Западной Сибири, породнив их.

Именем Виктора Ивановича Муравленко названы города, корабли и месторождения. Тут, в Поволжье, окреп талант В.И. Муравленко. С 1965 года начальник главного Тюменского управления по нефтяной и газовой промышленности Совнархоза СССР активно создавал новую житницу страны в Западной Сибири. В памяти народной он остаётся как общепризнанный лидер в создании топливно-энергетической базы страны...

Результаты развития нефтяной фирмы «Главтюменнефтегаз» в Западной Сибири в годы руководства ею Героем Социалистического Труда Виктором Ивановичем Муравленко не имеют аналогов в России и в мире.

...Маленький штрих, который коснулся лично и моей жизни. Мне рассказывали старожилы, ветераны нефтеразведки, что место для закладки города Нефтегорска (тогда посёлка) в Куйбышевской области определил лично он начальник управ-

ления нефтяной промышленности Средневолжского региона Виктор Иванович Муравленко. Вопрос о месте расположения будущего города имел важное значение, ибо первоначально намеревались расположить его на территории моего села Утёвки. Старинному селу грозила участь либо раствориться в городской застройке, либо превратиться в пригород. И потерять своё лицо. Незавидной была бы участь и реки Самары (отрады нашего бо-соногого детства), которая течёт совсем близко от села. Этого не случилось благодаря Муравленко, который прислушался к опасениям утёвцев. Ему стала дорогой не только огромная стройка, но и судьба села с 250-летней историей. Он определил городу место в полутора десятках километров в стороне от сельского районного центра. Многие жители села разных поколений благодарны ему за это. Имя его до сих пор на слуху в Нефтегорском районе.

Из породы людей, прославляемых в песнях

В Тюмени стоит памятник Юрию Эрвье, легендарному геологу, в период руководства которого управлением были открыты две с половиной сотни месторождений и ряд известных на весь мир уникальных, таких как Усть-Балыкское, Самотлорское, Мамонтовское, месторождений нефти.

Тюмень чтит память замечательного геолога и человека, который основал в 1960-е годы и длительное время руководил Главным Тюменским геологическим управлением. Нефть и газ Западной Сибири были открыты благодаря поисковым работам, которые организовывал Эрвье и проводили геологи его управления.

В Сибири он оказался в начале 1950-х годов. Через несколько лет Ю.Эрвье создаст геолого-разведочный трест, в котором были объединены геологи, геофизики и буровики. У него много будет наград. Но по праву его личное обаяние, вручённое ему при рождении, — самое замечательное. В этом два первооткрывателя золота, один колымского — Ю.А. Билибин, другой чёрного — Ю.Г. Эрве, очень похожи.

Сын выходцев из Франции, он принадлежал к породе людей, которая прославляется бардами в песнях о геологах-романтиках середины и начала второй половины прошлого века. Свидетельствую: славное было время! На него счастливо пришлись мои незабываемые студенческие годы в Самаре.

Он сражался за свои убеждения до конца

Имя Фармана Салманова навечно занесено в книги почёта многих сибирских городов. Он один из первооткрывателей сибирской нефти. Герой Социалистического Труда, доктор геолого-минералогических наук, заслуженный геолог Российской Федерации.

Убедившись в бесперспективности поиска нефти в Кузбассе, где возглавлял разведочную экспедицию, он в 1957 году едва ли не тайком увёл свою геологическую партию в Сургут, туда, где работала «боевая дружина» Эрвье. Он был уверен: в Сургуте есть большая нефть! Рисковал. Вспоминал: «Шуму было много, мы же связь отключили. С должности хотели снять. Но в конце концов разрешили остаться. Сначала ютились на вокзале вместе с жёнами и детьми. А 21 марта 1961 года на мой любимый азербайджанский праздник — Навруз-Байрам — первая скважина в районе селения Мегион дала фонтан нефти». Потом Фарман Салманов принял участие в открытии и разведке более 100 месторождений нефти и газа в регионе. Счастливая жизнь!

Главный геолог, начальник Главного тюменского геологического управления («Главтюменьгеология»), первый заместитель министра геологии СССР является автором фундаментальных научных трудов, посвящённых формированию крупных месторождений нефти и газа.

«Премьер» нефтегазовой отрасли

Сияющему каскаду великих имён и знаменитых нефтяников принадлежит имя «премьера» нефтегазовой отрасли СССР Николая Константиновича Байбакова. Жизнь его содержит немало драматических событий.

Известно, что во время Второй мировой войны гитлеровцами были брошены к Тамани и далее к Баку и Грозному рвущиеся к нашей нефти войска вермахта.

В июле 1942 года на совещании штабов группы армий «Юг» Гитлер заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной».

Н.К. Байбаков с начала войны был назначен уполномоченным Госкомитета обороны по обеспечению фронта горючим. В 1944 году стал министром.

В своей книге «Нефтяной фронт» он потом напишет о том, как шла ликвидация скважинного фонда при приближении врага к промыслам, как поставляли и перебрасывали сырьё, как из ничего строили «Второе Баку» на пустом месте, как спасали «первое». Как ударными темпами внедряли бурение турбобуром, осваивали технологии наклонного бурения. Здесь надо вспомнить, что, когда в 1938 году распалось геологическое предприятия «Востокнефть», было создано новое объединение «Востокнефтедобыча», задачей которого было не только разведка, но и добыча нефти на открытых недалеко от Куйбышева месторождениях. Начальником нового объединения тогда был назначен Н.К. Байбаков — будущий министр нефтяной промышленности, а потом — председатель Госплана СССР.

Размещалось объединение в Куйбышеве.

Трудно переоценить значение нефтедобычи в районе «Второго Баку» во время войны.

В июле 1942 года, когда Гитлер рвался к нефти Майкопа и Грозного, был пущен в работу Сызранский нефтеперерабатывающий завод. Первый эшелон бензина для фронта ушёл с завода в конце июля 1942 года.

Зарождение ведущей отрасли экономики Самарской области — нефтепереработки — началось именно с Сызранского нефтеперерабатывающего завода.

Потом, уже в сентябре 1945 года, вступят в строй действующих установки ЭЛОУ-1 и ККУ-1. Будет получена первая партия бензина А-56.

А в 1951 году начали действовать установки первичной переработки нефти Новокуйбышевского нефтеперерабатывающего завода. Неимоверный напор и энтузиазм первооткрывателей

и нефтедобытчиков Поволжья и Сибири дали свой результат: на территории Куйбышевской области возник важнейший комплекс нефтедобывающей отрасли страны.

Много позже, когда в 1964 году в Тюменскую область прибыла группа ответственных работников ЦК КПСС и правительства во главе с Н.К. Байбаковым, председатель Государственного комитета нефтедобывающей промышленности, побывав на месторождениях, отметит: «Если по очерёдности мы этот нефтеносный район образно называем «Третьим Баку», то по значимости он является «Первым Баку».

Огромную роль в освоении богатств Западной Сибири сыграло объединение «Тюменьнефтегаз». В середине шестидесятых статьи в местных газетах начинались часто со слова «впервые». Так оно и было!

В добыче нефти у страны были «шаги саженьи».

В 70-е годы прошлого столетия только годовой прирост нефти составлял более двадцати миллионов тонн.

Ученик Вернадского

Перечитывая воспоминания Нины Ивановны Серпуховой (в замужестве Савченко), касающиеся довоенной поры, много раз я встречал в них имя её мужа Василия Петровича Савченко, ставшего известным в стране геологом-газовиком, основоположником ряда направлений нефтяной и газовой геологии и геохимии. Он много сделает во благо земли Самарской, особенно во время войны, когда семья Савченко будет жить в наших краях.

Из воспоминаний Нины Ивановны Серпуховой:

«У нас с Василием Савченко было двое детей. Первенец — Вовка — родился 12.08.31 г. С Васей познакомилась в геологической экспедиции в 1930 г. Я только что окончила 3 курс Горного института, он учился на курс старше. Геохимиков перевели в Горный, и я его ранее не видела в институте. Жили мы у моих родителей, когда вернулись с экспедиции. Я развелась с Ионой и вышла замуж тут же за Васю. Тогда всё было просто: подала заявление в ЗАГС и в этот день оформила и развод, и новый брак. Второй сын Борис, когда ему было 1,5 года, умер осенью 1934 г. в Ленинграде, когда я была в экспедиции в Иркутске.

Печальное сообщение узнала из письма от Василия и папы. По возвращению в Ленинград не застала в живых отца. Он умер в конце 1934 г. Семья моя всегда терпела нужду, средств было мало. Научно-исследовательская работа и экспедиции мало оплачивались. Помогала мне мама, Катя. Маме половину своей зарплаты высылал каждый месяц Юра, мой младший брат. Дочь Наталья родилась в сентябре 1940 г. В 1937 г. Василий ушёл из Радиевого института, где был аспирантом, затем научным сотрудником под руководством академика Вернадского. Перешёл на работу в гелиогазоразведку «Главнефтегаза» Наркомнефти и получал на тот период приличную зарплату. Перед рождением дочери я была депутатом райсовета, вела активную общественную работу. К началу войны Вася был зам. директора. Война застала нашу семью на даче под Ленинградом, которую сняли на лето. Тот год впервые Василий не поехал летом в экспедицию. Узнав о начале войны, Василий спешно уехал в Ленинград. В городе началась эвакуация заводов и жителей. Вскоре и я с детьми приехала домой, так как немцы наступали стремительно.

Гелиогазоразведка, где работал Василий, была объявлена «военным учреждением специального назначения». Вася как зам. директора не мог уехать из города. Мама и Катя с детьми (Цареградские) не хотели уезжать. Катю война застала на даче под Москвой, где она со своими подругами и детьми намеревалась провести лето. Она вернулась в Ленинград. К этому времени у неё была 2-я группа инвалидности, туберкулёз.

Сестру Лену призвали в армию. Сестра Муся с Витенькой уехали из Ленинграда, я колебалась, не зная, что делать: остаться или уехать...

Вызвал председатель исполкома Добряков и сказал: «Не понимаешь, что ли, что тебе с двумя ребятишками, из которых одна грудная, оставаться в Ленинграде нельзя? Фашисты рядом. Уходят последние эшелоны. Устроим тебя в один из них». Позвонил Иона и предложил эвакуироваться с эшелоном вместе с сотрудниками его организации на Монетку, Урал. Уехала с детьми 12.08.41 г. в день рождения Володи, сыну исполнилось 10 лет. Вовке подарили в дорогу несколько красивых книг племянница Леля и её муж Дима. Ехали в вагоне по тем временам «с комфортом»: в теплушках были широкие нары и матрацы. В вагоне было

сравнительно немного народа. В дороге видела теплушки, где взрослые стояли и строго соблюдали очередь на сидячие места. На Монетке поселились в 2-этажном доме, выделили отдельную комнату. Кухня была общая на три семьи. Купить что-либо было просто невозможно, разве что выменять. Паспортов в Монетке у населения не было, жили ссыльные, раскулаченные трудармейцы. Были они невыездными. Имели свои огороды и коров. Меняли мы на продукты одежду свою и детскую. Наталкины расшитые платки выручали и Вовкины детские красивые книги.

Были и хорошие воспоминания. Когда дочь, увидев блюдечко с красной клюквой, вдруг оторвалась от кровати и через всю комнату побежала к ягодам. До этого она ходила, только держась за стенки. Настал день, Вовка вбежал с телеграммой в руках и кричит: «Наш папа едет, он скоро приедет к нам». Вася дал телеграмму, как только его перевезли на военном самолёте через линию фронта. Он вскоре приехал на Монетку, побыл несколько дней. Договорились, что он вышлет вызов, как только сам устроится в Бугуруслане. Мы ждали вызов, так как по железной дороге проезд без особого на то разрешения запрещён. Наконец получили от Васи телеграмму, что он в Бугуруслане и на днях вышлет вызов. Иона проводил нас до Свердловска и отдал свой недельный хлебный паёк. Мой и детский паёк удалось получить за неделю. Кроме пайка, взяла с собой варёную картошку. В Свердловске дала Васе телеграмму, что выехала. Эту телеграмму Вася получил только тогда, когда я уже жила три дня в Бугуруслане. Дорога была тяжёлая, еды нам не хватило, и мы два дня с Вовкой были на воде. Дочь кормила грудью. Состав пассажиров теплушки постоянно менялся. Большой давки не было. Чем дальше мы отъезжали от Свердловска, тем сытнее становились люди, входившие в теплушки. Как ни тяжело мне было на Монетке, но если бы не помощь Ионы, вряд ли я и мои дети остались живы... Того же мнения придерживался и Василий.

...Наконец-то мы проехали Похвистнево, Волчьи ямы и прибыли в Бугуруслан. Я стала искать глазами Васю, но его не было. С ужасом узнала, что город находится в нескольких километрах от вокзала. Я спросила одного дядьку, как мне добраться до города. Он ответил, что дорога одна, не ошибёшься... Таким образом мы оказались в Бугуруслане».

Первый газовый фонтан

Академик И.М. Губкин ещё в 1930-х годах предположил наличие газовых месторождений в Саратовской и Волгоградской областях.

Начатые поиски газа в 1939 году под Саратовом при участии профессора Саратовского университета Б.А. Можаровского и заместителя начальника главнефтегаза В.М. Сенжова привели к открытию крупного месторождения. В 75 километрах от Саратова, в Теплове, в 1940 году ударил первый мощный газовый фонтан.

В октябре 1941 года у села Елшанка пробуренная скважина давала 800 000 кубометров газа в сутки.

Шла война. Уже в первые её месяцы «запасная столица СССР» остро почувствовала нехватку топлива. Из-за оккупации Донбасса на Куйбышевскую ГРЭС и БТЭЦ прекратилась поставка донецкого угля марки АШ, уголь, поступающий из Караганды, был плохого качества.

На Безымянке возводились крупные авиационные заводы и другие объекты оборонного значения. Нужен был газ для перевода на него Куйбышевской ГРЭС и Безымянской ТЭЦ.

Запасы газа к этому времени были разведаны на границе Куйбышевской и Оренбургской областей, около Похвистнево и Бугуруслана.

Для бесперебойного снабжения предприятий Безымянки топливом было решено в кратчайшие сроки проложить гигантский по тем временам газопровод, по которому можно было подавать в запасную столицу газ из районов Оренбургской области.

Секретное постановление № 1563 от 7 апреля 1942 года «О строительстве газопровода Бугуруслан-Куйбышев» подписал председатель Государственного Комитета обороны СССР Иосиф Сталин. Подача газа должна была начаться уже в декабре 1942 года.

В мае 1942 года организовали управление строительства газопровода Бугуруслан-Куйбышев. Длина основной магистрали газопровода — 144 километра, протяжённость газосборной сети — 45,5 километров.

Работы поручили вести тресту «Азнефтегазстрой».

Тогда-то (о чём пишет в своих воспоминаниях Нина Ивановна Серпухова), в апреле 1942 года, из блокадного Ленинграда в Бугуруслан на должность главного геолога треста «Бугуруслангаз» в связи с созданием центра газовой промышленности в Бугурусланском районе и строительством газопровода на Москву и был направлен Василий Иванович Савченко.

В это время ему было тридцать восемь. До этого, в 1925 году, когда ему шёл 21-й год, после окончания рабфака он поступил на геолого-разведочный факультет Ленинградского Горного института. В 1932 году его окончил. Обучение в аспирантуре под непосредственным руководством академика В.М. Вернадского оказало сильное влияние на мировоззрение В.П. Савченко. Руководство В.И. Вернадского определило направление и методологию исследований В.П. Савченко в области геохимии природных газов и образования газовых залежей. Он проводит полевые работы на нефтяных месторождениях Башкирии, Азербайджана, Северного Кавказа, Кубани.

С 1937 года В.П. Савченко работал в Гелиогазразведке «Главнефтегаза» Наркомнефти, руководил региональными исследованиями газоносности подземных вод. Эти работы важны для оценки перспектив газоносности недр.

Прифронтовой город Саратов остро нуждался в топливе. В 1942 году Правительство принимает решение о строительстве газопровода от Елшанки до Саратовской электростанции. 28 октября 1942 года природный газ на Саратовскую электростанцию был принят.

У села Елшанка и деревни Курдюм было открыто второе месторождение газа. От него проложили второй газопровод. Позже газ обнаружат под Саратовым на Соколовой горе и Песчаном умете.

В 1942 году под Бугурусланом под руководством уже В.П. Савченко и В.М. Алешинского обнаружат крупное месторождение природного газа.

Не хватало труб. По решению Государственного Комитета обороны (ГКО) использовали бездействующие трубы газопровода в Ишимбае, газопровода Избербаш-Махачкала. Часть газопровода из-за нехватки и этих труб изготовили из асбоцемента. Впервые в СССР был смонтирован газопровод из асбоцементных труб длиной 21 километр.

Вторая нитка газопровода Бугуруслан-Куйбышев была сооружена полностью из металлических труб.

Бугурусланский газ поступил в Куйбышев в сентябре 1943 года. Куйбышев (Самара) и Саратов стали первыми городами Советского Союза, в которых природный газ стал широко использоваться в промышленных целях.

В 1970 году в сельских районах началось массовое строительство магистралей местного значения для подачи сетевого газа. Первым селом, куда пришло «голубое топливо», стали Белозёрки Волжского района. Это произошло 27 марта 1971 года.

Все сёла Волжского района подключили к сетевому газу уже в середине 70-х годов. Начались работы по прокладке местных газовых магистралей в Ставропольском, Красноярском, Безенчукском, Кинельском, Сергиевском и ряде других районов области. Обеспечение «голубым топливом» сёл и деревень ещё более улучшилось после того, как 17 февраля 1974 года был введён в эксплуатацию газопровод Оренбург—Куйбышев.

С конца 70-х годов началась массовая прокладка газовых магистралей к населённым пунктам Красноармейского, Нефтегорского, Приволжского, Кинель-Черкасского, Большеглушицкого, Шенталинского и других районов.

Газификация сёл имела грандиозное значение, особенно лесостепных и степных районов, где затраты жизненных сил, времени на заготовку топлива были столь велики, что определяли в значительной степени весь жизненный уклад сельского человека. Я жил в то время в селе, детство было связано с непростыми заботами по заготовке дров, кизяка на зиму. И это только часть неотложных дел, вереницей ждущих своей очереди...

...Семья Савченко проживёт несколько лет в нашем крае. В 1944-1950 годах Василий Петрович — главный геолог треста «Куйбышевгаз», директором которого был Н.В. Черский, в будущем академик и организатор Якутского отделения АН СССР.

В 1950-1956 гг. В.П. Савченко — главный геолог, заместитель начальника «Главнефтегаза» Министерства нефтяной промышленности СССР. С 1956 года — доктор геолого-минералогических наук, профессор, руководитель лаборатории гидрогеологии во ВНИИнефти. В 1957 году он создал лаборато-

рию поисков и разведки газовых месторождений во ВНИИГАЗе, которой руководил до конца жизни.

Сын Нины Ивановны и Василия Петровича Савченко — Владимир Васильевич (в своих воспоминаниях Нина Ивановна зовёт его Вовкой) — также сделает немало в области разработки газовых и газоконденсатных месторождений. Станет доктором технических наук, профессором, лауреатом премии РФ.

Удивительная семья! Какое плодотворное участие всех Савченко и Серпуховых в нашей общей жизни!

* * *

И всё же назовём и самых-самых первых. Не маститых, не именитых. Тех, которых если и знаем, но помним ли?..

В 1864 году полковник А.Н. Новосельцев пробурил первую на Кубани нефтяную скважину. Потом, уже в советское время, эту дату основательно закрепят, и с 1964 года (через столетие) ежегодно будет отмечаться День работников нефтяной и газовой промышленности.

А Западная Сибирь? Первооткрыватели «чёрного золота» — нефти — в Сибири? Кто они?

Иван Михайлович Злыгостев

Бывший красноармеец Иван Михайлович Злыгостев. Это имя в наше время отчётливо прозвучало в сборнике «Западная Сибирь: история поиска»¹. Человек этот из числа подвижников. Откуда он родом, сколько ему было лет, какое имел образование? Всё это пока неизвестно. Члены творческой группы проекта сборника, работая с архивными материалами в фондах Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа, потрудились немало.

* * *

В октябре 1933 года И.М. Злыгостев по заданию научно-исследовательской экспедиции Северо-Уральского треста отправляется в село Цингалы. Прибыл он туда 8 октября 1933 года, добираясь четыре дня вверх по течению на лодке.

¹ Авторский коллектив: В.В. Патранова, О.А. Соляр, Л.В. Цареградская.

Начальник экспедиции Н.И. Смецкий просит его перед отправкой «обследовать месторождение нефти»...

Основным заданием для Злыгостева был поиск следов забытой экспедиции Спиридона Николаевича Пуртова, первого, кто предпринял попытку найти нефть ещё накануне Первой мировой войны.

Иван Михайлович Злыгостев задание выполнил, представив в конце 1933 года отчёт о своей работе.

Он пишет:

«...Мной были вызваны через посредство нарочных участвующие в работе экспедиции по изысканию нефти в довоенное время Пуртов Максим Николаевич из д. Цингалы и Куклин Михаил Осипович (с рыбалки за 20 км). Пуртов пояснил следующее. Его двоюродный брат Пуртов Спиридон Николаевич, проживающий в Омске, служил на солеваренном заводе одного из предпринимателей Христофора Абрамовича. Сюда он приезжал для изыскания нефти.

...10 октября 1933 года вызванный мной Куклин М.О. пояснил: в середине июля 1912 года приезжал из Омска Пуртов Спиридон Николаевич и с ним два человека. В урочище Превесный Сор — около 6 км от Цингалов — находился ключ, из которого вытекала маслянистая вода, цветом похожая на нефть. Они взяли её в бутылки и отправили в Тобольск или Омск — точно не знают. Через три недели приехали инженеры — человек восемь, они привезли на пароходе трубы и всевозможные буровые приспособления.

Куклин слышал от них, что работу хотели продолжить и в следующем году. Инструмент и трубы остались в д. Цингалы, потом их увезли, но часть осталась в земле».

Злыгостев всё же обследовал место, где Спиридон Пуртов искал нефть. Указал координаты. Была высокая вода, и обнаружить нефтеносные ключи не удалось.

...Но он отыскал рыбака Салтыкова, который когда-то видел, как бурили скважину на нефть люди Пуртова. Тот пояснил, что наткнулся на яму, труб не обнаружил, но слышал, что верхние трубы якобы сняли, а остальные остались в земле.

Увы, ключи, которые обследовал Пуртов в 1912 году, оказались на дне пруда, где рыбаки поставили плотину.

Местные жители говорили, что в районе плотины рыба не живёт, не живёт она и там, где сам Злыгостев набрал в бутылку пробы воды из обнаруженных ключей «с оттенками сине-масляничными, плавающими на воде и похожими цветом на нефть».

Он оказался добросовестным и скрупулёзным человеком, благодаря ему известны детали первой экспедиции, которая пыталась найти нефть в Западной Сибири.

И.М. Злыгостев выяснил, где живёт Пуртов, и пишет начальнику экспедиции Смецкому, пославшему его в Цингалы:

«По частным сведениям, Пуртов Спиридон Николаевич проживает в городе Павлодаре на Иртыше, имеет двух сыновей — Александра и Сергея, будто бы один в Барнауле, другой в Павлодаре или в Семипалатинске. Необходимо сейчас же принять меры к розыску Пуртова и его сыновей, так как Пуртов мог бы дать ценные материалы об изыскательских работах на нефть, в которых сам принимал участие. Меры к розыску Пуртова, полагаю, можно предпринять через органы ГПУ на местах или милицию».

Были ли сделаны какие шаги для поиска Пуртова, остаётся неизвестным.

Энтузиаст стучался во многие двери, добиваясь основательной проверки и своих проб, которые он передал через геолога Скворцова в трест «Востокнефть», и организации новой экспедиции.

Наконец в августе 1934 года трест снарядил экспедицию в округ во главе с геологом В.Г. Васильевым. Васильев с экспедицией «Востокнефть» побывал в Цингалах, потом на Югане.

...Злыгостев 29 сентября получил телеграмму из окрисполкома: «Геологоразведка Цингалах закончилась тчк Результат отрицательный тчк Ваше присутствие не требуется». Увы. Таков исход. Менее трагичная история, но чем-то похожая на усилия Розенфельда и Бориса Шафигулина в поисках золота на Колыме, безуспешных в их время, но давших масштабные результаты впоследствии...

* * *

Осенью 1932 года в долине реки Юган, в 50 километрах от посёлка, у подножия гор, техник кирпичного завода «Обьгосры-

бтреста» административно-ссылный А.Г. Косолапов обнаружил выход нефти в районе реки Большой Юган. Он писал:

«Летом 1932 года в июле и августе при самом низком уровне воды в реке Юган я наблюдал выход нефти на поверхность. В самом фарватере реки, метрах в 5-ти от высокого левого берега, периодически, приблизительно минут через 15 появлялась нефть. В одних и тех же двух точках поверхности воды (глубина до 6 метров) фонтанообразно выплывала нефть — каждый раз в количестве до стакана в каждой точке и в характерной форме жировых пятен уносилась течением...»

Докладная записка техника Косолапова попала на стол первого секретаря Остяко-Вогульского окружкома партии Артура Яновича Сирсона. Он поручил проверить сведения о выходе нефти на реке Юган Платону Ильичу Лопарёву — уроженцу села Самарова, изветному герою гражданской войны.

Авторы сборника приводят отчёт, составленный П.И. Лопарёвым и обнаруженный ими в Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа:

«...Не имея возможности получить документальные материалы (пробы), я собрал имеющиеся у населения сведения по данному вопросу и мобилизовал внимание общественности и актива села Юган к продолжению наблюдения за жировыми пятнами на реке Юган, указал способы взятия проб для анализа и порядок отправки их в лабораторию станции, — сообщал Лопарёв. — Суммируя полученные материалы, я делаю следующие обобщения. Жировые пятна (круги, полосы разного размера, длины и ширины) наблюдались местным населением давно у возвышенного берега реки Юган, у самого села Юган, а теперь и у самого кирпичного завода «Обьтреста»...

...С появлением на Югане катеров местное население обратило внимание на исключительную схожесть пятен на Югане с нефтью, выбрасываемой катером.

...Опросив местных товарищей-активистов, трёх административно-ссылных, я пришёл к убеждению, что собранный материал даёт мне право на следующее заключение: наблюдаемые при низких горизонтах воды пятна на р. Юган необычного для севера происхождения, и, что более всего вероятно, мы действительно имеем естественный выход нефти...

...Если имеющиеся в округе сведения о признаках нефти... подтвердятся, то область будет иметь колоссальную нефтеносную территорию, расположенную на исключительно мощных и экономически удобных водных магистралях Оби и Иртыша». (Там же).

* * *

...Поиски нефти в Западной Сибири, организованные И.М. Губкиным, основывались не только на научных представлениях об особенностях строения Западно-Сибирской геологической провинции, но и на свидетельствах (письменных и устных) о нефтепроявлениях в этих районах людей пытливых и деятельных. Вот где смыкаются воедино предвидения учёных-первопроходцев и подвижнический труд обычных старателей.

То же происходило при поисках и открытиях месторождений золота в Сибири. Я написал: «обычных старателей». А так ли это? В их судьбах столько интересного и поучительного...

Проведение поисковых работ в условиях, далёких от обычной жизни, уже само по себе требует мобилизации сил, навыков, умения, смекалки, находчивости. Всё это заслуживает особого внимания!

Выпускник Московского нефтяного института

...**В** середине 30-х годов, когда Виктор Григорьевич Васильев возглавил первую экспедицию по поиску нефти в Западной Сибири, ему было чуть больше 24 лет. Тот же практически возраст, что и у Билибина, и Цареградского в период их Первой Колымской экспедиции. Их экспедиции проводятся почти в одно и то же время. Только Васильев искал нефть, Билибин с Цареградским — золото.

В 1934 году, окончив обучение в Московском нефтяном институте и получив диплом инженера-геолога, он приехал работать в Уфу в трест «Востокнефть». До этого практику проходил в Восточной Сибири, участвовал в экспедициях по реке Лене, в верховьях Нижней Тунгуски, Нью, Чоны... И влюбился в Сибирь!

2 октября 1934 года на внеплановом бюро окружкома партии Васильев сделал доклад по материалам 1-й экспедиции о результатах изыскания нефти в округе. Встал вопрос: либо бурение, либо продолжить геологические работы. Постановили: просить т. Васильева максимально сократить сроки окончательной обработки материалов о юганской нефти...

В статье «К вопросу о нефтеносности Обско-Иртышской области» Васильев писал: «Если два года тому назад мы только говорили о возможности нефтепроявлений в обширных пространствах Сибири, то в результате работ этого года они стали реальным фактом».

Чуть позже, в конце 1934 года, его приглашают в Москву для доклада. На заседании, проводимом в Главном геологическом управлении Наркомтяжпрома, которым руководил академик И.М. Губкин, было принято решение о выделении внеплановых средств на две (летнюю и зимнюю) экспедиции в Западную Сибирь в 1935 году.

Экспедиция получила название «Обь-Иртышской». Возглавил её Виктор Григорьевич Васильев, заместителем он предложил быть Родиону Гугалю. Они вместе учились в Московском нефтяном институте, но у Р. Гугалья не было ещё защиты диплома. Он защитит его по результатам экспедиции на тему «Проект разведки нефти в районе рек Малого и Большого Югана». И вновь удивляешься похожести этого союза двух геологов на тот, который чуть раньше возник между Библиным и Цареградским во время их первой совместной экспедиции.

На основе материалов Обь-Иртышской экспедиции Васильев написал книгу «Геологическое строение северо-западной части Западно-Сибирской низменности и её нефтеносность».

Молодой учёный предвидел нефтеносность Ханты-Мансийского округа.

* * *

...Наступят новые времена, придут другие люди, будет другое оборудование, другие ресурсы.

В 70-е годы прошлого столетия только в освоенных нефтегазовых регионах планировалось добывать до 355 миллионов

тонн нефти и около 220-240 миллиардов кубометров газа. «Планов громадьё» захватывало дух.

На открытые месторождения в российской глубинке возлагались большие надежды, тем более в несколько пошатнувшемся положении страны на мировом рынке экспорта нефти и газа. Возникали возможности значительных финансовых вливаний в экономику страны. Не за счёт традиционно национальных источников, а с помощью продажи на экспорт нефти. Тогда уже появилась эта пресловутая «нефтегазовая игла», на которую подсела страна...

* * *

...Так получилось, что в 60-х — начале 70-х годов, в пик больших открытий нефти в этом регионе, имя начальника первой геологической экспедиции особо не звучало. Хотя в Восточной Сибири у него было много единомышленников, которые помнили о его заслугах.

* * *

...Пришло время, и трест «Востокнефть» прекратил работы в Западной Сибири, а результаты исследований Васильева надолго будут забыты. Поиск нефти переместился в другие районы.

...Трест в 1936 году переезжает из Уфы в Куйбышев (теперь Самара). Вместе с трестом прибыл и В.Г. Васильев.

Он ещё побывает в те годы в Западной Сибири. Но, как было сказано ранее, в Поволжье будет открыто Сызранское месторождение нефти. Начнётся не только разведка, но и бурение.

...При геолого-поисковой партии треста «Востокнефть» будет создана центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ). Васильев становится её директором. Это было его дело. Он всегда стремился к исследовательской деятельности. Ещё во время экспедиций в Западную Сибирь он брал с собой походную лабораторию и сам проводил необходимые опыты и анализы.

Теперь, став директором ЦНИЛ, он с энтузиазмом берётся за изучение огромного количества тем. Решение намеченных задач сулит большую экономию средств на бурение. Его работы дают весомые результаты.

В 1941 году, в возрасте 31 года, В.Васильев назначается руководителем Всесоюзного научно-исследовательского геологического института. Через год становится главным геологом «Куйбышевнефтекомбината».

С 1943 по 1948 год он управляющий трестом «Союзгазразведка», начальник главка.

После разгрома немцев под Сталинградом В.Васильев занимается поиском газа в Поволжье. Результат — открытие Арчединского газового месторождения.

Масштаб и разносторонность деятельности В.Г. Васильева восхищают. После служебной командировки в Соединённые Штаты Америки, в 1945 году он напишет книгу «Разведка и бурение на газ и нефть в США», возглавит закупку оборудования для страны. (Вспомним другого волжанина А.П. Серебровского.)

В этот период постоянным местом его жительства были Москва и наш Куйбышев (ныне Самара).

В качестве управляющего трестом «Монголнефть» с 1948 года в течение пяти лет он работает в Монголии.

В пятидесятых годах пошли слухи, что геологи допустили ошибку в оценке перспектив нефтяных запасов в Монголии, под которые был построен нефтеперерабатывающий завод. Комбинат работал не на полную мощность. Виктора Григорьевича пригласили в ЦК партии на беседу. Результатом её стал первый инфаркт. Потом будут ещё инфаркты.

Но сын череповецкого кузнеца и трепальщицы льна — Виктор Григорьевич Васильев успеет сделать много и в науке. По вопросам нефтяной и газовой геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений им опубликовано около 380 статей, брошюр и книг объёмом более 300 авторских листов.

Он постоянно участвует в экспертизах по вопросам развития газовой и нефтяной промышленности.

Опубликованные на протяжении многих лет труды легли в основу докторской диссертации «Научное обоснование методики оценки перспектив нефтегазоносности Сибири и пути повышения эффективности поисков разведочных работ на газ».

Диссертация была защищена в Москве в 1970 году в институте геологии и разработки полезных ископаемых.

С 1964 года В.Васильев трудится в Государственном комитете по газовой промышленности (в 1965 году преобразован в Министерство газовой промышленности СССР), возглавляет Геологическое управление, становится членом коллегии Мингазпрома.

В.Васильев был одним из авторов Генеральной схемы развития газовой отрасли, всячески способствовал ускоренной разведке месторождений. Являлся автором комплексных проектов освоения Западной Сибири.

В 1967-70-х годах он разрабатывал программу развития газовой отрасли до 2000 года. Прогнозы его подтвердились.

При смене руководства газовой промышленности В.Г. Васильев оказался... на пенсии. Ему было чуть больше шестидесяти. При такой энергии, разносторонности дел и нереализованных замыслах остаётся за бортом активной жизни!

Виктор Григорьевич серьёзно заболел.

...В сборнике «Западная Сибирь: история поиска» приводится воспоминание участницы встречи ветеранов нефтяной и газовой промышленности 23 апреля 1973 года в Москве Татьяны Германовны Овчинниковой:

«...Всё шло своим чередом, пока на сцену не вышел гость из Тюмени, по её словам, то ли журналист, то ли писатель. Не скрывая удивления, он произнёс: «Я только что узнал, что в этом зале находится Виктор Григорьевич Васильев, а мы в Тюмени думали, что он давно умер. Я бы хотел пригласить его на сцену и попросить рассказать о том, как он искал нефть в Западной Сибири».

На сцену поднялся бледный седовласый мужчина. Было видно, что он очень взволнован. Произнеся первую фразу, стал медленно оседать. Устроители вечера поспешили закрыть занавес и пригласили на сцену врача. Но тот уже ничем не мог помочь, он констатировал смерть. Виктору Григорьевичу Васильеву через пять дней исполнилось бы 63 года».

Сердце геолога, привыкшее переносить огромные перегрузки в экспедициях, на этот раз не выдержало.

Моменты жизни, когда он 24-летним геологом возглавлял первую успешную экспедицию по поиску нефти, были бесконечно дороги ему.

Вести из Сургута

Читаю письмо от Евгения Васильевича, теперь уже мастера буровой бригады. Пишет: «...Книжки Цареградского о его экспедициях получил. Спасибо за ксерокопии статей. Всё очень интересно. И мне, и моему пятикласснику сыну. Читали по очереди. Он рассказал о геологах в школе своим ребятам. И началось! Неделю назад его класс пригласил меня на встречу. Я не ожидал, что мой рассказ о золотоискателях, о далёкой Колыме встретят с таким интересом.

Завуч просил рассказать ещё и старшеклассникам. Я обещал. Но два раза уже откладывал: не хватает на всё времени. Вы говорили, что у Вас есть видеокассеты на эту тему? Вот бы ребятам показать! «Записки» свои пишете, невзирая на обрушившиеся болячки. Вы затеяли хорошее и нужное дело...»

«Бедняга» Евгений, он попал в такую же ситуацию, как и я, — подумалось мне, — ребятки не оставят в покое».

Далее он пишет:

«...Вы просили узнать что-либо о Викторе Григорьевиче Васильеве. Есть кое-что.

Мы с вами отстали. Ещё в 2006 году на мемориале «Звёзды Югры» в Ханты-Мансийске появилось новое имя — Виктор Григорьевич Васильев, а 26 сентября 2012 (я уточнял даты) администрацией Сургутского района в деревне Юган, на ул. Центральной, был установлен памятный знак в честь геологов-первопроходцев — участников Обь-Иртышской геологической экспедиции треста «Востокнефть» (1934-1935 годы). Авторы проекта: Александр Груздев и Лилия Цареградская — жена старшего из Цареградских в Сургуте, Юрия. Её жизнь с 1970-го была связана с округом. С музеем геологии, нефти и газа начала сотрудничать с момента его открытия, с 2003 года, и эта связь продолжалась до последних дней жизни...

...Мне обещали ксерокопию статьи о Лилии Цареградской. Как получу её, тут же вышлю. Успехов!»

Дом с яблоневым садом

Усилия геологов, нефтяников, старателей, энергетиков, работников разных уровней в начале 70-х годов прошлого века встряхнули сибирскую тайгу, да так, что мир изумился!

Это время легко потом назовут застойным.

По силам ли нам в наше время, спустя 40-45 лет, свершить такое?

Вернёмся к семейству Цареградских. К братьям Юрию, Олегу и Валентину, положившим начало одной из династии буровиков Сургутской нефти, к истории жизни племянников Валентина Александровича Цареградского. Узы дружбы, дух землячества — они так много значат порой в жизни. Скажут мне, что эти понятия в теперешнее время, эгоистичное и чёрствое, утратили свою ценность? Я не тороплюсь соглашаться...

Город Самара, Днепростроевская, 7. По этому адресу совсем недавно ещё стоял деревянный дом. Дом без присмотра недавно сгорел, а вот яблони в саду этой весной цвели буйно.

Здесь — родовое гнездо братьев-нефтяников Цареградских в городе Куйбышеве. Начнём рассказ с истории этого дома.

Дом был куплен на средства родителей Александра Михайловича и Марии Михайловны Цареградских, когда те уехали из села Никольское жить в Москву, в квартиру своего старшего сына Валентина.

Александр Александрович, или, как с детства его звали все Цареградские, Шур Шурыч, был дважды женат.

Первая жена его, Александра Ивановна Хайдарова, родом из Ульяновской области, 1904 года рождения. Она окончила Ульяновский педагогический институт, затем Самарский мединститут. Работала фармацевтом и заведующей аптекой на площади Революции в Самаре.

Познакомились они в Ульяновске, когда там Александр Александрович работал изыскателем.

Брак распался.

Хайдарова растила дочь одна, жила с мамой и дочкой Лией. Замуж более не выходила. Жили они на ул. Коммунистической. В период Великой Отечественной войны работала с 1941-го по 1945 год в эвакуогоспитале в с. Рачейка в Сызранском районе, на-

ходившемся на базе отдыха. В это время Лия Цареградская жила с бабушкой в Куйбышеве. Когда ей исполнилось 7 лет, пошла в 28-ю школу. Учились, по рассказам самой Лии Александровны, по два часа в день. За период обучения с 1-4 класс поменяла шесть школ. С продовольствием было плохо, и бабушка попросила дочь забрать к себе внучку, так как не могла её прокормить. Лия стала помогать маме в госпитале. После войны она учится в 24-й школе г. Куйбышева.

Окончив её на «хорошо», поступила в 1950 г. в Куйбышевский медицинский институт. После окончания института молодого врача терапевта направляют в Свердловскую область, в Тугульскую районную больницу. Там она знакомится с будущим мужем Николаем Хирновым, акушером-гинекологом из Грозного, чеченцем по национальности. Выходит замуж и переезжает вместе с мужем на его родину. В 1958-1965 годах работают в городской больнице Грозного. С 1965 года Лия Александровна живёт в Адлере. В 1961 году у них рождается дочь Наталья. После окончания школы Наталья едет в Куйбышев, поступает в мединститут. В студенческие годы выходит замуж. После окончания вуза вместе с мужем, педагогом Анатолием Беликовым, приезжает в Адлер.

Хайдарова Александра Ивановна работала в аптеке до 58 лет. Умерла в феврале 1992 года после продолжительной болезни. Похоронена в Самаре.

У Натальи двое детей — сын Никита и дочь Кристина Беликовы. Они окончили самарские вузы. Живут и работают в Самаре. Он инженер, Кристина преподаёт английский язык в одной из самарских школ.

Лия Александровна всегда тепло отзывается о своём отце. Бабушка наставляла её непременно общаться с ним. Лия часто бывала в доме отца на Днепростроевской и знала всех его родных. Бывала в гостях в Москве у тёти Гали Кулигиной (Цареградской) в 1954 году, у тётки Тани Цареградской в Златоусте. Отец её отправлял гостить к своим сёстрам вместе с сыном Олегом. По мере взросления она общалась с братьями. Юрий, Олег, Валя¹ и Тамара бывали у неё в Адлере частыми гостями.

¹ Юрий, Олег, Валентин – сыновья от второго брака Александра Александровича.

Лия Александровна, выйдя второй раз замуж, поменяла фамилию. Сейчас она Заславская. Ей теперь 85 лет, она ещё работает на полставки врачом терапевтом в Сочи.

Брак между Александрой Ивановной Хайдаровой и Александром Александровичем Цареградским распался после того, как Александр Александрович встретил Гудкову Евгению.

Он часто пропадал по долгу службы в выездных партиях, дома бывал редко.

В одной из поездок Александр познакомился с Е.Гудковой. Она только что окончила гидромелиоративный техникум в Оренбурге, откуда родом. Отец её в то время — начальник Оренбургской железной дороги. Они стали встречаться. Дружба переросла в любовь. Ему к этому времени было 31, ей 21 год. 21 мая 1935 года родился первый сын в семье Александра Александровича и Евгении Александровны Цареградских, Юрий — в будущем родоначальник династии нефтяников Цареградских. В помощь молодой семье в Куйбышев приехала тётя матери Александра Праша (Прасковья Гавриловна Гущина) из Ульяновской области. Праша прожила в семье Александра Александровича до 1946 года. Потом жила в семье старшей сестры Галины Кулигиной (Цареградской) в Волгограде, затем в Москве.

В 1940 году в семье Александра и Евгении Цареградских рождается второй сын — Олег, в 1946 — третий сын — Валентин, названный в честь старшего брата отца, геолога.

Все три брата будут всю свою трудовую жизнь связаны с буровыми работами, с разведкой нефти и её крупномасштабной добычей. То есть с той тяжелейшей работой, без которой все усилия именитых учёных-первооткрывателей и порой безвестных азартных самоучек так бы и не достигли тех масштабных результатов, какими они оказались сегодня благодаря многотысячной армии буровиков.

* * *

Евгения Александровна с рождением детей не работала. Трудился один Александр Александрович, успевая присматривать и за домом, и за садом.

Сюда, в дом на улицу Днепростроевскую, часто приезжали родители Шурыча: так называла своего хлопотливого мужа

Евгения Александровна, брат Валентин со второй женой Марией Яковлевной, сестра Галина с мужем Николаем Кулигиным, сестра Татьяна из Читы. Имеется несколько фотографий того периода. Семья и весь род Цареградских отличался радушием и гостеприимством. Хозяин дома ценил домашний уют. Писал трогательные стихи, часто посвящая их своей жене Евгении. Посылал свои стихи и своей дочери Лии (дочери от первого брака) в Грозный, в Сочи. Евгения Александровна постоянно писала письма родственникам мужа. Стараясь, чтобы родственные отношения не прерывались. У Лии до сих пор хранятся её письма и стихи отца. Склонность писать стихи у Цареградских — черта наследственная. Стихи писал и отец его Александр Михайлович. Сохранились самодельные открытки с трогательными рисунками и любовными стихами, посвящёнными Марии Михайловне. Их автор — её муж Александр Михайлович.

Велико было влияние на детей атмосферы дома Цареградских, всего окружения. И, конечно, именитого дяди-геолога Валентина Александровича Цареградского.

Они часто слышали на кухне чтение стихов отца, посвящённых то жене, то брату Валентину.

Александр Александрович детей любил, но не баловал. Учил их трудиться. Они следили за порядком в саду, занимались посадкой картофеля, помогали в строительстве дома. В частном доме с большим садом дела всегда найдутся. На старшем, Юре, лежала обязанность следить за младшими братьями везде: на улице, в школе, на рыбалке. Они подчиняться должны были беспрекословно. Такова была установка отца. Это потом в известной мере перешло и во взрослую жизнь: «старшой» всегда был опорой двум своим младшим братьям.

Велико было влияние матери, Евгении Александровны, на сыновей. Да и на их отца. Дом сиял от добрых глаз.

Сыновья старались ничем не огорчать мать. Учились они все хорошо. Юрий и Олег самостоятельно овладели игрой на баяне. Юрий здорово играл на гармошке. Это так по-русски.

Младший Валентин находил время для занятий в техническом кружке. Он увлекался радиотехникой...

Дети росли трудолюбивыми и честными. Родной их дядя Валентин Александрович был Юрию, Олегу, Валентину ещё и

за деда. Дети своего деда Александра Михайловича не знали. Он, как мы знаем, в июле 37-го был арестован и вскоре расстрелян.

Конечно, брат отца — генерал, Герой Социалистического Труда Валентин Александрович Цареградский был кумиром для ребят. Когда он гостил у них, то часто рассказывал об экспедициях в Якутию, Чукотку. О поисках золота, олова, меди, об удивительной природе Севера. Младший из братьев был назван в его честь. Как не зародиться тут желанию быть достойными знаменитого родственника!

Кто знает, возможно, рассказывая ребятам о своих экспедициях, знаменитый геолог вспоминал те замечательные дни своего детства, когда в Никольском старый сторож, завзятый охотник, рыбак и путешественник Иван Васильевич Медвежонков, повествовал о своих приключениях. Зародив тем самым в них дух первопроходцев. Вполне возможно, что Юрий и Олег поступили на факультет бурения с одобрения дяди. Разведка недр — это так близко к делу его жизни. Замечателен его подарок — книга «Планетарная геология» с авторской научной статьёй своему тёзке — племяннику младшего из братьев Цареградских Валентину с надписью: «...Пусть эта работа будет служить тебе напоминанием о необходимости совершенствования постоянно твоих знаний и о том, что тебе самому нужно оставить след в науке. Всегда помни, что мы смогли получить образование на народные средства и мы в долгу у народа. Валентин Цареградский-старший. 8 февраля 1969 г., г. Москва».

У кого из нас был в детстве такой замечательный наставник?!

Выбирай, что по душе!

Вспомнился мой выбор профессии. В школе, мне сейчас это кажется странным: никаких разговоров с учителями о выборе профессии не было. Родители имели по одному классу образования. Жили трудно. Может, потому были мудры и немногословны.

На вопрос, не поступить ли мне учиться на учителя литературы, мама ответила:

— Хочется тебе вечерами, как наша соседка, квартирантка Галина Николаевна, сидеть за проверкой школьных тетрадок — иди на учителя. Сам думай!

В другой раз, раздумывая, я пошёл к отцу:

— Пап, а если я пойду в военные? В военное училище?

— Готов служить двадцать пять лет, поступаю. У тебя своя голова на плечах.

Отец даже не спросил, в какое училище. Да я и сам толком не знал.

— Выбирай сам — для чего учился-то?

Я и выбрал. Просто и удачно. Одиннадцатый класс окончил в 1962 году. Все вокруг, в том числе по радио и в газетах, только и говорили о химизации народного хозяйства. Страна жила небогато, народ тоже. А тут намечался такой подъём! Химия обещала многое и в быту, и в технике, и в науке. Передовой край! Кто тогда из нас, молодых, не хотел оказаться там, где многое впервые! Поколение было целеустремлённым, спортивным, отзывчивым на призывы. В Поволжье осваивалось «Второе Баку». Масштабы грандиозные! Прямо за нашей Утёвкой с разных сторон появлялись нефтяные вышки, зримо подтверждая огромные изменения в крае. Здесь «становились на крыло» многие выпускники нефтяного факультета Куйбышевского индустриального института. Конечно, мы видели только внешнюю картину происходящего, многого тогда не знали. Но всё равно!..

На этом фоне всеобщего энтузиазма я и подал документы в индустриальный институт (ныне — технический университет), на химико-технологический факультет.

Когда наш дальний родственник, живший напротив нас в синеньком домике с резными наличниками, конюх Михаил Горбачёв (это было в 1962 году, тогда мы знали только этого одного Горбачёва) прослышал о моём решении, то отреагировал по-своему:

— Э... э... Паря, это ж как прыжок с парашютом! В химика! Ты сам-то знаешь, что это такое? Нефтяники вон всё вокруг села перепахали... А ты что будешь делать? И поступишь ли? Из наших-то никто туда не решается. Жидковаты. Конфуз бы не вышел?.. Вместо прыжка, того... кувырок бы не вышел, а?..

...Был момент колебания. Но чуть позже. В приёмной комиссии столы химико-технологического факультета и нефтя-

ного были рядом. Я подал свои документы на химико-технологический. И тут вдруг заколебался. Манила химия, но не было представления: что же всё-таки означает профессия химика-технолога? Это заводы? Если это так, то далеко от земли. А вот нефтяной факультет выпускает буровиков. Работа на земле, добыча нефти! Всё зримо, всё ясно! И конкурс среди школьников — два человека на место, в три раза меньше, чем у нефтехимиков! Я хотел было забрать свои документы со стола приёмной комиссии химико-технологического факультета. Уйти к нефтяникам! Но не тут-то было! Мне их просто не отдали. Дамы из комиссии так убедительно начали отговаривать, окружили меня! А у меня и доводов особых нет. Вспомнилась ухмылка Горбачёва: «Э... э... Паря!» Я сконфузился и не стал настаивать на своём.

* * *

И закружилась студенческая жизнь! Учёба. Занятие на кафедре, тяжёлая атлетика, доклады в студенческом научном обществе. Практические и лабораторные работы — плановые и дополнительные.

И всё без школьной опеки, без надзора. Только умеи сдавать экзамены. Как дорог был особый студенческий дух! Жили в общежитии на ул. Ново-Садовой. Вечерние купания на Волге, непреременные походы на Молодецкий курган и летом, и зимой. Самое лучшее время в жизни! Эти слова, кроме меня, произнесены тысячами выпускников, но от этого воспоминания о студенческих годах не тускнеют.

Учёба достойна особых слов. Всё впервые! Курс по органической химии нам читал профессор Николай Иванович Путохин — основатель и первый заведующий кафедрой «Органическая химия». Профессор Путохин особенно много тогда занимался химией гетероциклов, химией тиофенов. Мы учились по его книге «Органическая химия».

Он тогда был уже стар. Говорил глухо, порой невнятно, но мы слушали его, затаив дыхание. Понимали, что перед нами — корифей! Да и всегда можно было уточнить непонятное по его книге, она на лекциях всегда лежала передо мной раскрытой на нужной странице.

...Замечательны были лекции Дмитрия Николаевича Андриевского — основателя и первого заведующего кафедрой технологии основного и нефтехимического синтеза, главы научной школы термодинамики, признанной в СССР и за рубежом.

Он читал нам химическую термодинамику.

Одна из картинок его замечательных лекций.

Мы сидим, слушаем, едва ли не раскрыв рты. Размашисто, словно из рукава своего просторного светлого костюма, низвергает он на доску серпантин длинных формул, которые срываются с кончика мелка. Профессору не хватает места на доске.левой рукой он тут же стирает за собой написанное, правой продолжает своё стремительное действие.

Мы не успеваем записывать. Но никто не ропщет. Все смотрят на происходящее зачарованно, как на фейерверк!

Ещё бы: светило науки!

Остановившись на миг, профессор вопрошает:

— Сам процесс понятен? Суть его?...

Мы не успеваем ответить, он машет левой рукой с зажатой тряпкой:

— Проще сейчас объясню! Автомобильный карбюратор! Знаете, что это такое?

И, не дожидаясь ответа, начинает подробно излагать принцип работы карбюратора.

— Уловили главное? — уверенно восклицает лектор. — Молодцы!

Когда лекция закончилась, профессор ушёл, мы обступили Владьку Серова, работавшего по совместительству у профессора на кафедре лаборантом — признанного всеми безоговорочно на нашем потоке восходящей звездой химической термодинамики:

— Влад, послушай, причём всё-таки здесь карбюратор?

— Вот чудачки! Что вы хотите? Мы два последних выходных с профессором занимались ремонтом его «Волги». Карбюратор еле отрегулировали! Профессор вначале всё не мог понять, как он работает. Я несколько раз объяснял. Когда он разобрался, что к чему, понял, был сильно рад! А сегодня рассказал вам.

* * *

Решающую роль в моей судьбе сыграл декан нашего химико-технологического факультета, заведующий кафедрой «Общая и неорганическая химия» Иван Григорьевич Григорьев. Он занимался в основном химией лантанидов¹.

Иван Григорьевич принял меня на учёбу, хотя я не набрал необходимого числа баллов. Проходной балл был — 14. Я же имел — 13. По химии — «отлично», по физике и математике — «хорошо». В списках поступивших меня не оказалось.

Я был зачислен с условием, что сдам первую сессию без троек. У меня это получилось. Обязывал выданный аванс доверия.

Потом И.Г. Григорьев несколько раз настойчиво приглашал меня работать к себе на кафедру с прицелом на аспирантуру. Усмотрел во мне какие-то задатки успешной работы в науке. Но меня не привлекала неорганическая химия. И потом: я не мог на долгое время представить себя в узких стенах лаборатории, когда в Поволжье начался такой размах заводской нефтехимии. С чувством вины я отказался и уехал работать на завод, смутно чувствуя, что в отраслевой науке могу пригодиться больше. И только там через пять лет начал заниматься наукой. Но Ивану Григорьевичу Григорьеву обязан, как отцу. Поверившему в меня. Благодаря ему я неразрывно связан с нефтехимией вот уже более сорока лет.

* * *

Любили Цареградские и родную тётю Таню, которая приезжала погостить из далёкой Иркутской области, потом из Читы. Они знали, что Татьяна Александровна Цареградская — кандидат сельскохозяйственных наук, автор научных трудов. И удивлялись, как смогла их добрая, всегда спокойная, даже немного стеснительная тётя вывести особый сорт пшеницы! Как не гордиться и не равняться на такую родню!

Старший брат

Юрий Александрович Цареградский после средней школы поступил на нефтяной факультет Куйбышевского инду-

¹ Лантаниды — семейство химических элементов, входящих в группу редкоземельных.

стриального института. Окончив институт, за последующие пять лет вырос до технолога, а затем — до главного инженера Отрадененской конторы бурения.

Результаты работы бригады мастера первой конторы бурения треста «Первомайбурнефть» были известны не только в Куйбышевской области. О них знала вся страна. Отрадный в то время был самым передовым регионом нефтедобычи. Трест входил в пятёрку сильнейших управлений страны. Самый крупный в Поволжье...

Держу в руках небольшую брошюру «Скоростная проводка глубинной скважины». Автор — мастер бригады бурильщиков Юрий Цареградский. Издана она Куйбышевским книжным издательством в 1962 году тиражом 3 000 экземпляров. В ней всего двадцать страниц. Но каких!

В тоненькой книжице дан сконцентрированный опыт бурения целого треста «Первомайбурнефть». Вникнем в суть: «...Бригада мастера первой конторы бурения треста добилась выдающегося производственного успеха. Она закончила проводку девонской скважины № 149 глубиной в 2 983 метра за 75 дней. При этом скорость проходки составила 1 188 м на станко-месяц вместо нормативных 768 метров.

Высокие показатели достигнуты благодаря чёткой организации труда и творческой инициативе коллектива, эффективного использования новой техники. Впервые в Советском Союзе бригада использовала в едином комплексе: 53-метровую А-образную вышку ВАС-53, автоматическую установку для спускоподъёмных операций АСП-III, легкосплавные бурильные трубы и др.».

Часто ли молодым специалистам в первые же годы своей работы после института удаётся добиваться таких успехов на производстве? Это о многом говорит. Для того чтобы использовать что-то впервые и результативно, нужна изобретательность. А она даётся людям пытливого ума и сильной воли. Об опыте знаменитой бригады писали газеты, но Ю. Цареградский горит желанием увидеть широкое внедрение его на промыслах. Дело в том, что в Куйбышевской области, и в частности в Кинель-Черкасском газонефтеносном районе, в то время бурили преимущественно девонские скважины на глубину до 3 тысяч метров и больше. При этом возникало немало серьёзных осложнений,

таких как обрушение сыпучих мягких пород, проникновение пластовых вод и др. Отрадинские буровики совместно с учёными создали прогрессивную технологию проводки глубоких скважин. Научились бурить с меньшими затратами труда и времени. В брошюре автор подробно рассматривает все тонкости использования нового метода. Ищет пути его совершенствования.

В августе 1962 года сообщение Ю. Цареградского обсуждалось на заседаниях Государственного комитета Совета Министров СССР по топливной промышленности и президиума ВСНХ СССР.

Инициатива Куйбышевского совнархоза по комплексному внедрению новой техники и умелое её использование бригадой буровиков была оценена положительно. Бригады мастеров Ю.А. Цареградского и А.С. Симонова первыми опрокинули старые нормы в проводке глубоких скважин. Сократили сроки работ до 45-60 дней. Было признано необходимым создать при одном из буровых трестов Куйбышевского совнархоза специальную контору по скоростной проводке глубоких скважин.

Принято решение о распространении опыта Куйбышевских новаторов во всех нефтяных районах страны, где бурят глубокие девонские скважины. Новый метод давал значительную экономию средств. Как известно, в 1962 году были введены в действие первые участки трансевропейского нефтепровода «Дружба». «Нефтяная река» брала начало как раз в окрестностях Куйбышева. Нефть Поволжья подавалась в Польшу, Чехословакию, Венгрию, ГДР... В 1975 году вступила в строй вторая очередь этого сооружения.

Бригада Ю.А. Цареградского первой в Куйбышевской области начала соревнование за то, чтобы каждую пятую-шестую скважину бурить на сэкономленные средства. Напряжённые рабочие будни. И признание заслуг — орден «Знак Почёта». И ощущение собственного пути! Как это необходимо в молодости!

Предложение Муравленко

Ав это время поднимался другой, гигантский нефтегазоносный комплекс страны.

Спустя год после пробной добычи нефти в Западной Сибири создаётся в 1965 г. главное производственное управление по добыче нефти и газа с местом расположения Главка в г. Тюмени.

Начальником Главка назначается В.И. Муравленко, так много сделавший в своё время в Куйбышевской области. Возглавляя управление нефтяной промышленности Средне-Волжского совнархоза, В.И. Муравленко часто посещал промыслы, видел и хорошо знал напрямую перспективных специалистов, которые могли стать опорой в период создания структур Главка.

Среди лучших специалистов треста «Первомайбурнефть», приглашённых В.И. Муравленко в Западную Сибирь, был и 33-летний Ю.А. Цареградский. Ему предложили возглавить буровое предприятие в Сургуте Тюменской области.

Нужны были азартные и уже опытные буровики.

Север с первых дней покорил волжанина.

Какой здесь размах работ и какие перспективы!

...И сложностей было достаточно. Главное препятствие для расширения буровых работ — большая заболоченность и обводнение территорий. Иногда разбуривания болот достигали глубины шести метров. В Западной Сибири огромное количество малых и больших рек. В весенний паводок они полностью или частично заполняют водой нефтяные площади.

Что же делать?

Некоторый опыт тогда имелся в Канаде. Но там буровые работы велись только зимой. Российских нефтяников это не устраивало.

Выход нашли: кустовое бурение нескольких наклонно-направленных скважин с одного основания на сухом месте или с насыпных оснований, построенных на болотах. Бурение наклонных скважин значительно сложнее вертикальных. Традиционный опыт бурения играл роль, но в известной мере приходилось всё начинать с нуля. Постепенно разрыв между скоростями бурения наклонных и вертикальных стволов сокращался. В этом огромная заслуга буровиков, они определили судьбу большой нефти.

Рождение скважины можно сравнить с рождением ребёнка.

Буровики — люди особые. Они первыми вскрывают артерии Земли. Недаром буровиков так любил и выделял В.И. Муравленко. Это ему принадлежит крылатая фраза: «Добыча нефти — на острие долота!»

Бывший генеральный директор объединения «Ноябрьскнефтегаз» Виктор Андреевич Городилов вспоминал: «Мы, руково-

дители, знали, что любой буровик может позвонить начальнику Главка Виктору Ивановичу Муравленко в любое время дня и ночи по прямому телефону. Никогда нельзя было знать наверняка, на что буровики могут пожаловаться, что наговорить».

Стране нужна была нефть! Многое решалось «с колёс». Такое было время!

Стержень его жизни

Юрий Александрович Цареградский был влюблён в бурение. Это отмечали многие, знавшие его.

С первых дней работы на буровой, ещё в Отрадном, это переросло из профессии в смысл, в стержень его жизни.

«Когда Юрий Александрович Цареградский принимал у меня обязанности начальника конторы бурения, — вспоминает Викентий Константинович Кордиалик, — и мы с ним поехали по буровым, я обратил внимание, как он увлечён бурением. Он искренне, неподдельно восхищался и буровым оборудованием, и циркуляционной системой. Юрий Александрович очень нравился мне как профессионал в бурении. Он был не только замечательный специалист, но и прекрасный человек, друг.

Возможно, что для занимаемой им должности начальника бурового управления он был несколько мягковат. Хотя лично я считаю, что жёсткость не является обязательным атрибутом руководителя».

«Достаточно быть смелым, доводить начатое дело до конца. И сказать можно очень тихим голосом, но так, что тебя услышат. Кнутом он никогда не погонял, но всегда умел так поговорить, убедить и добиться, чтобы человек понял, как нужно трудиться, и чего от него требуют». (Е.П. Коваленко).

Юрий Александрович смог на новом месте за относительно короткий срок сплотить крепкие буровые бригады и технически их оснастить. Вот где проявились главные черты характера волжанина: открытость, общительность и... покоряющая сила воли. И жизнелюбие широкой русской души!

Те, кто работал рядом с ним, ценили его открытость и врождённое тонкое чувство юмора. Организованные им праздники, коллективные выезды на природу многие помнят и поныне.

Лихая смелость и какая-то бесшабашность, как пишет Е.П. Коваленко, были тоже присущи натуре начальника Сургутского управления буровых работ.

* * *

Ю.А. Цареградский считал, что если что-то делается для людей и результат приносит пользу всем, то методы могут быть самыми разными.

Исходя из этого в управлении числилось невероятное число «подснежников». Это и музыканты, и спортсмены, и журналисты, и т.д.

Даже здание управления УБР-1, одно из красивейших тогда в Сургуте, было построено по большому счёту незаконно. Строительство по всем документам проходило как сооружение промышленного объекта.

К слову сказать, эта примета того времени. У нас, в г. Новокуйбышевске, на заводе, где я тогда работал, в городе — нередко было то же самое. Но для того чтобы так поступать, нужен был определённый характер руководителя. Не у каждого хватало умения и смелости на это, прямо скажем.

* * *

В середине шестидесятых было положено великое начало создания топливно-энергетического комплекса Западной Сибири.

Стране необходимы были нефть, газ. Время романтиков! Оно породило масштабные стройки.

Небольшой Сибирский город Сургут становится энергетическим сердцем России. Круг славных тружеников, стоявших у истоков большой нефти, огромен.

...Именно в семидесятые годы в СУБР-1 сформируется коллектив руководителей и главных специалистов, чьи имена станут легендарными: начальник Ю.А. Цареградский, главный инженер Ю. Скворцов, начальник центральной инженерно-технологической службы Н. Кузнецов, главный технолог В. Кордилик, главный технолог А.И. Мурзенко.

Вырастет целая плеяда буровых мастеров.

Показательна работа бригады буровиков В.И. Коренного. Это она начала эксплуатационное бурение на крупнейшем

нефтяном Фёдоровском месторождении на скважине № 470. Вслед за ним сюда пришли бригады Е. Бондарева, В. Агафонова, Г. Ерёмину. Начальником НГДУ «Сургутнефть» И.И. Шидловским и начальником УБР-1 Юрием Александровичем Цареградским была организована работа по определению возможности ускоренного выхода среди сплошных болот и озёр, с бурением экспедиционных скважин. Так начиналось освоение крупнейшего Фёдоровского месторождения нефти.

Все участники этих событий достойны, чтобы о них было написано более подробно. Но мы пока ограничимся в своих записках первоначальным замыслом и будем следовать за династией Цареградских.

Младший брат Валентин

В 1974 году Юрий Александрович пригласил на работу своего младшего брата Валентина Александровича (1946-2014), который окончил Куйбышевский институт связи и намеревался остаться в аспирантуре. Он подавал большие надежды в научной работе.

Из воспоминаний Тамары Цареградской — жены Валентина: «Юрий хорошо готовил и был прекрасным помощником по дому. Чем отличался от своего отца и Валентина, моего мужа. В семье Александра Александровича Цареградского вся работа делилась на мужскую и женскую. Отец не помогал по дому. Юрий как старший сын помогал матери и приучал своих братьев к этому. В Сургуте он нас учил готовить борщи, второе. Работе отдавался весь. Буровики его любили. И руководство тоже. Он устраивал приятные и запоминающиеся встречи своим мастерам, рабочим. Приглашал с концертами творческие группы. Устраивал вечера со знаменитыми артистами театра и кино. Помню, как все рады были встрече с любимой артисткой кино Нонной Мордюковой. Лиля, его третья жена, реализовалась благодаря ему. И при его жизни, и после. Да и в судьбе брата Олега, и в нашей с Валею он сыграл большую роль. Пригласил, убедил, как здорово живётся на севере. Какие перспективы у молодой семьи. И действительно, мы никогда не жалели, что доверились ему. Он был первым. И крышу над головой, и работу мы вначале имели благодаря ему».

На Север младшие Цареградские приехали с двумя чемоданами и годовалым ребёнком, поселились в семье брата. Собирались здесь прожить некоторое время, подкопить денег. Валентина, специалиста в области связи, ждала новая и, как показало время, захватывающая работа. Он оказался у истоков внедрения электронно-информационной системы связи на буровых, был одним из лучших рационализаторов в Сургутском УБР-1. В те годы на территории Западной Сибири научно-технический прогресс наступал стремительно. Талантливому молодому специалисту было где реализовать свои творческие технические задумки.

В 1984 году В.А. Цареградского назначили главным энергетиком треста «Сургутнефтеспецстрой» управления по бурению объединения «Сургутнефтегаз». Он мотался по месторождениям, где с нуля начиналась отсыпка кустовых оснований под строительство новых буровых вышек, куда срочно нужно было провести линии электропередач. Приходилось что-то придумывать на ходу, совершенствовать, внедрять в производство.

Об одном из таких эпизодов рассказано на страницах книги «Всегда первые». Её авторы — уже знакомые нам, известные в Ханты-Мансийском автономном округе журналисты Валентина Патранова и Лилия Цареградская. Приведу отрывок, посвящённый сооружению линии электропередач, почти полностью, ибо он показывает характер работ нефтяников. И ещё потому, что тираж книги невелик, наверняка многие читатели Самарской области, средней полосы России не читали этих строк:

«В связи с резким увеличением поисково-разведочных работ, которые из сезонных должны были стать круглогодичными, нужны были надёжные ЛЭП. Раньше трест сооружал временки, но служили они всего несколько месяцев в зимний период. Ни один из существовавших проектов не соответствовал такой конструкции опоры, которая бы легко собиралась, демонтировалась и надёжно крепилась.

Энергетики перепробовали много вариантов, в том числе и с металлическим основанием. Когда подсчитали, выяснилось, что в год потребуется несколько эшелонов труб. И остановились на... древесине. Сваи из дерева нужно было опускать на

глубину 5-6 метров. Встал вопрос о сваебойной технике. Та, что существовала на строительстве зданий, не подходила — была слишком тяжёлой, не годилась для частых переездов. Поэтому в тресте разработали оригинальный сваебойный агрегат, а на заводе в городе Асбесте его изготовили. Получился универсальный агрегат: он может и бурить, и забивать сваи.

Учились этому целый месяц. Загоняли технику на болото и практиковались. Со временем пришла сноровка, появились специалисты.

Деревянными были не только сваи, но и сами опоры. Дерево как раз выдерживает два-три года, что и требуется при разведочных работах. Проектный институт подготовил конструкцию опоры к утверждению. С поставленной задачей служба главного энергетика справилась успешно. А руководитель проекта В.А. Цареградский запатентовал данное изобретение...

...Ю. Цареградского всегда привлекали люди творческие, думающие, как он сам. С большим уважением относился он к знатному бригадиру Владимиру Васильевичу Яркину. Когда тот ушёл на пенсию, коллектив возглавил опытный, инициативный специалист Иван Петрович Пушкин. Именно с ним и членами его бригады Д.И. Максимовым, Аникановым, Ю.Н. Антоновым, В.И. Баталовым, другими внедрял новую конструкцию опоры временных линий электропередач В.А. Цареградский».

* * *

Я уже написал эти строки о Валентине Цареградском, когда пришло письмо от Евгения: «...Станиславович, я тут узнал, что ещё один из братьев Цареградских, Олег, также работал у нас в Сургуте. Он здравствует! Живёт теперь у вас в Самарской области в г. Отрадном. Я не сразу сообщил, ждал подтверждения. Вы меня приучили к точности. Всё так и есть. Он давно на пенсии. Но его хорошо помнят наши ветераны. Мне обещали найти номер его домашнего телефона. Не выдержал, пишу. Как только номер получу, я Вам его пришлю. Можете встретиться! Вот так, потихонечку...»

Письмо меня порадовало, хотя и адрес, и номер телефона Олега Александровича мне был уже известен. Более того, по нашей с Жамилёй Кульчуновой просьбе он прислал небольшие

воспоминания о своём дяде Валентине Александровиче Цареградском, часть их я привёл ранее.

Кроме того, Жамиля завершила меня, что договорилась с Олегом Александровичем о нашей с ним встрече, вот только жара спадёт.

Так что мне предстояла, возможно, вскоре замечательная встреча.

Средний брат

Да, я уже знал, что Олег Александрович Цареградский после окончания школы поступил, как его старший брат, в Политехнический институт. После института распределился в г. Отрадный Куйбышевской области. Был буровым мастером, работал по контракту в Ираке, его прочили в главные инженеры бурового управления. Но в 1978 году он отправился вслед за братьями на Север.

Олег Александрович с семьёй вначале, как и младший брат, жил у Юрия Александровича.

...В УБР-3, работу которого сильно лихорадило, в мае 1986 года создаётся новая буровая бригада, мастером которой назначается Олег Александрович Цареградский, буровик с большим опытом. Успех новой бригады был высок. Работы велись на достаточно перспективных месторождениях, сильным составом буровиков. За полтора десятка лет на Солкинском, Быстринском, Западно-Сургутском, Вачимском, Яун-Лорском и Лянторском месторождениях бригада набурила 1 129 091 метр горных пород.

Было время, когда начальники ПТО в управлении часто менялись. Отдел был укомплектован наполовину. С приходом на эту должность опытного инженера, в прошлом бурового мастера, Олега Александровича Цареградского многое изменилось. Олег Александрович для многих служил образцом преданности выбранной профессии и профессионализма. Когда он получил второе высшее образование, его назначили заместителем генерального директора по экономическим вопросам объединения «Сургутнефтегаз». Тогда в стране на правительственном уровне появился новый прогрессивный лозунг: «Экономика должна

быть экономной», — что дало существенные изменения в бюрократической планово-управленческой советской системе организации производства. Олег Александрович внёс большой вклад в становление планово-экономической службы на предприятиях «Сургутнефтегаза» в новых условиях. С 1989 по 2004 год, когда он возглавлял производственно-технический отдел УБР-3, его называли «мозговым центром».

Жена его, Галина Константиновна, приехавшая с ним и дочерью Татьяной из города Отрадного, более двадцати лет проработала в сметном отделе Сургутского УБР-1.

Все братья Цареградские были общительны и коммуникабельны. Пользовались уважением среди подчинённых и доверием у руководства.

Председатель совета директоров ОАО «Сургутнефтегаз», известный в стране буровик А.В. Усольцев высоко ценил профессиональные качества Юрия Цареградского. Считал его образцом бурового мастера ещё с тех пор, когда оба они работали на буровых в Куйбышевской области. Узнав в Сургуте других братьев, Олега и Валентина, он подчёркивал, что именно такие, преданные делу, талантливые, с крепкими семейными традициями специалисты — основа любого производства.

* * *

В 1975 году коллектив Сургутского УБР-1 отмечал десятилетний юбилей. В юбилейной статье начальник управления Юрий Цареградский подчёркивал: «Конечно же измерять пройденный путь следует не годами. Критерием сделанного служат, в первую очередь, наши дела. От первого забитого колышка на причале под жилой дом на улице Энтузиастов — до первой буровой 544 на Солкино, от рекордной проходки бурового мастера Георгия Петровича Ерёмкина до новой бригады Сергея Ивановича Пономарёва. Стремление взять новую высоту и никоим образом не останавливаться на достигнутом — в этом я вижу главный смысл становления коллектива. Какие же замечательные события ждут нас с вами впереди, какие свершения и открытия!»

Полярная экспедиция в Надыме

Вторая половина семидесятых принесла Юрию Александровичу непростые испытания. И ему, и всему коллективу СУБР-1. В 1976 году создаётся Управление буровых работ № 2 (УБР-2). Много специалистов перешло в это управления. Развернулась конкурентная борьба двух проходческих коллективов. Новое поколение имело своё право быть первыми. Новые люди пришли на смену романтикам 1960-1970-х годов.

Возглавлявший в течение 12 лет КРБ-4, а с 1971 года — Сургутское управление буровых работ № 1 Юрий Александрович Цареградский, возможно, был последним из романтиков от бурения тех лет.

Объединение было полностью на стороне нового управления, которое шло на невероятные рекорды. И они были достигнуты! Это были сложные годы жизни Юрия Александровича.

В 1980 году он ушёл с занимаемой должности начальника управления.

И четыре года трудился заместителем начальника по производству в тресте «Сургунефтеспецстрой», да так, что его вклад в общее дело помнится ветеранами и поныне.

* * *

Ю.А. Цареградский сразу согласился на предложение возглавить Полярную экспедицию глубокого бурения в Надыме. Куда угодно, хоть на край света, но чтобы снова быть в бурении. Заниматься тем, что любишь делать! И умеешь! Что может быть радостнее в жизни?! Это было как испытательный полёт.

...Ямал не жаловал своих покорителей.

Полтора года, наполненных ежедневным упорным трудом в условиях Полярного круга. Всего полтора! В пятьдесят лет, в 1985 году, Юрия Александровича не стало.

...Я смотрю на его фотографии, думаю о делах его и невольно сравниваю с другим, дерзким, прорывным, неудержимым волжанином — Валерием Чкаловым. Оба из породы испытателей. Испытателей техники, человеческих возможностей. Рано, но так деятельно проявивших свой талант, ярко вспыхнувших. И внезапно ушедших, успев показать, на что способен человек.

Тихая гавань

...А на улице Днепростроевской, 7, в доме, окружённом яблоневым садом, лишившаяся сначала любимого мужа, а потом старшего сына Юрия, совсем недавно ещё жила, тоскуя длинными одинокими ночами, Евгения Александровна...

Дом, ставший тихим, ночью иногда вдруг вздыхал своими старыми половицами, но не так, как тогда, когда под его крышей собиралось четверо крепких мужчин, а то и пятеро, если приезжал старший Цареградский. Она вздрагивала вместе с домом и в который раз шла к столу, где лежали не раз уже читанные «самодельные», как говорил её тихий муж Шур Шурыч, стихи, посвящённые ей. Глядя на пожелтевшие листки, светло улыбалась. Трогала письма сыновей, фотокарточки разных лет. Наткнувшись на фотокарточку своего отца, вспомнила то далёкое время, когда была ещё Гудковой Женей, дочкой железнодорожника из Оренбурга. Увидела отчётливо улыбчивое лицо своего отца и недоумевала: как она жила тогда без мужа? Без тех, кто потом стал ей дороже всего? И как жить теперь дальше? Когда их нет?. Как к этому привыкнуть?.. Жила-то ради них...

Казалось, совсем недавно, в марте семьдесят третьего, читал Шур Шурыч свои стихи, посвящённые младшей будущей снохе Тамаре — невесте сына Вали — накануне их свадьбы 8 марта:

*...И жить аж до «золотой»!
Побольше народив сынков,
Здоровых, умных пареньков!*

...Я полистал странички и прочёл ещё раз это стихотворение, невольно остановившись на последних строчках, которые он адресовал уже своей жене:

*Жене же хвори все изжить
И долго-долго без них жить.
Счастьем деток наслаждаясь...
И внукам передать его стараясь.*

Так писал её негромкий, хлопотливый муж, построивший этот их дом, вырастивший вместе с ней троих сыновей, яблоневый сад. И всю жизнь, будучи гидрологом, искавший для людей воду.

Не золото искал в земле, не нефть, а обычную пресную воду — источник жизни, дефицит которой, по прогнозам наиболее пессимистично настроенной части экологов, грозит человечеству мировыми войнами... Всю жизнь вершил негромко для всех необходимое дело. Небольшая деталь: в первые годы, когда старший брат ушёл из семьи, он каждый месяц посылал его бывшей жене Кате в Ленинград деньги.

...Последние свои годы Евгения Александровна жила в Сургуте.

Подрастали внуки, появились правнуки. Всё вроде бы как и должно быть... Как завещал в стихах её муж Шурыч...

...Она ушла из жизни в 86 лет, окружённая вниманием и заботой большого семейства Цареградских.

Была она простой домохозяйкой, посвятившей мужу и сыновьям всю свою жизнь. Ушла без высоких почестей и наград, тихо и достойно.

Как огромное число наших российских матерей...

Память

Младший брат Юрия Александровича, Валентин, любил Самару. После выхода на пенсию он вернулся на свою малую родину, обустроив новую квартиру на улице Александра Матросова, строил гараж и дачу. Любил футбол, собирал семейный архив рода Цареградских. Мечтал снять документальный фильм вместе с Лилей Васильевной Цареградской о своём роде Цареградских, дяде Валентине-старшем. К сожалению, сделать этого не успел. Его жена Тамара Ивановна стала связующим звеном между создаваемым Фондом и Цареградскими. Передала все собранные мужем Валентином материалы, свой семейный архив рода Цареградских в Самаре, Сургуте в безвозмездный дар будущему фонду.

...Мне не привелось лично встретиться с Тамарой Ивановной. Она часто болела, лежала в больницах. Жамиля встречалась с ней несколько раз, приняла на себя часть забот в жизни больной женщины.

Тамара Ивановна много лет проработала начальником отдела организации труда Сургутского управления буровых работ (УБР-3). Приехав из Самары в 1974 году, она знала многих и

многое. Практически досконально изучила весь процесс возведения нефтяных и газовых скважин. Не ограничивала себя только кабинетной работой, будучи начальником отдела организации труда. За красивую внешность её называли царицей Тамарой.

Она интересовалась жизнью округа и судьбами людей. Когда потом жила в Самаре, часто рассказывала о непростой судьбе своих родителей, о труде нефтяников-буровиков на Севере, о Цареградских. Валентин с Тамарой взяли заботы о Евгении Александровне. После смерти Шур Шурыгча перевезли её в Сургут. Олег и Валентин оказывали постоянную материальную помощь и уделяли внимание своей родной тётке Татьяне, которая никак не хотела уезжать из Читы в Сургут. В сложные 90-е годы они помогали многим устроиться на работу в Сургуте.

Жамиля, бывая у неё дома, кое-что записала из бесед с Тамарой Ивановной:

«Как Юрий познакомился со своей будущей женой — Лилией Васильевной? Просто!

Лилия Васильевна — журналистка. Она много ездила по разным управлениям буровых работ. И не осталась незамеченной Юрием Цареградским. Он тогда был хорошо известен, его авторитет был в кругу нефтяников большой. Когда Лилия попросила его помочь в её проектах осветить жизнь и будни буровиков, он охотно согласился. Так у них завязались отношения. Вскоре они поженились. Это было в 1976 году. К этому времени Юрий развёлся со второй женой Зоей. Юрию хотелось иметь жену, подругу, товарища, друга, которая разделяла бы его любовь к профессии нефтяника. Казалось бы, и Изабелла, и Зоя одной с ним специальности, учились в одном вузе, но браки распались. И вот в его жизни появляется такой же неутомимый человек, который умеет слушать, пишет и говорит с ним на любые темы, особенно что касается труда нефтяников. Он ей помогал реализовать все её задумки профессионального журналиста. Потом она стала членом Союза журналистов России, директором Северо-Сибирского издательства, главным редактором газеты «Читающая Югра». Много занималась, помню, с музеями. Была составителем и автором, редактором многих книг по истории Ханты-Мансийского округа.

Рождение их сына Александра в 1978 году, преемника его профессии, для Юрия было важно. И старшего сына Бориса он

пригласил в Сургут из Прибалтики. Поработать в Сургуте, посмотреть и затем уже учиться в Москве в институте нефти и газа им. Губкина. Борис так и поступил. Приехал в Сургут после смерти отца в 1986 г. Поработал год и поступил в Московский вуз. Выбрал профессию отца. Лиля очень хорошо приняла в семью Бориса. Боря внезапно умер: остановилось сердце. Общаюсь со всеми Цареградскими, Лилия Васильевна выросла в своей профессиональной сфере и сделала в журналистике немало.

Руководство «Сургутнефтегаза» и администрация Сургута всегда поддерживали её инициативы. После смерти Юрия мой муж Валентин, Олег и управление УБР-1 всегда приходили ей на помощь. Если она обращалась за поддержкой, то она её получала. В воспитании сына Саши (сын Юрия и Лилии. — прим. автора) Валентин как дядя всегда старался найти время для общения. Саше было 7 лет, когда не стало отца в 1985 г. Мать часто была в разъездах, и он обычно был с моими сыновьями. Они и сейчас очень дружны. Валентин научил парней многому, всему тому, что сам умел и делал по дому. Нефтяники чтут память Юрия. Сын Александр пошёл по его стопам. К выходу на пенсию Валентин часто разговаривал с Лилей, и были попытки создать семейную историю рода Цареградских. Но как-то всё не хватало времени. Лилия в последние годы чаще болела и энергии поубавилось. Мы уехали в Самару. Каждый был занят своим делом. Возможно, в помощниках вашего Фонда будет Эльвира, её дочь и внучка Валерия. Они многому научились в профессиональном плане у Лилии Васильевны. Я прожила в счастливом браке с мужем Валентином 42 года. Лилия, прожив яркую, не столь долгую жизнь в браке с Юрием, была и останется Цареградской».

В другой раз, уже в больничке, отягощённая болезнью, светлея лицом, как бы подводя некий итог и будто поглаживая своей, уже не очень послушной рукой и малых, и старых по головке, всех любя, говорила:

«После смерти Юры, когда родился у нас второй сын, мы его назвали в его честь — Юрием. В новый музей нефти и газа, который был открыт в Ханты-Мансийске по инициативе его жены, журналистки Лилии Васильевны, мы передали много вещей, документов. Там есть экспозиция, посвящённая Юрию Цареградскому.

На Рубежном кладбище в Самаре, когда мы рядом с их отцом похоронили моего мужа в 2014 году, я решила сделать памятник не только мужу, но и обновить памятники его брату и отцу. Дети мои, Дмитрий и Юра, и сын Юрия Александр меня поддержали финансово. Мы установили новый единый мемориальный комплекс Цареградским, отцу Александру Александровичу и его двум сыновьям Юрию и Вале...

Такая вот траектория полёта: от дома с яблоневым садом на Волге до Полярного круга... И назад».

* * *

Красивая женщина, яркая представительница семейной династии нефтяников Цареградских, Тамара Цареградская ушла из жизни в феврале 2016 года в Самаре, пережив своего любимого мужа на год и семь месяцев.

Компания «Сургутнефтегаз», руководители её структурных подразделений, дети, внуки, племянники Цареградские, её родственники, друзья, сослуживцы проводили свою царицу в последний путь в Сургуте.

Трудовая династия в действии

Дом в Самаре, в котором выросли братья Цареградские, где их окружал домашний уют, наполненный бесхитростными радостями их родителей и их собственными заботами, куда они возвращались порой, чтобы отогреть душу, ещё долго, как тихая гавань, хранил память об ушедших в большое плавание...

Потом такой «гаванью» или пристанью для Цареградских в Сургуте станет квартира старшего из братьев. В ней были свои традиционные сборы, чаще всего совпадающие, связанные с официальными праздничными датами.

Юрий Александрович любил своих многочисленных родственников. И всегда заранее готовился к встречам. Так хотелось почувствовать домовитость, единение, родство близких людей, унаследованные от родителей.

* * *

Сейчас на слуху в Сургуте другие имена. Время идёт. От Евгения периодически мне приходят новости.

В апреле 2015-го состоялся слёт буровых мастеров. На нём по традиции награждали победителей соревнования между буровыми бригадами премией имени Александра Викторовича Усольцева. Это имя мне теперь тоже хорошо известно.

И имена победителей конкурса: мастера Евгения Корлякова, Василия Кондрашова — тоже теперь знают у нас в Самаре. Среди них и Александр Юрьевич Цареградский — сын основателя династии буровиков Юрия Цареградского и известной журналистки Лилии Васильевны Цареградской. Он получил высшее образование, окончив заочно Тюменский нефтегазовый университет. Начинал помбуром в Сургутском УБР-1 после демобилизации в армии. Продолжил — инженером по бурению. Работал заместителем главного технолога предприятия, начальником технологического отдела.

Не усидел в кабинетах. Ушёл в буровую бригаду. Снова начал с должности помощника мастера, вскоре стал мастером буровой бригады. Александр Юрьевич — основатель и организатор конкурса «Лучший инженер по бурению ОАО «Сургутнефтегаз», обладатель звания «Лучший по профессии». В отца!

Коллективу бригады бурового мастера А.Ю. Цареградского в 2014 году были поставлены задачи по обеспечению качественного строительства скважин. Необходимо было апробировать новые рецептуры тампонажных, буровых растворов. Подготовить внедрение совершенных методик, дающих качественное цементирование. Требовалась чёткая организация работ и крепкая дисциплина. Задачи были выполнены.

* * *

Младший сын Валентина Александровича, Юрий Валентинович, окончил в 2006 году Сургутский нефтяной техникум, заочно — институт и успешно работает в ПТО ведущим инженером.

Трудовая династия продолжается!

Старший сын Валентина Александровича Цареградского, Дмитрий, и его супруга, Марьям, — профессиональные программисты. Окончили институт в Москве и приехали в Сургут.

Сейчас Дмитрий возглавляет информационно-аналитический отдел в городской Думе.

Дочь Юрия Александровича, Эльвира, с 1998 года успешно возглавляет издательский отдел РИИЦ «Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз».

Я не берусь называть всех потомков Цареградских. Их немало. Они молоды. У них многое впереди. И о них ещё будет сказано.

Продолжателям сургутской династии нефтяников есть чем дорожить. Трудовой её стаж — более 200 лет. Это без учёта работы старших Цареградских на месторождениях нефти в Поволжье.

На таких трудовых династиях, сцементированных десятилетиями совместной работы, держится очень многое. И сегодня успех «Сургутнефтегаза» очевиден. «Сургутнефтегаз» — лидер в России по дивидендной доходности. Акционерное общество является одним из крупнейших налогоплательщиков в стране. За последние пять лет компания запустила 15 месторождений, ещё 19 месторождений в Западной Сибири и Восточной Сибири собирается запустить в следующую пятилетку.

В 2015 году стотысячный коллектив компании добыл 61,6 млн тонн нефти и 9,5 млрд кубометров газа. «Сургутнефтегаз» по итогам года — одна из самых доходных нефтяных компаний в мире.

Создание в Западной Сибири северного «Третьего Баку» по своему масштабу, напору физических и моральных сил, по числу вовлечённых судеб людей после победы в Великой Отечественной войне, во второй половине XX века не имеет себе равных.

И потому так важно знать и помнить имена тех, чей приход в далёкий северный край преобразил «медвежий угол» России, превратив его в колоссальный нефтегазовый комплекс страны.

Птица-Тройка

Я отодвинул чуть в сторону на своём рабочем столе только что законченную мной рукопись и... вздрогнул, едва закрыв глаза. словно прозвучал какой-то щелчок... И включился некий аппарат...

Перед моими глазами вновь, как «на экране памяти», чередой пошли один за другим в замедленном темпе чёрно-белые кадры...

Замелькали силуэты, лица людей, с которыми я сроднился, сидя в архивах, в библиотеке, музее. Сроднился, когда писал о них. Ни разу, пока писал, не заговорили они моим голосом. Не оттого,

что я чувствовал своё художественное бессилие, а потому, что это-то мне было не нужно. Бесконечно дороги были, как и раньше, именно их голоса, прорывающиеся из далёкого времени...

...Слышался мне под стук колёс поезда голос слесаря из Сызрани, имя которого уже уплыло из моей памяти. Как он был горд за дела своего земляка-инженера: «Некоторые сочиняют. Шут с ними. А ты напиши дельное. Как было».

Он будто меня закодировал.

И я писал, всё больше радуясь за людей пытливой мысли, удивляясь и досадуя, как мало сам знаю и не всё сделал, что задумал. Отмечал, как много значит удачное соединение научной мысли и инженерной практики. Как важна обоюдная связь: учитель — ученик! Если они единомышленники! Как много когда-то стояло за званием «инженер»! Сага моя в первую голову о них... инженерах.

Вернём ли мы первородную суть инженерному труду?

И как важен дух романтики, первооткрывательства!..

— Откуда бралась такая энергия созидания? — не в первый раз задавал я себе вопрос.

...Тёмно-серые силуэты жителей сёл Никольское, Кондаковки с исчезающими их родовыми гнёздами в неумолимых волнах рукотворного моря, до этого таявшие в пучине революций и гражданской войны соотечественники...

...Ушедшее поколение потомков, которое в предвоенные и военные годы осваивало богатства Сибири, дало такое приращение мощи, что страна выстояла. И поднялась!

...Пошли в памяти кадры ещё недавно малознакомых мне Алдана, Индигирки, Магадана... Широкоформатные картины природы, притягательные лица северян... Одухотворённые лица Цареградского, Билибина, Серпухова, Смирнова...

Десятки, сотни лиц. Тех, кто не попал в мою рукопись...

Я не хотел с ними расставаться. Они стали частью меня, не только частью нашей общей истории.

...В который раз казалось мне, что я не всё сказал, что мог. Не так внятно и убедительно. Не сказал о военном лихолетье... Но о нём особый разговор, об этом времени должна быть отдельная книга, хватило бы сил. Удерживал себя, чтобы не начать вновь делать добавления, расставлять акценты в своей рукописи. «Это только начало, — успокаивал я себя. — Я теперь,

после приобретённых знаний и пережитого, стал иным, в том числе и более подготовленным к продолжению повествования. И потом — другие, которые усерднее меня, найдут и факты, и нужные слова, чтобы воздать должное. Нельзя всё сразу...»

...Лица людей поколения 30-40-х, 60-70-х годов... Я вновь был с ними... Пошли перед глазами кадры с силуэтами буровиков Поволжья, Сургута. И среди них лица братьев Цареградских. Третье поколение известного мне теперь рода.

Как много свершено в эти годы!

Многие из того поколения ушли раньше срока. Мы знаем, как сгорали их жизни на ветру...

Но есть четвёртое поколение. Оно живёт и действует. Молодое и азартное!

* * *

Вновь вспомнились дневниковые записи Франца Кафки о России: «...Лучше, чем тройка Гоголя, её выражает картина великой необозримой реки с желтоватой водой, повсюду стремящей свои волны, волны не очень высокие. Пустынная растрёпанная степь вдоль берегов, поникшая трава...»

Я живу на берегу Волги. Это сказано и обо мне? О нашей жизни. Так сказал человек, которого причисляют то к авангардистам, то к консерваторам. Третьи называют его пророком...

...Это написано человеком, не выезжавшим за пределы Европы, не бывавшим в России. Так меня взволновавшие совсем ещё недавно, когда я начал знакомиться с жизнью Цареградских, строки сейчас не притягивали к себе... Я столько передумал... Ну, сказал писатель и сказал. Написал же он в том же своём дневнике в 1914 году: «23 мая. Сегодня вечером от скуки три раза подряд мыл руки в ванной». Всякое бывает...

Слишком далёкой для многих казалась Россия. Неохватной! Вместившая столько в себе, не каждому видна она с дальнего расстояния такой, какая она есть...

Успокоюсь, но ненадолго. А если всё же она — птица-тройка, Россия?! То куда она мчится?.. Во что превратятся труд, стремления, отвага, подвижничество и усердие славных её сынов! Знаменитых и безвестных, но так преданных ей! Веривших в неё!

Самара, 2014-2017 гг.

«Мы пришли сюда молодыми, мы отдали этому краю лучшие свои годы и нисколько не жалели об этом, потому что мы были здесь счастливы, потому что труд наш был захватывающе интересным и созидательным...»

В.А. Цареградский

Валентин Александрович Цареградский

Послесловие

Золотые страницы нашей истории

Книга Александра Станиславовича Малиновского «Сага о первооткрывателях» посвящена судьбоносным для России историческим событиям, участниками которых были представители династии Цареградских, посвятивших всю свою жизнь геологии: исследованию недр, добыче золота, нефти и других стратегически значимых полезных ископаемых. Благодаря героическому труду геологов-первопроходцев наша страна смогла войти в число ведущих государств мира по золото- и нефтедобыче, надёжно укрепить промышленность, оборону, здравоохранение, образование, социальную сферу и стать первой в мире космической державой. Большое внимание уделено жизни Валентина Александровича Цареградского, Героя Социалистического Труда, уроженца Самарской губернии, одного из главных организаторов Колымских экспедиций, его соратников, родственников и близких людей, многие факты из биографии которых были неизвестны и впервые приводятся в этой книге. Многогранная личность, обладающая одновременно талантом учёного, писателя, поэта, художника, В.А. Цареградский предстаёт перед нами как отважный человек, надёжный товарищ, многоплановый руководитель, проявляющий заботу о людях и их здоровье. Примером тому служит строительство по его инициативе курорта «Талая» и экспериментального санатория «Мотыклей», которые помогли восстановить здоровье тысячам колымчан в годы Великой Отечественной войны и десяткам тысяч — в послевоенное время. Научные исследования

гидроминеральных ресурсов Магаданского края, проведённые В.А. Цареградским, послужили основой для развития новых направлений в науке о земле, одним из которых является медицинская геология. Понятие «первооткрыватель» включает в себя очень многое. Кем были эти люди? Какими качествами они обладали? Что лежало в основе сделанных ими открытий? На эти и другие вопросы отвечает «Сага о первооткрывателях». Имена многих наших соотечественников, имевших отношение к открытию месторождений золота, нефти и природного газа время безжалостно стёрло из памяти современников, но писатель убрал паутину забвения, и вновь ожили их светлые образы, поражая нас силой личностных качеств, несгибаемой волей, масштабами намеченных целей и результатами проделанной работы. История открытия и разработки месторождений нефти и газа в Поволжье демонстрирует большую эффективность совместной работы учёных на стыке наук, поэтому представители любой профессии здесь найдут для себя много полезного, интересного и поучительного. Лично меня очень заинтересовала история о том, как наш земляк, инженер-химик А.М. Маркин, смог принести большую пользу медицине, разработав новую технологию производства ихтиола из сланцев Кашпирского месторождения, что является ещё одним ярким примером тесной связи медицины и геологии. Автор исторической повести о первооткрывателях, являясь известным учёным, даёт нам возможность узнать о научных геологических школах того времени, ощутить тонкую взаимосвязь времён, оценить важность исторических событий и научных открытий, происходящих не только в прошлом, но и в настоящем времени. Созданный им из разрозненного архивного материала исторический калейдоскоп достоверно и ярко показывает современным читателям этапы становления золотопромышленной отрасли и нефтедобычи в России, сохраняя при этом дух и образ жизни многих поколений геологов.

Д.В. Воробьёв,
д.м.н., профессор, академик МАНЭБ и АМТН РФ,
президент Регионального Волжского отделения МАНЭБ

Радость первооткрывательства

Каждый из нас — первооткрыватель. Явившись в этот мир, мы открываем для себя Солнце и небо, звёзды и Луну. Открываем новые горизонты жизни, науки и творчества. Только часто мы утрачиваем или просто забываем это чувство первозданности, первичности, новизны. Чувство, которое приносит радость. Радость преодоления, радость движения, радость жизни...

Предлагаемая вниманию читателя книга о первооткрывателях-геологах, учёных, исследователях Северо-Востока нашей страны, или Крайнего Севера.

Книга по своему жанру — сага, сказание о времени, по большей части — первой трети XX в. Для советской страны это было время активной индустриализации, промышленного «скачка», рывка, призванного изменить структуру промышленности. Иными словами, это период технологического перехода и смены технологических укладов.

Почему сегодня, по прошествии 90 лет, автор возвращает нас к изучению опыта предшественников? Читатель попадает в 20-30-40-е годы прошлого столетия, когда в советской промышленности создавались предприятия-гиганты. Организация, внутренние механизмы работы таких производств, управление, внедрение результатов научных изысканий в производство представляли научную значимость никак не меньше, чем сегодня. Технологические перемены предполагают серьёзный инвестиционный рост, в т.ч. и венчурное (рискованное) финансирование. В условиях советской экономики рубежа 20-40-х годов только государство обеспечивало финансирование в промышленное строительство. Золото выступало как стабилизатор (фундамент) бумажно-денежного обращения, где в промышленное строительство были вовлечены громадные трудовые ресурсы. Ко всему прочему золото и другие драгоценные и цветные металлы использовались во многих отраслях промышленности, выступая незаменимым сырьём для производственного процесса.

Читая книгу, мы видим, что инновационная цепочка от разведки до промышленного освоения в условиях 1930-х гг. была короткой и выстраивалась внутри одной организации

— треста Дальстрой. От идеи до начала промышленной разведки прошло два года. Ю. Билибин, инициатор и руководитель Первой Колымской экспедиции, сделал научный прогноз и высказал предположение о существовании золотого Тихоокеанского пояса Земли, «золотой пряжки» на этом поясе в пределах территории России. И эта «золотая пряжка» лежала на Колыме и Чукотке. Идея золотой жилы, пояса на Колыме, стала воплощаться в жизнь и приобрела материализованное выражение. Она изменила облик Крайнего Севера. Имела невероятное расширение и реализацию. Эта идея не имеет одного автора. Но главные причастные к ней люди — известные: они выпускники Ленинградского Горного института. Эпоха 20-30-х чаще именуется в научной литературе сталинской или ускоренной индустриализацией. Социальная и нравственная цена промышленного скачка, который сделала страна в этот период, была чрезвычайно высока. И в то же время автор показывает, что новаторство, энтузиазм и творчество составляли неотъемлемую часть эпохи, где промышленное творчество молодых учёных представляет собой первые опыты сближения науки и производства. Научные и промышленные достижения треста «Дальстрой» — это реализованные на практике идеи учёных-геологов.

История освоения Северо-Востока — история раскрытия силы духа человека, неустанно думающего, изучающего, ищущего, экспериментирующего, несмотря на трудности суровой природы, тяжёлые условия жизни и работы. Это история научного поиска, промышленного и культурного преобразования огромной части нашей страны.

Основу промышленного освоения Севера составляли результаты научных изысканий и исследований, связанные со строительством Сибирской железнодорожной магистрали ещё в конце XIX в., но главную роль в открытии золотоносных месторождений сыграли научные экспедиции 1920-1930-х гг. В 1928 г. в Советской России была организована первая геолого-разведочная экспедиция Геологического комитета ВСНХ на Колыму под руководством Ю.А. Билибина. Её задачей было разведать золотоносные районы, на основе которых впоследствии можно добывать золото в промышленных масштабах. Последующие экспедиции (1930-1937 гг.) под

руководством Валентина Цареградского продолжили планомерные исследования Крайнего Севера. Но Первая Колымская была самой важной. В составе Первой Колымской экспедиции было всего 23 человека, которые в течение полутора лет в условиях бездорожья и экстремального климата Крайнего Севера, практически не имея нужного провианта и необходимого снаряжения, претерпевая голод, холод, успешно решили главную задачу — нашли значительные месторождения золота. Эта работа заложила основу хозяйственного развития Крайнего Севера нашей страны, а также подготовила научно-обоснованный прогноз, связанный с перспективами добычи золота и других драгоценных металлов. Участники этих экспедиций были первыми разработчиками географических и геологических карт для больших территорий, маршрутов. Чертили и рисовали будущие дороги и трассы, пройдя пешком и водным путем сотни километров ещё в Первой Колымской экспедиции. Сделанные открытия создали основу для работы тысяч людей треста «Дальстрой». Благодаря этому труду, творческому и каторжному одновременно, на Северо-Востоке была создана не только золотодобывающая, но и другие необходимые важные отрасли отечественной промышленности. Результаты Первой Колымской и выбранная верная стратегия, методика поиска промышленного золота Юрием Билибиным и последующих экспедиций под руководством Валентина Цареградского создали возможность добывать до 80 тонн золота в год, что составляло почти половину всей золотодобычи СССР (46,3 %). В предвоенные и военные годы это имело колоссальное значение.

Среди участников первых экспедиций были в основном выпускники Ленинградского горного института: ставшие впоследствии известными геологи Ю.А. Билибин и наш земляк В.А. Цареградский. В книге читатель найдёт немало интересных страниц об этих и других людях науки и производства. Большая часть её посвящена В.А. Цареградскому, его жизненному пути, становлению личности будущего Героя Социалистического Труда, заслуженного геолога, формированию династии геологов и нефтяников. Перед читателем открывается недавнее прошлое нашей страны, предстают люди — геологи и нефтяники, учёные и производственники,

основатели и последователи, ушедшие и ныне живущие. О них автор пишет с уважением и теплотой. Опыт научно-промышленной экспедиции под руководством Ю. Билибина и В. Цареградского, описанный автором, безусловно, может быть полезным историкам и достоин изучения, осмысления и научного обобщения. Ю. Билибин — выпускник Горного института 1926 г. Вуза, который имел сильную научную школу, традиции, к тому времени насчитывающие уже более полутора веков. В годы Ю. Билибина, В. Цареградского в Горном институте заведовал кафедрой горных руд известный геолог Карл Иванович Богданович. Он неоднократно высказывал предположение о возможных запасах драгоценных металлов на Крайнем Севере в районах Охотского моря и Чукотки. Известно, что студенты и К.И. Богданович тесно общались в процессе учёбы в геологических лабораториях. Кто и как формировал то, что молодой горный инженер Ю. Билибин потом назовёт «интеллектуальным достоянием»? Какой была научная атмосфера в Горном институте? Чем жили преподаватели и студенты того времени? Вы найдёте ответы на эти вопросы в книге А. Малиновского. Студенты и преподаватели совместно, рука об руку трудились в лабораториях. Туда брали далеко не каждого, это право студенту надо было заслужить соответствующими результатами в учёбе, старанием и стремлением к поиску нового. Александру Малиновскому удалось обобщить опыт предшественников, учёных, кто своим трудом закладывал фундамент благополучия и процветания нашей страны. Книга сочетает в себе научную достоверность и художественную выразительность. При этом автор создаёт ощущение участия в событиях давних лет. Историко-художественное решение его базируется на принципах преемственности поколений Цареградских, Билибиных. Тем книга привлекательна и полезна широкому кругу читателей, интересующихся наукой, историей своей страны. Писатель освещает исторический путь, пройденный группой геологов, которые разными жизненными путями шли к единой цели, единому устремлению, горя жаждой первооткрывательства. Малиновский, глубоко погружаясь в историю, сам проходит путь от истоков исследования и освоения новых территорий Северо-Востока страны до раз-

работки месторождений полезных ископаемых. Основная линия повествования выстроена вокруг личности простого человека, учёного, первооткрывателя. В этом и историческая, и научная ценность труда А. Малиновского. Дана панорама ярких образов, самых разных сторон повседневной жизни поколения, юность которых проходила в 20-40-х годах. Повседневная жизнь учёного, его формирования как личности, как исследователя, факторы, определяющие успешное развитие таланта учёного — тонкая тема для исследования, лежащая на грани разных наук, не только гуманитарных. Глубоко изучена автором и представлена читателю история отдельных научных экспериментов, научных экспедиций, поведения отдельных персонажей в условиях повседневного и экстремального быта наиболее яркими образами первооткрывателей. Книга интересна. Она имеет не только научный, но огромный воспитательный потенциал. Мечта об открытии «золотой пряжки» золотоносного пояса Земли на Крайнем Севере в те годы казалась многим несбыточной, хотя завораживала и манила особенно смелых. Период золотого взлёта, золотого века геологии и бурного роста начался с «золотого векселя Билибина» и «Плана развития геологоразведочных работ на Колыме».

Далеко не каждый вузовский профессор работает в жанре научно-популярной литературы. А.С. Малиновский, профессор, доктор технических наук, заслуженный изобретатель России, — исключение из правил. Увлёкшись историей жизни и деятельности нашего самарского земляка В.А. Цареградского, он просто и живо повествует о своём герое. Проведя многие годы в студенческой аудитории, за лекционной кафедрой, А.С. Малиновский прекрасно овладел навыками интересного рассказчика. Открыв для себя историю жизни В.А. Цареградского, он увлечённо и радостно делится полученной информацией с читателем.

Приглашаем и Вас, уважаемые читатели, стать первооткрывателями, открыть для себя самые разные, новые грани жизни и судьбы страны, её граждан.

Н.Ф. Тагирова,
доктор исторических наук, профессор
Самарского государственного экономического университета

Содержание

Александр Громов. Книга открытий3

Глава 1. ИСТОКИ, ИЛИ ВОЛЖСКАЯ АТЛАНТИДА

У истоков	10
Моё путешествие.....	13
Люди пытливого ума.....	16
В анкетах не значились.....	17
Мой невольный эксперимент.....	18
Стране нужны созидатели	20
Село Никольское-на-Черемшане.....	21
В селе Кондаковка.....	26
Тонкие нити	28
Сёстры Цареградские.....	31
Мой помощник из Сургута.....	33
Встреча в школе	35

Глава 2. НА ПОДСТУПАХ К ДЕЛУ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Годы студенческие	38
Гадюка для бухгалтерши	43
Революционный матрос и коза Катька.....	44
Горный ковбой.....	45
«Я — Юра!».....	47
Средний брат Володя	49
Катя.....	51
Гранит науки.....	54
Будущий «Золотой Моцарт» и «Бледнолицый брат»	56
Десять размоченных горошин.....	59
Единомышленники	62
«...Доказать усердие к услуге Отечества».....	66
На Алдан!.....	69
Эрозия неактивности.....	71
«Сено-солома»	73

Глава 3. ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ КОЛЫМСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

У истоков большого золота.....	76
Страницы прошлого Колымы.....	77
Благородный металл	79
На Алдане	83
Пробойный Вольдемар	86
Трудовая артель	90
Старатель Тарабукин	92
На ручье Незаметном	94

Жизнь приисковая	97
Валютный цех страны.....	100
«Позвольте представиться...»	101
Где и как искать?	103
Новые друзья	104
Надёжный последователь	110
Золото Охотского района	111
Клятва	113
«Гореловские жилы» и неприкаянный Бориска	114
У ключа Безымянного	117
Неудержимый мечтатель.....	118

Глава 4. ДЕРЗКИЙ ДЕСАНТ

Вернувшись с Алдана...	124
Встреча с человеком-легендой	125
От Ленинграда до Владивостока	128
На «Дайбоши-Мару» до Олы.....	131
На каменистом берегу Охотского моря.....	133
Опасный поединок.....	136
На Среднекане.....	140
А в это время в Оле...	141
Голод.....	145
Встреча на Среднеканской базе	149
На ручье Безымянный	153
Второй сплав Билибина	154
Надёжный человек.....	156
Начало Золотой Колымы	157
Природная бутара на Утиной.....	159
Новый план	160
Характеры.....	160
Задорный подросток	161
Мечты, мечты...	167
Проводник Макар Медов	167
На Встречном	169
Его величество случай	170
Возвращение	173
От Олы до Владивостока.....	175
Бригантина.....	176

Глава 5. ТАЁЖНЫЕ МАРШРУТЫ

Вновь Оротукан и Среднекан.....	182
Сборы.....	183
Владивосток.....	190
Домашний цветок цикломен.....	191
В бухте Нагаева	196

Убийство на базе	199
Начало полевых работ	201
Пачколин и находка Дзевановского	205
К реке Хасын	207
Долгожданная удача	209
Неожиданные потери	213
На оленях до Оротукана	215
В пути.....	216
На Оротуканской базе	220
Ручей Золотинка	223
Письмо Евгения.....	225
Время отъезда.....	227
Верхне-Колымская экспедиция	228
Поповские ямы.....	230
Итоги Третьей Верхне-Колымской	231
Вновь «Гореловские жилы»	232
«Я жить решался на часы»	235
Золотая река — Индигирка!.....	237
В пути.....	241
Дан приказ!	242
Через перевал.....	244
У юрты Софрона.....	245
Вниз по Индигирке	247
Там, где стояла юрта Софрона	249
Индигирское содружество	251

Глава 6. РУСЛО СУДЬБЫ

На геолого-разведочной базе	258
Трест «Дальстрой».....	269
«Я обеспечил вам нормальную жизнь, вы должны обеспечить мне план»	273
Вексель Билибина	277
Среднеканская дайка	284
«Ты сильный!..»	286
«Убываю в командировку и в отпуск...»	288
После «Дальстроя».....	
Золото на сапогах.....	292
Венгерский танец Брамса.....	297
Борьба продолжается.....	302
Сын крепостных крестьян	311
Времена не выбирают... ..	317
«Металл № 2».....	320
По следам касситерита	322
На самой окраине Северо-Востока	323

В ельнике	329
Найда	330
«Володя приехал!»	331
Вызов к Сталину	333
Точки Серпухова	335
Штурм Чукотки	336
Широким фронтом.....	338
Письмо от Евгения.....	340
Он любил цветы.....	341
Труженик.....	344

Глава 7. В ПОИСКАХ «ЧЁРНОГО ЗОЛОТА»

Великие имена. И имена забытые	354
Жизнь — как легенда!	355
Основатель нефтяной геологии в России	358
Сланцы Кашпирского месторождения.....	360
Главный инженер.....	363
«Второе Баку»	367
«Нефть под Сызранью.....	368
Сын фронтового фельдшера.....	370
Из породы людей, прославляемых в песнях.....	372
Он сражался за свои убеждения до конца	373
«Премьер» нефтегазовой отрасли	373
Ученик Вернадского.....	375
Первый газовый фонтан	378
Иван Михайлович Злыгостев	381
Выпускник Московского нефтяного института	385
Вести из Сургута	390
Дом с яблоневым садом.....	391
Выбирай, что по душе!.....	395
Старший брат	399
Предложение Муравленко	401
Стержень его жизни.....	403
Младший брат Валентин	405
Средний брат.....	408
Полярная экспедиция в Надыме	410
Тихая гавань.....	411
Память	412
Трудовая династия в действии.....	415
Птица-Тройка	417
Д. Воробьёв. Золотые страницы нашей истории	421
Н. Тагирова. Радость первооткрывательства	4230

Литературно-художественное издание

Александр Станиславович Малиновский

САГА О ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯХ

Документально-художественный роман

Подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 10.10.2017. Формат издания 60x90/₁₆.

Объём 27,0 печ.л. Гарнитура Charter.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 200 экз.